

ШОЛОХ

АКАДЕМИЯ
БУРЯ

АНТОНИНА
КРЕЙН

ЗЕРКАЛА

УМЕЮТ

ХРАНИТЬ

СЕКРЕТЫ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Академия Буря

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Академия Буря / А. Крейн — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-121071-7

Ладиславу Найт ждут непростые полгода. Пытаясь убежать от себя, она отправляется на далекий остров Этерны. Берти Голден-Халла – детектив – тоже скрывается от прошлого. И вместе с ним Лади готова нырнуть в опасное расследование. Древние тайны, магическая Академия и остров, полный загадок. Буря разразится через три, два...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121071-7

© Крейн А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие. Добро пожаловать в Бурю!	6
1. Новенькая на острове	8
2. Спальня номер тринадцать	14
4. Близнецы с секретом	20
3. Великая Трапезная	26
5. Исход лета	33
6. Ей придется ускориться	43
7. Круг замкнулся	48
8. Ночной разговор	56
9. Корпус загадок	60
10. Ладислава бегают и раздеваются	69
11. Морган пьет	79
12. Авансцена Бури	86
13. Плач в темноте	94
14. Признаки снега	97
15. Великая подготовка	103
16. Ловкокрабсы и музыка	108
17. Кризис Голден-Халлы	111
18. Долгая ночь	116
19. На всю Этерну	122
20. Мы выпишем чек	129
21. Улитки-улиточки	137
22. Высокий сезон Хромой башни	141
23. Не. Случилось. Ничего. Страшного	147
24. Помощница детектива	152
25. Драки и вероятности	160
26. История Винтервиллей	164
27. Атолл Невервайл	171
28. Подлючий, несанкционированный	179
29. Голубя обаял	184
30. Кадет Найт	191
31. Ту-ту-дух-дух	198
32. Берти, позволь, я продолжу	207
33. Рушился город	215
34. Леший-энтузиаст	222
35. по бильярду	230
36. Ниже, еще ниже	237
37. Истинная Этерна	255
Эпилог. Гексагональная библиотека	263
Энциклопедия «Доронах»	270

Антонина Крейн

Шолох. Академия Буя

© Крейн А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

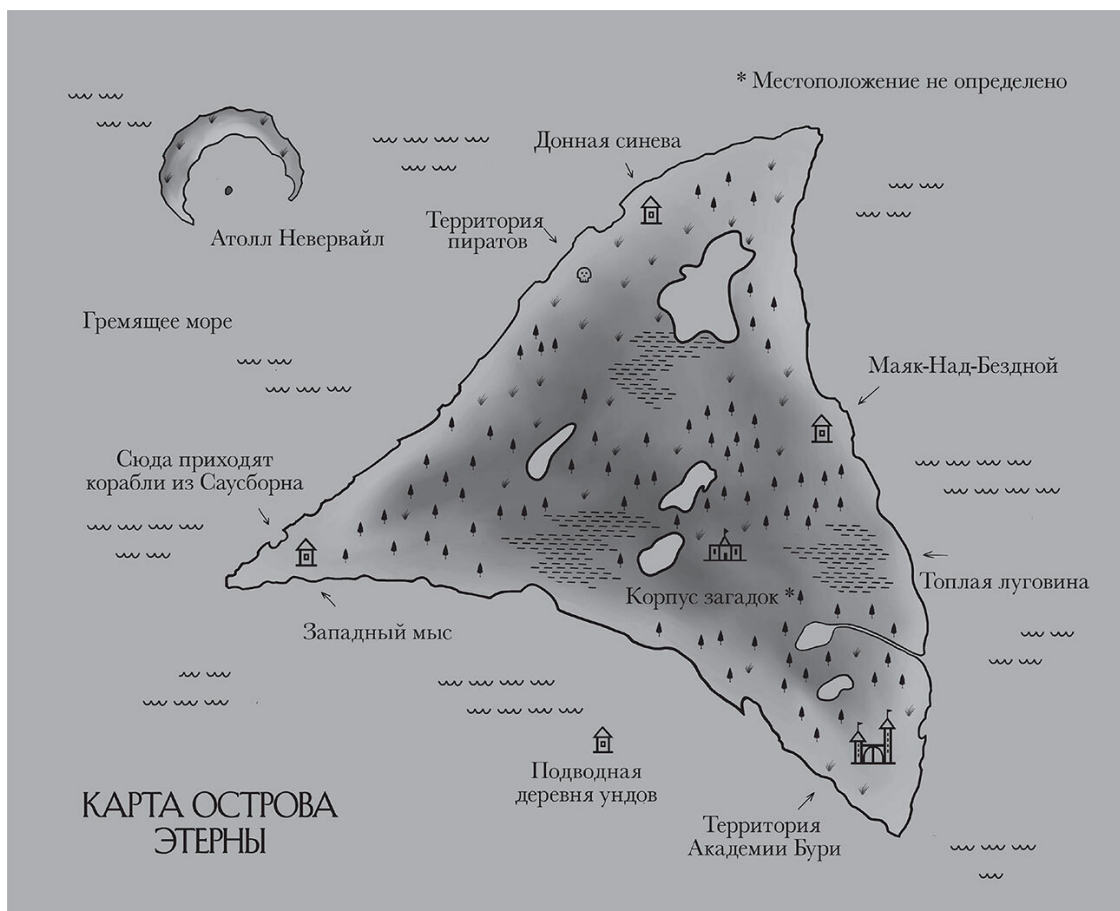
Предисловие. Добро пожаловать в Бурю!

Пока жизнь Ловчих в Шолохе идет своим чередом и неизбежно разворачивается в сторону новых приключений, весь остальной материк Лайонассы тоже не скучает.

Судьбы его жителей полны своих драм и загадок, которые иногда вплетаются в знакомое полотно. И, возможно, однажды самостоятельная история, случившаяся за сотни километров от Шолоха, в далекой островной академии, сыграет свою роль в судьбе Ловчих и хранителей.

Так что добро пожаловать в Бурю!

Пожалуйста, не забудьте назвать свое имя и род деятельности, когда будете пересекать границу королевства Асерин, что раскинулось на самом юге материка.

1. Новенькая на острове

В Асерине вы можете получить высшее магическое образование в трех местах: в Королевском университете Минагора, в Пурпурном университете Саусборна и в Академии Буре, расположенной на удаленном острове Этерны.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся

Ладислава Найт облокотилась о шершавый борт корабля и с любопытством посмотрела на землю, выплывшую из-за горизонта.

Остров Этерны!

Настоящий край света – ниже на карте ничего и нет. Дикий берег, облюбованный рыбаками и магами. Три деревни, одна академия, две тысячи жителей и море надежд. Финальный пункт ее путешествия, яркий аккорд – по крайней мере, так задумано.

Лишь бы все получилось...

Девушка стояла одна на палубе крохотной шукки: остальные пассажиры сидели в кают-компании. Сплошь крестьяне, жители острова, они возвращались домой после ярмарки на материке.

Ладислава смахнула с глаз светлую челку. В шерстяной пастушьей накидке было изумительно тепло, яркая бахрома по краю подпрыгивала на ветру в нетерпении: скоро уже приплывем? Маленький саквояж в руке был наполнен деньгами. Ладислава пока не знала, как распорядится свалившимся на голову богатством, но мысль о нем уже доставляла девушке удовольствие.

Впрочем, не меньше радости дарил и пейзаж: море вокруг горело иссиня-золотым... За золото отвечал закат: солнце барахталось в мягких волнах, поблескивая от щекотки.

Ему навстречу из-под воды выползала свинцово-мрачная тень, напоминая о неумолимо подступающей осени. Сам остров Этерны приближался, величаво набухая, будто сливки в руках умелой взбивальщицы.

Странное это место, говорят. Древнее. Неприкаянное.

Ладислава хотела достать блокнот и зарисовать остров на память, как вдруг...

ВШШШШШШУХ.

Найт охнула и схватилась за борт, когда вода под кораблем стремительно стала убывать, бурля и заворачиваясь в темные спирали. За считанные мгновения по бокам от шукки появились острые скалы, похожие на каменные пальцы.

Из кабины выскочил капитан.

– Д'гарровы чародеи!!! ОПЯТЬ?! – взревел он, всплеснув руками. – Майверус! Быстро сюда! Спасай нас от рифов, живо!

Со всех сторон повыбегали моряки, а из откинутой крышки трюма вылез пожилой колдун. Ругнувшись, он закатал рукава лоскутного свитера: на запястьях сверкнули два красных браслета-накопителя. Одной рукой маг ухватился за штурвал, другой начал выплетать узорчатый танец магической формулы.

Вибрация! Удар!

Судно скрипнуло и, закатив паруса, как глаза, стало медленно заваливаться набок. «Не спас!» – хладнокровно отметила Ладислава.

– А-а-а-а-а! – дружно завопили пассажиры где-то в утробе шукки.

Борт неумолимо взмывал вверх – соразмерно тому, как опускался другой.

– Havern`oi, siib a`grah! – надрывался чародей у штурвала. – Kraa-kren, kraa-kren, kraa-kren!

– Козлы! Все маги – козлы! Опять из-за них все пошло по жвылковой хряське! – стонал капитан, обеими руками вцепившись в борт рядом с Лади.

Ладиславе тоже хотелось ругаться. Может, она даже научила бы моряка паре емких фраз – прямоком из жандармского корпуса, – но рот был занят: в зубах Ладислава сжимала перемычку драгоценного саквояжа.

Так что Найт висела молча и недоумевала, ибо судно, встав почти вертикально, замерло. И больше не тряслось. О борта не бились волны, пробойн не наблюдалось. Как-то по-другому утлые шукки должны налетать на рифы...

Ладислава скосила глаза на капитана. Он продолжал масштабно сквернословить, но в целом не казался героем чрезвычайной ситуации. Да и хоровое «а-а-а» из каюты теперь звучало бодро, как застольная песнь.

Что за ерунда?

И тотчас откуда-то снизу, из-под корабельного дна, донесся дикий, до нутра пробирающий рев. Очень обиженный, будто у самой земли-матушки отняли конфетку.

– Тантаклина! – позвал маг. – Тантаклина, это я, Майверус Гринт! Пожалуйста, наклони голову чуть влево! Я сам недоволен – веришь?

– РУ-У-У-А-Р! – утробно пожаловались волшебнику.

После чего корабль еще раз дернулся и медленно выровнялся.

– Жмыхову мать твою, Академия Буря! – смачно сплюнул капитан, поднялся и тотчас убежал куда-то на мостик.

Ладислава с трудом разжала пальцы. Потом зубы.

Взъерошила и без того дыбом вставшие волосы. Оглянулась. Все сохраняли завидное спокойствие. Несмотря на то, что... Девушка поперхнулась и протерла глаза.

...Да, несмотря на то, что корабль теперь не плыл по Гремящему морю, а приклеился, как диковинная шляпка, к голове огромного кракена.

Кракен сидел на дне морском – сильно обмелевшем – и, кажется, был крайне недоволен тем, что ему не хватает глубины, чтобы спрятаться с макушкой. Он раздраженно бил щупальцами по скалам, обнажившимся тут и там, и тихо гудел. Эдакий раздраженный младенец.

К Ладиславе, изумленно перегнувшейся через борт, подошел корабельный волшебник.

Его загорелая кожа была исчерчена морщинами, чей рисунок указывал: Майверус Гринт предпочитает не хмуриться, а улыбаться. Таким и старость не страшна.

– Повезло, что кракен был рядом, – выдохнул маг, утирая пот со лба. – Кракенша, точнее. Ее зовут Тантаклина, и она весьма милосердное существо. Пересидим пару часов у нее на затылке, а как вода вернется – поплывем на берег.

Где-то внизу, под кораблем, умопившимся на склизком затылке подводного чудища-амфибии (хвала небесам, что он умеет дышать и воздухом тоже), продолжался невиданный отлив.

Убедившись, что ситуация штатная, Найт тотчас деловито поинтересовалась:

– А почему капитан кричал, что виноваты маги?

– Потому что мы действительно виноваты в таких отливах, – чародей пожал плечами. – Впрочем... Ты же в Академию Бурю едешь, да? Послезавтра начинается учебный год и все такое?

Найт кивнула.

– Там тебе все объяснят, – пообещал Майверус.

А потом зевнул и при этом чуть не вывихнул челюсть. Ладислава увидела, что браслеты-накопители на его руке потухли. Энергия кончилась. Маг поморщился:

– Пойду посплю, надо силы восстановить. А то большое заклинание призыва – вещь эффектная, но сложная.

– Эффектная – это точно! – одобрила девушка. И спросила с надеждой: – А такому заклинанию можно научиться... за полгода?

– За полгода? – маг аж рассмеялся. – Точно нет. Магия – это игра в долгую. Кстати, приедешь в академию – передай от меня привет господину Берти Голден-Халле.

– Это кто?

– Не скажу: не хочу портить тебе первое впечатление. Как показывает опыт, люди делятся на две категории: на тех, кто любит Берти, и тех, кто еще не успел его полюбить.

Ладислава хмыкнула и подмигнула:

– Вы же не хотели давать мне первое впечатление?

– Ах, ну не старый ли я дурень... Все! Спать! Точно спать! – посетовал маг.

Он попросил недовольного кракена «ссадить корабль помягче, когда вода вернется» и, зевая, ушел в каюту.

Солнце уже закатилось. Последние отблески рыжины тянулись по осевшему морю, как тонкие волосы фатума. Остров Этерны стал в два раза выше, чем прежде. Береговая линия, раньше пологая, теперь возвышалась обрывистыми скалами известняка, выступившими из-за отлива.

Скалы были усыпаны черными дырами... *Хм. Пещеры?*

Ладислава Найт уселась на борт, перекинув через него ногу, как через седло. Всмотрелась в бугристую голову кракена, с усмешкой отметила сходство между чудищем и своим бывшим начальником, а потом, закрыв глаза, с наслаждением подставила лицо морскому ветру.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

* * *

Вода не возвращалась очень долго.

Уже совсем стемнело. Утомившийся кракен ворчал подводную песнь, которая проходила на самой границе слуха и вызывала странное чувство: интерес, смешанный с горечью.

Пассажиры высыпали на палубу и курили трубки, посмеиваясь и глядя на жизнь весьма благосклонно. Оранжевые огоньки и резкий запах дешевого табака висели над ночным морем, затянутым немилосердным туманом – и черный бархат подступался к ним со всех сторон, мягко душил молчанием, заставляя думать, что мир здесь заканчивается.

Жизнь заканчивается. Одно лишь маленькое судно – и чернота вселенной вокруг.

«Как вообще в таких условиях можно смеяться», – отстраненно подумала Ладислава, давно уже молча сидевшая у перил.

Когда шукка все-таки пришвартовалась, Найт ждала неприятная новость. В рыбацкой деревне был всего один двор перевозчиков – и тот закрылся на закате. Как и вообще все вокруг.

Порт встретил гостей безжалостной тишиной.

– Мы тут рано ложимся. Главный секрет хорошего сна: засыпать и просыпаться в разные дни, – шепотом пояснил один из матросов. – Боюсь, вам придется идти в академию пешком. Вас магическая дорожка выведет, не заблудитесь.

– И долго идти?

– Часа два.

– Через лес?

– Нет, лес быстро кончится... Потом холмы, кипящие скалы, болото, низина вереска и снова небольшой лесок – сосновый. Но вы не волнуйтесь: в отношении преступников у нас на Этерне безопасно. Даже для такой благородной госпожи! Мы просто слишком ленивы, чтобы разбойничать, – самокритично отметил рыбак и, зевая, ушел во тьму.

С «благородной госпожой» он погорячился, конечно. Перепутать Найт с аристократкой было сложно.

Во-первых, военная выправка.

Во-вторых, растрепанные платиновые волосы, небрежно отрезанные по плечо.

В-третьих, шэппар – свеженькая (и единственная) одежная любовь госпожи Найт.

Куплен позавчера. В количестве семи разноцветных штук – на все дни недели.

«Шэппарами» назывались толстые шерстяные накидки в форме огромных прямоугольников, с глубоким капюшоном и обильной бахромой по краю. Вообще этой пастушьей одеждой славились горы Асерина: толстые, непродуваемые и очень яркие, шэппары помогали козочкам видеть «начальство» издалека. И прятаться от него ловчее...

Для города шэппар был эксцентричным выбором. Люди морщились, но Ладислава чихать на это хотела.

Ей нравилось. Остальное не важно.

Все эти яркие этнические узоры выгодно отличались от той строгой жандармской формы, которую Лади носила раньше. Радовали глаз и душу. В некотором смысле шэппар напоминал: бери от жизни все – и спирали, и круги, и крестики, и даже нашивку звезды, если очень хочется.

А еще под объемной накидкой удачно прятался кинжал, с которым Ладислава не расставалась и который придавал ей уверенности в такие моменты, как сейчас: когда надо ночью пересекать дымные болота на острове, имеющем крайне неровную репутацию.

Найт подхватила саквояжи – два больших и маленький – и двинулась по сияющей дорожке, услужливо скакнувшей ей под ноги.

Ладислава пока что не умела колдовать. В государстве Асерин вообще немногие учатся магическому ремеслу – в отличие от восточных стран материка, таких как Лесное королевство и Шэрхенмиста.

Впрочем, теперь, в академии, Найт попадет в стопроцентно колдовскую среду. Впору было бы занервничать, но девушка чувствовала лишь приятное возбуждение. Идти по острову в одиночку она тоже не боялась. Верила, что может за себя постоять: за спиной три курса в военном университете, отец был шерифом, мать – стражем границ.

В лесу тропинку подсвечивали маг-колокольчики, растущие по обочинам. Цветы загорались, когда Найт подходила, и тихо гасли у нее за спиной. Казалось, лес идет вместе с Ладиславой.

Это было красиво, но небезопасно: путника видно издалека, засаду можно на раз-два сделать. Найт рефлекторно сошла с тропинки и пошла параллельно ей, в уютной темноте.

Накрапывал мелкий, деликатный дождик. Такой стеснительный, мол, я вам не помешаю, нет? Точно нет? Хотите, не буду капать, просто зависну моросью? У вас такие необычные глаза, девушка; а кожа светлая, как драконья кость; и волосы – ах какие у вас густые, пушистые волосы, позвольте я усыплю их жемчужным бисером небес?..

В общем, когда сквозь темные ряды сосен проступили очертания замка, Ладислава уже была истинной дочерью дождя. Восемьдесят процентов воды – удел человека – превратились в ней в добрые девяносто.

Вдруг впереди зажглась другая маг-дорожка, освещенная цветами. Кто-то еще гулял по лесу в этот неурочный час.

Ладислава замерла в кустах бересклета.

По дороге шел высокий светловолосый мужчина. Он был одет в шелестящий зеленый плащ-летягу с треугольным капюшоном, штаны с завязками на щиколотках и шерстяную майку с высоким горлом.

Мягкие полусапоги покрывал узор в виде листьев. Судя по стилю костюма, мужчина то ли приехал из Шолоха, то ли просто любил те далекие земли.

Его породистое, гордое лицо отличалось идеальной симметрией, а на плече незнакомца сидел черный ворон с красными глазами.

Кроме того, от мужчины веяло неясной опасностью: после практики в злчных районах Ладислава ощущала такие вещи на ура.

Девушка прищурилась, всматриваясь внимательнее.

Тропинка вела чужака не из деревни, а откуда-то сбоку, со стороны скалистого центра острова. Но, как и Ладислава, он определенно держал путь в академию. Более того, на его плаще вдруг блеснул кафедральный значок.

Значит, это преподаватель?

Между тем мужчина явно был чем-то взволнован. Он покусывал тонкие губы и хмурился. Обращаясь к птице, незнакомец задумчиво протянул:

– Что ты думаешь об увиденном, Кори? Рискнем ли мы дерзнуть и провести *такое* исследование?..

– Кар-р-р-р! – хрипло одобрил ворон.

Вдруг веточка хрустнула под туфлей Ладиславы.

– Кто здесь? – незнакомец мгновенно вскинулся, зажег меж ладоней пульсар.

Ворон слетел с его плеча и, сверкая глазами, как угольками, с яростным карканьем рванул аккурат к Ладиславе. Девушка быстро шагнула назад, в глубь куста. Но, к ее вящему удивлению, нога не нащупала землю. Пеплов бересклет рос на обрыве.

С трудом удержавшись от вскрика, Ладислава кубарем покатила вниз по покатой, мягкой и – к счастью! – почти голой почве.

По дороге Найт старалась:

– молчать;

– все так же крепко держать чемоданы;

– сгруппироваться, чтоб сохранить шею в целости.

Последние два пункта слегка противоречили друг другу, но Ладислава любила невыполнимые задачи.

Наконец дно оврага было с успехом достигнуто. Замерев в какой-то жутко неудобной позе, девушка перевела дух. Хлопанье зловещих крыльев отсутствовало. Крики «Убей ее, ворон, убей!» – тоже. Видимо, преподавателя и птицу вполне устроил самоустранившийся свидетель Хрен-Пойми-Чего...

Тучи уже ушли. Звездное небо над головой было демонически привлекательным. Россыпь южных созвездий мерцала и переливалась всеми оттенками серебра – предпоследний день августа, хочется поблестать напоследок, до того как дымчатая пелена холода потушит этот свет. В лесу и сейчас темно, хоть глаз выколи, а скоро...

– Какие у тебя острые лопатки! – весело сказал чей-то лирический тенор *из-под* Ладиславы. – А попа мягкая. Привет!

А над ухом раздалось собачье:

– Гав!

Вот тут-то самообладание Найт и дало деру.

Девушка взвизгнула, когда человек под ней зашевелился вдобавок к своим словам.

Кажется, этот – уже второй за ночь – чужак хотел еще что-то сказать, но не успел. Ладислава резко привстала на локте («Ауч!» – воскликнул тенор, которому локоть уперся в солнечное сплетение) и с разворота залепила мужчине хорошенький жандармский «хук».

Дружелюбный незнакомец охнул от неожиданности и хотел схватить Ладиславу за запястье, но она уже вскочила и бросилась прочь. Большие чемоданы остались в плену оврага, зато маленький саквояж болтался в руке улепетывающей девицы. Ну и ладно, он ценнее. Пес чужака – кажется, он принадлежал к какой-то маленькой породе – залаял, но в погоню не бросился.

– Хей! – кричал незнакомец вслед Ладиславе. – Подожди!

– Маньяк! – отозвалась Лади, ускорившись.

– Я не маньяк! Я готовлюсь к семинару по техникам наблюдения!.. А ты не туда бежишь, ау! Академия слева!

Девушка на ходу скорректировала направление. Сзади раздался ехидный собачий лай, которому вторил громкий хохот мужчины. Отвечать им Найт не стала.

Только минут через двадцать Ладислава – грязная, измотанная и с антуражной прической (веточки в роли шпилек) – подгребла к высоким кованым воротам.

За ними виднелась – ура! – Академия Буря.

2. Спальня номер тринадцать

Легенды гласят, что давным-давно, еще до богов и драконов, наш остров был полон жизни. Но когда пришел черед новой эпохи, жившие здесь существа пропали, а сама Этерна уснула. Заблудившиеся в скалах путники иногда видят призрачный образ дремлющей девы – воплощение острова. Если подойти к ней, она исчезнет.

Из учебника «Наследие Этерны»

Ладислава все топталась у ворот.

Она уже раз двадцать нажала на кожистую кнопку маг-звонка, но никто не спешил ей навстречу. Девушка прижалась лбом к вензелям, имитирующим морские волны, и сосредоточенно вглядывалась в темноту, где притаилась академия.

Впереди была широкая подъездная аллея. По бокам от нее росли корабельные сосны, островерхие кипарисы и дубы, опаленные алым. Из земли вверх тянулись синеватые кристаллы, похожие на расколотые леденцы. За деревьями маячили постройки – коттеджи, теплицы, амбары...

А прямо по курсу высился замок.

Академия, украшенная витиеватыми башнями, балкончиками, зубцами и подвесными мостиками, делилась на два крыла – Рассветное и Полночное. Где по дороге потеряли «закат» и «полдень», Ладислава не знала: рекламные проспекты – единственное, что она успела изучить до приезда сюда – молчали об этом.

В Рассветном крыле проходили занятия. Сейчас оно молчало, уставившись в ночь пустыми глазницами окон, и герб, вывешенный на самой высокой из башен, тихо посапывал, оплетая флашток, как одеяло – ноги беспокойного сновидца. Полночное крыло отводилось для комнат студентов, поэтому сегодня, в последний день заезда, его изнутри подсвечивали лампы и народное воодушевление. По закрытым шторам бегали, танцевали и сутились тени прибывших адептов. Странные, изломанные силуэты.

Но вряд ли настолько изломанные, как ты, да? Боги-хранители, лишь бы никого из знакомых не встретить.

Наконец Ладиславе надоело ждать, топчась у ворот.

Девушка прижала ладони рупором ко рту.

– Ау! – заорала она. – К вам новая студентка! Я хотела грызть гранит науки, но могу начать с ворот, если не откроете! Уже ем! Ом-ном-ном!

– А ты что, троль, что ли – чугуном питаешься? – сбоку из темноты вдруг бесшумно вынырнул невысокий, плотно сбитый парень. В руках у него загремела, будто спохватившись, огромная связка ключей.

Ладислава вздрогнула от неожиданности:

– Нет. Я человек. Но очень целеустремленный.

– Ишь! – фыркнул парень, подыскивая нужный ключ. – Ну проходи, человек...

Ворота с пронзительным скрипом открылись.

Сторож снял с ремня маг-светильник и, постучав по стеклу, пробудил свет. Шар тотчас разгорелся синегато-зеленым. Пейзаж и парень, до того весьма смутные, проступили во всей красе.

У сторожа оказались желтые глаза, серо-коричневые волосы, похожие на перья, и большие уши. Лицо было открытое, дружелюбно-симпатичное. Одежда мешковатая. Найт дала ему лет двадцать пять навскидку.

– Идем! – сказал парень. Глянул на девушку и тотчас ойкнул: – А что у тебя с глазами?

– Это врожденное, называется гетерохромия, – привычно буркнула Лади.
И действительно, одна радужка у нее была темно-синяя, вторая – зеленая.

Ладислава не знала, скольких людей в своей жизни она научила слову «гетерохромия» благодаря данной особенности. Притом это был чуть ли не единственный научный термин в ее простом жандармском лексиконе.

Найт и сторож пошли к академии.

Хм, раз «маньяк» тоже отсюда, надо будет его найти. По фингалу. Узнать о судьбе чемоданов. И, наверное, извиниться.

Меж тем вихрастый ключник как-то по-птичьи раздулся:

– Меня зовут Стэн Хлестовски, ко мне на «ты», – гордо заявил он. – Я сторож, библиотекарь, ночной человек, колдун и заместитель леди-ректора Элайяны. Я мастер количеств! Ты не найдешь никого, кто делал бы больше, чем я, вот.

«А про качество он помалкивает», – усмехнулась Ладислава.

Когда она представилась в ответ, Стэн с хрустом почесал вихрастый затылок:

– Кажется, я помню твоё имя, – протянул он. – Это ты бросила четвертый курс в военном университете и перевелась к нам на первый год? С потерей трех лет, да?

Лади видимо напряглась.

– Да. Я, – поколебавшись, ответила она.

– Мощно! А ведь ты даже уже на профильную стажировку в Саусборне успела устроиться... Что-то там в порту. Таможня?

– Отлов пиратов и контрабандистов, – медленно протянула девушка.

– Обалденно!

– Не сказала бы. А откуда ты про меня знаешь?

Вдруг у них на острове в ходу саусберийские газеты? Заметка про ситуацию госпожи Найт была совсем крохотной, втиснута как дополнение к эпитафии шефа, но... Если кто-то на Этерне видел статью...

Сердце Лади болезненно сжалось.

Стэн пожал плечами. Дважды.

– Я ставлю печати на документы о приеме новых студентов. Ну и читаю помаленьку. Люблю читать.

– Любишь читать документы?

– Да что угодно. Я в плену у буковок! Когда они сложены в слова, то иногда такие вкусные – как лягушки.

«Странное сравнение», – передернулась Найт, у которой лягушки занимали нижнюю строку в списке гастрономических радостей. А то и вовсе обретались на другой, нежелательной стороне листа.

Стэн и новенькая подошли к замку.

В призрачном лунном свете он выглядел древним великаном, уснувшим на лугу и обравшимся в камень – слишком цепкими оказались сны, не удалось проснуться.

– Так почему ты перевелась? – спросил липучка-Стэн.

Ладислава раздосадованно крикнула.

С другой стороны, они все захотят знать.

Нужно смириться с этим, научиться говорить правду так, чтоб не вызывать дальнейших расспросов. Чтобы самой не думать об этом лишний раз.

– Скажем так: мне всегда нравилось волшебство. И море. Хочу учиться магии и гулять на пустынном берегу, – твердо заявила Найт, глядя на академию, которая теперь нависала над ними, как скала. – Мой отец говорил: однажды ты понимаешь – надо перестать ждать и начать делать то, что хочется. Судя по всему, у меня наступил этот момент.

– Волшебство и море у нас имеются, да, – чинно кивнул Стэн.

Слова Найт не показались ему странными, и девушка заметно повеселела.

– Кстати! – вспомнила Ладислава. – Я приехала так поздно, потому что наш корабль попал в грандиозный отлив. Вода опустилась... не знаю... на много метров. Это вообще нормально?

– Вполне, – кивнул Хлестовски. – Остров Этерны всегда резко реагирует на излишки магии. А сегодня академию пробудили после летнего – дохлого – сезона. Маг-уборка, зачаровывание аудиторий против списывания, изгнание пришедших за лето сущностей... Куча заклинаний сразу. Вот Этерна и расстроилась, поджала море вместо губ.

– И часто она расстраивается?

– Несколько раз в год. Когда мы активно колдуем. Праздники, сессия. Лекции после вечеринок.

– Э?

– Тогда нужны массовые чары бодрости под кодовым названием «спички в глаза», – пояснил Стэн.

Они поднялись к высоченным резным дверям академии.

Хлестовски, хвастаясь перед новенькой, осветил фонарем круглый герб, выбитый на створках: десятиконечная звезда, а в ней – штормовое море и маяк, от которого вместо света разлетаются спирали заклятий, похожие на ракушки.

– Добро пожаловать в магическую Академию Бурю! – торжественно объявил Стэн.

* * *

Внутри все оказалось именно так, как и представляла Ладислава. Редкий случай, когда предсказуемость – это хорошо, потому что Найт была мастером спорта по завышенным ожиданиям.

– Ого, – оценила Лади, бахая саквояж на паркет.

– Так и живем, адептка, так и живем, – одобрительно пробухтел Хлестовски.

Главный холл замка был весь увешан роскошными сине-зелеными гобеленами.

– Это для тепла, – пояснил Стэн. – Зимой тут холодно, жуть.

Высокий потолок обшили деревянными панелями: каждый лакированный квадрат изображал какое-нибудь магическое существо, нарисованное в средневековом стиле. Здесь имелись келпи, единороги, волшебные птицы иррин, какие-то смешные мохнатые существа...

Некоторые панели были наглухо закрашены.

Интересно почему?

Потрескивающие маг-светильники спускались на длинных медных крючьях, похожих на якоря. Всю дальнюю стену затянуло огромное зеркало, покрытое черными пятнами древности, перед которым выросли три винтовые лестницы – они вились и изгибались, как навеселе, и штопорами вкручивались в потолок.

А направо и налево из зала убегали лестницы совсем другого жанра: широкие, пологие, прямые. Стэн поманил Ладиславу к западным ступенькам, укрытым ковром.

– Мы идем в Полуночное крыло. Найдем тебе спальню, – пояснил сторож.

Он шел, медленно перебирая ключи. Судя по наморщенному носу, Хлестовски сосредоточенно о чем-то думал.

– Если честно, я не помню, какая комната полагается тебе по документам, – наконец, вздохнул Стэн. – А идти в кабинет леди-ректора неохота ночью. Давай поселим тебя во-о-от сюда...

Он наугад выхватил старый ключик, изъеденный ржавчиной. Протер его рукавом. Рыжие чешуйки остались на ткани, и Ладиславу озарило, откуда взялся такой непонятно-бурый цвет у одежды Стэна.

– Спальня номер тринадцать, – возвестил парень. – Это в Хромой башне. Так себе покои, конечно, невзрачные; и ванная не ахти, но...

– Но мы же можем выбрать другой ключ? – встрепелась Найт.

– О нет. Нет-нет. Я всегда доверяюсь богу-хранителю Рэндому в важных вопросах.

– А здравому смыслу? – заволновалась Лади, которой сильно не улыбалась перспектива убогой ванной.

– Твоя комната – номер тринадцать! Я решил! – категорично отрезал Стэн. От укола его добродушие лопнуло, обнажив скрытое упрямство. – Так, Хромая башня у нас там...

Они резко свернули куда-то вбок и вновь пошли по коридорам, застеленным темными коврами. Чем дальше уходили от главного входа, тем ниже становился потолок. Факелы горели уже не так ярко, в стенной обшивке выл сквозняк и скреблись мыши.

Вдруг одна такая серая мышка выбежала из-за декоративных рыцарских доспехов, с писком проскользнула между ног у Хлестовски и скрылась за поворотом. Найт проигнорировала животное, но сторож-библиотекарь-мастер-количеств нахмурился.

– Пойду разберусь. Ишь! – заявил он на полном серьезе.

– Э. С мышью?..

– А то. Держи ключ. Тебе прямо, налево, вверх, снова налево, направо, налево, вверх до конца. Завтра в девять – общее собрание студентов в Великой Трапезной, не опаздывай.

И Стэн погнался за грызуном.

Ладислава проводила сторожа удивленным взглядом. Впрочем, он эволюционировал в понимающий, когда Стэн миновал особо яркий фонарь.

Потому что тень ключника, упавшая на ковер, оказалась тенью птицы.

Совы, если быть точным.

Желтые глаза, значит... Серо-коричневые вихры и лягушки в роли десерта.

– Ночной человек, вот оно что! Так бы и сказал: оборотень летучий, перистый, – пренебрежительно фыркнула Найт.

Потом она зевнула и попробовала вспомнить, какие именно налево-направо-в-задницу ей готовила ночь грядущая.

Конечно, она заблудилась.

* * *

Ладислава совсем умаялась.

В Хромой башне не нашлось никого, кто мог бы подсказать дорогу. Коллеги-адепты сидели по комнатам – и комнаты их располагались в других корпусах.

Наконец Лади без сил притормозила у скульптуры дракона и огляделась, прикидывая, на каком ковре мягче спать... И тотчас с изумлением повернулась к окну, привлеченная странным звуком.

Окно было задернуто порттьерами, но даже сквозь плотную ткань было слышно, что по ту сторону шумит море. Этот звук ни с чем не спутаешь. Странно: Найт читала, что от академии к пляжу идти минут пятнадцать, а грохот волн такой, будто... Ладислава решительно обогнула дракона, отдернула шторы и распахнула створки.

– Ох!

Соленые брызги прилетели ей прямо в разгоряченное долгим подъемом лицо.

Дождь давно кончился, и небо расчистилось, выставив на прилавок все-все самоцветы-звезды, что горели на острове. Полная луна – неожиданно крупная, с красноватым боком – низко зависла над морем. Оно, в свою очередь, с тихим рокотом перебирало волны, как камни, и слабо светилось – из-за стай шевотного планктона.

Море было прямо под Хромой башней.

Точнее, не так: там, за окном, не было ничего, кроме моря. И замка тоже не было. Только вода и ветер. Ладислава перегнулась через подоконник, изумляясь тому, как он висит прямо во влажном воздухе...

– Не вывались-с-с, – вдруг сказали за спиной у Ладиславы, тем самым чуть не добившись обратного эффекта.

Девушка качнулась назад и рефлекторно прыгнула в боевую стойку, раскорячившись, как морская звезда в таверне.

Скульптурный дракон закатил глаза:

– Ты меня побить решила? Руки отшибешь, я мраморный. И оживленный. И чтоб никаких: «Ути-пути, говорящая зверушка!» Это оскорбительно. Я хоть и камень, а мыслю не хуже прочих. Даже лучше. Рынок думающих существ в наше время почти пуст, так что я с удовольствием занимаю в нем нишу. Уяснила, блондиночка-с?

Когда дракон говорил, его морда двигалась очень медленно. Будто муха возилась в блюде из-под варенья: с трудом, но с удовольствием.

– Так что закрой свой рот-с-с. И окно закрой, у меня артрит-с.

– Это в каком месте? – Ладислава скептически оглядела единое мраморное полотно, составляющее ящера.

– Вот молодежь-с... – вздохнул дракон. – Никакого уважения к старости.

Ладислава закрыла окно.

– Почему там вода? – деловито спросила девушка.

– Потому что даже у изгоев есть свои достоинства. Это я о Хромой башне-с: окна здесь затайливые – они подменяют сад на море, когда им хочется.

– То есть это иллюзия?

– Пффф! Это – группа блуждающих порталов. Вывалишься – придется грести назад вручную-с. А судя по тому, какие у тебя хилые ручки-с – ты быстро утонешь. Или тебя нагонит жраль-акула. Или запутаешься в яд-водорослях, и они утащат тебя к ундинам на поздний ужин-с. Хотя погоди... – дракон передумал. – Ты же высоту видела? Даже грести не придется. Сразу разобьешься. Так что мой совет-с: любишь море – смиришься со скорой смертью.

Лицо Ладиславы – обычно либо сосредоточенно-упрямое, либо улыбочиво-беззаботное, – болезненно дернулось.

Ох дракон...

– И да. Оплату за свои мудрые мысли я беру камнями – я их ем.

Найт тряхнула волосами, отгоняя дурные мысли – жмых вам, а не моя головушка! – и щелкнула ящера по носу:

– Платить за непрошенные советы?.. Щас! Хочешь камень, тогда скажи: где мне найти спальню номер тринадцать?

И она на раскрытой ладони показала ящерице ключ. Дракон сначала обиженно надул щеки, а потом сфокусировался на этом ржавом безобразии и вдруг пакостно захихикал. Смех у него был – будто щепень о черепицу кидают.

– Стэн-с-с поселил тебя в тринадцатую? Ай, безмозглая птица! Зайди за тот гобелен и попадешь аккурат к своим высочайшим, хех, покоям-с-с.

Интонация не предвещала ничего хорошего.

– Что не так с комнатой? – Лади нахмурилась.

– Принеси камень – обсудим-с.

Дракон закрыл глаза и замер. Девушка настойчиво постучала костяшками пальцев по его чешуйчатому лбу, но даже это не пробудило вредный реликт.

Делать нечего: госпожа Найт пошла к указанному гобелену и с подозрением нырнула за ткань, рассыпающуюся от древности.

* * *

Вопреки опасениям, коридор, в котором располагалась тринадцатая спальня, выглядел очень прилично.

Двери в комнаты, мимо которых проходила Найт, были закрыты, из-под них тянуло острым запахом зелий для уборки и свежей краской.

Ладислава подошла к номеру тринадцать и постучалась: она читала, что в Буре студенты живут по двое. Изнутри никто не ответил, и тогда Найт отперла дверь ключом.

– Вот это для Стэна «невзрачно»?! – охнула девушка, заходя.

Комната была шикарная. Новые светильники, пушистый ковер, две кровати с тяжелыми алыми балдахинами. Огромный книжный шкаф. Во всю стену – изящная фреска с изображением шести богов-хранителей, гуляющих по лесу.

При виде такого искусства Ладислава иронично вскинула брови: ничего себе у нее компания.

И зачем, интересно, это сделано? Кто-то всерьез верит, что суровый лик паладина Карланона или пророка Теннета, бредущих под руку под чашобным сводом, помешает ей взять от студенческой жизни максимум наслаждений? Ну-ну.

Найт фыркнула и отвернулась к окну.

За ним – снова море...

Причем здесь окно было распахнуто во всю ширь, и свежий ветер ловко перебирал белые занавески, которые мялись, шептались и жеманничали в его невидимых руках.

А еще, судя по вещам, разбросанным тут и там, у Ладиславы определенно имелась соседка. Правда, сейчас ее в комнате не было.

И где же она бродит в ночи?

Найт на всякий случай подошла, выглянула наружу: вдруг там соседка тонет вовсю? Но за окном было мирно и пусто. Только звездная россыпь привычно схватила Ладиславу за горло – невыносимой своей красотой, выворачивающей душу.

Раньше Лади и не думала, что красота и боль так часто идут рука об руку. Но в последнее время ей казалось, что они практически неразрывны.

Зато при виде ванной комнаты настроение у госпожи Найт взлетело беспечной праздничной шутихой. На такие интерьеры она и не надеялась!

Лади не меньше получаса плескалась и фыркала в горячей воде, напевая портовые песенки. Потом она натянула шелковую пижаму – по счастью, та лежала в маленьком, «спасенном» саквояже, – и долго еще сидела на бортике перламутровой ванны: расчесывала волосы, мурлыкала себе под нос.

Наконец, розовощекая и разомлевшая, она была готова ко сну.

Лади приоткрыла дверь в спальню очень медленно, бесшумно, наслаждаясь тем, как тонко смешивается внешний холод с клубящимся паром, затянувшим ее морское царство. Стайка приятных мурашек пробежалась по спине, и Найт шагнула в комнату.

И, увидев, что впереди, застыла на пороге с отвисшей челюстью.

4. Близнецы с секретом

Чем хорошо зеркало, так это тем, что, если ты расплачешься – оно поддержит. Чувствуешь себя не таким идиотом, да?

Чеврин Гофшиц, драматург Шолоховской оперы

Посреди ее спальни стоял абсолютно голый юноша.

Он замер перед зеркалом-трюмо, закрыв глаза рукой – как будто сам с собой в прятки играл. Странные обнаженные прятки.

Три, два, один...

Я иду искать.

Пальцы раздвинулись, явив зеркалу внимательный, сосредоточенный глаз.

– Какого д`гарра? – рявкнул юноша, потому что глаз тот, не будь дурак, мгновенно засек в отражении Ладиславу.

– Вот-вот! – не растерялась Найт и уперла руки в боки.

Парень был красивый. Темноволосый, высокий и статный, сильно взлохмаченный. Длинноно-о-огий. Судя по возрасту – адепт.

Поняв, что Ладислава со своей стороны не спешит менять ситуацию, молодой человек в два прыжка оказался у кровати и прикрылся балдахинном. Золотые кисти закачались у его колен, как юбка степной танцовщицы.

– Что ты здесь делаешь? Гостей не планировалось! – возмутился брюнет.

У него были большие, оленьи глаза холодного серого цвета – как то самое море за окном.

Лади двинула бровью:

– Только не говори мне, что это и твоя спальня тоже. Потому что вон те платья на кровати – явно женские. Жаль, если их носишь ты.

– Это *не* моя спальня, – прорычал адепт.

– Тогда... – Лади набрала в грудь воздуха и симитировала его тон: – «Что ты здесь делаешь? Гостей не планировалось!»

Они молча уставились друг на друга. Взгляд у юноши был странный: ярость, смешанная с неловкостью и... будто страхом разоблачения. Такие взгляды встречались у пиратов-контрабандистов, которых Лади отлавливала в порту Саусборна. У тех, у кого не то что двойное, а даже тройное дно в кораблях.

Иногда четверное.

Сами удивляются.

Юноша шумно выдохнул через ноздри, переступил с одной босой ноги на другую, огляделся как бы в поисках решения, но, увы, ничего не нашел.

– Это комната моей сестры, – медленно сказал он. – Я просто использую ее... в своих целях.

– Предполо-о-ожим, – протянула Ладислава, застегивая пижаму еще на одну пуговицу. На всякий случай.

Может, все-таки одного маньяка ей эта ночь подсунула?

Они продолжили молча смотреть друг на друга. Эдакое обнюхивание на расстоянии. Не совсем честное, потому что приличия – их остатки – не позволяли Ладиславе опускать взгляд ниже шеи юноши. А любопытство, наоборот, так и требовало немедленно расширить перспективы.

– Жмых! – наконец выругалась Лади. – Может, ты оденешься? А то я рискую приобрести косоглазие при нынешней диспозиции.

Незнакомец усмехнулся и будто оттаял.

– Меня зовут Фрэнсис, – представился он.

– Я Ладислава.

– Возвращаясь к вопросу: оденусь-то я с удовольствием. Только ты отвернись.

– Зачем? Я вроде и так уже все видела.

Незнакомец вскинул бровь высоко-высоко... Лади фыркнула и крутанулась на босых пятках. Сзади послышался шорох тканей.

– Спасибо, Ладислава. И да, через несколько минут придет моя сестра. Не говори ей обо мне, пожалуйста.

– Хм. А можно я буду тебя этим шантажировать? – воодушевилась Найт. – Я еще никого никогда не шантажировала.

– Нельзя.

– Точно?

– Однозначно.

Найт разочарованно вздохнула.

* * *

Когда Фрэнсис оделся, Ладислава уже решила: она будет с ним флиртовать.

Без вариантов, будет. Слишком мало времени, чтобы нет.

Правда, флирт у прямолинейной госпожи Найт был специфическим. Люди думали, что она их отчитывает.

– Итак? – Лади сложила руки на груди, в упор разглядывая студента. – Почему же твоя сестра не должна узнать о том, что ты обожаешь любоваться собой в чем мать родила? Ты используешь ее комнату без разрешения?

Фрэнсис закатил глаза. В черном гибриде сюртука и мантии он выглядел восхитительно. Настоящий высокородный аристократ, хоть сейчас во дворец посылай. Или где там еще знать обитает? Казначейство? Церковное управление?..

Фрэнсис кашлянул:

– Сестра не против. Но проблема в том, что никто не должен увидеть меня. Так что мы скажем, что ты пришла уже после.

Найт сощурилась, но решила пока не уточнять детали. Просто с размаху запрыгнула на свою кровать. Та встретила ее теплейшими объятиями.

– А мне говорили, этот корпус очень плох, – отметила Найт, щупая дорогой матрас.

Фрэнсис пожал плечами:

– Ремонт закончился на днях. Не все в курсе.

– Ну уж Стэн – заместитель леди-ректора – должен знать?

– Главное, что леди-ректор знает, – не согласился юноша и отвернулся к окну. А потом захлопнул его.

Урчавшее море заглохло.

И вдруг... Растаяло, как свежая акварель под дождем. За стеклом медленно, триумфально проступил сад академии. Темная гуща деревьев, сверху похожих на брокколи; озерцо, поблескивающее под луной; смутные очертания коттеджей.

Ладислава, не веря, подошла.

– Значит, это действительно блуждающий портал? – протянула девушка.

– Да.

– Я думала, такого в принципе не бывает.

– Этерна – особое место, – пожал плечами Фрэнсис. – Насколько я знаю, таких порталов тут несколько. Прыгают по этажу, когда окна закрыты. Хотя, конечно, слово «портал» тут зря применяют: окна ведут в море, а не в другой мир. Но так уж сложилось.

Он, даже не взглянув на сад, развернулся спиной и оперся о подоконник руками. Ладислава глянула на слабое, призрачное отражение его лохматого затылка в стекле. У Фрэнсиса была такая идеальная форма головы, что Найт невольно захотелось его побрить – под священника.

– Эй, – сказала она, постучав юношу по плечу. – Если что – я все-таки не буду тебя шантажировать. И никому не скажу. Все имеют право на маленькую тайну.

Мне ли не знать.

Брюнет посмотрел на нее искоса. Взгляд у него был тяжелый. Найт подумала, что потопилась с физическим контактом, но юноша вдруг улыбнулся и кивнул:

– Я тоже так считаю.

Тотчас в дверь постучались.

– Фрэ-э-энс! Ты там как? Уже можно? – раздался взволнованный женский голос.

– Тисса, у нас гость, – предупредил парень и мгновенно подобрался.

В спальню влетела девушка: хищная и потерянная, как черная птица, рыскающая в ночи.

Короткое трикотажное платье, поверх – вязаный кардиган до пола, все в темно-синей гамме. Высокая, гибкая, с темными выющимися волосами. Часть из них девушка скрутила на макушке в клубок, остальные свободно спадали до талии. Круглые очки-всезнайки в толстой оправе подчеркивали форму носа – с благородной горбинкой.

Девушка уставилась на Лади, как на привидение. Шокированно. Не зная: бежать или нападать.

– Ладислава, позволь познакомить тебя с Тиссой. Мы близнецы. Тисса – это Ладислава, – высокопарно представил Фрэнсис.

Тисса сделала реверанс в столичном стиле и бросила быстрый взгляд на брата. Фрэнсис кивнул: все под контролем.

– Только я не гость, – сказала Лади, широко улыбнувшись. – Я тут живу теперь, – и она демонстративно помахала ключом, взятым с тумбочки, как иной тернасец машет упряжкой от своего боевого скакуна.

– Со мной? – Тисса напряглась. – Я думала, я буду жить одна!

– Ну... Меня сюда поселил Стэн Хлестовски. Впрочем, он достал ключ наугад – то есть, простите, «по воле бога-хранителя Рэндома»... – дурачась, Лади легкомысленно коснулась лба сведенными кончиками пальцев, – видать, бог ошибся.

Но Тисса вдруг тоже коснулась лба в молитвенном жесте. Куда серьезней.

– Боги не ошибаются, – отрезала она. Так жестко, что в комнате на мгновение пахло инквизицией. – Никогда не ошибаются.

– Э-э-э, – Ладислава сначала опешила, потом иронично улыбнулась уголком рта. – Ну, в таком случае мне и впрямь суждено жить тут, верно?

– Верно, – колебавшись, согласилась близняшка.

– Тис! – Фрэнсис сделал страшные глаза.

– А что? Раз на то воля хранителей, это может быть промысел на удачу, – девушка пожалала плечами и с любовью оглянулась на стенную фреску.

Фрэнсис на секунду сокрушенно накрыл лицо ладонью. Потом вымученно улыбнулся Ладиславе, которая с жадностью следила за странной перебранкой.

– Будете липовый сбор? – спросила Тисса, подходя к столу.

Там среди множества инструментов для зельеварения притаился хорошенький серебряный чайник.

– Соглашайся, Лади. У Тиссы много минусов, но в зельях и липовом сборе она разбирается, – вздохнул Фрэнсис, падая на кровать.

Тисса швырнула в него полотенцем. Потом по щелчку зажгла под посудиною маг-огонек, придирчиво понюхала разные колбочки и миски, отыскала три пиалы, более или менее похо-

жие на чашки (из одной пришлось высыпать сухие василисковы лапки), и вскоре разлила всем янтарно-желтый напиток.

– А вы давно в академии? – спросила Найт, дую на обжигающий липовый сбор.

– Несколько дней назад приехали, – сказал Фрэнсис.

– Мы новенькие. Перевелись сюда из Минакора. – Тисса с прямой спиной села на стул, такой неудобный, что он был похож на пыточный агрегат. – Будем учиться на пятом курсе.

Найт удивленно отхлебнула из химической чашки.

Так-так!

Во всем королевстве Асерин было только три учебных заведения, где готовили магов.

Два из них – университеты в столичном Минакоре и портовом Саусборне, – считались очень престижными. На любой их факультет (хоть магический, хоть какой) было сложно поступить: там учились отличники пополам со знатью.

А вот третья школа – Академия Буря – была куда проще. Здесь обучали только колдунов: узкий профиль, специализация, – звучало серьезно, но по факту диплом академии оценивался как «посредственный». В основном сюда приезжали бедняки, «средние умы», студенты, изгнанные за те или иные проступки, и безнадежные романтики (море, море кругом!) – которые, как Ладислава, надеялись хорошо провести время на острове.

Что-то подсказывало Найт, что ее новые знакомые – из третьей категории. Вон как переглядываются поверх чашек двумя парами одинаковых льдистых глаз...

По-любому накосячили.

Вслух Ладислава сказала:

– И я новенькая на острове! Ушла с четвертого курса. Правда, здесь буду заниматься с первогодками: я раньше не изучала магию, придется начинать с азов.

– Ого! – хором воскликнули близнецы.

Тисса подозрительно поправила очки:

– И тебе не жалко потерянного времени?

– С одной стороны – жалко. Именно поэтому я тут: надо было прекратить учиться там, где не хочется. С другой стороны, не факт, что то время – потерянное, – Найт пожала плечами.

В последний месяц она много думала о таких вещах. Больше, чем за все предыдущие годы сознательного бытия.

– Я нынешняя – его прямой результат. А себя я люблю. Как ни странно.

– Я тоже себя люблю, – согласилась Тисса и тотчас будто прислушалась: правду ли сказала? Поморщилась: нет, неправду...

Найт закивала:

– Себя любить надо! Очень нерационально ненавидеть того единственного человека, с кем гарантированно проведешь всю жизнь.

– Значит, ты первогодка, – заинтересовался Фрэнсис. – Ты уже выбрала предметы на этот семестр?

– Не-а. Решу завтра. А вы?

– Моя специализация – зелья, – ответила Тисса. – Так что, помимо обязательного комплекта, я возьму продвинутую алхимию, фармацевтику, чары и все, что скажет леди-ректор – она моя наставница на Этерне.

Фрэнсис повернулся на бок и подпер щеку ладонью:

– А я раньше обучался на кафедре боевой магии. Но теперь меняю профиль на ТММ.

– Что такое ТММ?

– Тайны Магического Мира.

– О. Звучит интересно!

– Ну, как сказать... – вздохнул Фрэнсис.

– Угощайтесь кексами. – Тисса вклинилась с тарелкой, полной рассыпчатых мадленов. – Я бы на твоём месте радовалась, а не вздыхала, Фрэнсис. Ведь ТММ в Буре преподаёт лучший специалист во всём королевстве. Это здорово, верно? – оглянулась близняшка на Ладиславу, очевидно требуя поддержки.

– Здорово, – согласилась Найт. – А что за специалист?

Тисса выдержала паузу, тонко улыбнулась, а потом торжественно объявила:

– Доктор Морган Гáрвус!

Судя по задранному подбородку, близняшка ждала мгновенной восхищенной реакции. Так мамы хвастаются успехами детей: мой, дескать, сказал «агу», падите ниц немедленно!

Но Найт не могла падать ниц, не зная предмета.

Она лишь развела руками:

– Без понятия, кто это.

– Логично, – кивнул Фрэнсис. – Несмотря на то, что доктор Морган – колдун, широко известный в научных кругах, у него нет заслуг, которые принесли бы ему популярность вне академической тусовки.

– Ты правда никогда о нем не слышала? – огорченно протянула Тисса, глядя на Ладиславу.

– Не-а. Но я же новичок! – пожала плечами та, не поняв, в ком именно разочаровалась соседка: в ней или Моргане.

Фрэнсис хмыкнул:

– А Гарвус, кстати, тоже новичок: свежее приобретение леди-ректора, недавно приехал. Бедный остров. Столько чужаков на него явились: я бы на месте Этерны стрессовал...

– Да ждет Моргана – и нас – успех на острове! Аминь! – покровительственно сказала Тисса.

И с подачи близнецов все трое чокнулись пиалами с липовым сбором.

Он у Тиссы получился действительно потрясающим. Лади не особо любила этот напиток, но ее соседка смогла сварить что-то, от питья чего никак нельзя было отказаться.

– Семейный рецепт, – зарделась близняшка в ответ на комплимент.

Ладислава забавлялась, глядя на парочку. У близнецов определенно были разные темпераменты. Спокойный, себе на уме, чуть саркастичный Фрэнсис – и Тисса, в которой странным образом уживалась роковая красота, тяга к контролю и заметная неуверенность в себе.

Где-то далеко на улице раздался переливчатый звон. Три часа ночи.

– Так. Пора спать, – Тисса залпом осушила чашку. – Завтра важный день.

Фрэнсис поднялся и на прощание по-дружески протянул Ладиславе руку:

– Встречаемся в восемь тридцать между дверьми.

– Какими дверьми? – не поняла Найт.

– Нашими. Фрэнс живет в комнате напротив, – объяснила Тисса и удалилась в ванную.

– А что, тут перемешаны мужские и женские спальни? – спросила Ладислава.

– В Хромой башне – да, можно и так сказать. Просто здесь только мы вдвоем... втроем живем, – Фрэнсис задумался, глядя на Ладиславу. – Только ты об этом тоже молчи, ладно? Как и обо мне. Кхм. И еще о ремонте, да.

И они оба усмехнулись, оценив список, возникший меньше чем за час.

– Твой долг молчания растет, парень, – «шерифским» тоном сказала Найт.

– Морских снов, Ладислава, – подмигнул Фрэнсис.

– Бывай!

И близнец ушел.

В ванной Тисса гремела какими-то склянками. Когда она вышла оттуда, ее лицо было покрыто толстым слоем сизо-коричневой рыхлой маски – «для свежего цвета».

Но Ладислава этого уже не видела.

Ладислава свернулась калачиком под одеялом и сладко спала.

3. Великая Трапезная

Энергия унии в южных пределах Лайонассы неподатлива и с трудом позволяет себя контролировать. Маги Асерина носят специальные браслеты-накопители: в них фокусируется их личная сила, которую с помощью браслета легче вытянуть в момент колдовства. По сути, чужеземцы колдуют за счет своего здоровья.
Энциклопедия «Дорогах»

– Фрэнс, за одну минуту! Я тебе клянусь: она собралась за одну д`гаррову минуту! Лежала в постели – труп трупом – а через шестьдесят секунд: хоба! Стоит полностью одетая, улыбается! Да я за это время успеваю только будильник услышать! И то не всегда...

Тисса, Фрэнсис и Ладислава втроем бежали по узкой винтовой лестнице к Хромой башне. Косые солнечные лучи пробивались сквозь витражные окна, раздавая им оплеухи – разноцветные шлепки света: быстрее, быстрее!

Тисса бурно делилась впечатлениями.

– А зубы она что, не чистит? – хмыкнул Фрэнсис.

– Это отдельным счетом! Плюсуй две минуты, – поспешила встрять Ладислава.

– Да хоть десять! – Тисса возмущенно округлила глаза. – Ты говоришь, Найт, что магии не училась. Откуда тогда сверхспособности?

– Это армия, детка, – зажав нос, прогнусавила Лади на мотив командора Кайперуса, ее бывшего декана.

Фрэнсис запрыгнул на перила и ловко съехал вдоль последнего лестничного пролета.

– Короче, – вывел он, подавая руку Ладиславе, которая повторила его трюк, – опоздали мы из-за тебя, Тис.

Близняшка только дернула плечом и поправила тщательно завитую кудряшку.

Тисса собиралась больше часа. Завивка волос, как рамочка, обрамляла этот процесс. С прической девушке помогли цыпкины гусеницы – ядовито-зеленые шипастые твари, вокруг которых Тисса обматывала локоны. Укутанные черными волосами, гусеницы считали, что пришел сезон спячки – и мгновенно сворачивались в загогулину, да еще и грелись, как маленькие печки, топя воображаемую зиму. Когда поджаренные волосы смирились со своей новой формой, Тисса стала энергично тыркать в гусениц иголкой. Они, очнувшись и испугавшись, мгновенно вытянулись палочками – мертвы мы, неведомый хищник! – и тогда Тисса выдернула их и побросала в банку с надписью «Ингредиенты для смертельных ядов».

Пока близняшка прихорашивалась, Ладислава успела пробежаться по коридору, посмотреть в замочные скважины всех спален и убедиться: Фрэнсис прав. В башне они действительно живут втроем. Другие комнаты пусты.

Хм. Ну и почему об этом надо молчать?

* * *

Чтобы попасть в Великую Трапезную, требовалось нажать на черное зеркало в главном холле: тогда открывался проход.

О, вот и секретики подоспели.

– Можно я попробую? – восхитилась Лади.

Стоило ей прижать ладонь к прохладной плоскости, как вся поверхность амальгамы ожила и потекла вниз прохладным водопадом. Черно-холодная вода исказила и унесла с собой

отражения трех студентов: взъерошенную Ладиславу, зевающую Тиссу и Фрэнсиса, который стоял, приклеив напряженный взгляд к своим ботинкам.

«А все-таки у него какие-то непростые отношения с зеркалами», – подумала Найт.

Волшебная вода меж тем наткнулась на невидимое препятствие: она стала огибать контуры скрытой арки в центре стены. За ней располагалась Великая Трапезная. Ребята по очереди зашли внутрь.

Остальные студенты – чуть более пунктуальные и чуть менее озабоченные своим внешним видом – уже сидели по местам.

Несколько десятков столиков, похожих на опрокинутые штурвалы, были хаотично разбросаны по залу. Деревянный потолок напоминал перевернутый корабль, а подиум, на котором возвышался единый преподавательский стол – пока пустой, – зарос сухопутными кораллами и пульсирующими псевдоактиниями. По стенам спускались плющи, похожие на водоросли. Сквозь высокие стрельчатые окна лилось солнце, просеянное соснами, и его бликующий невод прокатывался по залу туда и сюда, как прибой.

Шумела волна голосов.

– Здесь точно магии учат, а не моряцкому делу? – шепотом уточнила Найт, пока все трое метались, как кильки на нересте, выискивая свободный стол.

Наконец, они приткнулись на единственное свободное место – в первый ряд, под самым подиумом – и заодно под впечатляющей петлей каната, свисающей с потолочной балки.

– Эти грешники приглашают нас повеситься? – Тисса не одобрила декор.

– Да уж, с намеком, – фыркнул Фрэнсис. – Хотя в нашей старой академии тоже было не без приколов. Помнишь, например...

Минут через двадцать раздался звук гимна. Из боковой двери в зал вышла леди-ректор, за ней цепочкой потянулись коллеги.

Тисса тотчас поелозила на стуле, устраиваясь поудобнее, закрыла глаза, открыла рот и... кажется, впала в анабиоз. Хорошо хоть, не захрапела.

А вот взгляд Ладиславы был прикован к одной только хозяйке академии. Леди Элайяна оказалась эльфийкой: диковинкой на юге Лайонассы. Это в восточных пределах мира расы смешиваются, как хотят, и мигрируют туда-сюда, как радужные креветки. А в королевстве Асерин все чинно, благородно, по-людски...

– Приветствую вас в Академии Буре, – сказала Элайяна. Голос у нее был неземной, будто ветер, пойманный камышами.

На самом деле, согласно портрету в главном холле, ее звали Элайянштрофлаз, но ректор не желала своим ученикам поломанных языков (разве что при зубрежке заклинаний), так что, получив высокую должность, использовала псевдоним.

– Завтра мы начинаем учебный год. Вот две вещи, которые я рекомендую вам зарубить на носу. Первая: магия не является уделом избранных. Помните об этом, когда у вас что-то не будет получаться – и вам захочется опустить руки – «это не мое». Все может стать вашим. Все! Надо только постараться. Один процент везения – считай, таланта; девяносто девять процентов труда – такова формула успеха. Вторая вещь: всегда есть большая цель. Не останавливайтесь на достигнутом, ведь этот мир любит победителей.

Она продолжала говорить, а Лади – пялиться.

Леди-ректор была ростом метр пятьдесят, но длинное шелковое платье визуально делало ее выше. Также роста эльфийке добавляла сложная прическа: мягкие кудри убраны наверх, цвет волос переливается от темно-пепельного к серебристому. Острые уши Элайяны были в полтора раза длиннее человеческих, а взгляд завораживал: два черных озера, затянувших глаза практически целиком.

Это было красиво, но... Ладислава поежилась и рефлекторно отодвинулась назад вместе со стулом. Ксенофобия – это плохо. Но дурные привычки тем и дурны, что их с ходу не вытравишь.

– Брезгуешь, что ли? – вдруг вполголоса, как-то неожиданно презрительно бросил ей Фрэнс, по-свойски раскачивающийся на стуле.

– Я просто не ожидала! – возмутилась Лади, оборачиваясь к соседу.

«По дороге» Найт невольно скользнула взглядом по ряду преподавателей, уже сидевших по своим местам.

И замерла на полужестком с открытым ртом.

Прямо напротив них с ребятами, вольготно развалившись за общим учительским столом и чуть ли не ноги на столешницу закинув, сиял улыбкой молодой мужчина с красно-рыжими волосами, стянутыми в низкий хвост, острыми локтями, закинутыми на спинку кресла, и огромным симптоматичным фингалом под глазом – который, впрочем, каким-то непостижимым образом только красил своего обладателя. Рубашка с закатанными рукавами, клетчатая жилетка, узкие брюки, белая обувь со шнурками и несколько фенечек на запястьях – мужчина умудрялся выглядеть одновременно элегантно и беззаботно-рассеянно.

Глаза у незнакомца были настолько насыщенно-синими, что море по сравнению с ними показалось бы разведенной акварельной краской.

Мужчина весь искрился шальной веселостью, эдаким лукавым «Ну, что скажешь?», а позади него стояли, как охрана, два грязных, хорошо знакомых Ладиславе саквожая.

Рыжий давно уже в упор смотрел на Найт.

Когда и она посмотрела на него, он расплылся в еще более широкой улыбке, кинул взгляд на чемоданы, а потом дотронулся рукой до синяка на острой скуле, подмигнул и вдруг отчетливо, хоть и беззвучно, шепнул:

– Привет, попа!

* * *

Найт вспыхнула от этих слов.

В мозгу у нее тотчас щелкнуло – и побежали, побежали мысли... Так в Одноруком Гриме (автоматоне, любви портовых кабаков) прокручиваются значки лепреконов и – редко – заветного горшочка с золотом, едва ты бросишь монетку.

«Итак, я поколотила препода, но не убила – это плюс. Мои чемоданы целы, но они у него – это минус. На шантажиста он не похож, но улыбка опасная: жди проблем. А еще он запомнил мою анатомию. С-с-сажа!»

Красно-рыжий меж тем уже отвернулся к вещающей леди-ректору и слушал ее внимательно, бла-а-агостно, как кот, объевшийся селедки. Хотя на некоторых фразах и пассажах он болезненно морщился: был не согласен с речью?

Фрэнсис продолжал качаться на стуле. Тисса, очевидно, спала. Студенты вокруг тоже впали в некое забытие. Островки слушающих «ботаников» в этой сонной массе горели и светились вниманием, как маяки.

– После завтрака первокурсникам надлежит отправиться в библиотеку, где вы запишетесь на выбранные предметы. Там же мастер Стэн Хлестовски выдаст вам магические браслеты. Они аккумулируют энергию и помогают нащупать границы дозволенного. Если ваш браслет начинает терять цвет – вы перестарались, замахнулись на слишком сильное волшебство, немедленно перестаньте колдовать. Энергетический объем браслета будет увеличиваться пропорционально вашей практике. Будьте терпеливы. Даже если вы заучили формулу – не пытайтесь на первом курсе поднять мертвеца. Не получится. Только сами рядом приляжете.

Вдруг за зеркальной стеной зала послышались невнятные крики. Кто-то басовитый толкал яростный монолог на непонятном языке... Другой мужской голос перебил его: «Туда нельзя».

Кое-кто из студентов заинтересованно обернулся. Рыжий препод не поменял позы, но заметно наострил уши. «Он похож на пса-ищейку», – подумала Лади.

Эльфийка тоже бросила взгляд на зеркало, но не сбилась с речи.

– Также я прошу вас учесть, что остров Этерны – живой организм со своим мнением и историей, тянущейся в те времена, когда Отец Небесный еще даже не создал хранителей. Мы для Этерны – лишь гости, или, вернее, оккупанты. Вы все взрослые люди, поэтому скажу лишь единожды: ведите себя прилично, оценивайте риски, потому что...

Ругань стала заметно громче.

– ...Потому что похороны за ваш счет, – скомканно и жестко закончила Элайяна и, подхватив подол, пошла-поскользила между столиков к выходу, но не успела. Зеркало взорвалось. Миллионы черных осколков разлетелись по сторонам смоляными брызгами. Они раскрылись дежтарным веером, заполнив зал бурлящим морем вскрыков.

У Ладиславы рефлекс сработал быстрее зрения. Найт рухнула на пол, одновременно толкая от себя стол-штурвал – он упал набок, удачно превратившись в щит.

Ладислава дернулась к Тиссе – и туда же рванулся Фрэнсис. С двух сторон в четыре руки они стащили близняшку вниз и замерли над ней нос к носу. Приятно удивленные своей будто сработанной синхронностью.

Такое случается. Здравствуй.

– Очень красивые глаза, – вдруг улыбнулся Фрэнсис, не спеша отодвинуться.

– И у тебя, – выдохнула Лади.

– Охренеть! – высказалась Тисса.

Тогда очнувшиеся Найт и Фрэнс одновременно вынырнули из-за столешницы, как из-за ширмы в кукольном театре. Чтобы выяснить, что никакая опасность им не грозила. Можно было не торопиться.

Ну разве что ради «глаз».

Взорванное зеркало не спешило осыпаться смертельным градом. Нет: его чернильные капли зависли в воздухе, похожие на музейный экспонат галактики. Будто каждую из них на ниточку зацепили; на тонкий прозрачный поводок – никуда ты не полетишь, стерва, стой и не рыпайся, – и все эти пуповины собирались в руках светловолосого мужчины с вороном на плече.

Того самого незнакомца номер один из вчерашней насыщенной ночи.

Этот мужчина со значком преподавателя замер на месте бывшей арки, и четыре браслета-накопителя на его вздетых к небу запястьях горели ярко-белым.

В первую секунду Лади решила, что это он виноват во взрыве, и даже успела почувствовать укол гордости: «Не зря он мне в лесу не понравился!» – но потом поняла, что нет. Преподаватель с вороном, наоборот, ликвидировал последствия: очень медленно и осторожно пытался собрать «капельки» обратно, стянуть их к первоначальному состоянию.

Взрыв произошел по вине другого персонажа, тоже только что ворвавшегося в зал: огромного, истекающего водой мужика в костюме, имитирующем чешую, с ракушками в бороде, кудрявыми влажными волосами и короной поверху.

Унд!

Точнее, король ундов, малочисленного подводного народа, живущего в деревнях по всему Гремящему морю. Ладислава часто встречала их женщин в Саусборне: они торговали жемчугом, облокотившись о пирс и заманивая путников сладкими, как грезы ночи, голосами. От обычных ундин унды отличаются маленькой, но важной деталью: у них есть ноги.

Ладиславу с ундами связывали тесные отношения. Во-первых, она писала о них – точнее, о войнах с ними – аж две курсовые и подумывала написать диплом. Во-вторых, на практике в порту ей приходилось облагать их налогом.

Чаше, правда, именно унды облагали Найт – грязной руганью.

Итак, король ундов навис как скала над крохотной леди-ректором и орал на нее, периодически в ярости потряхивая трезубцем. Из трезубца вырывались молнии. Парочка из них, всплыв, долетела до окон – и окна осыпались переливчатым звоном, так кстати заглушившим новый непечатный комментарий Тиссы, обнаружившей, что ее очки сломаны.

– Что он говорит? – спросил Фрэнсис.

– Я не знаю моренлинга. – Тисса не по ситуации панически прикусила губу. – Его никто не знает, кому он нужен?! Их там триста особей!

– Я знаю, – сказала Лади. – Момент.

Она мельком оглянулась: как там рыжий и другие преподаватели? Выяснилось, что они повскакивали из-за стола и теперь бегали между учеников, проверяя, все ли целы. В разговор не вмешивались. Ученики сидели – кто в ужасе, кто в восторге, но все – не шевелясь, впитывая каждую нотку скандала животворящего, прародителя сплетен.

Ладислава начала переводить:

– Унд орет потому, что мы «совсем озверели». Которую ночь подряд... незнакомое слово... охотится в водах над его деревней и вчера съел несколько любимых рыб процессы-унды... Неприятное слово... Озверели, озверели... Неприятное слово... Тварь богопротивная, «убивец» зубастый, а ведь леди-ректор, кхм-кхм эдакая, обещала, что ее гость-убивец будет, кхм, держать себя в крыльях? Не пора ли поднять плату за удой? Эй, вы чего?

Найт замолкла, увидев, как побледнели Фрэнсис и Тисса. Близнецы замерли, как соляные скульптуры, и прикушенная губа Тиссы, кажется, готова была вот-вот закровоточить.

– Фрэнс?... – ахнула Тис, и брат ее предупреждающе цыкнул, глазами стрельнув на Ладиславу.

Опаньки. А вот интересно.

– Так, знаете что, господинчик! – между тем рявкнула леди-ректор.

Она давно уже пыталась выпихнуть короля ундов из зала, тихо увещевая, но... Кажется, подводным жителям в гены вмешались глухари: крича, унд не реагировал ни на какие внешние раздражители.

Может, не умел контролировать эмоции. Может, любил звук собственного голоса. Может, хотел напугать леди-ректора.

Но вместо этого – разозлил.

Эльфийка сплела пальцами хитрую маг-формулу: браслет на ее руке вспыхнул, и рот унду залепила паучья сеть. Еще одна формула – и король выехал из зала задом наперед, как на коньках.

– Стэн, закончи собрание и представь всем Моргана Гарвуса! – гаркнула эльфийка, устремляясь за своим внезапно притихшим и заметно погрузневшим собеседником.

Стэн Хлестовски, к которому она обратилась, взъерошенный, взмокший, побежал обратно на подиум от столика с какими-то испуганными, уже рыдающими первокурсницами.

– Моргана, Моргана... – бормотал он.

– Морган Гарвус – это я, – бросил ему блондин с вороном на плече.

– Ишь, а что я, не знаю, что ли? Просто говорю... – обиделся Стэн и взбежал на подиум, рефлекторно махнув руками, как крыльями. Там он деловито откашлялся и стал ждать, пока все в зале вернется на круги своя.

Возвращалось оно в несколько этапов.

Для начала Морган восстановил зеркальную стену. Он отстроил все зеркало одним хлопком, едва только маленькая злая леди Элайяна пересекла границу бывшей арки. Ни один браслет на руке колдуна так и не погас: силы в этом человеке было немерено.

Потом студенты, бурно перешептываясь, стали подниматься с пола, приводить себя в порядок, хихикать и утирать слезы – в общем, жили кто во что горазд. Остальные преподаватели (Ладислава наконец-то сосчитала их – дюжина без Элайяны) вернулись за стол и сели.

– Э-э-э, – сказал Стэн Хлестовски во вновь воцарившемся молчании. Нервничая, сторож-библиотекарь-помощник-сова носом почесался о свое плечо. – Ну, давайте похлопаем нашему первому собранию в этом сезоне и прекрасной речи леди Элайяны!

Все неуверенно, с сомнением похлопали.

Стэн ткнул указательным пальцем в Моргана, который сел по правую сторону от пустого места эльфийки.

– А вот это, если что, Морган Гарвус, наш новый преподаватель, благодаря которому у нас заново открывается кафедра Тайн Магического Мира. Такие дела.

На сей раз аплодисменты громыхнули сами, без просьбы, и очень мощные. Морган встал и поклонился. Он снова был в своем иноземном плаще-летяге, переливающимся темно-зеленым шелком. Потом преподаватель тряхнул рукой: одинокая, позабытая черная капля упала с аккуратного ногтя и красиво полетела к зеркалу, в которое беззвучно влилась.

Аплодисменты грянули повторно. Откуда-то сзади раздался слабый крик: «Я люблю вас!...»

«И я!...» – поддержали сбоку.

– А этот Морган действительно хорош! – сказала Ладислава близнецам, вспомнив вчерашнее обсуждение. Но Фрэнсис и Тисса продолжали изображать «У» = «Угрюмость».

– Ну, с остальными моими коллегами вы как-нибудь сами познакомитесь... – вздохнул Стэн и на всякий случай оглянулся на коллег – без обид? Без обид – закивали, замахали они.

Понимали, что на фоне Гарвуса сейчас не надо высовываться. Бесполезно. Он сегодня – королева бала.

Рыжий вообще, как вдруг заметила Ладислава, куда-то успел уйти. Только чемоданы остались.

– А сейчас вы покушайте и все такое, а потом приходите ко мне в библиотеку, выдам вам инвентарь, – отбарабанил Стэн Хлестовски.

После этого он облегченно выдохнул – как после тяжелой работы, и быстро-быстро выпорхнул в боковую дверь.

Между столами забежали уютницы (так в академии называли всех кухарок, горничных, разносчиц и так далее) в белых – смотри соусом не капни – платьях. Студенты начали есть.

– Может, все-таки поговорим? – после двух минут тяжелого молчания предложила Ладислава своим мрачно жующим спутникам.

Но не успели они ответить, как к их столику подошел сам сиятельный Морган Гарвус.

– Фрэнсис, приветствую. Мы начнем наш спецкурс уже завтра, – сухо и высокомерно сказал он.

Ни он, ни его красноглазый ворон не удостоили Ладиславу взглядом. Вот и отлично – видимо, ночью не рассмотрели.

Фрэнсис кивнул, и Морган ускользил прочь.

– Какой он... величественный! – хмыкнула Лади, вновь пробуя наладить контакт с приунывшими после «убийца» соседями.

– Я пойду, – буркнул Фрэнсис, вытирая салфеткой рот и с грохотом отодвигая стул. – Увидимся позже.

– Фрэнс! Погоди! Я с тобой! – заторопилась Тисса.

Ладислава проводила близнецов долгим взглядом. *М-да*. Пожала плечами.

Еще какое-то время она жевала блинчики с кленовым сиропом, поданные с кофе, потом с полным правом подхватила свои чемоданы. «Закину в башню, а потом – искать пресловутую библиотеку. Запишусь везде первой, и – на пляж!» – решила она, видя в окне, как солнечно сегодня на улице.

5. Исход лета

Мы знаем, что Лайонасса – это самое первое бытие, созданное Отцом Небесным, квинтэссенция всепронизывающей энергии унии. Однако богов-хранителей и драконов Отец сотворил не сразу... Наша земля существовала и до них, и сами хранители также подтверждают это в своих записках.

Ирвич из Дома Дерзающих, теолог

Ладислава оттащила чемоданы в Хромую башню. Там она долго глядела в окно: ждала море, но моря не было.

Интересно, а деревню ундов видно с поверхности в ясный день? Прилетит ли «убивец зубастый» к рыбам сегодня?

Найт – эксперимента ради – разделась догола и посмотрелась в зеркало-трюмо. Одним глазком, через раскрытые пальцы ладони. Подражательная охота на отражение охотника. А то вдруг загадка связана с зеркалом, а не с Фрэнсисом?

Но все было как всегда. Включая три черные цифры под грудью, смертельный «подарок» со стажировки в порту.

Цифры, о которых позже... А лучше б – никогда.

Сердце девушки болезненно сжалось. Ладислава ругнулась, потом отрешенно заметила, что при взгляде на клеймо у нее стало точно такое же холодное выражение лица, как было у Фрэнсиса вчера ночью. Хм. Так о чем не хочет вспоминать близнец?

Результат эксперимента: отрицательный. Дело не в трюмо, а в самом Фрэнсисе, что и требовалось доказать.

Одевшись, Лади глубоко выдохнула, отгоняя плохие мысли, покинула спальню, проскакала по коридору, отогнула секретный гобелен и нашла нужный поворот.

– Привет, дракон!

Энергичный стук по носу скульптуры.

– Я принесу тебе много камней сегодня, но скажи: что не так с моей спальней?

– Камешки вперед-с-с.

– Может, дело не в комнате, а в близнецах?

– Камешки!

– Они так побледнели из-за речи унда... И Морган сразу же к ним подошел... Ребята связаны с «убивцем»? Они, что называется, «плохие парни»? Мне доставать наручники?

– Во-первых, я понятия не имею, что за унд и Морган. Я ж тебе не бабка-провидица. Во-вторых: наручники с мехом? Тогда можно. А в-третьих: Ка. Меш. Ки!!!

– Ах ты ж мраморный чурбан! Принесу тебе справочник по экономике. Почитаешь про кредиты, ящер.

* * *

Библиотека пряталась в самом сердце замка: к ней вела одна из трех узких винтовых лестниц главного холла.

Лесенка – томный скрип, «прозрачные» чугунные ступени – выныривала рядом с кафедрой выдачи книг. Кафедра эта, как юбка гриба-поганки, обводила шестиугольную колонну, изрезанную морщинами письмен.

Колонна была цвета старой кости. Кажется, по возрасту превосходила сам замок – и без того древний. Молодой Стэн Хлестовски на ее фоне казался зародышем ненаступившего будущего.

Сейчас библиотекарь помогал первокурснику выбрать предметы на осенний семестр:

– Не знаете, что еще взять? Очень рекомендую вам «Наследие Этерны»...

Остальные новички выстроились длинной очередью. Она раскручивалась, как спираль, как галактика – попеременно вспыхивала блеском смеха, туманными зевками, осыпалась шепотами, пела музыкой кокетства и швырялась кометами недовольства: «Что там выбирать-то? Быстрее!»

Ладислава решила пока побродить вдоль книжных полок.

Библиотека была такой же гексагональной, как и костяная колонна в ее центре. Шесть отделов разбегались пульсом в разные стороны, увенчанные арками с подписями: «Предельные науки», «Поэтика мирозданий», «О жизни и дальше», «Магистрам легкого смеха», «Не читай, любуйся» и «Адептова подмога» (здесь темный паркет был вытоптан: отделом пользовались часто).

Ладислава сняла с пыльной полки – апчхи! – толстый фолиант с картами острова. Нужно узнать Этерну получше. Сейчас Найт не знала ни праха: она собиралась сюда впопыхах. В принципе, в том, чтобы приехать глобально неподготовленной, была некая ставка на приключение. Но теперь пришло время собирать информацию.

Итак, карта!

Вот академия: на юго-востоке острова. Вот три рыбацкие деревни раскинулись, как пятнышки тюленя, по западному и северному побережьям. Вот черный череп: земля пиратов, чтоб их. Вот скалисто-лесистый центр: два круглых озера и неподалеку от них строение, похожее то ли на серп луны, то ли на тонкую улыбку...

Ладислава прищурилась, вчитываясь в каракули текста. «Корпус загадок» – было написано у строения, – «Местоположение не определено». Надписи вокруг тоже были какие-то странные, но Найт не успела вчитаться в них, потому что у нее за спиной вдруг раздался мрачный голос:

– Эти карты нужны мне.

Девушка вздрогнула. Да что ж они тут все так подкрадываются! Д'гаррова колдунская обувь – мягкая и бесшумная! То ли дело жандармские сапоги, что всегда слышны за два квартала...

Ладислава развернулась и столкнулась взглядом с Морганом Гарвусом. В руках мастера тайн лежала целая стопка фолиантов, на корешках которых в разном контексте упоминался остров Этерны.

– Держите! – сказала Лади, бахая свою книгу поверх стопки лектора. Взметнулось облачко пыли. – Вы ведь тоже первый год здесь, мастер? Вам интересно, что тут и как устроено?

– Да, – ответил Гарвус так холодно, что продолжать диалог было невозможно: голосовые связки Найт замерзли.

И мастер ушел.

* * *

Когда очередь рассосалась и библиотека снова вздохнула полной грудью, не обремененной хрипами адептов («ско-олько уче-е-бы!»), Ладислава последняя подошла к кафедре.

Стэн увидел ее издали.

Рассудив, что с госпожой Найт они уже знакомы, а значит – почти друзья, Хлестовски забрался на столешницу с ногами, сел по-птичьи, будто на жердочку, и спрятал ладони в подмышки. Желтым немигающим взглядом он следил за тем, как Лади выбирает предметы.

Для каждой дисциплины имелась брошюра с описанием и листок для записи. Лади сразу потянулась к листам. В «шапке» указывалось название и время занятий. Ниже – записавшиеся студенты.

Сразу было видно, что пользуется популярностью, а что нет.

Так, под Тайнами Магического Мира собрались все двадцать подписей курса. Не меньший энтузиазм вызывали Боевая Магия, Артефакторство, Иллюзии, Целительство и...

– Ого, и такое бывает? – ахнула Найт, когда наткнулась на дисциплину: «Сыскное Дело Для Магов».

– Отчего б не бывать, – вздохнул Стэн. – Особенно с таким лектором, как Берти Голден-Халла...

Услышав фамилию, Найт подпрыгнула:

– Голден-Халла! Корабельный маг просил передать ему привет. Рассыпался в дифирамбах. Получается, это преподаватель?

Стэн, почему-то раздраженный, закатил глаза:

– Ты что, вообще ничего про Академию не знаешь?

– Скоро узнаю, – Найт пожала плечами и, чтобы подтвердить намерение, активно закопошилась в листках. – На сколько предметов я могу записаться?

– Да на сколько хочешь.

– Класс!

И адептка, высунув от усердия язык, начала, не глядя, вписывать свою фамилию во все бланки.

– Эм, ну-у-у... – Стэн по-птичьи ненатурально вывернул голову. – У тебя как бы лекции по времени пересекаются. Как ты собираешься их посещать?

– А я буду злостно прогуливать все, что мне не понравится.

– Плохая идея. Тебя запомнят и в следующем году станут смотреть на тебя недобро. А когда колдун смотрит на человека недобро, человек ломается.

– Следующий год меня не волнует! – максимально легкомысленно сказала Найт. Но по сердцу от этих слов – чистейшей правды – все-таки прошла болезненная, злая дрожь... Д'гарр. Она никогда не привыкнет. Да и можно ли привыкнуть к такому?..

Ладислава добралась до последнего предмета в списке. «Наследие Этерны».

И ни одной фамилии внизу.

– А что это такое? – спросила Лади, помахав листком.

Стэн как-то очевидно суксился. Сероватые волосы его встопорщились, взгляд остекленел – меня тут нет, меня не обижают.

– Это, ну, про наш остров. Местные обычаи, легенды, верования. Как бы этнография.

– Любопытно! А почему никто не записался?

– Видимо, *им* нелюбопытно, – обиженно буркнул Стэн. – И не полезно. Кому вообще нужен наш дурацкий и своенравный шмат земли, брошенный на краю мира? На материке знания о нем все равно не пригодятся...

Лади изумленно подняла глаза на Хлестовски.

Кажется, Стэн произносил не свои слова, а чьи-то. Такое случается. Если человеку сто раз сказать: «Дубина ты стоеросовая!», то он, наверное, сразу не согласится – хотя бы из гордости. Но однажды, в совершенно другом разговоре и с другим собеседником, у него вдруг вылезет самоуничижительное: «Дубина я стоеросовая!»

Неуверенность подтачивает тихо.

Но упрямо.

– Стэн, скажи: это ты преподаешь «Наследие Этерны»? – Найт строго свела пшеничные брови.

– Ну я, – расстроено буркнул оборотень-помощник-библиотекарь. – Нет! Не записывайся из жалости, чтоб потом прогуливать! Найт!!!

– Я не из жалости. Просто это действительно интересно.

А как иначе? Если тут и невиданные отливы, и корпус загадок, и блуждающее море в окне?

– Прогуливать не буду, обещаю!

– Ишь какая!.. Кхм. Ну... Лады. И давай иди уже отсюда. Спасибо. И маг-браслет не забудь.

* * *

Ладислава неспешно брела по мозаике главного холла в сторону Боковых Морских Дверей, когда до нее «дошло».

Сработала ассоциация. Вид напольного рисунка, мелко набранного стеклом (светящийся маяк в штормовом море), помог сложить другую мозаику в ее мозгу.

Кусочек номер раз – это дисциплина «Сыскное дело для магов» под авторством Берти Голден-Халлы.

Кусочек номер два – вчерашнее возмущение рыжего: «Я к семинару по техникам наблюдения готовлюсь!»

Так где еще могут быть «техники наблюдения», как не в «сыском деле»?

Значит, это он – тот самый, кого «либо любят, либо не успели полюбить»?

– Неужели в этом правиле нет исключений?.. – вслух пробормотала Найт, остановившись у гребня стеклянной волны, за которой был нарисован девятый вал, пугающий даже в двухмерности.

Вдруг кто-то весело похлопал ее по плечу:

– Хей-хей! Задаешь вопрос – получи ответ. В любом правиле есть исключения. Вот аксиомы – совсем другое дело.

Но когда Лади изумленно обернулась, рыжий хвост вместе со своим обладателем уже бодро взбегал – почти взлетал – по второй винтовой лестнице, той, что вела в кабинет ледиректора.

Зеленые брюки-дудочки, белая рубашка с закатанными рукавами. Теплый загар и подогретый на солнце приятно-длинный нос. Ни вещей в руках, ничего – держит при себе лишь свою энергию, похожую на золотой шар, прыгает с ней в обнимку аж через две ступени, не касаясь перил.

Кажется, точно так же, налегке, он бы рванул в другую страну или Вселенную, или даже за ее пределы, и не чувствовал бы неудобств.

А что, людям в пути нужно что-то, кроме них самих? О нет. Нет-нет. Они просто не пробовали по-другому. Я в них верю: справятся. Хей.

...Берти Голден-Халла скрылся из виду, не оглянувшись.

«Привет» корабельного мага пришлось отложить.

* * *

Ладислава стояла на вершине узкого и длинного холма, который отделял академию от берега.

Изумрудные облачка пиний парили над головой девушки, страстоцвет цвел под ногами, вокруг торчали каменные останки древней обсерватории.

Но Лади смотрела только на море, чья бухта раскинулась впереди. Сейчас, в последний день августа, оно блестело под солнцем мягкой, угасающей красотой. Тихое и мирное, море

раскатывалось от светло-голубого к насыщенно-бирюзовому цвету. Линия горизонта была дымчатой: будто пальцем смазали карандаш.

Найт начала спускаться.

Уже издали она увидела, как много на берегу студентов. Одни играли в мяч, другие валялись по-тюленьи. Над водой взволнованно орали чайки: *что это за дикари на нашей территории? Три летних месяца мы жили, как хотели, а теперь... Что за бескрылые злодеи?!*

Темно-серые скалы обрамляли бухту по сторонам. Первогодки толпились на одной из них, с гиканьем и хохотом убеждая друг друга прыгнуть. Кто-то неуклюже нырнул – под свист и вопли одобрения. Потом еще один, сразу. Еще. Долго уговаривали четвертого добровольца. И снова бурно радовались прыжку.

Найт, которая обожала нырять, фыркнула и азартно потерла ладони:

– Пф! Слабаки! Встречайте мастера!

...И не последнюю роль в этом ее решении сыграло то, что на другом конце пляжа девушка разглядела Фрэнсиса. Близнец сидел на валуне у воды и тоскливо запускал по воде камешки, изредка поглядывая на ныряльщиков.

Грустит? Это плохо.

Хотя грустить на берегу не страшно. Большая вода успокаивает. Мгновенно. Слизирует горечь и уносит за предел, низвергает водопадом в космос, распушает в атомы, а тебе приносит улыбку – с новой волной. Всепрощающее море. Безустанное.

Наверное, сложно им быть.

– Ща мы тебя взбодрим, Фрэнсис! – пообещала Найт.

Изящным жестом она стянула через голову льняное платье. Убедилась, что широкий топ ее купальника надежно скрывает черные цифры под грудью. Потом сняла с запястья болтавшийся алый маг-браслет (а то слетит!) – и побежала.

Побежала вниз по вертлявой дорожке, наслаждаясь тем, как камни колют голые пальцы, как ветер умывает глаза холодом, как путаются за спиной волосы – золотые флюгера свободы.

Лади взлетела на скалу, прорвалась сквозь ряды мнующихся однокурсников, заглянула в воду – ни намек на камни и другие опасности, быстро сунула кому-то свои вещи и с боевым воплем рыбкай нырнула в море.

Сзади дружно ахнули:

– Где ее браслет?!

Но Ладислава не слышала.

У нее – свист в ушах!

Удар! И успокоительная тишина подводного мира.

Девушка руками раздвинула мерцающую, переливчатую синеву и, развернувшись, поплыла вверх.

Но не успела она вынырнуть, как что-то зацепилось ей за щиколотку. Водоросль? Лади дернула ногой. Хватка усилилась. Девушка, булькнув от неожиданности, опустила глаза... И тотчас в ужасе расширила их.

* * *

За ногу ее держало непонятное светящееся существо, похожее на смесь медузы с зубастым гномом. И что хуже: из бархатной глубины выплывали его друзья. Очень много друзей с не самыми приятными улыбками.

– Бульк! – сказала Лади и забила ногами, как ластами.

Но существо вцепилось намертво. Его товарищи также похватили девушку за ступни и, низко урча, потащили ее вниз, в царство редких солнечных пятен морской глубины. Ладислава

изогнулась, руками пытаюсь отодрать мерзких «гномов», но они лишь обрадовались: вцепились в запястья, в шею...

«Жмых! – подумала Найт, теряя воздух. – Это вообще ЧТО?! И где у них болевые точки?! Мне же еще РАНО!!!»

Неожиданно вода вокруг вспыхнула красным цветом. Лади, отнюдь не будучи паникершей, на секунду испугалась: не ее ли это кровь? Уже грызут, гады нетерпеливые?!

Но нет. Вспышка повторилась: теперь с фиолетовым блеском. В воду кто-то нырнул: глупина взвилась столбом белых пузырьков.

Часть «гномов» рванула туда. Но их на полпути обезвредила целая стая пульсаров, похожих на морские звезды. Оставшиеся твари завизжали и в панике сиганули вниз, странно дергая железяными лапками.

Найт, чьи легкие уже горели, как печи северного Норшвайна, рванула в обратном направлении.

Поверхность!

Ладислава жадно вдохнула воздух, пытаюсь успокоить сердце и ожидая, пока прояснится зрение.

– Ур-р-р-а-а! – грохнули ликующие вопли адептов со скалы.

Внезапно рядом с девушкой вынырнул Фрэнсис. Прямо как был: в брюках и рубашке, облепивших тело. Взгляд у близнеца был недоуменно-рассерженный.

– Ты с ума сошла – плавать без маг-браслета?! – рявкнул Фрэнсис. – Только он отпугивает тварей от чужаков! Заставляет их держаться на отдалении, хоть и облизываться!

Ладислава перевела дыхание.

Жива. Хвала небу, все еще жива.

– Спасибо, что разогнал их, – выдавила Найт.

– Какое «спасибо»! Ты могла умереть! Они, – палец на первокурсников, – еще не учились подводной боевке. Их максимум: нырнуть самим и быстренько выплыть, светя браслетом, и то после долгих сомнений, адреналина ради. Они бы не спасли тебя!

– Видишь, как мне повезло, что ты был рядом.

Ладислава прикрыла глаза. Ее слегка потряхивало от пережитого, но она изо всех сил скрывала это. Страх был главным ее врагом, не хотелось давать слабину.

Близнец нахмурился.

В его столичном мире, когда девушки были испуганы – девушки рыдали. Найт не рыдает? Значит, не понимает серьезность положения. Надо объяснить.

Он схватил Ладиславу за плечи.

– Грызгены бы съели тебя по кускам, – с расстановкой сказал Фрэнс.

– Они называются грызгены? Учту. Я таких не встречала.

– Потому что это местные твари. На материке их нет.

Ладислава округлила губы трубочкой: вежливое: «О?» Она изо всех сил продолжала грести ногами: увлекшийся близнец, хватка у него была железная, казалось, вот-вот ее потопит. Сам. Безо всяких грызгенов.

– Найт! Объясни: почему ты выбрала Бурю для учебы, если не знаешь о ней базовых вещей? – в глазах Фрэнсиса вдруг мелькнуло что-то еще, кроме беспокойства.

Какое-то неприятное подозрение.

– М-м. По зову сердца?... – протянула Лади.

Подозрение усилилось.

Ладислава облизнула губы, стерла с лица лучисто-картонное выражение и честно сказала:

– Здесь есть море и магия. Есть незнакомцы, а знакомых нет, что для меня плюс, потому что я хочу получить максимум нового опыта. Хочу с головой погрузиться в жизнь. Без оглядки на себя прошлую. Хочу, чтоб этот семестр... В смысле, каждый семестр вмещал в себя

целую судьбу. Я жадна до впечатлений, Фрэнсис. И мне показалось чудесной идеей приехать в необычное место, о котором я ни жмыха не знаю. Кто-то скажет – идиотизм. Я скажу – рождаемся мы тоже с пустой башкой в незнакомом опасном мире. И ничего ведь, верно? Это не повод саботировать жизнь. Это повод ее узнать.

– Когда ты рождаешься, о тебе обычно есть кому позаботиться, – возразил Фрэнсис, удивленный ее ответом.

– Ой не всегда. Как же сироты?!

– Найт! Ознакомься с правилами выживания на острове, – строго попросил близнец. – Философия философией... Но устав монастыря выучи, ладно?

Адепты на скале давно заткнулись, с любопытством вслушиваясь в диалог. К счастью, игривый бриз уносил слова в обратную сторону, куда-то в бесконечное, предвечное море.

– Выучу, – кивнула Лади. – Слушай, а почему ты все-таки сменил боевую кафедру на ТММ? Судя по твоим заклинаниям сейчас, это точно не связано с плохими оценками!

Фрэнсис замялся и отвел взгляд.

– Это очередная деталь твоего огромного секрета, да? – вдохновилась Найт. – Поделишься? Я умею хранить тайны! Вот уже полсутки молчу про ремонт и другие ее составные части! – лихо подмигнула она.

Вода тихо плескалась под ладонями, продолжали верещать чайки. Одна птица нырнула за рыбкой в каком-то метре от ребят, и выхваченная скользкая серебряная тушка хлопнула ртом, а потом навсегда исчезла в белой глотке птицы.

– Йя! – подмигнула довольная чайка. – Йя-йя! – на норшвайнский манер. Не хватало только, чтоб она крылом живот потерла, дескать, вкуснятина.

Близнец шуганул птицу и категорично покачал головой:

– Секрет не только мой. Проболтаешься – навредишь другим людям, так что нет. И вообще, поплыли. Ты все еще без браслета, а грызгены быстро приходят в себя. Или тебе понравились их объятия?

Лади вздрогнула и вперед юноши рванула на берег.

* * *

Фрэнсис почему-то не захотел оставаться на пляже в мокрой одежде.

– Это я виновата, – вздохнула Лади, прыгая и колотя себя по плечам, чтоб согнать мурашки. – Давай я принесу тебе из замка сменные вещи.

Тот отмахнулся:

– Не надо, мне все равно пора возвращаться.

– Тогда, может, я угощу тебя ужином в благодарность? Здесь, на острове, есть какие-нибудь приятные ресторанчики?

Фрэнсис, который остервенело выжимал рубашку, чтобы совсем уж не истекать морем по дороге, изумленно воззрился на нее снизу вверх. Потом вдруг вскочил на ноги и с неожиданной заинтересованностью обошел девушку по кругу:

– погоди! Найт, ты что, на свидание меня приглашаешь?

Ладислава вспыхнула. Вот с-с-сажа! Понял.

Пробубнила:

– Свидание? Какое свидание? Разве ж девушки приглашают парней? Вроде это не принято.

Фрэнсис навернул еще один хищный круг – уже в обратную сторону, молодец такой.

– А разве девушки прыгают в воду со скал? – возразил он. – Превращают столики в щиты? Одеваются за минуту и уезжают д'гарр-знает-куда?... Ответ: нет! А вот от тебя всего можно ждать. Очень смелая госпожа Ладислава!

«Приплыли, – кисло подумала Лади. – Я его уже запугала». И она начала ковырять песок мыском ноги: авось провалится сквозь землю.

Фрэнсис встал перед ней, уперев руки в боки:

– Так все же свидание?

– Расценивай как угодно! – саусберийка окончательно смешалась.

И хочется и колется.

В отношениях ей куда хуже давалась смелость. Двадцать грызгенов или один красавчик? Двадцать грызгенов, пожалуйста! И пару водяных на сдачу.

Меж тем Фрэнсис натурально просиял. Солнце, смущенное конкуренцией, поспешило спрятаться за облаком, раскрывшимся вдруг, как кувшинка на пруду или дамский веер.

Брюнет засунул руки в карманы и удивленно качнулся с мыска на пятку.

– Надо же! – сказал он. – Ты зовешь меня куда-то, не зная, кто я такой. Д’гарр! Это... Восхитительно!

– А кто ты? – Ладислава встрепелась.

– Я Фрэнсис! – улыбнулся Фрэнсис.

Диалог явно зашел в тупик.

Вдалеке раздался долгий перезвон башенных часов: три пополудни.

Улыбка съехала с лица брюнета, как снежная лавина с пика Ротхорн: не оставляя ничего живого, лишь белизну.

– Мне пора, – вздохнул парень. – По ужину... Я очень хочу пойти на него с тобой. Но давай сделаем это через какое-то время, м? Успеем тут освоиться. Мне обязательно надо разобратся в некоторых... учебных обязательствах, прежде чем я смогу покидать территорию академии. Но ты от него теперь не увернешься, Найт. Даже не надейся. А пока я буду очень рад просто пить с тобой кофе тут и там. Как тебе такой план?

Девушка рассмеялась и согласилась. Фрэнсис подмигнул, потом быстро, в столичном стиле поцеловал Ладиславу руку и трусцой побежал к замку.

Найт села на песок, лицом к морю.

– Эй, вещи-то возьмешь? – крикнули ей однокурсники, все еще толпившиеся на скале слева. После боя с грызгенами никто так и не решился прыгнуть еще раз: хоть с браслетом, хоть с молитвой, хоть как.

Ладислава рассеянно подняла руку с выставленным указательным пальцем – минуту! – и призадумалась. Прозрачно-бирюзовая вода с белой каймой мягкими губами обхватывала ее ступни и снова утекала вдаль.

Одна деталь смущала Ладиславу. Что значит: «Не зная, кто я такой»? Почему это повод для такой бурной радости?

Из-за утренних событий и общего антуража девушка решила, что секрет у Фрэнсиса довольно темный. И знание о нем должно отвращать, а не привлекать женщин. Но тогда реплика Фрэнсиса не имеет смысла!

Может, у близнеца не один секрет, а два? Первый из них Фрэнсис отказывается обсуждать: вероятно, эта тайна связана с зеркалами, ундами, неприятным словом «убивец»; окном на море. Болтовня об этом секрете может повредить другим.

А второй секрет... Получается, он условно «хороший»? То есть Фрэнсис скрывает что-то, что обычно притягивает к нему людей? Что-то, без чего он и не думал, что может быть привлекательным для девушек? Что же это? Слава? Власть? Богатство? Учитывая шикарный ремонт в Хромой башне, сделанный для близнецов, – последнее вполне вероятно.

Ладислава поболтала ногами в воде, взбивая ее в густой морской коктейль из пены и песочка.

«Ну, – подумала она, – я же записалась на Сыскное Дело. Вот тебе и тема курсовой, если потребуется».

* * *

Через пять минут после этого Найт завоевала сердца всех студентов-со-скалы. Это оказалось весьма просто.

Потребовалось всего-то надеть маг-браслет и... заново прыгнуть в море. Там показать язык грызгенам – они скалились и шипели, но теперь боялись приближаться – и под бурное одобрение однокурсников выплыть обратно, триумфально потрясая кукишем в сторону железных тварей.

Потом адепты и Ладислава загорали. Руками ловили чаек – эти глупыхи отчего-то долго бегали, прежде чем улететь. Вязали плот. Найт посетовала, что она полная дура – ничего не знает об Этерне. Учитывая, что плот не утонул сразу же только благодаря ей, студенты искренне стали убеждать ее в высоком уровне интеллектуального развития. А потом с энтузиазмом провели краткий ликбез на тему Минимальных Правил Выживания На Острове.

В благодарность Найт сгоняла в ближайшую деревню и вернулась с огромной корзиной сосисок, зефира, выпечки и напитков. Спустила на это столько денег, сколько раньше и за неделю не тратила.

Шикую.

На запах еды к их компании притянуло и нескольких старшекурсников. Они принесли с собой идею костра. Его развели на закате, на берегу, в яме, взорванной мощным и точным пульсаром одной из студенток.

Ладислава жарила на палочке зефир и наслаждалась видом. Солнце уже таяло в море, как масло, растекалось по небу тонкой оранжево-розовой пленкой. Светящийся багрянец отражался от песка, бликуя рыжим на волосах адептов: все они вдруг напомнили ей почти незнакомаго, но такого яркого Берти Голден-Халлу – увидишь всего один раз, а в сетчатку впитается намертво, вот злодей.

Между тем ребята вокруг как раз оказались специалистами по жизни и быту преподавателей. Едва на пляже начали битву холодный ночной ветер и горячее дыхание костра, адепты включили музыку сплетен.

Досталось всем обитателям академии.

Ладислава узнала, что Стэн Хлестовски – единственный среди лекторов местный житель. Все остальные приехали на этот богами забытый остров, прячась от каких-то своих бед или потерь. Или надеясь встретить что-то, чему сложно найти определение, но что иногда находит тебя на пустом берегу у далекого моря. Подходит, незримое, опускается рядом на мокрый песок и улыбается: *«Здравствуй, хороший мой. Я так долго тебя искал, ты даже не представляешь. И вот наконец-то ты здесь, и я тебя никуда, никуда не пущу, разрешаешь?»*

Возвращаясь к Стэну, выяснилось, что он всегда очень грустит из-за того, что официально числится заместителем ректора, но по факту Элайяна шугает его, как первокурсника, ни в грош не ставя.

Также ребята рассказали, что мастер Шильд'эс – преподаватель боевой магии – из народа шэрхен, и волосы у него синие, как кровь василиска. Что мастер Хьюго-артефактор и лекторша по астрологии («Ну, вот такая», – чернявый Рейло обрисовал руками восьмерку, показывая Ладиславе, какая именно) гуляют под луной за ручку и не только.

Что госпожа Мириам Клыккер – преподавательница по Уходу За Маг-Существами – в том году выходила и подарила леди-ректору волшебную птицу иррин, которая теперь помогает эльфийке вести зельеварение.

Про леди-ректора было особенно много слухов.

Она приехала из Лютгардии – восточной страны эльфов и дриад, – где пять лет назад умудрилась выиграть принудительный королевский отбор невест.

– Конкурс на женитьбу? Что за бред? – обалдела Ладислава и мгновенно наткнулась на разноголосый хор Ты-Ничего-Не-Понимаешь от своих новых подружек.

Однако неожиданная победа в отборе расходилась с амбициозными взглядами леди-ректора на достойную жизнь.

Элайяна сбежала и скрывалась в Асерине, а сограждане-эльфы искали ее, крайне озабоченные матримониальным аспектом, и даже наняли сыщика Голден-Халлу для ловли беглянки. Господин Берти нашел Элайяну в два счета, но, вместо того чтоб выдать эльфам, помог ей скрыться, а потом под шумок сунул визитку бывшего ректора Бури и билет на корабль. Элайяна нашла тут убежище и работу, а год назад, когда старик Фоскаш ушел на пенсию, заняла его должность.

– А как здесь оказался сам Берти? – любопытствовала Найт.

Этого никто не знал, но студенты выдвинули много гипотез, одну безумнее другой.

И про то, что Голден-Халла влюблен в Элайяну («А она в него, это же сразу видно!» – заговорщицки поделилась кудрявая девочка Ильга). И про таинственные преступления, которые Берти разгадывает на Этерне (такие таинственные, что никто другой о них не подозревает). И даже про то, что Архиепископу Саусберийскому Ноа де Винтервиллю (одному из важнейших лиц государства) не нравятся рыжие – Бертрама Голден-Халлу он просто сослал.

Архиепископ любил всех ссылать, это правда. Вся церковь в Асерине была той еще штучкой, но архиепископ – особенно эксклюзивным гадом.

– Да какая разница, почему он здесь оказался? – возмутился пухленький очкастый пятикурсник Твигго под треск костра. – Главное, чтобы теперь никуда не делся.

– Да уж, с Берти не соскучишься!

– Мировой чувак.

– Мой любимый семинарист.

– И пес у него хороший, видели? Такой маленький твякающий качок.

– А мне вот что-то доктор Морган ближе...

– Твой Морган – звезда звезданутая, сразу видно, а Берти – свой в доску!

– Ага, но предмет у Моргана – позорище. Да и у Берти фигня какая-то, если честно. Леди-ректор их и характером, и маг-пользой в два счета уделает!

И дальше – жаркие, жаркие споры у ало-оранжевого костра.

Когда на небе стали разгораться звезды – одна за другой, теплые приветы от ледяной Вселенной, – студенты зажгли огни и цепочкой вернулись в замок. Со стороны казалось: искорки блуждают по ночным холмам.

Ладислава была очень счастлива.

Пока все шло именно так, как она и хотела.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

6. Ей придется ускориться

Я не знаю, что я могу противопоставить смерти, кроме смеха и любви, понимаешь? Созидание-то мое, все мной созданное – тоже обречено, не так ли?

Из переписки хранителей Теннета и Селесты, III век до нашей эры

Когда Ладислава вернулась в Хромую башню, коридорный дракон спал. Даже похрапывал: жилки мрамора вибрировали у него на вдохе-выдохе. Девушка положила на постамент несколько камешков, подобранных на пляже – *налог-с-с*, – и на цыпочках пошла к своей комнате.

У двери она не удержалась от соблазна. Вместо того чтоб постучаться или открыть ключом, Лади воровато оглянулась и примкнула глазом к замочной скважине. Ну вдруг там что-нибудь интересное? Зеркально-триумфальное, длинноногое, плечистое?

Но в спальне была только Тисса. В неожиданной позе.

Близняшка стояла на коленях перед фреской с богами. В одной руке адептка держала чашу, полную золотой краски. Она зачерпывала пигмент пальцами и, шепча молитву, покрывала золотыми буквами свое лицо, шею и плечи. Так делают высокие священные чины в Саусборне.

Ладислава отпрянула, смущенная. Хм.

И как же теперь быть? Зайти и помешать – неловко.

Найт развернулась ко второй двери, за которой жил Фрэнсис.

Очень тихо поскреблась:

– Фрэнс?..

Нет ответа.

– Что ж. Сон откладывается, ночь продолжается! – Лади цокнула языком и, поколебавшись, достала свой блокнот с заметками.

Она открыла страницу, заложенную красной атласной лентой. Здесь начинался длинный список, который Ладислава сочинила месяц назад, сразу после ситуации с ее портовой стажировкой. Сочинила первым делом, даже до того как начала бесконечную беготню по страховым компаниям, знахарям и судебским собраниям; до того как развернула процесс по продаже дома и придумала себе перевод в Академию Бурю...

Раньше список назывался:

«Что я обязана успеть».

Но это было мрачно, а Найт всячески избегала мрачности и вообще любых напоминаний о происходящем. Как будто, не думая об этом, могла убежать от грядущего. Хотя оно упорно нагоняло. Как и мысли о нем.

Тем не менее прежняя фраза была заклеена, поверх значилось:

«Клевые дела!»

Найт пальцем повела по знакомым строкам и вскоре остановилась на пункте: «Посидеть на крыше ночью».

– Это я могу, – девушка удовлетворенно кивнула и пошла прочь.

* * *

Выбирать – так лучшее. Поэтому Ладислава отправилась на башню Алого Ордена – самую высокую в академии, часовую.

Две сотни узких, стертых временем ступеней – и деревянный люк к свободе как награда. Ладислава вцепилась в железную скобу и со скрежетом сдвинула крышку.

– ГАВ!

Найт вздрогнула и чуть не улетела вниз, когда на фоне звездного неба возникла голова собаки. Маленькой, золотистой, с умными глазами и большими ушами, торчащими, как у пустынной лисы.

– Гав! – повторил пес и сразу перешел к следующему этапу переговоров: – Р-р-р-р-р! – оскалился.

И не успела Лади малодушно задвинуть люк обратно – ну на фиг, что за зубы! – как услышала уже знакомый тенор:

– Арчи, цыц! Что там такое?

И вот в проеме появилась другая голова. Человечья. Лохматая. И куда более рыжая, чем у пса.

Берти-Здравствуй-Голден-Халла.

– А! Госпожа чемоданное настроение! Привет! – сыщик улыбнулся, помахал рукой и тотчас снова скрылся из виду. Только мелькнул хвостик, подвязанный белым обувным шнурком.

Пес зыркнул на Лади – *я тебя запомнил* – и попятился вслед за хозяином.

Ладислава застыла на лестнице.

... Что значит «привет»? Это приглашение подняться? Или просьба уйти? Или она может действовать, как ей хочется?

Так как с башни не последовало объяснений, Ладислава двинулась по инерции. То есть наверх.

Крыша встретила ее влажно-соленым ветром, огромным созвездием Иерофанта над головой, шепотом моря, шорохом леса, а также – громким звоном металлических деталей.

Это Берти, устроившись под зубцами башни, развинчивал огромный телескоп. Голден-Халла что-то затейливо, мелодично насвистывал за работой. Соловьи на деревьях в саду пытались составить ему конкуренцию, но сыщик побеждал по всем параметрам: громкости, самозабвенности, разнообразию репертуара.

Пес лежал рядом, с упоением и рыком разгрызая чью-то кость. «Надеюсь, не предыдущего им помешавшего», – подумала Ладислава. Ее присутствия будто не замечали.

– Простите меня за фингал, мастер, – наконец смиренно и по-ученически обратилась она к спине в зеленой кофте.

Спина была поджарая, очень прямая, а вот согнутые ноги свои Голден-Халла раскинул по сторонам под дикими паучьими углами: наверное, с такой длиной конечностей их просто страшно выпрямить – дотянутся до самого моря.

В этот момент Берти дернул какой-то болтик, и весь телескоп тотчас рассыпался на детали со страшным звоном. Ладислава ойкнула: сломал?..

– Прощаю! – благосклонно кивнул Голден-Халла, повелитель металлолома, и с удовлетворением оглядел свое блестящее бронзой царство. – Ты не стесняйся, располагайся, я уже ухожу.

Потом он встал, жестом фокусника вытащил из кармана тканый мешочек и, склонившись в три погибели, призывно потряс им:

– Гули-гули-гули...

«Псих!» – мгновенно напряглась Ладислава.

Но... Останки телескопа вдруг встрепенулись и попрыгали к мужчине, как живые, уменьшаясь сообразно таре. Пес Голден-Халлы лениво тявкнул на зарвавшуюся шестеренку, которая прокатилась, как монетка, по жилистой гладкошерстной спине собаки.

Берти поймал это колесико, продел сквозь него еще один белый шнурок (видимо, от второго ботинка) и небрежно повязал железку на шею как амулет. Потом сыщик стянул резинкой

мешочек: тот урчал, как живой, и Ладислава не бралась обозначать судьбу телескопа – механизм укладывается спать или... переваривается?

– Изумительная ночь! – оценил Берти, задрал лицо к небу. И показал луне большой палец: «Одобряю!» Так серьезно, будто его несчастное мнение действительно что-то значило в этом мире.

А потом Голден-Халла пружинистой походкой отправился к люку – мимо Найт.

– Хорошего вечера! – пожелал детектив.

И скрылся в дыре в полу. Пес его уже цокал когтями по ступенькам где-то под башней, рыча и возмущаясь их невиданной крутизне: двигаться собаке приходилось почти вертикально, попой кверху.

Не успела Найт, оставшись в одиночестве, от души проклясть себя за молчание – ну и почему ты не ответила? что за внезапный столбняк? ты дура, что ли, я не понимаю? – как раздался шустрый топот, и рыжая башка с хвостиком вынырнула обратно.

Опаньки.

Голден-Халла деловито наставил на девушку указательный палец.

– Обычно я не нарушаю таинство частной жизни, – предупредил он, вскинув брови. – Но иногда что-то замечу и... разведать не получается. А потому вопрос, госпожа адептка: ты ведь не собираешься прыгать с крыши?

Ладислава подавилась и закашлялась.

– Самоубийство в мою смену – не очень-то для репутации, – пояснил Берти и подмигнул. *Хей, я не серьезно. Если что.*

Ладислава с трудом «отморозилась»:

– Прыгать не собираюсь... С чего вы взяли?

Рыжий все тем же пальцем обвел свой рот.

– Микровыражения, – сказал он. – Ты, конечно, чудесно улыбаешься, широко, открыто, но между улыбками делаешь вот так... – он поджал губы в траурную скобку. – Очень часто. Почти каждый раз. Считается, что это не очень здорово и здорово, скажем так.

– Я не замечала этого, – осторожно протянула девушка.

– А вот я заметил, – Берти виновато развел руками. – Микровыражения – такая вещь... Мы не можем их контролировать. Все равно вылезают, пакостники. Однако их очень сложно засечь – полагаю, для тебя это плюс. В том плане, что ты можешь быть спокойна: для всех твой образ легкомысленной девчонки очень, очень убедителен.

– Х-х-хорошо, – сказала Лади, хотя ей, напротив, стало совсем НЕ хорошо.

Для всех – но не для него?

Берти подпрыгнул, отжавшись от люка, и уселся на краю дыры. Его брови свелись в одну прямую линию, вокруг глаз побежали морщинки, и Найт вдруг поняла – он не так уж и юн, как кажется издали. Лет тридцать ему, наверное, есть, хотя по манерам не скажешь.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спросил детектив, болтая ногами, пока Лади напряженно трогала собственную челюсть, пытаясь понять, как так вышло, что та ее подводит.

Тоже мне, забастовку устроила.

– Нет, вы не можете мне помочь, – наконец выдавила Найт, отведя глаза.

– Ладно. В душу не полезу, обычно там не прибрано, люди злятся и стесняются, хотя, по опыту, некрасивых душ я еще не встречал, – пожал плечами Берти, глядя вдаль. – Но ты знай, госпожа адептка: надежда есть всегда. Не бывает безвыходных ситуаций.

Ладислава чуть не ляпнула: бывает! – но вовремя прикусила язык.

Потом сыщик перевел взгляд на девушку:

– На занятия ко мне записалась?

– Да.

– Тогда увидимся на следующей неделе. Ну и на всякий случай: пообещай, что не прыгнешь, адептка!

– Обещаю, – ответила Ладислава.

Берти расплылся в довольной улыбке. На подбородке у него была ямочка:

– Ну а я прыгну! Мне-то можно.

И ловко соскользнул в люк.

Тотчас – грохот ступней, лязганье бронзы разобранного телескопа и – не успела Лади испугаться – лиричный, очень лиричный свист из старой лесной баллады.

Мастер Голден-Халла исчез по своим делам.

* * *

Ладислава решила дожидаться на крыше полуночи.

Она еще раз обдумала беседу с Берти и поняла: да, наблюдательный сыщик разглядел в ней грусть, даже отчаяние, но он явно не догадывается об их причине. Потому что иначе ему бы и в голову не пришло, что она может прыгнуть с крыши.

О нет!

Ладислава не из таких грустящих. Напротив, она из тех, кто зубами вцепится в жизнь, кто вырвет ее у любого шакала, сохранит, преумножит любимую.

Если дать ей хотя бы шанс...

Один-единственный. На миллион или миллиард – не важно, она выцепит, выскребет, сердцем его выгрызет, но...

Но как раз отсутствие шанса – документально зафиксированное специалистами – и заставляло Лади глухо выть, когда никто не видит. Например, сейчас.

Госпожа Найт засунула руку под свитер и прижала пальцы к трем выпуклым цифрам на ребре. Сердце саусберийки колотилось как проклятое. Хотя почему «как»?

Проклятое оно и есть.

И виновата в этом жмыхова летняя стажировка в порту. Жмыховы пиратские корабли, жмыхов шеф, заставивший ее открыть тот огромный старинный сундук с особо богатого судна... «Мы просто посмотрим, Ладислава, возможно, это сокровище достойно большего, чем камера конфиската, возможно, это наш с тобой шанс на достойную жизнь, девочка, если ты понимаешь, о чем я».

Такие сундуки – хитрые, магические – можно открыть только вдвоем, одновременно облив маг-кислотой два замка: один спереди, другой сбоку снизу. Кислоту выдавали работникам таможни. Обычно после этого крышка отскакивала, содержимое изымалось, регистрировалось и отправлялось на специальный склад.

Но сундук, на который положил глаз начальник Ладиславы, действительно оказался особым. Помимо замков, в нем жило проклятие.

Когда крышка распахнулась, жадный ублодок, сунувший туда нос, умер на месте. А Ладислава, которая стояла сбоку и ненавидела себя за трусость, за то, что согласилась на аферу, побоялась возмутиться, возразить начальству – кто он, кто она, – «получила срок».

Только срок этот был не в тюрьме. А в собственном теле.

«Мне очень жаль, девушка, но это неснимаемое проклятие, мы ничем не можем помочь. Постарайтесь как следует насладиться оставшейся жизнью».

Найт тихо взвыла и потрянула головой, отгоняя плохие воспоминания.

Зазвонили часы – прямо под ней, все на той же башне Алого Ордена. Камни мелко завибрировали, зубец, на который верхом – бесстрашно, да – сидела Лади, низко загудел, пропитанный старым звуком.

Когда звон утих и наступил новый день, Найт почувствовала, как под пальцами выпуклое число «сто семьдесят три» сменилось на «сто семьдесят два».

Девушка до крови прикусила губу. Не плакать. Она сильная. Все нормально. Мимо меня, мимо меня, мимо меня. Надо просто не думать об этом. Вообще.

А если от мыслей никак не избавиться, то можно рассуждать рационально: вообще все в этом мире в одинаково проклятой ситуации – просто ей придется... ускориться.

Найт глянула на бархатную темноту вокруг: академия уже уснула. Нет, прыгать отсюда, конечно, не надо. Напротив, надо жить на полную катушку. Наслаждаться.

Вариантов нет. Рыжий неправ: никакой надежды. Зимой Ладислава «растворится, обратившись морской пеной», – именно так гласила бирка в сундуке с описанием проклятья. Да, прах побери, там была пеплова бирка внутри! Жмыхова бюрократия смерти!..

Так что сейчас надо взять от жизни максимум. Все успеть. Как она и сказала Фрэнсису: приехать на далекий, загадочный остров, где никто и не подозревает, что она живой труп; дружить, влюбляться, учиться, прыгать со скал и долго нежиться в ванне, смеяться и плакать, делать открытия, нарушать правила, бегать, радоваться, создавать что-то новое... И главное – не думать о конце.

Ладислава аккуратно вычеркнула в блокноте пункт про «ночь на крыше». Несколько раз подряд улыбнулась, старательно контролируя выражение лица между улыбками (никаких больше грустных скобок!), и направилась обратно в Хромую башню.

Время жить – сейчас.

* * *

Она шла в спальню, мысленно перебирая приятные события дня, выводя себя в Веселую Ладиславу, и вдруг встала как вкопанная.

Погодите!

А когда, собственно, Берти Голден-Халла успел изучить ее мимику и улыбки, узнать об образе бравой девчушки? В Великой Трапезной Найт совсем не улыбалась: не до того было при взрыве зеркала.

И почему телескоп детектива – Лади поняла это только сейчас – был направлен не в небо, а в сторону пляжа? Рыжий мастер следил за студентами на берегу? Зачем?

– Да в этой д’гарровой академии загадки растут как на дрожжах! – пробормотала Найт, укладываясь спать.

И только Тисса солидарно, как-то аристократично всхрипнула с соседней кровати.

7. Круг замкнулся

Целеустремленный, талантливый, блестящий ученый. Есть некоторые признаки социопатии.

Из личной характеристики доктора Моргана Гарвуса, данной в Башне Магов, Шолохе, Лесном королевстве

Первой лекцией в понедельник значились Тайны Магического Мира. ТММ.

Морган Гарвус нещадно опаздывал. А студенты – нещадно зевали, растекаясь амебами по длинным столам амфитеатра. В окна проливался золотой свет.

– Уже совсем осенний... – вздыхали девочки, но Ладислава, хоть убей, не видела разницы с прежним освещением. Зато в который раз осознала всю мощь календарей – вот уж настоящие тираны мысли!

Лекция была вводная, общая для всех курсов, потому что такой предмет, как ТММ, на Этерне давно отсутствовал. Предыдущий ректор академии – магистр Фоскаш – возглавлял когда-то эту кафедру. Но потом он с головой ушел в администрирование, и ТММ закрыли.

– За ненадобностью. Ибо дисциплина – шлак, – доверительно шепнул Ладиславе ее однокурсник Хлодерик Роу, больше похожий на медведя, чем на человека.

За десять дней с начала учебного года Найт успела познакомиться со всеми своими однокурсниками и пришла к выводу, что они очень даже ничего и им комфортно общаться друг с другом, хотя она и старше их на три года.

Хлодерик был сыном рыбаков: мощным, загорелым, носатым, и от него все время пахло морем. Как говорил сам Роу, побережье воспитывало его наравне с родителями, и на груди адепт всегда носил маленький оберег в виде штурвала.

– Если дисциплина плохая, то зачем возвращать ее в программу? – засомневалась Найт.

– Так ради Моргана! – крупногабаритный первокурсник пожал плечами. – Это... Как объяснить-то... Вот есть страна – Кнассия, и все знают, что она бедная, и валюта там слабая. Но если предложить тебе миллион кнассских тарбриков, ты все равно возьмешь их с огромным удовольствием. Морган Гарвус – как этот миллион. Дисциплина отстойная, цифра достойная. Раз уж он готов преподавать в Буре, глупо не воспользоваться.

Круглолицая Хейли Хани – два карих глаза, две косички, платье, сразу видно, что будет отличницей – оторвалась от письма домой и чинно присоединилась к беседе:

– Доктор Морган так хорош, что мог стать звездой в любой сфере! Но он выбрал наименее перспективную и застрял в ней намертво. Достиг потолка и все, дальше некуда. Пойди он по иллюзиям или боевке – давно бы работал при дворе. А так... Лучший среди худших, – она тяжело вздохнула.

Морган ей нравился, пусть и неперспективный. Сердцу не прикажешь.

С заднего ряда к ним неожиданно перевесилась Красотка Дита:

– Нет, ну согласитесь, Морган – молодец. – Она надула алые губки, не переставая жевать смоляную жвачку. – Он учился и преподавал в самом Шолохе... Это ли не уровень?

Хлодерик с видимым трудом отвел глаза от декольте Красотки.

– Однако! – возразил он. – Сейчас Морган тут, в нашей Буре-дыре. Значит, не так хорошо у него шли дела в магическом королевстве? Значит, по-любому вытурили? А?

– Или леди-ректор нашла, чем заинтересовать его здесь, – уверенно возразила Дита.

Ибо Красотка была из тех экзотических бабочек, чей котелок варит. А что пестро раскрашен – так почему бы и нет? Встречают-то по обложке.

Ладислава не выдержала, обернулась: как там Фрэнсис?

Студентов попросили рассестся по старшинству курсов, поэтому Лади оказалась оторвана от близнецов, устроившихся, как два черных грача, на самой галерке.

Тисса читала что-то вроде моленного сборника богу Рэндому – покровителю телепатии и удачи. Странно, зачем так рано, до экзаменов еще вроде долго? Хотя она вообще странная, эта Тисса...

Фрэнсис спал, положив голову на скрещенные руки. В эти первые недели сентября учеба, едва начавшаяся (и то некоторые предметы вступали в оркестр позже – то же Наследие Этерны или Сыскное Дело), уже оказалась очень напряженной. Новичкам в академии действительно предстояло постараться, чтобы освоиться тут. Как минимум запомнить все тайные ходы и лесенки учебных корпусов. Ладислава и Фрэнсис успевали нормально общаться только за завтраком, в компании Тиссы, после чего жестокое расписание разносило их по разным сторонам исследовательской деятельности.

А по вечерам у Фрэнсиса были настолько поздние спецкурсы с Морганом, что он возвращался в Хромую башню уже после того, как непривычная к колдовству Найт засыпала.

Из-за этого запланированное на пляже совместное распитие кофе проходило в режиме скоростного опрокидывания стаканчиков. Хлоп-хлоп-до-свидания! *Мы с тобой кофеголики, да? Кофепсихи.*

Впрочем, они все равно потихоньку узнавали друг друга – и узнавание это было до пепла приятным.

– В пятницу, – успел вчера шепнуть близнец Ладиславе, столкнувшись с ней в одном из коридоров. – Давай поужинаем в пятницу? Но здесь, прямо в академии. Я все организую и зайду за тобой на закате.

– Я буду рада, – улыбнулась Найт, а единорог на стенном гобелене явственно закатил глаза. Он ненавидел студенческую романтику.

Вдруг – хлопок – и крошечная темнота поглотила аудиторию, выделенную под ТММ.

Окна просто потухли. Как будто ластиком за ними стерли мир: и изнанка его, странное дело, оказалась не белой, а черной как смола, лишающая предметы очертаний.

Студенты умолкли разом, как отрезало. Мимо ряда первокурсников прошелестели шаги. Хрипло каркнул ворон. По аудитории разнесся голос Моргана Гарвуса. Медленный, низкий и холодно-равнодушный.

– Когда-то, – сказал невидимый Гарвус. – Мир для нас был именно таков: темен, безразличен, безотзывчив. Наши предки встали перед выбором: смириться со своей пустотой, нырнуть из тьмы во тьму – бесппроблемно и бессмысленно, – или рискнуть и стать исследователями. Сделать шаг вправо, влево, миллион раз ошибиться и на миллион первый – преуспеть в познании. Зажечь огонь и всмотреться в свет.

Доктор Морган щелкнул пальцами, и у него перед лицом мгновенно зажглась маг-сфера. Найт улыбнулась: вспомнились детские лагеря в Саусборне, где дети с фонариками рассказывали друг другу страшилки.

Лицо у Моргана было правильное, мужественное. Высокий лоб, гордый нос, густые темные брови и светлые волосы, дотошно зачесанные назад, – аристократичный контраст. Горло серого свитера без рукавов доходило до самого подбородка, а алые браслеты были как раны на запястьях.

Морган оперся спиной на кафедру, поигрывая светом в руках. Ворон его, мелко стуча когтями, стал ходить по столу – туда и сюда, заунывно.

– Существует много теорий о смысле жизни, – продолжал профессор. – Ни одна из них, увы, не истинна. Можно только сделать свой личный выбор. Я голосую за познание: процесс, который имеет очевидную цель – развеять мрак невежества. Поэтому я занимаюсь ТММ. Хотя многим моя дисциплина ненавистна. И вот почему: в нашем обществе тайны принято романтизировать. Секреты, загадки, флер недосказанности... Большинство людей лелеет подспудное

желание, чтобы миф оставался мифом: ведь так интереснее. Для них сладкое пространство фантазии, прикрытое вуалью намеков, куда притягательнее голых фактов. Этим пользуются в борделях, книжных лавках и при дворе. Но презируют в науке. Поэтому если вы пришли сюда за подкреплением своих заблуждений – до свидания. Встаньте и уйдите прямо сейчас. Мы не поладим. Я жду.

В аудитории заволновались, зашептались, задвигались и затопали.

Морган усмехнулся уголком рта. Потом вскинул брови:

– Это было первое предупреждение. Второе – наш с вами курс строго теоретический. Никакой полевой работы, одни лишь книги, книги, книги. Не нравится? Вы все еще вольны уйти, поздравляю.

Шебуршание стало заметно громче, как и шаги, скрипнула дверь.

Гарвус выждал около минуты, а когда все опять стихло, кивнул и заговорил уже не так высокопарно:

– Итак, давайте обсудим этапы работы мастера тайн... Оставшиеся – записывайте.

Он щелкнул пальцами; включился свет.

Тотчас выяснилось, что, несмотря на шорохи, не ушел никто: все, напротив, заинтригованно переползли на ряды поближе, а из коридора в зал нырнула любопытная служаночка-уютница.

Поняв это, Морган Гарвус озадаченно моргнул. А потом очень, очень разочарованно поджал губы.

Найт хихикнула.

* * *

К концу лекции Ладислава наконец-то поняла, чем именно занимаются пресловутые мастера тайн.

По сути, они ищут повторяющиеся упоминания явлений, тварей и вещей, о которых нет достоверной информации. Сравнивают свидетельства, анализируют, потом пытаются отыскать сами объекты. Если вдруг находят, то начинают рьяно их исследовать: так подробно, чтоб впоследствии больше никто не назвал эту штуку «тайной». Чтобы узнать о ней Все И Даже Больше. Вписать в систему, вставить, как элемент пазла, в подходящее место в мире: «Все, что мы называем хаосом – на самом деле тоже порядок, но нам пока не хватает сил его осознать».

– И учтите! – говорил Морган Гарвус. – Мы работаем с объектом так, чтобы после нашего исследования он остался ровно в том виде, в каком был изначально. Мы стремимся изучать его в естественной среде, и только если это невозможно – изолируем объект. Или его элемент, если сам объект слишком велик. Системность! Нам обязательно нужен системный подход!

Также в ходе занятия доктор Морган еще дважды настойчиво предложил не стесняться и при малейшем сомнении отказаться от изучения его предмета.

Очень мило.

Сначала Ладислава думала, что это – некий преподавательский флирт, рассчитанный на обратный эффект, на чудо реверсивной психологии. Но потом убедилась, что Гарвусу действительно не очень-то и хочется возиться с адептами.

Кажется, леди-ректор приманила знаменитого ученого в Бурю чем-то другим, а отнюдь не возможностью прыгать за кафедрой, просвещая юные умы.

Большую часть занятия Найт наблюдала за вороном Гарвуса. Тот времени не терял: с помощью лапок и клюва хватал бумажки из высокой стопки и все складывал их в какие-то... птички, что ли. Очень быстро, по две штуки в минуту.

Ворон-творец, создающий себе подобных. Демиург – весь в перышках. Конвейер животно-творческий...

– К следующему занятию попрошу вас ознакомиться с литературой по списку, – наконец кивнул Морган.

Он резко вывернул кисти в заклинании призыва. Тотчас несколько десятков кривокрылых птах ожили, сменив форму на куда более плавную, и, вразнобой щебеча, сначала армией взмыли ввысь, а потом спикировали на студентов верещаще-волшебным дождем.

Кое-кто суетливо метнулся под парты.

– Кар-р-р! – величественно сказал ворон с кафедры и махнул крылом: летите, дети мои, и будьте счастливы.

– Это ж волшебные письма-ташени прямиком из Лесного королевства! Ва-а-а! – бурно радовалась Хейли Хани справа от Ладиславы.

– Позер... – сквозь зубы процедил Хлодерик. У него, простого рыбака, желающего стать целителем, щеголь-космополит Морган явно не вызывал теплых чувств.

А Найт смеялась, глядя на то, как синяя птичка – размером в полкулака, не больше, – прыгает у нее на коленях, чирикая и настойчиво требуя ласки. Лади кончиком ногтя почесала ей клюв – и та, благодарно щебетнув напоследок, вдруг снова застыла и с хрустом раскрылась в список литературы.

«Не все загадки хороши: правила выживания».

«Этика тайны: когда нужно остановиться».

«Ошибаться – это нормально».

«Мигрень или маг-истощение? Учимся рассчитывать свои силы».

Ладислава запихнула список в сумку. Она терпеливо подождала, пока большинство студентов уйдет, и пошла напрямую к Моргану.

Недавний ночной разговор с рыжим мастером Берти Голден-Халлой никак не шел у нее из головы. «Надежда есть всегда». Ох уж эта фраза...

Найт размышляла о ней несколько дней, перекатывала на языке, волновалась всякий раз, как видела сыщика в коридорах Бури, и вдруг поняла, что не может ее отпустить. Что хочет еще раз попробовать... Разочек. Быстро. Убедиться – сыщик неправ, и потом снова жить спокойно.

Спокойно... Ага.

– Профессор, можно вопрос?

Морган Гарвус сидел с книгой прямо на кафедральном столе. Отросшие волосы падали ему на лоб, и все тот же якобы осенний луч солнца шарил по лицу преподавателя, высвечивая то один глаз, то другой, – кажется, шумящая от ветра листва за окном была причиной такой подвижности света.

Доктор Морган поморщился, услышав, что к нему обращаются. А потом все же кивнул, пусть и не отрываясь от чтения:

– Ну?

– Вы можете прокомментировать такую вещь, как неснимаемые проклятия? Существуют ли исследования этой тайны?

– Это не тайна.

– М-м. Значит, современная магия уже умеет их отменять?

Морган с видимой неохотой поднял голову от книги. «Демонологикон. Мифы» – гласила потрепанная обложка.

– Неснимаемые проклятия не являются тайной не потому, что никто не знает, как их снять, а потому что все знают, что снять их нельзя, – равнодушно проговорил он.

Ладислава физически почувствовала, как в груди надорвалась ниточка надежды – незваная ниточка, а потому особенно больно лопнувшая.

Морган Гарвус холодно посмотрел на адептку:

– Я рекомендую вам направиться с вашим вопросом на зельеварение. Проклятия – это туда.

– Спасибо, – как можно безразличней, в тон ему бросила Ладислава и, отвернувшись, пошла прочь.

У края длинной кафедры стоял Фрэнсис.

– Привет. Еще один скоростной кофе, м? – улыбнулась ему Найт, подходя.

Фрэнсис улыбнулся в ответ, но тотчас покачал головой:

– Не могу, у меня спецкурс с Морганом.

– Удачи, – пожелала Лади и еще раз обернулась на мрачного доктора.

Тот внимательно смотрел на них, качая ногой, переброшенной через вторую. Книга захлопнута. В бледно-зеленых глазах Гарвуса, направленных на близнеца, плескался неожиданного-хищный интерес... А Фрэнсис, напротив, с тоской поглядывал в сторону высоких арочных окон, за которыми шумел дубами, звенел смехом адептов и покрикивал чайками-путешественницами сад академии.

– Фрэнсис, давайте уже начнем, – Морган побарабанил по часам. – Лениость... Это грешно, не правда ли?

– Истинно так, мастер Морган, – процедил близнец сквозь зубы и, быстро чмокнув Ладиславу в щеку («О! Прогресс!»), пошел к наставнику.

На пороге амфитеатра-аудитории Лади снова оглянулась. Фрэнсис сидел на стуле перед кафедрой, и вся его спина была видимо напряжена. Морган, что-то тихо рассказывая, достал из сумки зеркало на ручке...

И Лади уже хотела остаться, подглядеть, но – ворон пронзительно каркнул. Гарвус тотчас увидел девушку и щелкнул пальцами. Двери перед Ладиславой с грохотом, по заклинанию, захлопнулись.

«Уж не на тебя ли, Фрэнсис, приманила доктора леди-ректор?..» – содрогнулась Ладислава, ощупывая нос, едва оставшийся при ней. – «Пустошные демоны, да кто ж ты такой?»

* * *

Леди-ректор вела зельеварение наверху Пугливой башенки, в бывшей голубятне.

Придя туда первый раз, Ладислава с удивлением узрела в центре чердака колонну – такую же шестиугольную и древнюю, как была в библиотеке.

– Не такую же, а ту же самую. Это единая колонна, она проходит сквозь Бурю, как хребет, – объяснил ей Стэн Хлестовски.

А сегодня до начала пары со всем первым курсом случился казус.

Казус назывался «птица иррин».

Сие волшебное создание – коренной обитатель острова, наравне с грызгенами, – принадлежал Элайяне. Хотя, спроси кто саму птицу иррин, она бы сказала «Ри-гра-квахтэш!» – что значит: «Да не будет власти одной души над другой».

Именно птица иррин встретила адептов в голубятне. Она стояла среди ученических котлов, как среди хороводящих танцоров, и была диковинно хороша: нечто среднее между пустынным страусом и совой. меховая груша размером с овцу, на длинных и тонких ножках, с черно-белым пухом, обворожительными ресницами и...

– Что она делает?! – хором ахнули первокурсники, когда иррин при их виде начала стремительно раздуться в шар.

...И с великолепным голосом, завораживающим и гипнотизирующим всех, кто взглянул в глаза иррин в момент ее пения.

– Приплыли, – вздохнула леди-ректор, которая пришла на урок дотошно-пунктуально, со звуком гонга, и встретила два десятка пускающих слюни адептов.

Эльфийка отвесила птице непочтительный подзатыльник, та поперхнулась и умолкла. Студенты очухались и расселись по местам. Птица, расстроенная тем, что ее не оценили, ушла

в угол класса и долго стояла там, клювом в стену, периодически обиженно раздуваясь и сдуваясь... Лади подумала, что, если бы она увидела такую штуку в темноте, то умерла бы на месте от разрыва сердца.

Впрочем, у иррин оказался дивный нюх на зелья. И незлобивая память. Именно поэтому Элайяна приглашала птицу на практические занятия. Когда студенты ошибались – а ошибались они куда чаще, чем преуспевали, – она совсем по-человечески вздыхала, подходила и продолжала томно вздыхать у студента над ухом, страшно нервирова его и намекая леди-ректору, что тут, дескать, проблемка.

Так и помогала хозяйке.

Когда чей-то котел взорвался кислотно-желтым дымом, а вслед за ним – сразу второй, Элайяна цокнула языком:

– Если вы хотите быть богатыми – учитесь у богачей. Хотите быть здоровыми – учитесь у здоровых. Хотите получать пятерки – учитесь у отличников.

– Э-э-э, – непонимающе протянули адепты, чуя подвох.

Эльфийка усмехнулась:

– Я к тому, что я не против того, чтобы вы подглядывали в котлы друг другу. Но смотрите, как работают те, кого я хвалю – а не абы куда! И повторяйте за отличниками точь-в-точь. Ну или отрежьте от них кусочек и съешьте – в надежде приобрести знания автоматически.

Адепты расчихикались.

Элайяна удивленно вздернула бровь:

– А чего это вы веселитесь? Я как зельевар во многом согласна с таким подходом. Конечно, он простоват, но... Зачастую отражает реальность. Для многих зелий мы преобразуем ногти, когти, волосы волшебных тварей, надеясь получить часть их способностей. Для самых сильных – сердца. Это правда. И это работает. Так что, отличники, берегитесь, – подмигнула она.

После пары Ладислава подошла к эльфийке.

– Госпожа леди-ректор магистр Элайяна... – на выдохе сказала Найт (та благосклонно выслушала все причитающиеся обращения, а иррин, собственной мочалистой башкой моющая котлы, ехидно кудахтнула). – Вы можете рассказать мне о снятии неснимаемых проклятий?

Элайяна не могла.

– Неснимаемые они и есть неснимаемые, – она пожала острыми плечами. – Варятся такими. На сегодняшний день – это гарантированное убийство, как на гномью мину наступить. Если хочешь, уточни на боевой кафедре. Может, они и придумали оборону. Но вряд ли – я бы об этом знала. К чему вообще такие вопросы?

– Просто так...

– У всех тут все «просто так», и именно поэтому мы никак не войдем в список лучших мировых академий, и поэтому экспертов я зазываю годами, и поэтому, когда я приезжаю в столицу, никто не видит во мне магистра – помнят только про д'гарровый эльфийский отбор... – проворчала Элайяна.

Ладислава ушла.

– Хм. Неснимаемые проклятия!.. А ведь они тоже наверняка попадают в список, – оставшись одна, задумчиво пробормотала ректор и что-то быстро черкнула в блокнот.

* * *

После зелий Лади потопала в противоположный угол академии: в древнюю полуразрушенную и полуподвальную пристройку, где тренировали боевую магию. Проходя меж распахнутых дверей Мечтательной Аудитории, девушка углядела за ними Берти Голден-Халлу.

Рыжий сыщик устроился на подоконнике. За спиной у него был восхитительный бирюзовый витраж – море, сплошное море, – подсвечивающий его и без того яркие волосы.

Сыскное Дело у новичков должно было начинаться только в пятницу, а вот старшие адепты уже всю размахивали лупами и сборниками задач на логику.

Найт им завиговала.

Сейчас Берти сидел в позе шамана-рассказчика, а перед ним прямо на полу лежала толпа второкурсников (кулаки под щеками, пятки болтаются безрассудно). Стулья были сдвинуты к стенам, неприглашенные. Берти что-то упоенно вещал, энергично размахивая лупой, и адепты покатывались со смеху. Непонятно было, урок это или перемена.

Ладислава очень медленно прошла мимо дверного проема.

Эдак задумчиво, статно, держа уголки губ вверх, думая, что сейчас Берти наверняка увидит ее и отмочит что-нибудь, уже готовая ответить крайне остроумно, тон в тон...

Но Берти ничего не сказал. Он вообще ее не заметил. Нет, он и не должен был, конечно. Человек занят.

А все же...

Ладислава нахмурилась: может, так же пройти обратно, еще помедленнее?.. Кашлянуть, м?..

И тотчас ужаснулась – *это вообще откуда такое лезет, Найт?! –* и уже бегом рванула на боевку.

Д'гарр, придумается еще.

Магистр Шильд'эс на своих занятиях не терял времени даром: он с первого дня обучал студентов простым, но эффективным заклятиям. Сегодня в программе были воспламеняющиеся пульсары.

Ладислава радовалась: после полутора часов в позе старухи за котлом было приятно побегать и поубивать специальные самовосстанавливающиеся чучела. К концу занятия маг-браслет девушки совсем истощился.

– На, съешь. А то потухший браслет оставит раны на запястьях и вызовет у тебя ужасную мигрень, – поджарый магистр Шильд’эс, урожденный шэрхен (синие волосы, серая кожа, острый нос и угловатое обаяние), сунул ей зеленую таблетку.

Ладислава замялась, ибо Шильд'эс пах мхом и грибами и не внушал доверия. Но потом все же сжевала тониизирующую дрянь.

– Магистр, а боевые маги умеют снимать неснимаемые проклятия?

Конечно, нет. Конечно, это к знахарям.

И у знахарей, конечно, успеха не случилось. Общаться с мастером-целителем вообще было сложно: он обустроил свой класс в Колокольной башне, прямо под звонницей, четырежды в день слушал колокола и мальчика оглох.

Хотя, может, виной тому была старость: профессору Ранкинсу стукнула сотня в прошлом году. Праздновали всей Этерной.

– Нет, госпожа Найт, это не ко мне, – старик покачал белоснежной головой. – Вы знаете, вы сходите к этому мальчику... Ох... Как же его... Ну, есть у нас такой один хоро-о-о-ошенький преподаватель...

– Голден-Халла? – мгновенно сообразила Лади.

– Нет-нет, там фамилия такая... Г... Г...

Ладислава очень боялась, что профессор не доживет до конца разговора.

$$-\Gamma \dots$$

– Хорошенький и на «Г» – да точно ведь Голден-Халла? – нахмурилась она. Другие ей в голову не шли. Найт повторила погромче:

– ГОЛ-ДЕН-ХАЛ-ЛА!

– Нет-нет... – скрипел профессор, поводя бровями. – А! Гарвус, вот! Морган Гарвус – сходите к нему.

Ладислава вздохнула. Круг замкнулся.

Что и требовалось доказать...

8. Ночной разговор

«Ноа, если хочешь, отправь детишек ко мне. Я не разбираюсь в магии, но помогу им пережить эту боль. И у меня тут много замечательных колдунов вокруг». «Я не отправлю детей к вам и вашим чащобным грешникам. Ваш образ жизни порочит нашу фамилию».
Из частной переписки

К вечеру очередного дня Ладислава была выжата как лимон. Зевая, она добрела до спальни, с трудом стащила с ног тяжелые ботинки, заползла на высокую кровать и мгновенно вырубилась.

Близнецы пришли вскоре после этого, вдвоем, причем Фрэнсис, спотыкавшийся на каждом шагу, практически висел на плече сестры. Он сразу же упал на стул, согнулся пополам и со стоном обхватил голову руками.

– Сегодня тоже болит? – спросила Тисса.

– Раскалывается. В прямом смысле. Как только Морган потянулся к *нему*, он...

– Фрэнс! – зашипела Тис, вдруг увидевшая Ладиславу, лежащую как бревно лицом вниз и не шевелящуюся вовсе.

Блинец – всклокоченный, бледный, ошалевший от боли – поднял голову и быстро сплел простенький блок от подслушивания.

Вокруг Ладиславы возник переливающийся пузырь, будто мыльный. Отрезанная от звуков внешнего мира, Найт засопела еще безмятежнее.

– Так вот, – с трудом продолжил парень. Язык все еще плохо слушался. – Едва Морган потянулся к нему, как он начал беситься. Причем куда сильнее, чем раньше, когда был просто голоден. Доктор Гарвус говорит, что потратил на пристрелочное изгнание всего пятнадцать минут, но мне они показались вечностью. Так что, считай, я раскрыл секрет бесконечной жизни, вернее, ее иллюзии: это пытки, – близнец горько усмехнулся.

Все кости до сих пор, казалось, вывернуты наизнанку.

Сегодня был первый день, когда их спецкурс с Морганом перешел из теоретической фазы в практическую. Фрэнсис с самого начала знал, что будет непросто, но что *настолько*... Близнец сглотнул. Во рту все еще была кровь.

– Если само изгнание было таким коротким, то... Что же вы делаете в остальное время? Ты там весь день провел, – нахмурившись, протянула Тисса.

Фрэнсис взял из ее рук обезболивающий эликсир, жадно выпил.

– После пыток Гарвус сказал: «Разреши ему». И я сменил ипостась. Там была пентаграмма, и демон бился в ней, как прахов псих. Морган подготовил ему мяса, но тот проигнорировал, только все пытался дотянуться до доктора, шпаря себя и меня о защиту. А Гарвус сидел в углу и делал свои долбанные заметки. Потом он ушел, и демон буянил еще несколько часов, прежде чем устать, поесть и дать мне вернуться. Собственно, вот и все.

Фрэнсис вздохнул и закрыл глаза. Они странно горели, как при высокой температуре. На изнанке век все до сих пор светило золотым. Руки тряслись. Демон внутри – уставший, но не смилившийся, – глухо ревел, колотясь о грудную клетку.

– Короче, Морган посмотрел на это дело и вывел: мы правы, это демон. То, что я разрешал ему охоту в море, кажется доктору Гарвусу ошибкой. Теперь никаких договоров. Только борьба. Подавление. И голые ужины кровавым мясом в пентаграмме, – Фрэнсиса невольно передернуло. – Дипломатия кончилась, толком не начавшись; сразу война.

Тисса пожала плечами:

– Ну я бы не сказала, что это сюрприз... Ведь все считают, что так правильно, разве нет?

– «Все» – это ты и отец? – вскинулся юноша, и Тисса отшатнулась, когда в глазах брата полыхнул золотой огонь.

Близняшка гордо выпрямила спину:

– Фрэнсис! Дипломатия была бы слабостью. Ведь демон – темная сущность, и от него надо избавиться как можно скорее. Вдруг он окрепнет? Вдруг однажды не только ты увидишь его в зеркале, но и все мы? Ты представь, какой будет скандал! Сын Его Высокопреосвященства Архиепископа Саусберийского – демон!.. Папочка никогда не отмоется!

– Тисса, ты себя слышишь?! – прошипел Фрэнсис. – У меня внутри живет монстр, чье существование даже доказано прежде не было, а тебя волнует авторитет отца? Серьезно? Его долбаный статус? Вот это здесь самое главное?

– Твои речи, Фрэнсис, как всегда, возмутительно...

– Скажешь «грешны» – я тебя убью, – прорычал брюнет.

Тисса побледнела.

– Видишь?.. – ахнула она. – Он захватывает твои мысли!

– Тисса, это оборот речи.

– Нет! Это знак! Фрэнсис, я тебя очень прошу – слушай доктора Моргана!

– Он сам признает, что наш спецкурс – это чистый эксперимент, что раньше он встречал демонов только в ругательствах. Более того, он мастер тайн, а не мастер изгнаний! Он понятия не имеет, что со мной делать, я для него – лишь досадная помеха, оболочка, мешающая изучить интересный образец. Все эти дни он на меня чуть ли не облизывался, так хотел практику! А перед парами читал «Демонологикон», чтоб подготовить формулу изгнания. Популярную энциклопедию, Тисса!..

– Ну и что? Подготовил же! Если не верить ему, то кому?

– Себе, Тис. Себе надо верить.

Они помолчали. Фрэнсис застонал, сжимая виски.

Демон внутри опять ревел, раскручиваясь, как спираль.

– Мне кажется, прежде чем ехать сюда и соглашаться на пытки, нужно было попробовать найти с ним компромисс, – пробормотал Фрэнсис.

– С кем? С демоном?! – ужаснулась Тисса.

– Все эти дни, когда я отпускал его на море, он был достаточно спокоен.

– О боги! Фрэнсис! Это же лукавая, злая тварь! Скольких он убил – ты вдумайся! Ни за что! Он просто пудрит тебе мозги! Наверное, ты забыл, *сколько там было крови!* Тот день... – она запнулась. – Тот клуб... Он до сих пор снится мне в кошмарах, и, даже проснувшись, я не могу забыть их крики. Ты правда хочешь устроить подобное в академии?! – голос девушки замер меж гневом и страхом.

Фрэнсис вздрогнул.

– Ты права, – тихо пробормотал и провел руками по лицу, будто умылся. – Кажется, я действительно забыл.

Тисса какое-то время буравила его мрачным взглядом. Потом вздохнула. Лицо ее резко осунулось и смягчилось.

Она опустила на корточки рядом с братом:

– Прости меня...

– Не надо.

– Фрэнсис, миленький, солнышко мое, душа моя, ну, пожалуйста, прости... – она кусала губы, глядя его коленку. – Ну как я могу получить твое прощение? Ну что мне сделать?

– Тис, все нормально. Хватит плакать. Ты не виновата.

– Виновата, виновата...

– Небо голубое, да успокойся уже. Ты, главное, сама себя прости. Боюсь, твоя проблема именно в этом.

Близняшка вспыхнула, услышав эти слова.

– Гули-гули... – вдруг невнятно пробормотала Ладислава на кровати. – Гули-гули-голд-гули... – и, перевернувшись на спину (пузырь поплыл за ней), блаженно улыбнулась.

Тисса взволнованно оглянулась на соседку:

– Как думаешь, то, что ее подселили к нам – это и впрямь удачная случайность, знак богов? Или она все-таки шпионка? Газетчица? И ее послали затем, чтобы раскрыть твоё состояние и тем самым надавить на отца и церковь?

«Раньше думать надо было», – мысленно вздохнул Фрэнсис.

Но вслух сказал:

– Я сразу же предупредил леди-ректора, что мы тут теперь не одни. Она вызвала к себе мастера Голден-Халлу и попросила его присмотреть за девушкой. Если с Лади что-то не так и это касается нас, мы узнаем.

– А Голден-Халла что, тоже в курсе нашей ситуации? Он же еретик... – протянула близняшка.

Ибо она, в отличие от студентов с пляжа, слышала, почему рыжий Берти в том году внезапно приехал преподавать в Академию Бурю. И не одобряла.

– Нет, не в курсе. Элайяна и сыщик слишком близкие друзья, чтобы он оспаривал её право молчать о деталях.

Обезболивающий эликсир наконец подействовал.

Фрэнсис поднялся, подошел к окну и, не глядя на скалящегося демона в стекле, распахнул створки. В комнату ворвалась ночная прохлада, смешанная с запахом соли, еловой хвои и далекого костра.

Потом близнец подошел к постели Найт. И, прежде чем деактивировать сферу, он наклонил голову, любуясь спящей девушкой.

– Она тебе нравится? – Тисса уже не в первый раз замечала во взгляде брата какую-то странную мягкость.

– А что? – он поджал губы.

Тисса знала: это «да».

– Это наверняка плохо скажется на твоём здоровье! – нахмурилась близняшка. – Ты нестабилен из-за демона. Обязательно предупреди Моргана Гарвуса, если у тебя наметятся какие-либо, кхм, романтические, а точнее, сексу...

– Тисса! Ты издеваешься, что ли?!

– Мало ли как демон среагирует на новые для него аспекты твоей физиологии? Не время влюбляться. И не время стесняться: если что, ты скажи Гарвусу, а я напишу отцу, – якобы «по-врачебному» увещевала Тисса.

– Тис, – прорычал Фрэнсис. – Давай просто сделаем вид, что ты этого не предлагала?

– Давай ты не будешь гулять с Ладиславой? Так надежнее.

– А давай ты не будешь лезть с такими советами? Спокойной ночи.

– Так ты пообещаешь не встречаться с ней?

– Да прекрати уже!

Когда Фрэнсис ушел, Тисса мрачно достала из стола предметы для письма, забралась на подоконник и стала сочинять весточку отцу.

Фрэнсис против этого? Ну и ладно. Даже лучше, если Тис возьмет все под свой контроль. Может, хоть так отец увидит, что она тоже чего-то стоит. Способна на правильные решения. Старается все исправить. Берет ответственность на себя. Борется.

Эх, отец, отец...

Она встречалась с Ноа де Винтервиллем так редко! Близнецы росли в столице, отданные на воспитание во дворец, ведь священным чинам в Асерине разрешались дети, но не разрешалась трата времени на оных.

Тисса знала, что их с Фрэнсисом мать умерла, когда им не исполнилось и года. Она не помнила о ней ничего, хотя иногда в мыслях старательно пыталась вызвать облик теплых материнских рук, которые наверняка обнимали ее, и гладили по голове, и обещали защитить от всего на свете... Но мамы не стало, ее за считанные месяцы сожгла болезнь.

Еще у них с Фрэнсисом была бабушка – госпожа Пиония де Винтервилль, – но отец запрещал общаться с ней, считая ее и ее образ жизни грешным. «Это грешно» – вообще было фирменной фразочкой Ноа, визитной карточкой архиепископа и определенно предметом культа – ее даже писали на сувенирных кружках, продающихся возле дворца в Саусборне...

Впрочем, несмотря на запрет отца, в детстве близнецы все равно проводили много времени с Пионией – она встречалась с ними тайком, называя это игрой и веля никому не рассказывать. Это она научила Тиссу варить липовый сбор и другие пленительные напитки, что позже выросло в интерес к зельеварению.

Но однажды отец узнал об общении близнецов и бабушки, и больше они не видели госпожу Пионию. А около трех лет назад Пиония и вовсе уехала из страны, сказав, что хочет попутешествовать. Она так и не вернулась, оставшись жить в Лесном королевстве.

И сколько бы она ни приглашала близнецов приехать, они не делали этого. Фрэнсис хотел, но не успевал из-за активной учебы на Боевой кафедре, а Тисса...

Пожалуй, в какой-то момент Тисса тоже согласилась с тем, что Пиония – грешница. Слишком все у нее легко, слишком беззаботно. А еще у Пионии никогда не было мужа. И Тиссу волновало, что бабушка любит других людей как будто так же сильно, как и их с Фрэнсисом... Это немного расстраивало. Это было нечестно, так ведь?

Зато Тисса обожала папочку.

Увы, односторонне.

На сто процентов односторонне.

Тисса растопила сургуч в медной ложечке и запечатала только что написанное письмо. Утром она отдаст его разносчику, который отнесет послание в голубятню какой-нибудь из деревень. Девушка убрала конверт в карман и вздохнула, глядя на красноватую, как воспаленную, горе-луну.

И вдруг... Над ночным садом поплыли звуки музыки. Кто-то играл на виолончели. Вдалеке. Играл великолепно. Сначала робко, а потом все шире и громче, раскрываясь, разрастаясь и сливаясь с хрустальной бесконечностью небес. Тисса замерла и не шевелилась до тех пор, пока невидимый музыкант не умолк.

Она долго еще сидела в ночи.

– Вот *это* точно знак на удачу... – пробормотала замороженная близняшка. Потом соскользнула с подоконника, подошла к кровати Ладиславы и туго переплела руки на груди. – А ты, похоже, наоборот.

9. Корпус загадок

Оборотничество – генетическая особенность, которая чаще всего проявляется у жителей Иджикаяна и Асерина. Оно нередко передается по наследству, но «заразиться» оборотничеством нельзя. Вопреки расхожему мнению, способность оборотня менять облик никак не связана с лунными циклами.

Энциклопедия «Дорогах»

Тисса черным лебедем влетела в Великую Трапезную и с размаху плюхнулась на стул напротив брата.

В карманах ее вязаного кардигана гремели витые ложечки и алхимические щипцы. В котелке, брошенном на пол, зарождалась жизнь. Три других котла – с ингредиентами – тряслись и рычали под крышками.

– Как ты себя чувствуешь? – близняшка деловито потянулась ко лбу юноши – измерить температуру.

Фрэнсис, который встал ни свет ни заря (демон внутри был лучше будильника) и теперь завтракал, обложенный учебниками по боевке (как талисманами: вдруг знания как-нибудь сами в голову просочатся?), привычно увернулся, оторвался от омлета и удивленно уставился на сестру:

– А где Ладислава?

Тисса закатила глаза.

Лади меж тем как раз зашла в Великую Трапезную. Она и не подозревала, что ночью ее разжаловали из статуса «амулет на удачу» в статус «непредвиденная неприятность». А потому пребывала в недоумении: почему Тисса с утра не перемолвилась с ней ни единым словом? Только убежала вперед, громыхая склянками, отворачивая нос. Что за жмыхня такая?

Ну ладно, спишем это на то, что завивка волос гусеницами слишком сильно перетянула ее бабку. Кислород не поступает, функции мозга отключаются, и первым делом пострадало дружелюбие.

Найт подобрала по дороге уползшего от Тиссы жука-аморфина, закинула его в котел близняшки.

– Не за что! – нарочито подмигнула Лади в ответ на молчание той.

Потом села за стол, плюхнув локти поверх скатерти, и они с Фрэнсисом оживленно зещебетали. Тисса глядела на девушку волчицей – как на лису, приставшую к ее волчонку, – но потом все же нехотя и с опаской включилась в беседу. А там и разговорилась кое-как.

Настроение у Лади пело и плясало, радужное. Она выпалась, пары на неделе предстояли сплошь интересные, соседи-близнецы и новоявленные друзья-однокурсники позволяли ей ни на минуту не оставаться одной – а значит, и не думать о плохом...

В трапезной царил мир и покой. Уютницы в белых фартуках сновали меж столов со свежим кофе. Утро покачивалось на волнах солнца, и зал потихоньку заполнялся зевающими студентами всех мастей.

Преподаватели, как обычно, завтракали у себя.

Если адепты жили в Полуночном крыле, то мастера селились в коттеджах, разбросанных по территории замка. Так, домик Стэна Хлестовски был построен на дереве в Риторической Роще, старенький магистр Ранкин жил у пруда с ундидами («Так приятно смотреть на них по утрам, так бодряще»), госпожа Клыккер обитала над конюшней, а мастер Шильд'эс – на грибной поляне, в дружественном окружении мухоморов.

Моргана Гарвуса поселили поближе к Буре как важную особу: его белокаменный дом с пышными цветами на карнизах выходил прямо на Большой Фонтанный Двор.

Хотя если бы кто спросил самого Гарвуса, то мастер тайн предпочел бы жить на отшибе, а не вот так – когда мимо спальни круглыми сутками шляются студенты и часть из них (преимущественно женского пола) иногда стучит в окно, хихикает и убегает. А на запотевшем стекле остаются сердечки, подозрительно напоминающие ягодицы – рисовали быстро, волнительно...

В общем, ни войти, ни выйти незамеченным. Ну если только через черный ход для прислуги.

Тисса, Фрэнс и Лади болтали о том и о сем, когда зеркало-водопад раскрылось аркой и под своды трапезной взмыл громкий и знакомый собачий лай.

Сердце Ладиславы дернулось.

Она обернулась. В зал стремительно вошел Берти. Золотистый пес вился вокруг длинных ног Голден-Халлы, и сыщик перешагивал через свою юлу-собаку, как цапля, высоко вскидывая острые колени.

– Хей, народ, всем доброе утро! – рыжий несколько раз громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание, и без того мгновенно слетевшее к нему на плечо, как голубка.

– Объявление первому курсу! Пятничный семинар по Сыскному Делу переносится! Нет, не спешите рыдать: не отменяется, а переносится, – уточнил он, заведя вытянувшиеся лица новичков. – Никаких пыльных аудиторий! Я буду ждать вас в пять пополудни у водопада Проклятых Душ. Возьмите купальные принадлежности, – подмигнул он.

Тут пес Голден-Халлы кинулся к ближайшему столику, выхватил там у Красотки Диты бумажную салфетку из рук и стрелой метнулся прочь из Трапезной, довольно урча.

– Ох! – вздохнул Берти. – Вам вернуть салфетку?

– Не надо, – удивилась Красотка.

– Хорошо. А то у пса нюх на необычности. Он предпочитает вырывать что-нибудь личное. Шпионский шифр, любовное письмо, дурные стихи. Итак: пятница, пять часов, водопады. Всем приятного аппетита и до встречи.

И такой же танцующей походкой, что-то насвистывая, утопив веснушчатые руки глубоко в карманах, Берти удалился.

– Я слышала, он творит прах-знает-что на своих парах, – Тисса неодобрительно нахмурилась. Ей не очень-то нравился детектив. – Ты идешь на сыск? – обратилась близняшка к Лади.

– Да! – горячо закивала та и машинально поправила волосы.

* * *

После завтрака ребята разбежались в разные стороны.

Морган Гарвус уже ждал Фрэнсиса, замерев темной фигурой в боковой арке.

– Морган, мы можем в пятницу закончить пораньше? – попросил Фрэнс, памятуя об ужине с Найт. – У меня там планы на вечер.

Доктор Гарвус вздернул бровь, презрительно скривил губы, но... Согласился.

– У меня тоже планы, – холодно сказал он, быстро идя по внешней замковой аркаде в сторону Старой Пыточной. Ворон парил у него над плечом. – Постарайтесь сейчас не умереть от разочарования, но: мой мир не вертится вокруг вас, Фрэнсис. Однако не будем забегать вперед. Сегодня нас ждут два способа изгнания: они описаны в кнасской сказке VI века, и, хотя толкование текста неоднозначно, а протагонист погибает в муках, думаю, попробовать стоит.

Фрэнсис вздохнул.

* * *

Тисса, обвешанная котелками и ретортами, как тяжелогруженный ослик старьевщика, отправилась на алхимию.

А Ладислава, одна-одинешенька, пошла на Наследие Этерны к Стэну Хлестовски.

Ночного человека Ладислава нашла в библиотеке. Стэн лихорадочно бегал между книжных стеллажей, выхватывал какие-то романы, листал их, плюхал на стойку и выбегал за следующим. «Что делать, что делать, что делать!» – бормотал Стэн, иногда срываясь на уханье.

Ладиславу он не увидел.

Девушка понаблюдала за ним несколько минут, после чего осторожно окликнула:

– Мастер Стэн?

– Батюшки! – охнул сторож-помощник-сова, обернувшись. – Уже пришла? Ишь какая... пунктуальная!

По виску у него сбежала капелька пота. Он, раскрасневшийся и несчастный, с откровенным ужасом смотрел на студентку, которая уже с готовностью сжимала в руках тетрадь для записей и перо.

– Э-э, – сказала Ладислава, осматриваясь. – А что мне делать? Сесть за кафедру? Или ты проводишь занятия где-то в другом месте? У нас же как бы лекция? Или что?

Стэн облизнул губы и яростно почесал затылок. Лади склонила голову набок, не понимая. Стэн медленно выдохнул и пошевелил ушами.

– Я не знаю, – наконец буркнул он. – Я первый год преподаю. Я еще ни разу не вел ни одной пары. Я понятия не имею, что с тобой делать. У меня есть книги, – он обвел широким жестом полнейший бардак из самых разных учебников. – И у меня есть голова, – Стэн красноречиво постучал пальцем по виску. – На этом все.

– Ну, это неплохой комплект, – оптимистично оценила Лади. – С этим можно работать.

– Думаешь? – Стэн стеснительно улыбнулся, нахохлился и замер.

Его желтые глаза не мигая смотрели на Ладиславу. *Ну и как же с этим работать? Расскажи.*

Найт вздохнула. Кажется, беднягу надо подтолкнуть.

– Стэн, а ты можешь рассказать мне про остров? В любой форме? Ты же местный. Не надо научно, просто... Что-нибудь интересное. Что угодно.

– Это я могу! – обрадовался Стэн. – И даже показать могу!

И, неожиданно воспрянув духом, он схватил девушку за руку и потянул за собой.

* * *

Стэн и Лади покинули библиотеку через тайный ход внутри огромного глобуса – настроения ради.

Они наискось пересекли Фонтанный Двор, по которому обескураженно бродили пятна солнечного света – то ли отраженные от островерхой теплицы, то ли сбежавшие с практикума по стихиям. Потом Хлестовски обогнул дом Моргана Гарвуса (он называл его «пряничным») и ввинтился в неприметную арку замковой стены.

Снаружи текла река.

Они перебежали ее по горбтому мосту, похожему на спину саламандры.

– Так-так, с чего бы начать... – Стэн по дороге оглядывался в поисках вдохновения.

На берегу загорала ундина. Рыбеха разлеглась на мелководе, шлепала хвостом по опопрам и самозабвенно горланила брутальную моряцкую песню. На прикрытых глазах – ракушки,

чтоб не светило солнце. Магов ундина не заметила, иначе б точно устыдилась всех потерянных нот.

И сохраненной лексики.

– Я придумал! Сейчас мы будем щупать, радоваться и познавать! – пообещал Хлестовски, потирая ладони.

– Что именно? – не поняла Найт.

– Анатомию!

– Эм. Стэ-э-э-н?

Скатившись вслед за бусинкой-Стэном с моста, Ладислава оказалась на опушке Риторической Роши. Библиотекарь-птица молча поманил девушку под покровы леса.

Зеленая тишина встретила их, слегка оглушив свежестью после нагретой равнины сада. Серебристые тополя с махровыми листьями будто пели, перебрасываясь репликами-шорохами: тише и громче, звонче, почти беззвучно и вдруг – возмущенно-пронзительно, когда непрошеным гостем ветер влетал под пушистую юбку крон.

Хлестовски вывел Лади на поляну, усеянную сине-фиолетовыми кристаллами: они росли из земли, похожие на клыки волшебного волка.

Там ночной человек замер. Как в пасти.

– Ты помнишь, ты спрашивала про морские отливы? Почему они случаются?

– Помню. Из-за излишков магии.

– Ага... Точнее, из-за того, что Этерна подбирает море, как подол, когда мы колдовством затопливаем землю. И леди-ректор вас увещевала: не злите остров. А все почему? Потому что остров живой. Ну-ка подойди-ка!

По просьбе Стэна Ладислава приблизилась к одному из кристаллов и протянула руку. Еще не коснувшись друзы, она почувствовала легкое напряжение, силовую ауру. Маг-браслет на ее запястье тихо загудел, по нему пробежала искра.

– Что это? – удивилась Найт.

– Это зубы Этерны, – Стэн кивнул и мягко, как зверька, погладил синий кристалл. – Их много на острове. В академии тоже есть.

– Да, я видела!

Стэн свернул с поляны и, с треском продравшись сквозь кусты рябины, вывел адептку на желтый холм, усыпанный радочветами.

– А вот это... – сторож-библиотекарь указал на вытянутое каменное плато, которое заросло багряным мхом и горкой скатывалось в пух леса под ними. – ...Это язык Этерны.

– И впрямь анатомия! – улыбнулась Найт.

И коснулась шершавого камня: *здравствуй*.

Медицинско-геологическая экскурсия продолжилась, набирая масштаб.

Так, почками Этерны оказались два болота, формой напоминающие орешки кешью. Ребрами Этерны – частокон наклонных камней, выставших из песчаного восточного берега и утыкавшихся в скалистую гряду Кастийяс. Ладислава поверить не могла, что это творение природы, а не золотых рук скульптора – слишком уж эти наклонные иглы напоминали храмовые подпорки в соборе Святого Пантеона. Шестиугольную колонну в центре Академии Бури Стэн назвал позвоночником острова.

А гландами Этерны были два крупных кварцевых нароста у входа в пещеру, где жил медведь-людоед.

– Если он людоед, может, не будем приближаться? – прикинула Найт, а Стэн-сова отмахнулся:

– Улетим, если что! – и тотчас ойкнул, поняв, что нет, не все улетят как бы.

От пещеры они удалялись очень быстро и на цыпочках.

Роль легких Этерны играли лиственный и сосновый леса. Желудок Этерны был горячим розовым озером с алой дымкой, клубящейся круглосуточно, с глазастыми толстыми рыбами, изгнанниками доисторической эры, которые молча всплывали на поверхность и разевали рты в глубокой тишине пара.

– Впечатляющая расчлененка! – признала Найт, когда Стэн поочередно показал ей уши Этерны, колени Этерны, седло Этерны и даже пяточку... Все раскиданы по разным краям острова в полном беспорядке.

Естественно, прогулка длилась куда дольше положенных полутора часов.

Но когда Лади намекнула Стэну, что, дескать, у нее сейчас герменевтика по расписанию, ночной человек отмахнулся:

– Дык ж сама говорила – прогуливать будешь! К тому же мы еще не видели Корпус загадок.

– Ага! – Найт шла, собирая бруснику по сторонам тропинки. – А он у нас что за конечность?

– Догадайся.

Но ни одна из версий Ладиславы не вызвала у Стэна ничего, кроме булькающего совиного смеха.

– Ишь! Нет, нет и нет, – прокудахтал он очень довольный. – Корпус загадок – это душа Этерны.

– О, остров настолько живой? – удивилась Найт. – Типа *по-настоящему живой*? Как человек?

Хлестовски заметно заволновался, нахохлился:

– Так-так! Погоди, философский диспут я не потяну – «по-настоящему живой», ишь! Иди с такими мыслями на чей-то другой урок, у меня – сказочки.

Ладислава покорно изобразила, как зашивает рот на нитку: молчу.

– Но вообще, если ты не начнешь сыпать на меня цитатами из ученых монографий, то я бы сказал, что да – остров *по-настоящему* живой, – после паузы сказал Стэн. – Наши легенды гласят, что он существовал еще в предпредыдущей эпохе – до богов-хранителей и драконов. И здесь жили сущности, неведомые нам теперь. И сама Этерна была среди них – как живая девушка, вполне полноценная личность. Но потом ее время ушло, и тогда Этерна уснула и слилась со своим любимым островом. Однако это не отменяет того, что и сейчас она живая. Просто... отличается от нас.

– Как именно?

– Ну, мы у нее на хребте пикники устраиваем, тебе мало? – прыснул Стэн.

– Нет, я имела в виду: вдруг ваш остров считает добро злом и наоборот. Что-то такое. Принципиально важное, понимаешь.

– Ох, Найт, насчет добра и зла даже у людей нет единого мнения!.. Но я прожил на острове всю жизнь и могу сказать, что Этерна вполне нормальная. Путники иногда видят призрачный образ спящей девушки в наших лесах и скалах – мы думаем, это и есть воплощение нашего острова. Она выглядит милой. Да, Этерне не нравится, когда слишком много колдуют – она тотчас отталкивает от себя море. Но в остальном она добропорядочна и предсказуема.

– Ну так с отливами она тоже предсказуема, получается.

– Найт! – обиделся Стэн.

– Молчу.

– Короче. Что же касается Корпуса загадок, то сама понимаешь, чужая душа – ...

– Потемки.

– Да Найт, жмыхова ты жимница!!! Кто тут лектор?

– Пардон.

– ...Чужая душа – дело деликатное. Как и своя, впрочем. Этерна не спешит показывать корпус загадок первому встречному. Когда-то он был частью древнего замка, в котором сейчас расположена Академия Буря. Но когда маги освоили остров, заняли и восстановили развалины, корпус ушел.

– Как это? Встал и ушел?

– Да. Точнее... Не знаю, как это было сделано технически, но факт остается фактом: Этерна укрыла свою душу от чужих глаз. Сейчас Корпус загадок находится где-то в центре острова, но его местоположение...

«Не определено!» – мысленно крикнула Лади, вспомнив, что она читала это на карте в библиотеке. Но третий раз перебивать не рискнула.

– ...Не определено, – величаво закончил Стэн и задрал небритый подбородок. – Однако я знаю уловку. И, если хочешь, я покажу тебе корпус.

– Хочу, конечно! И да, Стэн. Пока ты – самый лучший препод. Вот честно!

И как минимум до пятницы останешься таким.

* * *

Стэн и Ладислава целеустремленно двигались в скалистый центр острова.

– Итак, расклад такой, – протянул Хлестовски. – Корпус загадок все время перемещается, бережет свою частную жизнь. Но! Есть хитрость. Вот она: развалины могут двигаться только тогда, когда ты их не видишь. Взгляд же прищипливает корпус к месту, как булавка – бабочку. Задача тебе, адептка: как найти корпус?

– Эм, – Ладислава от неожиданности смешалась. – Не знаю.

Стэн сокрушенно покачал головой (необходимый лекторский гонор он набрал очень быстро) и вдруг по-утиному задвигал локтями, одновременно активно подмигивая.

– С воздуха? – дошло до Лади.

– Именно! Те, кто умеет летать, легко находят Корпус загадок. И могут показать его таким, как ты, – двуногим. Главное – не терять визуальный контакт. Так что... Попробуем?

И, заручившись энтузиазмом Найт, Хлестовски радостно ушел в кусты.

Через минуту оттуда вылетела ушастая сова. То, что это Стэн, было ясно сразу – удивленный взгляд, подвижные крупные уши и легкая шарообразность. Ладислава хихикнула.

– Ишь, насмехается! – заявила сова, обиженно насупившись. – Иди лу-ху-чше вещи мои возьми, а то у-ху-крадут. И оберег мой не забудь, он как ветка рябины выглядит.

Потом Хлестовски обозначил план действий: он взлетает над лесом, находит Корпус загадок и очень медленно летит в его сторону. А Ладислава идет по земле, следя, в свою очередь, за Стэном.

Так они и сделали.

Гулять по лесу, задрав голову, было неудобно. Вскоре рощи сменились болотистой местностью – стало совсем худо. Лади свистнула сове, чтоб та притормозила. Стэн послушно завис, раскинув крылья на восходящем потоке и приветливо покрикивая пролетающим мимо уткам. Те как раз прилетели на Этерну на зимовку, и Стэн от имени острова чинно приветствовал их, как полагается радушному хозяину.

Найт отыскала в сумке зеркальце и, глядя уже в него, попрыгала по кочкам. Квадрат синего неба в ее руках удивленно плыл в тишине болот, озираясь облаками. Небо в командировке.

Расскажет потом своим – обзавидуются.

Вскоре топь сменилась жесткой песчаной почвой, поросшими жухлой травой, и редкими скалами. Вокруг выросли темные сосны. Они скрипели в высоте, как мачты, и с превосход-

ством осыпали девушку иголками. *Несчастное создание, неприкаянное, незеленое, прими дары и убегай из нашего блаженства...*

Хлестовски летел так, что дорога Ладиславы все время забирала вверх, на холм. Девушка уже устала и с нетерпением ждала спуска: до него было метров двести.

– Уху! Мы пришли! Готовься! Сейчас начнется! – крикнул Стэн с высоты.

– Что начнется? – не поняла Ладислава.

– Защита от везу-ху-нчиков, все же нашедших корпус. Не бойся, Найт!

– Я ничего не боюсь! – мгновенно отозвалась адептка.

И тотчас поняла, что погорячилась.

Увядающая земля под ногами стала мелко трястись, как от приближения табуна. Раздался низкий, тяжелый гул, и челюсть девушки упала на грудь, когда из-за ровных рядов сосен и скал, из низины, ожидавшей впереди, вдруг поднялась...

...Свирепая штормовая волна.

Настоящая волна – морская, без шуток, – ревущая, вихрящаяся пеной. Опасного цвета свинца, ледяного металла, она – зимняя, холодная – заворачивалась спиралями и накатывалась, как колесо. Волна хлестала песком, корчевала пни и неумолимо приближалась, ломая сосны, как тонкие щепки.

– Я его вижу-ху! – орал Стэн сверху, перекрикивая стихию. – Не дергайся!

Ты что, совсем больной?! Если не держат сосны – как выдержи я?!

– С-с-с-сажа... – ахнула Лади. Зеркало выпало из руки и разбилось.

Найт нырнула к корням ближайшего дерева, зажмурилась, набрала полную грудь воздуха и сжалась в комок, прикрыв локтями голову, как при взрыве.

Лади думала – ее поднимет и швырнет, как куклу, а потом расплющит приливной волной, не пойми откуда взявшейся в центре острова. Лади думала – задохнется и обернется морем раньше срока. Лади думала – ну вот, ни на свидание не сходила, ни на сыск...

Рр-р-р-р-ш-ш-ш-у-у-у-ух...

Уши девушки заложило, когда их последовательно ударило сначала немыслимым грохотом, а потом – давящей тишиной.

Прошло несколько безмолвных секунд, и Найт поняла, что может дышать. Что воды вокруг нет. Она тотчас вскочила на ноги и открыла глаза. Дерево, под которым девушка свернулась клубком, все так же величаво тянулось в небо. Небо было все то же, только как будто потеряло свою прежнюю синеву: замылилось, застиралось. Сосны, «поломанные» волной, были живы-целехоньки.

Серо-коричневая сова приветственно ухнула и пошла на снижение, крича:

– Ну-ху что, нормально? Не испугалась? Ишь, ничего она не боится! Могла б тогда прямо стоять, а не дергаться! Уху-хатушки! Это просто иллюзия, Найт!

Ладислава швырнула в Стэна шишку.

– Эй, ты чего! – возмутился он, уклоняясь. – А если б я сейчас зрительный контакт потерял? Или ты не наку-ху-палась?

И птица сосредоточенно задвигала бровями, таращась за спину студентки. Найт, все еще угрюмая из-за пережитого стресса, обернулась.

Там, где еще недавно торчали сосны и скалы, теперь красовался мрачный замок. Вернее, не весь замок, а будто одно крыло, вырванное с корнем.

Собственно говоря, корпус.

Корпус загадок.

Он тянулся полукругом – как изящная рука балерины. Корпус стоял на подушке из тумана. Сводчатые окна были затянуты багровыми стеклами, острые шпили соседствовали с темно-зеленой черепицей крыши. Несколько флюгеров со скрипом крутились сами по себе – безо всякого ветра...

– От такая красота есть на Этерне! – похвалился Стэн. – Пойду переоденусь. Только, чу-ху-р, ты взгляда от него не отводи! Сгинет!

– Ни за что не отведу! – пообещала Лади, с жадным любопытством рассматривая здание. Девушка оставила Стэну вещи и медленно пошла к замку, а потом – вдоль него, рукой касаясь замшелых стен. С пиететом. Щупальца тумана оглаживали ноги девушки.

Найт пошла вдоль окон. Она пробовала заглянуть в них, но толстое бордовое стекло надежно скрывало утробу. Вскоре Ладислава увидела вход в здание.

Зубцы над крыльцом щербились, как зубы бродяги. Тяжелая бронзовая дверь была украшена гравировкой: та же звезда, маяк и штормовое море, что и на входе в Академию Бурю.

Кое-что, впрочем, казалось неправильным.

– Стэн! – крикнула Ладислава, не оборачиваясь. – Стэ-э-эн!

Нет ответа. Хлестовски пока не пришел: очень тщательно переодевался «в человека». Тогда девушка, поколебавшись, взялась за ручку в форме ракушки-сердцевидки.

– Э! Стой! Ау! Найт!!! – тотчас завопили ей сзади.

Лади послушно отпрянула. Из-за сосны на одной ноге к ней попрыгал Хлестовски, на ходу натягивая ботинок.

– Ты куда рвешься, ишь?!

– Я не рвусь!

– А ну отошла от двери! Кыш, кыш! Шаг назад, студенка!

– Да почему? – обиделась Найт, когда Хлестовски схватил ее за плечи и упрямо, с силой потащил прочь.

– Потому что там опасно! Кто зайдет в Корпус загадок – тот больше не выйдет, а если и выйдет – то не в полной комплектации, как говорит мой дядюшка-кэбмен. Поверь, я не шучу!

– Это что же, у вашего острова черная душа получается? – сощурилась Найт. – Злая?

– Не злая. Просто... интровертная, – подумав, сказал Стэн. – Как я сказал, остров Этерны – мучительно древний. И, конечно, Этерна знает, что ее время ушло, а поэтому не лезет в наш мир – мир новой эпохи. А мы не лезем к ней. Легенды гласят, что внутри корпуса живут сущности, которые ушли из мира, чтобы не мешать нам, детям новой эпохи. А потому... Могут же они себе позволить немного приватности за такую деликатность, а?

Ладислава позволила себе усомниться:

– Но это довольно маленькое здание! Какого ж размера ваши сущности?

– Дык откуда ж я знаю... Но, возможно, внутри корпус больше, чем кажется. Или в нем есть ходы в другие места – раз сам он ходит, будто ферзь какой. Короче. Сущности заперлись там крепко, забаррикадировались, считай, – эти красные окна ты при всем желании не разобьешь, например, они из огненной слюды. И дверь – смотри какая крепкая! Ой...

Стэн вдруг увидел то же, что и Ладислава.

– Вот-вот, – закивала девушка. – Хреново ваши сущности заперлись. Такую щель оставили! – Ладислава обвинительно ткнула пальцем на узенькую щелку, видневшуюся между дверью и рамой.

Именно она привлекла внимание адептки пару минут назад. В щели было темным-темно, и даже туман, ползущий вокруг здания, не спешил проникать в нее.

– Душно им там, что ли? Проветривают?

– От ты ж жмыховая булка! – опешил Стэн.

Потом воровато оглянувшись, как-то по-птичьи подпрыгнул к двери, дернул ее на себя – она, скрипнув, захлопнулась, – и стукнул Лади по плечу:

– Валим!

– Но почему?

– Дык мало ли! Стремно что-то!

И Стэн припустил обратно к соснам, бегом.

– Урок окончен, Найт! Вали-и-и-им! – повторно завопил он.

Ладислава нахмурилась. Было обидно вот так расставаться с тайной.

Но потом она решила, что не стоит возмущаться там, где она ни д'гарра не смыслит, и с сожалением отвернулась от корпуса, думая, что тот мгновенно исчезнет.

Ладислава пошла вслед за Стэном, решая, имеет ли смысл задать ему свой извечный вопрос про «снятие неснимаемого», как вдруг по спине у нее побежали мурашки. От заливки вниз, целой стайкой. Никогда прежде Найт не верила, что можно «спиной почувствовать взгляд», а тут – нате-здравствуйте, новый опыт...

Девушка резко крутанулась на пятках и ответно уставилась на одно из багровых окон корпуса. Никуда, зараза, не девшегося.

Ни движения. Ни вдоха. Ни ветра.

Липкая вязкость веков.

Красноглазая темнота то ли всматривалась, то ли вслушивалась, то ли внюхивалась в Ладиславу.

...Чужаки... Наш сон потревожен... Подойди, мы хотим запомнить твой запах... Хотим быть готовы... Догнать... Отомстить...

Будто темную леску протянули от Найт к окну – и по ней туда, в загадочный корпус, вытекала Найт: сладкий бергамот, лимонный леденец, пудровый аромат шампуня и хлопковый – рубашки. По элементу, по молекуле, по частице утекала Найт во тьму, пока не спохватилась.

– Стэн! – заорала она, разрывая невидимую нить. – Подожди, Хлестовски!

И рванула прочь, сквозь скрипящие сосны, охваченная внезапным страхом.

10. Ладислава бежит и раздевается

Госпожа Элайяна, мы не совсем понимаем, зачем вашей академии такая дисциплина, как Сыскное Дело Для Магов, но раз вы убеждены в пользе подобного предмета, то мы не имеем возражений. Пусть будет факультативом.

Письмо двухлетней давности от асеринской комиссии по высшему маг-образованию

Когда Ладислава нагнала Стэна, им под ноги тотчас прыгнула волшебная дорожка: одна из тех, что заросли лиловыми маг-колокольчиками по бокам.

Тропа, успокоительно мерцая, повела незадачливых охотников за тайнами в замок. Она точно знала, кому и где надлежит находиться. Наводить порядок тропа считала своим долгом.

– Бр-р-р, это что-то странное, конечно! – Стэна слегка передернуло. Он шел, сняв панаму и обмахиваясь ею, как веером. – Я раньше не видел, чтобы дверь в корпус была открыта.

– Да уж... – согласилась Лади, с беспокойством ощупывая шею сзади: ей казалось, там остался отпечаток бестелесного взгляда.

Или скорее даже нюха. Найт была не из тех, кто остерегается потустороннего: по опыту, в этом мире надо бояться людей, а не призраков, но все же в ее коленях сейчас поселилась странная железная слабость.

– А мы должны об этом кому-то сказать? – нахмурилась девушка. – Например, леди-ректору Элайяне?

– Ни в коем случае! – всполошился Хлестовски. Он вытаращил глаза и затараторил: – Подумай сама: какое отношение имеет леди-ректор к острову? В академии она царь и бог, но жизнь острова Этерны ее не касается. Госпожа Элайяна – очень практичная женщина. Загадки ради загадок – не к ней. Она не хочет этого слышать, Найт!

Ладислава с удивлением посмотрела на сторожа-библиотекаря. Очень уж бурная реакция. Подозрительно.

– М-м... – протянула девушка, изогнув бровь. – А в военной академии учили, что при любой внештатной ситуации надо обязательно оповестить старших.

– Дык я тоже старший! – взбрыкнул Стэн.

Получилось так неубедительно, что он сам же и смутился.

Тогда ночной человек вздохнул:

– Найт. Нельзя, чтобы дирекция знала, что мы были в Корпусе загадок.

– Почему?

– Меня уволят. Запрещено выводить студентов на практикум без одобрения. Так-то у леди-ректора своих дел хватает, чтоб еще и за мной следить. Но если я приду и признаюсь – она меня по голове не погладит. Элайяне очень важен статус академии, она целыми днями пашет, чтоб себя и нас вытянуть на мировой уровень. И не боится сбрасывать балласт, чтоб подняться повыше. В том числе – преподавателей, к которым ходит всего один студент, которые нарушают правила и находят «внештатности». А я не хочу стать официальным балластом! Я и так на него слишком похож. Что ни день, подозреваю: я хуже, глупее и бесполезней, чем все думают. Вот-вот люди поймут это и... Не хочу, чтоб поняли. Поэтому... Промолчим, ладно? А позже я сам приду в Корпус загадок и проверю, что да как.

– Ну, как знаешь, – протянула Найт, огорошенная низкой самооценкой Стэна. И добавила строго: – Только меня возьми с собой на проверку.

– Да уж возьму, не сомневайся, – снова содрогнулся лектор.

А Ладислава поморщилась, поняв, что последняя фраза потребовала от нее неожиданно много смелости. Почему-то ей очень не хотелось возвращаться.

Просто очень.

* * *

В пятницу первокурсники шли на Сыск.

Смеющимся отрядом они шуровали по лесу вдоль реки: в академии сказали, что она рано или поздно грохнет водопадом.

Ладислава выбрала идти прямо по воде, не вдоль.

Она ловко прыгала с одного камня на другой – благо валунов в течении было множество. Вокруг не менее рьяно скакала форель. Урчали пороги. С кленов, растущих по берегам, изредка сыпались листья, по краям отороченные алым. Грело солнце.

– Водопад Проклятых Душ! Ну и название! – возмущался Хлодерик Роу, поудобнее поправляя рюкзак на плечах. Он очень не любил все мало-мальски драматичное, ибо равнял эффектность с пошлостью.

Красотка Дита, его идейный враг, блаженно вздохнула:

– А мне нравится... Наверняка там будет обворожительно мрачно!

Пока что, впрочем, вокруг царила пастораль. Бери и малюй картинку: только вместо дюжины магов, имеющих в действительности, вставь более подходящих пастуха и пастушку.

И сотри вон того страшного огра, сделай милость.

– Огр?! – обалдели адепты, завидев одного на опушке.

Ушастый и надутый, желто-коричневый тип ростом три метра стоял впереди: там, где лес всползал на косогор и обрывался вместе с ним в долину. Река, как и обещано, обращалась в веру водопада.

Огр выглядел... плохо. Они все так выглядят. По всему миру. Страшные глаза с дефисами-зрачками. Кожа, собранная складками. Дранный в подмышках пиджак. В руке – шипастая бита. В другой – булава.

– Хей, шпана, пс! А ну сюда двинули! – свистнул огр, помахав оружием, и первокурсники вдруг стали сильно ближе друг к другу, чем раньше. – Че, сыкуете? Согласную пропустили?

– В смысле? – выдавила заметно побледневшая Хейли Хани.

– Согласную пропустили. Букву «С». Не надо вам ссыковать. Сыковать лучше, га-га-га! Студентишки!

И огр заржал, вспугнув куропаток подлеска. Его каламбур встретила гробовая тишина.

Найт перестала скакать по камням и вернулась на берег. Решив, что она тут самая старшая, Лади смело встала во главе рода Адептов Трепещущих. Тилирийским военным клином маги приблизились к огру.

– Ну че? – когда огр говорил, у него из уголка рта падали зеленые слюни. – Готовы к семинару-то?

Ладиславе пришлось задрать голову, чтоб отвечать собеседнику в лицо, а не в пуп:

– Готовы. Мы ищем мастера Голден-Халлу.

– Хы! Вот и правильно делаете. Найти Берти – это и есть ваша цель на сегодня.

* * *

Опершись на палицу, как на трость, огр многообещающе оскалился.

– Кароч, такое дело... Сегодня мы имитируем ситуацию из жизни частного сыщика. Голден-Халла пропал, типа жертва. Вам дается три четверти часа, чтобы его найти. Иначе в четыре сорок пять кое-кто придет открутить его рыжую башку. Зона поиска – весь остров. Я думаю,

что вы, стадо болванов, в курсе, что в играх такого типа – обычно – запрещены две вещи. Во-первых, нельзя разговаривать друг с другом и как-либо сотрудничать: игроки не друзья, игроки – соперники. Во-вторых, нельзя обращаться с вопросами к ведущему.

Огр вытащил из-за валуна корзину с кучей мешочков внутри и стал кидать их в студентов – резко, как гномьи бомбы.

– Это подсказки. И да. Вы взяли с собой купальные принадлежности, как было велено?

Все закивали.

– Отлично. Можете бросить их сюда, – огр толстым пальцем ткнул в опустевшую корзину.

Адепты вытащили из своих сумок купальники, плавки и полотенца и, неуверенно переглядываясь, сложили кучей.

Огр кивнул.

– Короче. Надо найти Берти к назначенному сроку – пожать руку. Иначе хана. Кто найдет заранее – ваще короли, получают «пятерку». Собсна, вот и все, – он сузил глаза и выдержал паузу, глядя на растерянных адептов. – Че такие кислые? Вроде я понятно объяснил. Вопросы есть?

Он устрашающе поиграл мышцами. Рожа у него была совершенно жуткая, особенно когда она неизбежно наплывала на каждого по очереди.

Адепты медленно покачали головами: вопросов нет.

– Ну и не стойте тогда, начинайте! – гаркнул огр и сел на землю, лицом к обрыву, свесив ноги. После чего достал из кармана семечки и стал медитативно их грызть, сплевывая шкурки в пропасть. Корзину с одеждой он положил рядом. Возле нее поставил песочные часы.

Студенты переглянулись. Потом неуверенно развязали мешочки и стали изучать улики. Кто-то сразу отошел подальше, соблюдая секретность.

Ладислава села на камень. У нее в мешке лежали карточки с какими-то непонятными символами. Похоже на слова... Но что это за язык, Лади не знала. Может, огрский? Это ведь огр дал подсказку? «Л» – «логика»!

Краем глаза Найт увидела, как один из ее однокурсников вдруг подпрыгивает, осененный идеей, и стремглав бросается вдоль реки прочь – обратно к академии. Почти сразу же еще несколько ребят побежали туда же.

Найт занервничала. Так-так. Наверное, они побежали в библиотеку – за огрским словарем. Ладислава уже вскочила на ноги, готовая рвануть туда же, но... Это был опасный выбор. Дорога до академии, даже бегом, займет полчаса. А куда бежать потом? Вдруг еще дальше, чем к водопаду? И нет никакой гарантии, что это действительно огрский язык!

Очень уж цейтнотистое задание получается, неправдоподобно. С другой стороны, вдруг Берти и хочет проверить, насколько быстро студенты соображают, бегают и находят информацию? Это ведь полезные умения для сыщика!

Кажется, ее однокурсники рассуждали точно так же. Еще двое ругнулись и побежали к академии, спотыкаясь на ходу. А Красотка Дита встала, громко фыркнула и гордо ушла... в лес. А это еще зачем?!

Ладислава снова волнительно уставилась в текст. От напряжения незнакомые буквы скакали у нее перед глазами.

Огр перевернул песочные часы. Это прошла минута? Или две? Или целых пять? С-с-сажа!

Хлодерик поднялся и неуклюже, по-медвежьи, побежал за Красоткой в чащобу. Ох! Они точно что-то поняли!.. Или Хлодерик просто наконец-то нашел повод уединиться?

Ладислава кусала губы, никак не могла выбрать тактику. Драгоценные секунды утекали.

В принципе, она еще может нагнать тех, кто побежал в библиотеку... Но ведь она уже столько простояла зря... Это как с двором перевозчиков: когда опаздываешь, и долго ждешь

дилижанс, и он все не приходит, и ты уже не знаешь – идти пешком или все-таки подождать еще чуть-чуть, потому что если пешком – то надо было раньше...

Девушка выругалась и зло запустила камешек в реку, не понимая, как себя вести.

Огр от обрыва оглянулся на шумный «бульк».

М-да, выглядит он по-злодейски. Где Голден-Халла его нарыл? И зачем вообще брать такого страшного помощника на семинар?

Стоп!

В мозгу у Ладиславы будто маг-фонарь зажегся.

А что, если огр и есть «кое-кто», кто придет «открутить рыжую башку» в «пять сорок пять»? Как бы преступник в этой выдуманной истории? Ведь зачем-то про это сказали! Поэтому он и следит за временем, а не уходит, выполнив роль «ведущего».

Если огр – «злодей», то он знает, где находится Берти. А значит, можно просто дожждаться, пока он пойдет к Голден-Халле, и последовать за ним. Это тоже вполне по-детективному: выследить преступника и спасти жертву в самый последний момент, обогнав убийцу на финишной прямой!

Ладислава поглядела на двух других студентов, оставшихся у реки.

Кудрявый пухляш Илай паниковал, кусая ногти и раскачиваясь над карточками, как умалишенный. Кареглазая Хейли сидела спокойно, преисполненная достоинства, и лишь изредка поглядывала на огра. Карточки она отложила в сторону.

Да! По-любому, Хейли пришла к той же мысли про злодея! Вон как глазищами победно сверкает!

Ладислава облегченно перевела дыхание.

Наверняка они правы. Не зря же здесь огр. Хотя те, кто побежал в академию, еще могут обогнать их по скорости – если Берти окажется прямо в Буре... Хотя могут и вовсе никуда не успеть...

Хотя, хотя, хотя... Одни сомнения!

Жуткое дело – сыск. Столько вариантов, и обязательно надо выбирать.

Почти как жизнь.

* * *

Минут через двадцать огр поднялся, сграбастал песочные часы и корзину с вещами и пошел вдоль обрыва.

Ладислава и Хейли вскочили и покарлись вслед за ним. Найт по дороге кинула камешком в Илая: эй, вставай! – ибо пухляш умудрился уснуть, разметав вокруг карточки-подсказки, как крылья. Илай открыл ословелые глаза, зевнул: «Ой, да ну к жмыху...» и перевернулся на другой бочок на своей подушке из клевера.

Вскоре огр нашел лестницу, вырезанную в скале, ведущую в нижнюю долину.

Лестница прижималась к откосу: никаких тебе перил, только сланец по правому боку и манящая, опасная пропасть слева. Девушки продолжали идти за огром, изредка возбужденно оглядываясь друг на дружку, но сохраняя молчание – как было завещано. Сердце Ладиславы билось так сильно, будто от этой дурацкой игры действительно зависела чья-то жизнь. В долине внизу свиристел ветер. Было очень солнечно, золотые лучи затапливали луга, река триумфально шумела, разливаясь поймой, а лагуна под водопадом казалась идеальным местом для отдыха: сплошь ивы да цветы по кругу...

Когда они достигли низины, огр туда и пошел.

То есть обратно к водопаду. Очень целеустремленно. Время неспешно подкрадывалось к назначенному сроку. Ладислава плюнула на конспирацию и в открытую нагнала желто-корич-

невого гиганта. Пошла рядом, периодически подпрыгивая и вытягивая шею: что там, вдали? Не появится ли рыжая голова, требующая открутки?

Хейли тотчас догнала ее и тоже пошла нога в ногу. Огр гоготнул при виде двух взволнованных соперниц.

Найт вспомнила слова Берти в Трапезной: «Я буду ждать вас у водопада Проклятых душ». А что, если он действительно и ждал нас там все это время? Просто не наверху, а внизу?

Ладислава решилась: вдруг рванула вперед, к воде, оставляя позади и огра, и Хейли, надеясь заработать «пятерку» за занятие. Она бежала, и дорожка взрывалась у нее под ногами пылью. Бегом, бегом!

Хейли сзади недовольно что-то крикнула и, судя по топоту, помчалась вслед, но куда ей угнаться за быстроногой, легкой, само время обгоняющей Ладиславой!

Найт летела, напряженно оглядываясь. *Где ты, Берти?*

Водопад шумел, низвергая с высоты белые пенящиеся потоки. Ладислава, сощурившись, посмотрела туда. Темнота за струями. Пещеры! И, кажется, золотится что-то рыжее... Да! Не только золотится: рукою машет! Хей-хей!

Но почему огр отобрал у них купальники, если Берти – там? В чем идея?

Ай, да сейчас не важно! Быстрее, быстрее!

И Ладислава, на ходу содрав с себя накидку-шэппар и сбросив обувь, проверив маг-браслет, в штанах и майке на полной скорости впилилась в воду, подняв тучу брызг.

И под обалделые вопли цапель, до того мирно спящих среди кувшинок, она мощными гребками рванула к пещере, изо всех сил стараясь блюсти дыхание, а не смеяться;

смеяться тому, какая ледяная, светло-звонкая вода в лагуне;

какое высокое небо, сплетенное кружевом перистых облаков, наверху;

какая хитрая рожа мелькает там, за бирюзовыми потоками водопада;

как забавно Хейли ругается на берегу, не решаясь намочнуть в своем шелковом платье;

как громко и странно-жутко гогочет огр-злодей;

как тихо вокруг – ведь никто другой еще не вернулся;

как весело и азартно – грести среди цветов, ни в чем не уверенной, но счастливой от самой своей дерзости; и как же прекрасно – жить...

* * *

Ладислава поднырнула под тугую кулису водопада и выплыла уже на мизансцене: там, где скала выдавалась вперед уступом.

Рыжий Берти сидел на краю и болтал ногами. За спиной у него черным нимбом темнела пещера, а рядом лежала удочка и плясало ведро, полное рыбы. Золотистый пес тоже был здесь: спал, подпрыгивая лапами.

– Хей! Мои поздравления, госпожа адептка: ты первая! – подмигнул Берти. Эхо разнесло его голос по всей пещере и повторно плеснуло в Найт.

Детектив свесился вперед и протянул руку девушке. Ладонь у него была большая, теплая, пальцы длинные, а хватка – неожиданно крепкая для такого легкомысленного существа.

Пока Ладислава пыталась понять, как ей взобраться наверх (уступ был высоко, кажется, сюда надо было не приплывать, а приходить вдоль скалы во-о-он по той узкой тропинке, убегающей вбок), Берти легко, как пушинку, втянул ее на скалу.

Найт только ойкнула.

– В одежде приплыла – вот это тяга к победе, уважаю! – усмехнулся Голден-Халла, оценив ее вымокший вид. – Может, вернешься наружу, согреешься на солнце, пока я жду остальных? Тут не жарко.

– Нет, я хочу остаться, спасибо. – Лади так резко потрясла головой, что вода с ее волос забрызгала и сыщика, и пса (он недовольно хрюкнул, не просыпаясь).

– Без проблем. Тогда мы сделаем свое солнце, – серьезно кивнул Берти.

Он подхватил ведро с рыбой и пошел в сумрачное нутро пещеры.

В центре грота был сложен очаг. Берти достал из кармана что-то вроде табакерки, выхватил оттуда щепотку черной пудры и бросил вниз. Тотчас бахнуло, вспыхнуло лиловое пламя. Берти пропел заклятие, сложив руки диковинной фигурой, и пламя оторвалось от дров и послушно взлетело вверх. Приняв форму шара, украшенного языками, оно зависло над очагом.

И впрямь солнце...

Лади, которая мгновенно замерзла среди камней, благодарно застучала зубами и плюхнулась наземь поближе к огню. Голден-Халла посмотрел на нее, человека-мурашку.

Потом стянул с себя фиолетовую рубаху, оставшись в майке, и протянул ее Найт. Девушка заметила, что у него на внутренней стороне плеча есть татуировка: выбитое мелким, убористым шрифтом слово «в.е.ч.н.о.с.т.ь».

Берти поймал ее взгляд, подмигнул – *я вижу, что ты видишь, но это мое, не трожь*, – и призывно потряс рубашкой:

– Вытирайся. Подозреваю, свое полотенце ты оставила Рычгинсу?

– Кому?

– Огру.

– А. Ну да, он попросил сложить наши вещи в корзину.

– Кхм. Вообще-то нет. Он не просил, – Берти, скрестив ноги, сел напротив, по ту сторону «солнца».

Тень пламени танцевала на его хитрющем лице: пронзительно-синие глаза, прямые рыжие брови, идеальный длинный нос с вытянутыми ноздрями, тонкие темные губы и неожиданно мужественный подбородок с ямочкой.

Ладислава озадаченно промолчала в ответ на возражение.

– Рычгинс сказал вам, дословно: «Можете оставить вещи в корзине». «Можете» не значит «должны», или «я прошу вас» или «так требуют правила». Это всего лишь возможность. Одна из. Ваше право выбрать ее или нет. Всегда ваше право, – пожал плечами Голден-Халла.

Ладислава смешалась:

– Но... Огр так смотрел на нас, говоря это!

– Что значит «так»?

– Пристально. Свирепо. Жутко.

– У него плохое зрение, он на всех так смотрит. Щурится, – сощурился, в свою очередь, Берти. Но получилось не страшно, а ехидно. Ладислава скептически вздернула бровь.

Детектив осознал провал и со вздохом развел руками:

– Ну или я попросил его так мрачно глядеть. Специально. Чтобы вы оробели.

– Так это была... уловка?

– О! – Берти рассмеялся. – Поверь, не только это!

Вдруг в пещеру – сбоку, по замеченной Лади тропинке, вбежала Хейли, так и не рискуя плыть, зато сделавшая марш-бросок в обход лагуны.

– Я успела?! – завопила раскрасневшаяся первокурсница, подбегая к преподу и чуть ли не за грудки его хватая. – Успела ведь?!

– Успела, молодчага! – одобрил Берти, осторожно отодвигаясь от азартной Хейли-бомбочки.

– «Пятерку» поставите? – в глазах шатенки горел опасный огонь отличницы.

– Ну да, почему нет, – удивился сыщик.

Хейли шумно выдохнула, утирая пот со лба:

– Хвала небу! Значит, задание выполнено? Я могу вернуться в академию? У меня еще вечером некромантия, подготовиться бы.

– Хм. М-м-м. Ну возвращайся, если хочешь. Я дождусь твоих однокурсников и расскажу, как еще можно было действовать, но оценку ты и так заслужила.

– Ура! Спасибо! – и Хейли так же стремительно свалила прочь, на прощание шлепнув ладонь о ладонь с Ладиславой.

– Тоже побежишь? – спросил Берти у саусберийки, которая продолжала сидеть под «солнцем», а рубашку обмотала вокруг шеи, как шарф. Рукава, пахнущие мускусом и древесиной, как будто обнимали ее.

Найт категорично покачала головой. *Никуда я не пойду, мне и тут чудесно.*

– Я хочу услышать, что вы скажете ребятам, когда они придут.

Если вообще придут.

Пусть не торопятся! Когда еще у нее будет шанс побыть наедине с Голден-Халлой?

Берти кивнул, а потом, болезненно морщась, стал глушить пойманную рыбу о камни пещеры. Лади с минуту смотрела на его мучения и наконец, откашлявшись, спросила, можно ли помочь.

Сыщик с готовностью отдал ей ведро, газету, нож и бумажный пакет для требухи.

– Ты ведь и выпотрошить можешь, да? – широко улыбнулся он. – Ненавижу это делать! А жрать охота. К тому же, если я накормлю твоих однокурсников, они легко простят мне мою придурь. И сочтут меня веселым преподавателем, а не вредным или глупым.

– Вас что, кто-то считает глупым?

– Пока нет: ведь я всех честно кормлю, – хмыкнул Берти и сладко, как кот, потянулся.

Стало видно его маг-браслеты: голубой и зеленый, а не алые, как у большинства саусберийских чародеев.

– Моя браслетная гетерохромия. В чем-то мы с тобой похожи, – подмигнул Берти, снова поймав и отбросив разноцветный взгляд Ладиславы.

Найт обрадовалась, что он знает это слово. И что заметил ее глаза.

Она передавала сыщику нарезанные куски рыбы. Он выкладывал их на решетку в рядок. Потом вытаскивал поочередно из разных карманов соль, перец, тимьян и розмарин и с тщанием творца обсыпал ими рыбу, делал рыбе массаж, пел рыбе, похлопывал рыбу – по-братски.

Пещера была полна мягкого света, шума водопада и тепла, исходившего от левитирующего костра-солнца. Ладиславу то и дело задевали за плечи мелкие капли воды, а Голден-Халла, готовя еду, что-то негромко напевал. По сердцу девушки разливалась тихая прохлада благополучия.

«Я хочу запомнить это», – приказала себе она. Эта простая фраза, сказанная осознанно, всегда и впрямь помогала записывать что угодно на подкорку сознания. В картотеке воспоминаний Найт было много таких моментов – будто бы бытовых, ничего не значащих, но в чем-то очень счастливых, которые она специально для себя отметила. Некоторые даже важные вещи легко стирались из памяти Ладиславы, но если она говорила себе: «Я хочу запомнить это», внимательно глядя на дождь во время солнца, или тополиный пух, выющийся у земли, или улыбку случайного прохожего, то действительно всегда их запоминала. Коллекция добрых воспоминаний – такая штука была в голове у Найт, но, увидь ее кто-то другой, обидно бы рассмеялся и выбросил: *что за глупость, тут ничего значительного.*

Время шло, однокурсники не появлялись.

Берти достал из кармана часы на цепочке. Щелчок, и крышка откинулась. На ней была надпись: «Любимому Берти от Линды».

Он.

– По опыту, до прихода «библиотечных» стратегов у нас еще минут двадцать, – прикинул сыщик. – Скорее всего, они уже поняли, что надо сложить все подсказки вместе, и тогда

получится связный текст с адресом. В двух экземплярах, на всякий случай. Им остается только прибежать обратно.

– Как это – сложить? – не поняла Ладислава. – Нам же по правилам нельзя было сотрудничать!

– М-да? Были и такие правила? – притворно удивился Берти.

Ладислава уставилась на сыщика исподлобья. Рыжий старательно прятал улыбку. Получалось плохо.

– Да, были! – упрямо сказала Найт. – Огр назвал два: не общаться друг с другом и ни о чем не спрашивать его.

– Ну вот! Корзинная Невнимательность, часть вторая! – Берти прискорбно вздохнул и всплеснул руками.

От этого жеста огненный шар вновь обратился костром; детектив закрепил над ним решетку с форелью.

– Речь для Рычгинса писал я, и вот что там было, дословно: «Я думаю, что вы в курсе, что в играх такого типа обычно запрещены... бла-бла-бла». Где здесь прямой приказ? Это просто общее наблюдение!

– Опять словесная уловка! – возмутилась Найт.

– Да. Снова она. Сечешь! – обрадовался Берти. – Повторение – мать учения, и все такое.

Он длинной палочкой поворошил угли в костре, щипящие и искрящие, как аплодисменты.

Потом навел прутик на Лади, будто указку:

– Первое правило сыщика: работай с фактами, а не с привычной интерпретацией фактов. Второе правило: не сотвори себе преграду. Если тебе клянутся: «Я вчера весь вечер был с женой!», то уточни – не вместе ли с женой он утопил вашу жертву? Если ругаются: «Вам нельзя вызывать на допрос Н., это большая шишка!» – то напиши этой шишке письмо. Неудобное. На ватмане. И встань с ним под дворцом. Поверь: Н. сам тебя вызовет... Как говорится: «Все, что можно понять неправильно, люди поймут неправильно». А сыщик – это тот вредный парень, который если чего-то и «не понимает», то только себе на пользу.

Берти оторвал кусок зарумянившейся рыбы, подул на него и, довольный, броском закинул себе в рот.

Ладислава нахмурилась:

– Мне кажется, так можно влипнуть в серьезные неприятности... Особенно, кхм, с дворцом, как в вашем примере.

– Вот тут не могу не согласиться, – поморщился Берти и рефлекторно потер шею.

Ладислава вдруг увидела, что у него там длинный, тончайший белый шрам, как от очень острого кинжала. Например, ритуального.

Ого!

Голден-Халлу что, резали?..

Хей.

Я бы сказал: пытались казнить.

Но в последний момент сменили смерть на изгнание. Благо некоторые мужи теряют весь свой убийственный пыл, когда к ним в инквизиторскую влетает рыдающая дочь. Любимейший цветочек!.. И не важно, что цветочек успел их разочаровать, втрескавшись в рыжего сыщика, который упрямо вставал поперек горла, как рыбья кость.

Берти вздохнул:

– Да, играть словами и самого себя наделять властью бывает опасно. Так что этот вариант мы оставляем на крайний случай, только если не сработает Золотое Правило Каждого Детектива...

И преподаватель умолк, с аппетитом вонзив зубы в форель.

Шумел водопад. В воздухе висела взвесь легких прозрачных капелек, в каждой из них как будто жило маленькое солнышко. Судя по всему, все эти солнышки брали за образец Голден-Халлу.

Проснулся пес, зевая, процокал поближе и начал старательно обнюхивать Найт: пора познакомиться поближе. Берти кинул ему кусочек рыбы. Пес обрадованно зачавкал.

Разговор как будто прекратился.

– Кхм! Какое правило-то? – напомнила Лади.

– Вот это самое! – сыщик расплылся в улыбке. – Задавай вопросы!

Берти встал и пошел по кругу, размахивая руками, как мельница:

– Спрашивай всегда! И особенно когда тебе предложили спросить (а огр так и сделал в моем задании; тон неважен). Один правильно поставленный вопрос может стоит тысячи ответов. Господа Как, Почему и Аесли – три лучших друга каждого детектива. Они не только помогают в работе, но и вообще – держат твой мозг в тонусе. А еще позволяют тебе оставаться человечным, способным к состраданию. Потому что, как ни странно, равнодушие очень часто рождается из банального непонимания, а непонимание – из того, что мы вовремя не задали тот или иной вопрос...

Голден-Халла снова умолк, гад такой, и остановился четко за спиной у Лади.

Девушке вспомнился неприятный взгляд из Корпуса загадок. Да и вообще – Найт не любила не видеть собеседника. Это было как-то против инстинктов. Это пахло опасностью.

Лади буркнула:

– А сострадание-то здесь при чем?

Берти резко опустил на корточки у нее за спиной и, качнувшись вперед, зашептал в самое ухо:

– При том, что мне как-то грустно, когда новенькая студентка спрашивает всех лекторов подряд об одной и той же весьма странной вещи, а у них это не вызывает абсолютно никаких эмоций. Никаких сомнений. Никакого желания уточнить: почему?

Это был как нож в спину.

Прекрасный день померк.

Ладислава подавилась кусочком рыбы, закашлялась и вскочила на ноги, застигнутая врасплох.

– Вы что, следите за мной? Откуда вы знаете, с кем и о чем я говорю? – резко спросила она, оборачиваясь.

– Может, я просто внимательный.

– А может, и нет?!

– О! Браво, госпожа адептка!

– Хватит шуточек! Вас там не было, шиш с два, в тех аудиториях! И на крыше... На крыше вы в телескоп за пляжем наблюдали! За мной! Поэтому мои микровыражения углядели, верно?! – в ярости рявкнула Найт.

Голден-Халла, не меняя позы, сощурился.

– Ладислава, кажется, я тебя разозлил... – протянул он.

– Ладислава?! – ахнула она. – Значит, имя мое вам тоже известно? А ведь я не представлялась! Может, тогда и в овраге в первую ночь вы меня специально караулили? Может, в чемоданах моих рылись? Что вам от меня надо, а?! – рассвирепела Найт.

Рассвирепела по полной программе.

Потому что больше всего на свете она ненавидела ловушки.

Подвохи. Капканы. Западно. Двойное дно и двойные замки – и не важно, с какой целью сделанные.

Ненавидела, когда все нормально – и вдруг рвется по шву, с треском, неожиданно.

Будь то целая жизнь, перечеркнутая в одночасье, как тогда, в порту; или мирный разговор, растоптанный жутким напоминанием.

Весь водопад, их идиллия, легкие брызги и свежий ветер в одно мгновение разлетелись болыю. Берти этого не видел, а у нее цифры на ребре будто зашевелились, смеясь.

Тебе ведь не нужны эти правила детективов, детка. Ты все равно не будешь работать в сыске. Никогда. Не успеешь. Ты все равно больше не увидишь материк, и не попробуешь постоять с транспарантом перед дворцом, и не узнаешь, что это за Линда и что за шрам; все это глупость, дурость, время истекает, и как смеешь ты наслаждаться жизнью, когда впереди – чернота?..

Найт зарычала от бессилья.

Голден-Халла, обескураженный, открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот самый момент раздался топот, и ватага первокурсников влетела в пещеру с воплями: «Мы не успели!», «Вы соврали!», «О, еда!» и так далее. Они мгновенно набросились на рыбу, Берти и пса, окружили костер, хохотали и вопили, обжигались и ругались...

Найт развернулась и молча пошла прочь, пользуясь сумятицей.

Огр Рычгинс так и сидел на берегу.

– Что, «пятерка» – можно и сваливать? – ухмыльнулся он.

Ладислава, не ответив, выхватила свои вещи из корзины и побежала к академии так быстро, как могла, стараясь не думать, не слышать, не вспоминать.

Сердце ее отсчитывало удары: на один меньше, еще на один меньше, еще на один...

Тик-так.

11. Морган пьет

Нинделовская премия – самая престижная международная премия по магическим дисциплинам, вручается ежегодно в конце зимы. Энциклопедия «Доронах»

Морган Гарвус приоткрыл дверь в пыточную и, не переступая пока порога, всмотрелся в фигуру, съежившуюся в пентаграмме:

– Он успокоился? Отлично. Это все на сегодня. Вставайте, Фрэнсис.

Остаточная магия защитной формулы под потолком медленно осыпалась прахом. Очередные два изгнания не удались, колдовство восточных племен не сработало.

Фрэнсис не шевелился. Тогда Морган подошел, мыском лаковой туфли ткнул в плечо юношу, лежащего лицом в стену, в окружении потухших свечей.

– Вы там живы вообще?

– Д... да.

Фрэнсис пытался восстановить дыхание. Внутри все горело, легкие как будто качали ртуть, а не воздух; по венам бежал раскаленный металл. Сцепив зубы до скрежета, чтоб не застонать, Фрэнсис перевернулся на живот, отжался от пола и медленно поднялся.

В глазах было темно. В пыточной тоже, но в глазах темнее.

Едва заглохший демон теперь, при возвращении Моргана, снова начал рычать – обессиленно и зло.

– И сколько их еще? – хрипло спросил де Винтервилль, колченого подгребая к столику в углу камеры и с трудом смыкая пальцы вокруг стакана с водой. Кости ломило, будто его раз за разом били током. Вокруг рта юноши запеклась кровь – не его, а кролика, подброшенного в роли кормежки.

Живого кролика. Пушистого. Не мяса, как раньше. Это было куда хуже... Если Гарвус хотел, чтобы Винтервилль возненавидел своего демона – то с помощью кролика он сделал верный шаг.

– Кого «их»? – холодно осведомился Гарвус. Один из его маг-браслетов слегка потускнел: долгое колдовство утомило чародея.

– Сколько осталось способов изгнания?

Морган бросил взгляд на множество цветных закладок, торчащих из книги «Демонологикон» и других, не менее ценных пособий по Пустошной Сущности, растущей в молодом Винтервилле.

– Около шестидесяти.

Стакан жалко треснул в сжавшейся руке близнеца. На виске у юноши набухла и пульсировала вена. Белки глаз покраснели. Взмокшие волосы прилипли к воротнику сорочки.

Морган оглянулся на подопечного и поджал губы:

– Я вижу, что вам тяжело дался сегодняшний день. Теперь мы снова будем пробовать по одной формуле за раз.

– Наоборот: по три, – тихо, но жестко возразил Фрэнсис. – Закончим быстрее.

Морган сузил глаза:

– Похвальная готовность. Мне и самому хочется достать образец поскорее, но... Это чревато. Нам нельзя слишком давить на демона, потому что нет существа сильнее, чем существо, загнанное в угол. В таком безвыходном положении демон может «взорваться», сменить ипостась насильственно и... – Гарвус пожал плечами. – Одни боги знают, что случится дальше. Да и ваше тело может не выдержать столько пыток.

– Я обязательно сообщу, если буду на грани смерти, – съязвил близнец, глядя, с каким тщанием Морган убирает в чемоданчик свои инструменты: шаманские и колдовские пополам с инквизиторскими. Раскрытый блокнот доктора уже пестрел зарисовками демона, сделанными едва ли не с восхищением...

– Надеюсь, мастер, вы не настолько увлечетесь процессом, чтобы этого не услышать. А то я вижу, что вам нравится наш спецкурс, – почти выплюнул Фрэнс.

– Пока демон внутри вас – нет, не нравится. Он неудобен.

Морган захлопнул чемоданчик и бесшумно покинул подвал.

Стоило ему закрыть за собой дверь, как демон внутри умолк. Фрэнсис облегченно выдохнул и пошел к умывальнику: надо смыть кровь.

И не смотреться, нет, не смотреться в зеркало...

* * *

Вскоре по всей академии пробило половину седьмого вечера.

Закончились основные пары, и только строка «Некромантия» (проводится в подвальном склепе) горела в расписании мягким золотым цветом: символом актуальности. Большинство студентов, утомленные, сидели в Трапезной или разбрелись по Полночному крылу. Преподаватели – по коттеджам.

А Морган Гарвус играл в бильярд на втором этаже замка, в комнате отдыха.

Его плащ-летьяга, книги и чемоданчик в беспорядке валялись на старом топчане, затянутом клетчатым пледом. Рукава серой водолазки были закатаны до локтя. Светлые волосы небрежно зачесаны набок.

Морган был того типажа, о котором принято говорить «очень привлекательный мужчина», после чего томно хихикать и обмахиваться веером. Моргана дико бесило такое определение. Жаль, что он не родился уродом – вот о чем нередко сожалел профессор, когда очередная адептка, в какой бы стране это ни было, пыталась повеситься на его белую шею.

В комнату отдыха прошмыгнула служанка-уютница. Она брякнула о журнальный стол поднос (кувшин с кнаским самогоном и целый ряд рюмок) и тихо, побыстрее, подальше от неприятностей выскользнула обратно.

Морган проигнорировал ее появление. Мысли его были об одной только работе.

Работа как высшая цель. Как счастье. И одновременно – как предмет ужасной боли, неуверенности в себе, широкого эмоционального кача, который швыряет тебя от ощущения «я почти что бог» к ощущению «я хочу умереть прямо сейчас, потому что я ничтожество, недостойное воздуха, которым я дышу».

С другой стороны, лучше так, чем жить в тишине и глухоте стабильности, верно? Нервы даны нам на то, чтобы их сжигать, ибо смысл добраться до глубокой старости, не используя свой механизм человека на максимум?.. Есть игрушка – играй.

Но это себя Морган был готов доводить до последнего порога, безжалостно уничтожать по кусочкам. А вот других... Даже если все во имя науки, тут остаются кое-какие вопросы.

Прахов прах. Что за бесхарактерность.

Доктор Гарвус выругался под нос, натер мелом кий, пропустил его за спиной под локтями и с треском запустил сложный шар в лузу.

– Кар-р! – оценил ворон, сидевший на подоконнике.

Морган повторил удар, снова успешно. На третий раз он ошибся. Тогда доктор Гарвус налил себе самогона и, сделав такой жест, будто чокается с птицей, залпом выпил.

Еще удар. Попал. Не попал. Выпил. Не попал. Выпил. Попал. Все в мрачайшей, тяжелой сосредоточенности, в топком молчании.

Вдруг дверь в комнату отдыха открылась.

В проеме появилась любопытная рыжая голова. При виде Моргана, на сей раз бравое пьющего с локтя, брови Голден-Халлы упозли под самую челку.

– О! Надираетесь, коллега? – Берти с размаху плюхнулся на диван, закинул одну вытянутую ногу на другую и скользнул быстрым взглядом по чемоданчику.

Морган не удостоил его ответом.

Золотистый пес сыщика протрусил к подоконнику с птицей и, твякнув, припал там на передние лапы, будто охотясь или вызывая к игре. Ворон встопорщил крылья и, переступая коготками, демонстративно отвернулся к окну.

– Тяжелый день? – предположил Берти, когда доктор Гарвус приблизился к столику за очередной порцией спирта.

– Тяжелый вечер. Вам от меня что надо, Голден-Халла? – мрачно поинтересовалась звезда науки.

Берти пожал плечами. Потянулся к столу, взял кувшин, понюхал. Задумался: кедр, дуб, кожа, табак и – неожиданно – ромашка. Прямо много ромашки. Кнасское пойло. Значит, несмотря на звание «самогон», градусов в этой штуке не так уж много.

Что ж. Как раз можно вписаться в вечеринку.

Берти налил уже две рюмки и улыбнулся:

– От вас мне ничего не надо, Морган. Но я люблю приходить сюда иногда и, собственно, играть в бильярд. До сего вечера эта была моя вотчина, мои владения. Я так привык к этому, что теперь пребываю в растерянности: конкурент объявился! Однако! И что же мне с вами делать?

– Можете со мной сыграть, – великодушно предложил Морган, обводя зеленое сукно так широко, будто это были заливные поля и волшебные рощи его личного королевства. – Только не плачьте, когда я разобью вас в пух и прах. Я не собираюсь вытирать ваши нежные слезки, сразу предупреждаю.

Берти пружинисто вскочил, легко сдернул со стены кий и сделал выпад фехтовальщика:

– Сразимся! – и попрыгал на Моргана, размахивая деревяшкой, как очень длинной шпагой.

Гарвус саркастически поднял бровь, а рыжий, не доскакав до него полметра, резко крутанулся и, почти не целясь, забил дальний угловой.

– Пейте! – воссиял Голден-Халла.

Морган выпил.

Но следующий шар – предполагаемый дуплет – остался на поле. Рюмку себе наполнял уже Берти. Потом снова Берти и трижды – Морган.

Только некоторое время спустя они поняли, что правила у них какие-то порочные: что бы ни происходило на столе, кто-то все равно хлестал самогон.

Мир будто замедлился, воздух стал гуще, а все вокруг – значительнее и симпатичнее. Морган краем глаза посмотрел на свое отражение в темном зеркале на стене. Теперь он, пожалуй, был рад своей внешности. Мастер тайн заправил прядь волос за ухо, и отражение – верный друг – сделало то же самое, чуть плывя.

Морган слегка улыбнулся. В голове шумело. Ему все еще было хреново, и впереди будет только хуже, но прямо сейчас жизнь казалась не такой уж поганой. Иллюзия, конечно. Но все-таки.

Есть шанс, что весь мир – иллюзия, верно? В этом случае главное – заткнуть своего внутреннего параноика и дать голос оголтелому мечтателю в самой своей глубине...

– Эх, коллега! – беззлобно расхохотался Голден-Халла, глядя на то, как Морган флиртует с зеркалом.

Сыщик расслабленно упал обратно на диван, чуть не придавив собственного пса, который свернулся там улиткой меж подушек и дрых, посвистывая на вдохе.

– Ладно я – шалопай, и все это знают; но вы-то! Айсберг! Колосс! Холодильный погреб! Должно быть, вечер и впрямь не ахти, раз вы тут так развлекаетесь? – подмигнул сыщик.

Морган хмыкнул и грациозно опустился в кресло напротив. Рюмку он болтал в руках на манер бокала с виски.

– Господин Голден-Халла. Я вас вижу насквозь: давайте без этих ваших детективных штучек.

– «Штютчек», хех! – сыщик передразнил восточно-лесной выговор профессора, приобретенный тем за годы учебы и работы в Лесном королевстве. – Это не вопрос. Я спрашиваю просто так.

– Но что такое «просто так» в безграничном пространстве причин и следствий? – Морган пожал плечами. – Добавьте к уравнению подсознание, и вы поймете – никакого «просто так» не существует...

– Ой, здравствуйте, господин теоретик! – заржал Берти.

Морган тоже заржал, хрипловато.

Ворон на подоконнике сокрушенно бухнул крыло на глаза. Позор-р-рище.

Отсмеявшись, Берти налил им еще и, чокнувшись, объяснил:

– Мне просто интересны люди. Их ощущения, истории, мотивы. Интересна жизнь. И не-жизнь. И нежить. И смерть. Все интересно, прах побери! Я тот странный чокнутый парниша, кто, кажется, забыл выйти из возраста любознательного чада – куда ни гляну, все-то хочется понять, изучить, опробовать. Боги-хранители замотили мне ответственности, зато сыпанули восторгов с лихвой... Пою осанну миру круглосуточно, аж стыдно, несерьезно, ну.

Сыщик глянул в окно, за которым уже угасли последние всполохи заката.

Потом перевел взгляд на умиротворенного Гарвуса:

– Хотя я могу не объяснять вам свой страстный роман со Вселенной. Наверняка вы сами крутите те же пашни: иначе б вам сложно было стать мастером тайн.

– Кручу, – благосклонно согласился Морган. – Хотя я не вполне верю в чистую душу этой девицы. Она весьма соблазнительна, но я знаю – у нее острые зубы. Всех партнеров она рано или поздно сожрет. Как самка богомола.

– Однако вы в игре.

– В игре. Еще бы! Но я всегда начеку. Не знаю, как строится ваша любовь со вселенной, но моя подружка явно любит пожестче.

– О, Морган, ничего себе вы подняли градус!

– Моя цель – познать ее потенциал как можно глубже. Для этого надо быть объективным. Отставить жалость. Иногда исследования включают такие неприятные вещи, как вскрытие – не только тайн, но и живых существ. Это бывает мерзко. Хочется отступить.

– Поэтому напиваетесь?

– Что?

– Новая тайна не понравилась?

– Пеплов сыщик! Идите к демонам в печенку.

– Ай, как грубо. После такого мне остается либо начистить вам морду, либо подружиться с вами, и в обоих случаях вам хана: дружу я, как и дерусь, очень рьяно.

– Идите к демонам в печенку, – с чувством повторил Морган.

Это звучало так... освобождающе.

Они снова чокнулись. Вселенная, как огромный черный фонарь, еще какое-то время затемняла их разговоры кружевом непостижимости, но после уступила место другим темам. Постепенно диалог перекочевал в область психологии, поэзии, рассказов о себе и своем прошлом... Сильно отфильтрованных, правда, что с одной стороны, что с другой.

С некоторым удивлением Морган заметил, что «этот сыщик», в первые дни не вызывавший у него ничего, кроме глухого раздражения, не так уж плох. Точнее даже хорош. Очень хорош. Что, впрочем, тоже раздражало – в каком-то новом смысле.

Потом беседа неизбежно сместилась на работу и преподавание.

Берти советовал Моргану продемонстрировать на лекциях, что он – «свой парень», потому что в долгосрочной перспективе студенты усваивают материал лучше, когда он исходит «от дружественного объекта». Морган советовал Берти заткнуться. И переехать в Шолох – дескать, там таких восторженных придурков море, Голден-Халла будет как рыба в воде. Берти спрашивал, почему Морган сам там не живет, и Морган долго ржал оттого, что его завуалированно сочли «восторженным».

– Нет, никаких больше столиц. Моя мечта – хижина.

– Хижина, Морган?

– Хижина. В изумительно пустынном поле. Или в горах.

– Горы тебе больше пойдут, ледышка.

– Спасибо за мнение.

– Только обязательно снежные горы, слышишь?

– Договорились. Однажды – обязательно.

– А почему не сейчас? Мечты достойны того, чтоб сбываться.

– Мечты – да. А вот я еще не заслужил.

Пес и ворон уже давно ушли из бильярдной. Какое-то время они вместе патрулировали коридоры Бури, а потом, вполне по-человечески кивнув друг другу («наши хозяева непостижимы»), разошлись по разным сторонам.

Берти растекся на диване, как амеба-тусовщица, и ладонью подпер щеку:

– А что значит «не заслужил»?

– То и значит. – Морган залпом осушил рюмку. – Мне почти сорок лет, а я еще ничего не достиг. Вообще ничего. Вывод: я пока недостоин счастья.

Берти аж закашлялся самогоном.

– Это называется «ничего»?! – опешил он, изумленно уставившись на коллегу. – Ты колдуешь великолепно; ради тебя открыли новый курс в Буре; твое имя у всех на слуху. А еще у тебя пожизненный контракт профессора в Шолохе – даже при том, что ты там не живешь. Не наглей, Гарвус!

Морган поморщился:

– Ты сыщик, Берти, поэтому знай: реальным «чем-то» в научно-магическом мире называют только Нинделовскую премию. Нет ее – нет ничего. Соответственно, по мнению общества, я не состоялся как профессионал.

– В задницу общество!

– Нет, ты послушай. Каждое мое исследование, каким бы филигранным оно ни было, сталкивается с одной и той же реакцией: «да, это изумительно, ох, невероятно; вы доказали существование морской девы Мули Атерх, но, позвольте, что нам с этим делать? Ну дева и дева. Пусть плавает. Доктор Морган, все важное уже давно открыто, вам некуда больше сунуть свой тощий нос. Смиритесь с тем, что ваши работы никому не нужны, и катитесь в бездну!» – спаясничал Морган и застонал, прижав прохладное стекло рюмки ко лбу, как снежок.

– Но ведь это не так? – Берти пожал плечами. – Судя по всему, твои работы очень нужны.

– Кому, интересно?

– Тебе, Морган.

Пауза.

Гарвус поднял глаза на собеседника. Взгляд у рыжего был пугающе серьезный. Но мгновение спустя Голден-Халла добавил уже со смешком:

– ...Ну, я надеюсь, раз жрешь этот терновник с таким остервенением!

– Что нужно мне, – прорычал лектор в ответ, – так это доказать всем, что ТММ чего-то стоит. Сделать потрясающее открытие – им назло, – а потом уже уехать с чистой совестью – и зажить...

Берти поцокал языком.

– Если твоя мечта – хижина, я бы уехал уже сейчас. А доказывать что-то кому-то – фи! Морган, жизнь у нас одна. И прожить ее надо в свое удовольствие, а не отплясывая джигу перед теми, кому ты не нравишься – в отчаянной попытке изменить их вердикт.

– Почти тост получился, – скептически хмыкнул Гарвус.

– Так выпьем же! – осклабился рыжий.

...Когда часы на Башне Алого Ордена пробили одиннадцать, Морган с трудом сфокусировался и осторожно поднялся из кресла. Берти не среагировал: он сладко спал, закинув голову на спинку дивана. Морган надолго задумался, глядя на него.

Потом навис над коллегой и сделал быстрый пасс руками: вспыхнула тонкая серебристая формула. Берти засопел еще слаще. Морган осторожно, по стеночке, пошел прочь из бильярдной.

* * *

Путь сиятельного доктора Гарвуса вел в кабинет зельеварения, то есть на самую верхушку Пугливой башенки. Час был неурочный, но даже в учебном Рассветном крыле еще тлели угольки студенческой жизни.

Так, в красно-синем провале витражного окна, чуть мерцающего на лунном фоне, Морган засек целующуюся парочку. Он с трудом вспомнил, что это первокурсники: огромный медведоподобный парень и очень красивая темнокожая брюнетка. Эта встреча не вызвала у Гарвуса проблем.

Следующая – да.

По лестнице ему наперерез сбегала Тисса, согбенная под грузом котелков. Когда близняшка увидела профессора, у нее отвисла челюсть.

– Доктор Морган! – ахнула она, поправляя съехавшие от удивления очки. – Почему вы в таком непотребном виде? Что с моим братом?

Морган независимо оперся плечом о каменную стену.

– Все нормально с вашим братом.

– Но вы так безобразно пьяны! С ним точно все хорошо?

– Так идите и сами проверьте! – поморщился Морган. – Что вы по ночам шляетесь? Вам заняться нечем? А ну мигом в спальню!

– У меня был спецкурс по зельям, – Тисса поджала губы.

На нее, дочь архиепископа, выросшую в соседних покоях от королевских отпрысков (ну и пусть они редкостные гады, все равно – уровень), еще никто никогда не орал.

Морган молча прошел дальше.

А Тисса поспешила в Хромую башню. Ее непоколебимая вера в Моргана только что резко пошатнулась. А что, если доктор Гарвус и впрямь не так хорош, как принято думать; как пообещали отцу, когда они искали лучшего асеринского специалиста по тайнам? Мало ли что там Морган нахимичит с братом?

...Архиепископу Ноа де Винтервиллю полетело второе докладное письмо от любящей, взволнованной дочери. С подробным отчетом.

– Ну, я надеюсь, папа оценит мою инициативу... – пробормотала Тис.

А на сердце у нее уже потеплело, авансом.

Да наверняка оценит. Должен оценить!

* * *

– Морган! – прошипела леди-ректор Элайяна, открыв дверь на стук. – Вы почему в таком виде?!

Боги-хранители, и она туда же.

– Есть что-нибудь отрезвляющее?

Эльфийка выругалась, ушла в глубину кабинета и через минуту вернулась с пахучей дымящейся настойкой.

Морган побултыхал эликсир меж пальцев. Пить он не спешил. Не хотел расставаться с безопасным отупением, вызванным алкоголем. С приятным послевкусием беззаботного трепя.

– Я готов. Но есть шанс, что я его убью, – наконец сказал Гарвус.

– А еще есть шанс, что он убьет вас, – эльфийка нахмурилась. – Покажите класс, будьте добры. Вы ведь хотите признания, в кои-то веки?

– Если что: я предупредил вас, Элайяна.

Морган залпом осушил эликсир. Глаза его мгновенно потеряли туман и здраво, холодно заблестели.

– Отлично. И будьте добры больше не раскисать, – строго сказала ректор и захлопнула перед профессором дверь.

Морган постоял какое-то время, пожевал губами. Потом спустился вниз, вышел в Фонтанный Двор и пронзительно свистнул ворона.

– Карр! – осудил тот, слетая на плечо хозяина.

– Когда ты уже выучишь человеческий, а?.. – досадливо цокнул языком Морган.

12. Авансцена Бури

Интуиция – это способность анализировать данные быстрее, чем осознавать их. Если ваше сердце чему-то упрямо противится, не будьте идиотом – прислушайтесь.

Хранитель Теннет

Ранее в тот же день, за несколько часов до вечеринки двух лекторов, когда солнце стояло еще высоко, а четырехлапый бильярд спал, непотревоженный, не знающий, что его вскоре ждет, Ладислава Найт прибежала в академию после Сыска.

Она стрелой пролетела сквозь Бурю. Рыцарские доспехи удивленно поднимали забрала ей вслед, и флажки в их руках колыхались, как на арене легкоатлетов.

Найт выбилась из сил перед самым финишем. Уже на родном, припыленном старостью этаже Хромой башни она внезапно устала: поплелась понуро, мысками цепляя друг дружку.

Второе дыхание осторожно постучало девушку по плечу – *ис, надо?* – но она лишь отмахнулась.

Тогда подал голос каменный дракон:

– Эй, студентка-с! Спасибо за камешки-с-с.

– Пожалуйста, – буркнула Найт, не поворачивая головы.

– Они были не лучшего сорта-с, но... Я готов ответить на твой вопрос-с-с. Правда, я сам мало знаю-с.

Найт сделала еще пару шагов по инерции, потом остановилась и звонко хлопнула себя по лбу.

Точно! Со своими бедами и этим дурацким Голден-Халлой она совсем забыла про тайну Фрэнсиса... Во дает.

Девушка подошла к ящеру. Он, поймав ее на крючок интереса, теперь со спокойной душой завел унылую волюнку:

– Ты в следующий раз, будь добра-с, не приноси булыжники с пляжа! Они чокнутые мальца. Рассказывают отвратительные истории. А мне бы молчунов – ну или чего-нибудь новенького, а...

Найт наклонила голову набок:

– Рассказывают истории? Ты о чем, ящер?

Дракон протяжно вздохнул и неспешно уложил шипастую морду на лапы. Он бы обругал девушку – чисто так, по привычке, но вовремя заметил, что глаза у студентки опухли от слез. Дракон был вредный, конечно, но лишний раз расстраивать людишек не любил. Когда грустили в его присутствии, опустошение почему-то чувствовал он. Хотя, казалось, чему там пустеть – в монолитной каменной туше?

– Некоторые камни Этерны живые-с. Когда я их ем, они рассказывают или показывают мне истории-с. Пляжные булыжники говорливы, но глупы – это худший вариант. Ибо я не хочу напиваться глупостями. Так что будь добра-с, находи либо молчаливые экземпляры, либо поинтересней-с. Первая партия меня разочаровала.

– Пословицу про дареного коня и его зубы тебе никто не рассказывал, я правильно понимаю? – фыркнула Найт и тихонько утерла последнюю слезу – контрабандную.

Дракон нахмурился. Его огромные кустистые брови, когда-то с любовью вырезанные скульптором (у нормальных драконов бровей нет, но скульптор вдохновлялся образом своего дедушки), свелись в один мраморный козырек, полный непонимания.

Найт с удовольствием восполнила образовательный пробел ящера.

– Итак, что там с Фрэнсисом и Тиссой? – любопытствовала она после.

Дракон лукаво подмигнул и растянул пасть в шеристой улыбке: «Ну, значит, так-с-с», когда Лади вдруг подпрыгнула:

– Нет! Стой! Не говори!

– Почему-с? – растерялся ящер.

– Я передумала... – протянула девушка удивленно.

Она действительно передумала.

Ей настолько не понравилось то, что Голден-Халла узнал о ней больше, чем ей бы хотелось раскрыть, что теперь Лади не готова была повторить ту же штуку с Фрэнсом. Она представила, как они с Фрэнсисом сидят на свидании, и вдруг она выдает ему, что знает его тайну, – и у Фрэнсиса меняется лицо, Фрэнсис встает, уходит, злится – совсем как она сегодня... Нет, не надо такого.

А узнать и скрывать – еще хуже.

– Ну вот, – обиделся ящер. – А я думал-с, в кои-то веки смог стать информатором-с. А тут сию здесь, скучаю-с... Никакого смысла-с...

– Позже станешь, – пообещала Лади. – А пока я тебе еще камней приволоку. В утешение.

– Только не пляжные, повторяю-с! – вновь попросил ящер. – А то эти только про ноги рассказывают. Как они им нравятся. Или нет.

– Э, ноги?..

– Ну да-с. Изредка кто-то падает-с: тогда руки. Один камень помнил лицо-с. Несколько: апокалипсис, читай, бедра-с.

– Ну и как я теперь буду гулять по берегу с этой информацией? – посетовала Найт, уходя.

* * *

Тринадцатая спальня оказалась полностью в ее распоряжении. Ладислава поднимала себе настроение, как могла.

Она прыгала на кровати: подбрасывала подушку, падала на спину и ловила ее уже поднятыми ступнями (самый веселый способ качать пресс).

Она с закрытыми глазами вытаскивала из саквояжа дамские романы, купленные в Саусборне на вес, и вслух, хихикая, читала напыщенные диалоги. Она выбралась на карниз и тренировалась запускать пульсары, метя в лепнину розово-золотых облаков, снисходящих с дальних гор, как овцы. Она, поминутно оглядываясь на дверь, стыдливо перенюхала все-все духи Тиссы, каковых было множество.

Она открывала и закрывала окно до тех пор, пока за ним не появилось море – тогда Найт, перевесившись через подоконник, начала горланить грустные песни о разбитых сердцах. И горланила до тех пор, пока из лимонада синих вод не вынырнул король ундов на огромном коне-келпи, с трезубцем в руке, и не запулил гарпун прямо в окно-портал. Ладислава, охнув, захлопнула стекла – сделай она это секундой позже, трезубец бы остался в спальне и, возможно, в ее черепушке. А так – пролетел по дуге там, где исчез портал, и с электрическим шипением бахнулся обратно в барашки волн.

– Ици, Бычьеголовый... – приказал недовольный король, и они с келпи бесшумно скрылись на глубине.

А Ладислава у себя в комнате испуганно выдохнула и тотчас начала смеяться.

Ну вот и полегчало. Как всегда.

Рано или поздно грусть уходит. Страх уходит. Горечь уходит. В тяжелые моменты сложно поверить, что будет лучше, но... «Лучше» всегда наступает. Почти независимо от тебя.

Вдруг в дверь постучались. Найт ойкнула, решив, что это Фрэнсис, – но ведь еще не закат, только семь пятнадцать?..

Подбежала к двери, распахнула.

Опять.

* * *

За дверью стоял Голден-Халла.

– А как же спросить: «Кто там?!» – рыжий всплеснул руками. – Так можно открыть дверь вервольфу!

Найт захлопнула дверь. Рефлекторно.

Какого жмыха?! Он что, каждый раз будет являться, как я забуду о своей беде? Мой личный Мастер Тяжелых Мыслей? Господин Прощай-Покой?

– Хе-е-ей! – тотчас поскреблись снаружи. – Ну я-то как раз не волк!

Найт прикрыла глаза.

– Я пришел извиниться, – бодро вещала дверь. – Ненавижу делать людям больно. Вот прям ненавижу, честное слово. Это всегда – ошибка. Особенно если предполагается, что я старше и умнее (и то и другое до сих пор меня удивляет). Я остаток семинара вел как на иголках – стыдно, жуть. Может, поговорим?

Кошачья интонация в конце. *Мур-мяу, пусти?*

Найт тихо выругалась. Потом сказала в район замочной скважины:

– Мастер Берти, вы опять ворвались в мое пространство, и мне это неприятно.

– Ну у тебя точно проблемы! – возмутился Берти. – В смысле, – он уточнил, – не потому, что ты ставишь границы, а вообще. Я прорабатываю версию того, что с тобой происходит, госпожа Найт, и она отнюдь не внушает оптимизма...

– Прорабатываете? – опешила Лади, сползая на пол и обреченно запуская пальцы в волосы. – Да вы каждой фразой делаете только хуже! Я расстроена тем, что попала под лупу, а вы еще и приближаете!

– Но ты же явно нуждаешься в помощи.

– Нет! Не нуждаюсь! Мне никто не может помочь, ясно?!

– Господин Никто вообще мало кому помогает... – проворчал сыщик, который, судя по пляске звука, тоже опустился на пол. – Господин Голден-Халла, говорят, душевнее. Ловит надежду на дли-и-и-инную удочку.

– Пожалуйста, перестаньте! Ваше слова сейчас только делают хуже!

– Д'гарр. Правда?

– Да! – зло отрезала Найт, чуть не плача. Как всегда, боль оказалось легче утопить в горячем гнев.

...Они оба замолчали, огорченные тем, что не вяжется разговор.

Мимо окна пролетели стайкой ласточки. Вслед за ними комнату пересек первый закатный луч солнца – как охотник, как свет маяка. Слева направо и сверху вниз он проплыл по спальне, повинаясь руке шаловливых туч. Ладислава смахнула со щеки слезу и сощурилась в его золотом потоке.

А Берти во тьме коридора вздохнул. Судя по громкости, в самую дверь. Их разделяло сантиметра три – ширина полотна, – и Ладислава вздрогнула, когда Голден-Халла вдруг начал мелко постукивать по дереву.

Костяшками пальцев. *Туук-туук-туук. Туук-туук. Туук-туук-туук.* Прямо в темечко студентке.

– Стоп. Еще раз! – заинтересовалась Найт. Морскую азбуку она знала и любила.

За дверью усмехнулись.

Туук-туук-туук, туук...

– Давай обманем логику повествований? Сотрем наш неудачный разговор и начнем его сначала, если однажды ты этого захочешь. И да: прости меня, госпожа адептка. Я от природы такой любопытный дурак.

– Разве... – начала Найт, но из коридора цыкнули и сердито застучали в жанре суровых соседей.

– Разве так можно – нач. сначала?

– Если двое в сговоре – можно все.

– А мы в сговоре?

– Против бед, преступников и холодного кофе на завтрак? ДА!

– А почему морск. азбука?

– А так веселее.

– Согл.

– Смотри, напарница, наш план: я изобразю, что совсем не интересуюсь твоей проблемой. Но. Если ты поймешь, что все-таки хочешь помощи, – свободно приходи ко мне. Хорошо?

– Хорошо.

– Отлично. Так, моя новая задача на вечер: найти приключение, чтоб отвлечься. Потому что я ненавижу, когда есть проблема – а мне нельзя тотчас укунить ее за бочок! Проблемы – они как конфеты, так я для себя однажды решил (еще в те годы, когда я был очень толстым ребенком, да). Теперь я не могу успокоиться, пока парочку в день не прикончу. Я страшный проблемъешка, госпожа Найт. Хотя и создаю их много, не без этого. В основном – подсознательно: тем, с кем у нас недопонимание. Я называю этот феномен «Суперсила Мелкого Пакостника».

Голден-Халла стучал со скоростью дятла-фанатика, только успевай разбирать его фразы. Впрочем, и говорил он всегда очень быстро.

Вдруг Ладислава вспомнила, что задолжала сыщику послание.

– Вам привет от М. Гринта, – весомо пробарабанила Найт, патриарх неспешных кодов и сокращений.

– Ах, Майверус! Прекрасный человек, который верит, что я душка!

– Он сказал – все верят.

– Не все. Вот доктор Морган, например, смотрит на меня свирепо. Чует конкурента в сердцах студентов. Хм. Кстати, вот и идея!

За дверью воцарилась тишина.

– Мастер Г.-Халла?

Девушка откашлялась и постучалась уже всерьез:

– Мастер Голден-Халла, вы там?

Луч солнца погладил ее по голове: эх, милая...

Ладислава встала и приоткрыла дверь. Коридор уже был пуст.

– Он что, побежал чинить проблемы Белому Доктору? – ужаснулась Найт.

Но нет: честолюбивый Берти побежал вписывать мастера тайн в ряды Дружелюбно Настроенных Персонажей.

Потому что он в конкурентов не верил. Вообще. Только в партнеров. В бесконечные игры и сговоры людей перед лицом той силы, которую Голден-Халла никак не мог познать, но в которой ощущал врага – настоящего своего врага, единственного, каковым ни один человек никогда не мог оказаться. Разве что убийцы – пепловы убийцы всех мастей были агентами злодея, его мелкими сошками – и поэтому Берти стал сыщиком, поэтому он вылавливал их в пруду жизни и брезгливо сдавал в ведра тюрем...

Врагом Голден-Халлы была сама смерть. И только она. А вот с Морганом можно попробовать подружиться!

Часы на Башне Алого Ордена пробили половину восьмого. Сыщик бежал к бильярду.

* * *

– Фрэнсис, а здесь есть перила? Вдруг я упаду?

– Не упадешь: я держу. Перила тоже есть, но я надежней. – Близнец с сомнением посмотрел на ржавые, трухой осыпающиеся поручни и покрепче сжал руки Ладиславы.

На глазах у девушки была маска для сна, привезенная из Саусборна: «Военный Университет Саусборна: спи спокойно, кадет!» (С «душевной» надписью, конечно, погорячились, но, когда пошли первые шуточки на эту тему, университетские портнихи уже сшили двести штук и успели раздать всем студентам в честь поступления. Маска была удобная, впрочем. Ладислава носила ее до сих пор, который год.)

– А долго осталось идти?

– Меньше минуты.

Фрэнсис заранее приметил воздушный мостик – горбатый, легкий и длинный, как паучья лапка, – и теперь аккуратно вел по нему подругу.

Перекинутый на высоте седьмого этажа, мост соединял Хромую башню и Башню Сонного Соловья, расположенную далеко в Рассветном крыле. Это был воистину гуттаперчивый мост, и Фрэнсис подозревал, что построен он скорее благодаря магии, чем физике, – иначе бы точно проломился в середине.

Признаться, после пыточного спецкурса Винтервиллю очень хотелось отменить свидание и просто лежать, глядя в потолок, радуясь, что тысячи магических игл больше не прошивают тело, а сущность внутри не просит разрушений, но...

«Что бы ни говорила Тисса, влюбленность полезна, – рассудил Фрэнс. – Плюс, дав слабину единожды, я не удержусь от нее завтра. И послезавтра. И вообще. Так я чурбаном каким-то стану».

Поэтому, шустро замазав огромные синяки под глазами кремом, утащенным у сестры, Фрэнсис явился по душу Найт.

Уже давно стемнело. В Рассветном крыле один за другим гасли огни. Оставался свет только в трех местах: классе зельеварения, библиотеке и преподавательской комнате отдыха.

– Сейчас будет красиво, – пообещал Фрэнсис, останавливая Найт и протягивая руки к ее лицу, чтобы снять маску.

* * *

– Ух ты!

Глаза и рот госпожа Найт открыла одновременно.

Серединка горбатого моста – он, кстати, назывался Мостом Весеннего Шепота – висела над угодьями Бури, как королевская ложа – над амфитеатром. Идеальный обзор.

Авансценой служил внутренний двор, разделенный на квадраты, цветные, как поля Калландии, долины мельниц. По бокам каменными кулисами стояли башни Рассветного и Полуночного крыла. Дальше, уже за воротами академии, брала разбег поляна, усыпанная светящимися цветами. Передней декорацией был холм с мерцающими зубьями Этерны и мрачной громадой древней обсерватории. Задником – море, нашептывающее, как дурман, издалека. Облака над ним болтались и качались, будто подвешенные на театральные колосники. Луна была софитом.

Или нет: скорее – примой, чей серебряный подол тянулся от горизонта и бросал россыпь искр к подошве холма.

– Это очень красиво, – оценила Найт.

– Ага. Только ты не туда смотришь, – усмехнулся Фрэнсис и, ловко приобняв ее за плечи, аккуратно повернул лицом к Пугливой башне справа по курсу.

От Фрэнсиса пахло миррой, миндалем и слегка ванилью. Морской ветер подбросил парфюм Ладиславе под нос: *ознакомься*.

Девушка посмотрела, куда указывает близнец.

Пугливая башня – дом библиотеки, зелий и колонны-хребта – вырастала из главного корпуса, как стебель, и днем ничем не отличалась от сестер.

– Но сегодня полная луна, – пояснил Фрэнсис. – И в ее свете все преображается.

И действительно... Вся башенка, как заплатками, была покрыта гербами, невидимыми на солнце. Большие и маленькие, разных форм, воткнутые меж окон и распластавшиеся на пол окружности, они ярко горели. И – более того – двигались, шевелясь в легком колдовском тумане. Ожившая пляска картин.

– Bay!

На гербах были изображены дивные создания. Те же самые, что и на красочном потолке главного холла. Вот единорог бьет копытом. Вот грызген хихикает, тянет в рот рыбеху. Вот шарик-птица-иррин перепрыгивает с ноги на ногу и раздувается, готовясь петь.

Вот...

Ладислава вздрогнула. По спине пробежал холодок, будто острым когтем провели. Герб, вызвавший это чувство, был спрятан далеко внизу, в темном углу башни, где она смыкалась с соседней.

На эмблеме было страшное существо... Монстра изобразили мелкими, злыми штришками: чернильно-черными. У существа были олени рога, плоская морда с двумя провалами глаз, острые ветви вместо рук и будто ящеринные ноги, выглядывающие из-под драного плаща. Вокруг него плясала в лунном свете какая-то шелуха... Хлопья пепла, что ли...

– Удивительный эффект, да? Гербы видно только с этого мостика, – улыбнулся Фрэнсис, в это время мирно любовавшийся королем келпи, бьющим копытами по воздуху.

Найт с трудом отвела взгляд от монстра.

Рядом с ним, в том же темном углу, были нарисованы еще несколько: безглазое чудище с ртом во всю голову; девушка со вторым лицом на животе; нечто, похожее на гротескный скелет осла.

Все они как будто принадлежали иному миру.

Как-то незаметно случилось так, что рука впечатленной Ладиславы оказалась в руке Фрэнсиса. Винтервилль удивился, не заметив причины, но тотчас в ответ ободряюще пожал ладонь девушки. И не стал ее отпускать.

– А откуда ты знаешь об этой «картинной галерее»? – спросила Найт, стремясь развеять гнетущее впечатление. – Ты же тоже новичок!

– Кхм, напомним: в отличие от тебя я готовился к поездке, – подмигнул Фрэнсис.

Они сели на мосту, и близнец начал распаковывать корзину с припасами, добытую им на кухне. Юноша налил в два берестяных стаканчика (патент его бабушки, чаевницы госпожи Пионии) шипучий осоко-лимонад. Зеленый, пузырящийся, густой и кисловато-сладкий.

– Эта информация есть в книгах об академии. Раздел: «Факты о Буре и Ее Жителях».

– Ага. А про жутких демонов там тоже говорится? – сощурилась Найт.

Лицо Фрэнсиса осталось непроницаемым, но лимонад качнулся, а сердце бахнулось куда-то вниз, в район идущего в подвалах семинара по некромантии. Сожитель внутри встрепнулся, разворачивая крылья: опасность!

Откуда она...

Но Найт уже деловито тыкала пальцем себе за спину, в сторону испугавших ее эмблем.

Фрэнсису аж похорошело. Впрочем, приглядевшись к монстрам, он присвистнул:

– Нет, про них не знаю. Надеюсь, они уже вымерли.

– И я надеюсь! – поддержала Найт. – Слушай, Фрэнсис. А ведь ты боевой маг. Расскажи мне что-нибудь интересное о своем прежнем студенчестве, а?

Разговор пошел как по маслу.

Ладислава была прекрасным слушателем, а Фрэнсис обожал свой старый профиль. Он всегда считал себя боевым магом, и у него не было ни единого сомнения, что это – его путь. В этом смысле странно было смотреть на людей, не знающих, в чем их призвание. Фрэнс как будто родился с огненным шаром в руке и уже в пять лет плел воображаемые связки защит-нападений.

Тут даже отцу пришлось смириться. Естественно, Ноа де Винтервилль грел надежду, что сын возьмет в свои руки бразды *семейного бизнеса*, но Фрэнсис, в отличие от сестры, относился к религии и церкви с Почтительной Индифферентностью. Много лет семейных скандалов, и Ноа махнул рукой: *магичь, благословляю*.

Вообще, конечно, это было нечестно.

То, что из них двоих именно Тисса обладала даром проповедника. Скакала перед зеркалом, читая сочиненные тексты. Рисовала ритуальные татуировки на щеках. Мечтала «заботиться о пастве и наставлять ее». Но не могла. Ведь Церковь оставалась чуть ли не единственной сферой в королевстве, где женщины не одобрялись. Сильно. Очень.

В теории, конечно, именно отец близнецов был Тем Самым Человеком, кто мог бы, шаг за шагом, провести соответствующую реформу, но...

– Тисса? Не смешите меня. Пусть слушается брата, прилежно учится и не создает проблем, – всегда пожимал плечами Ноа. – Я позволил ей стать магом вслед за Фрэнсисом. Хотеть большего, доканивать меня теперь – это грешно.

Логично, что близняшка Винтервилль, жившая из-за этого в постоянном конфликте между желанием и возможностью (да еще и под гнетом страшного «меня не существует для отца»), не только отличалась весьма взбалмошным характером, но и однажды влипла в плохую историю... Это случилось два месяца назад, летом.

Ужасный был день.

Демон внутри Фрэнсиса вдруг заворочался, поднял голову, застучал своим сердцем – вторым, бьющимся возле юношеского. Прислушайся: ту-ту-дух-дух... ту-ту-дух-дух...

– Эй, ты чего? – Ладислава потормошила Фрэнса. – Рассказывал про вашу учебную арену и имитацию апокалипсиса, а потом вдруг умолк.

Близнец, провалившийся в воспоминания, извинился за рассеянность и возобновил рассказ о магических тренировках.

Попутно он потчевал госпожу Найт сахарным виноградом, пирожками с олениной, сушеными кружочками апельсина, хрустящими на зубах, устрицами (за них с уютницами пришлось побиться) и паффами с дымчатым паштетом.

Фрэнсис подспудно страдал от скудости устроенного им пикника: в столице он ухаживал за девушками куда изысканнее. Ладислава – напротив, обалдевала от того, как сильно заморочился сосед.

Она сидела напротив близнеца, по-пустынному скрестив ноги, и слушала его почти с восторгом. Шерстяная накидка шэппар в оранжево-красных ромбах была уютной и в то же время маняще-яркой. Лади чудесно смеялась: у нее была широкая, ровная улыбка, маленькая родинка на крыле чуть вздернутого носа и эти фантастические разноцветные глаза.

Фрэнсис любовался и от минуты к минуте заливался соловьем все качественней.

За спиной у Найт был лес: Винтервилль решил, пусть она наслаждается башней и морем, а он – группировкой сосен и короной скал в центре острова.

Время шло, они болтали и с радостью находили все больше общих черт, общих взглядов на мир и вещи, на юмор и драму, на людей, на историю и политику. Луна стояла уже высоко.

– Так высоко! Это сколько времени? – задумалась Найт.

– Сейчас пробьет полночь, – близнец проверил часы.

Ладислава как-то резко взгрустнула...

– Эй? Ты чего? – Фрэнсис потянулся вперед и прохладными пальцами коснулся уголка рта девушки, как бы намереваясь вручную вернуть ее улыбку.

И в этот дивный миг... на острове что-то случилось.

Багровое зарево – северное сияние в красных тонах – нестерпимо-ярко полыхнуло бесшумным небесным костром над лесом, за спиной Ладиславы. Алая завеса, вспышка, низводящая сетчатку в ноль.

Фрэнсис зажмурился и отшатнулся от резчайшей боли в глазах, спиной упершись в перила моста. В очень ржавые, трухлявые перила, которые с жалобным скрипом подались назад и, сипло кашлянув, отвалились и полетели вниз...

А Фрэнсис – вслед за ними.

13. Плач в темноте

Птица иррин знаменита своей песней: если услышишь ее в тот момент, когда будешь смотреть на иррин, то застынешь, не в силах пошевелиться. Не менее знаковыми у иррин представляются ее выдающийся интеллект и способность к эмпатии.

Книга животных и тварей острова Этерны

От внезапности случившегося уши Найт будто заложило ватой. Она не видела красного зарева – только то, как вспыхнули глаза Фрэнсиса перед падением. Близнец исчез под мостом бесшумно.

Ладислава даже не вскрикнула – сипло ахнула. Распутав ноги, она на коленках бросилась вперед, сшибая посуду. Раздался лязг и грохот разбившейся внизу ограды.

Но не крик.

– Фрэнс?! – девушка склонилась над обрывом. Там было темным-темно: освещенная территория начиналась дальше, а тут – лишь чернота меж башенок и корпусов.

– ФРЭНСИС!

Ливанул дождь. Так резко, будто натянутый барабан неба вспороли острым скальпелем, а там – все то же безграничное море, теперь падающее вниз... Гигантские капли, гулкие, ледяные, скатывались, как стеклянные шарики, взрываясь брызгами на плечах, руках, спине и затылке девушки. Рваные зазубрины туч взялись из ниоткуда, забив пейзаж до горизонта темным пазлом.

Буря пришла на остров.

Лади вспомнила заклятие, разученное вчера: световой пульсар. Сжав зубы, она сложила формулу: указательные и средние пальцы обеих рук прямо, остальные в кулаках. Поставить руки углом перед лицом; поднять правый локоть; поднять левый; крутануть правой рукой вокруг левой, будто наматываешь нить на катушку; направить кисти вверх... Одновременно – заговор.

С первого раза не вышло. Лади упрямо, без паники повторила. Браслет на руке вспыхнул, меж кистей зажглась горошина света и скатилась вниз – всем каплям капля.

Ничего. Брусчатка пуста, лишь остовы перил. Фрэнсиса нет. Дождь хлещет. Одинокaя девушка на мосту.

Лади вскочила. Что делать? Она бросилась в Башню Сонного Соловья, оскальзываясь на мокром камне. В одно мгновение горбатый мост превратился в текущую реку.

Адептка влетела в темную арку и, перепрыгивая через две ступени, ломанулась вниз по неосвещенной винтовой лестнице, хватаясь за стены и перила. Но не успела Найт миновать и трех пролетов, как с очередного балкона ей навстречу шагнула темная фигура. Лади на скорости врезалась в нее. Человек устоял, крепко обхватив девушку объятием.

– Найт! Стой! Это я.

Мирра, миндаль, ваниль. И как будто немного гари...

– Фрэнсис?! – она отстранилась. – Хвала небу! Но... Как ты здесь оказался? И что с твоей одеждой?

Костюм Фрэнсиса висел на нем лохмотьями столь жалкими, что угадать, чем прежде был этот наряд, не смог бы даже портной с богатой фантазией. Близнеца колотило. Мокрый и взъерошенный, он трясся, как от лихорадки. Разжав объятия, он сразу увел руки за спину и почему-то упорно не поднимал взгляд.

Найт посмотрела на него и молча шагнула на балкон, с которого явился Фрэнсис. Полукруглая площадка – ох и далеко же от центра моста... Гравитация – дама жестокая, бесщедрая, свои интересы ставит выше чужих. Она бы точно не отправила сюда юношу. Ни за что.

Фрэнсис за спиной у девушки меж тем украдкой смотрел на свои руки. Вены и капилляры явственно просвечивали сквозь кожу тусклым золотым цветом. Они сейчас погаснут. А вот глаза – не сразу. И еще остаются эти острые, будто заточенные перья, прилипшие к голым ступням: ботинки разорвало на куски...

– Фрэнсис... И все-таки: как ты сюда попал? – повторила девушка, оборачиваясь.

– Я не могу тебе сказать. Прости.

– Ты в кого-то превращаешься, да? В кого-то летучего. Кто любит рыбку, – медленно вывела Найт. – Причем оборачиваешься мгновенно. Но почему это секрет? Ведь оборотни нормально живут среди людей: тот же Стэн...

Близнец поднял взгляд, и Найт поперхнулась: глаза юноши затапливало два нестерпимо-золотых костра.

– Лади. Пожалуйста, не трогай мою тайну, хорошо? Однажды я расскажу тебе. Но потом. Не сейчас, – глухо пообещал он.

«Интересно, – отстраненно подумала Найт, – доживу ли я до этого «потом».

Но вслух лишь сказала, взяв за образец недавнюю беседу с мастером Берти:

– Хорошо. Когда поймешь, что готов поделиться – приходи. А пока – мой рот на замке! – она изобразила, будто зашивает губы ниткой.

Потому что, конечно, нельзя выбивать из человека секрет, если он не хочет им делиться. А то выбьешь заодно и всяческое хорошее к тебе отношение.

Фрэнсис с благодарностью, улыбочиво кивнул. Но улыбка быстро пропала с его лица: как будто шаловливый бог украл ее, сжав в кулаке, и бросил прочь, наружу, в шквальный дождь и ветер, которые определенно поставили целью стереть академию с лица земли.

– М-да, боюсь, наше первое свидание провалилось с треском, – вздохнул близнец. – Дурной из меня кавалер. Но если ты согласишься еще раз куда-то сходить со мной, я буду очень рад.

– Провалился тут только ты – сквозь перила, – хмыкнула Лади. – И то, как видим, без последствий. Так что я соглашусь, и не надейся на обратное! А пока... Попробуем добраться до нашей башни? – протянула она, выглядывая в окно, скорее похожее на глухую стену из-за сплошной пелены дождя.

Возвращаться по Мосту Весеннего Шепота определенно было плохой идеей: в такую погоду соскользнуть с него было проще простого.

– Пойдем через Башню Истовых Происков, потом сквозь Сердоликовую, свернем в Пугливую, спустимся в главный холл – и оттуда в наше крыло, – прикинул Фрэнсис, когда они, спустившись, очень удачно наткнулись на карту академии, выполненную в виде гобелена.

По средневековому полотну скакал, размахивая рогом, как поварешкой, белый единорог, нарисованный так странно, что скорее напоминал собаку на полставки. Единорога приходилось отгонять взмахами руки, чтоб он не прыгал именно в тех местах, которые хотелось рассмотреть.

Ребята стали на цыпочках осуществлять оглашенный план.

Как и во всем Рассветном крыле, в Пугливой башне было темно, хоть глаз выколи. Фрэнсис наколдовал небольшой огонек на ладони и шел с ним, как с фонарем, ведя Ладиславу за собой. Вдруг на улице вспыхнула молния: яростная, ветвистая, она расколола небосвод, как старое блюдо, и высветила коридор далеко впереди...

В том числе гротескную фигуру у окна: нечто огромное, на тонких длинных ножках.

Лади подобралась, Фрэнсис приготовился превратить огонь в боевой пульсар, но... Оказалось, что это всего лишь птица иррин.

– Курлык... – тихо и грустно сказала иррин, глядя в окно.

Адепты с удивлением поняли, что по перьям и клюву создания льются самые настоящие слезы.

– Эй, птица, ты чего? – Лади решительно шагнула вперед и погладила теплые, пушистые крылья.

– Курлык... – обреченно повторила иррин и стала раздуваться.

– Закрой глаза! – крикнул Фрэнсис, знавший, какое сокрушительное действие оказывает песня иррин на всех, взглянувших на нее в начале звука. И на всякий случай погасил свет.

Молча стояли они в темном коридоре, а птица пела в открытое окно. И песнь эта была такой тоскливой, безнадежной и щемящей, что Ладислава не выдержала, дернула юношу за рукав:

– Пойдем. Пожалуйста.

Когда они немного отошли, Найт спросила:

– Фрэнсис, а что ты увидел? Перед тем как упасть?

– Мне показалось, что-то вспыхнуло над лесом. Как будто пожар. Но есть шанс... – он замялся, – что это мои галлюцинации из-за, кхм, тайны.

Между комнатами они попрощались. Когда Лади зашла в тринадцатую, Тисса спала. Причем в одежде, поверх одеяла: после встречи с Морганом девушка надеялась дожидаться брата, чтобы убедиться, что с ним все нормально. Но отрубилась. Оно и хорошо: иначе бы внешний вид Фрэнсиса ее не обрадовал.

А Фрэнсис у себя долго, очень долго не мог уснуть. Одна вещь смущала его до невозможности...

Смена ипостаси на мосту была ненамеренной. Весь полет занял две секунды – Фрэнсис даже и не вспомнил о демоне с непривычки, не подумал, что можно ослабить внутренние щиты, выпустить крылатого монстра, припахав его в подмогу.

Демон по собственному разумению взял ситуацию под контроль. А значит... Во-первых, он может вырываться без разрешения Винтервилля. Во-вторых, он спас юношу. Спас. Хотя мог убить.

Фрэнсис вновь колебался.

На одной чаше весов: та жуткая бойня в столице, учиненная демоном; его бесконечная ярость во время спецкурсов; отвратительное поедание живых животных; вспышки боли и гнева, то и дело взрывающиеся среди дня.

На другой чаше: те несколько дней, когда Фрэнсис и демон, выбираясь сквозь окно Хромой башни, летали над морем. И тогда казалось – с ним можно договориться. И теперь вот – спас...

Нет, бред. Это несравнимо. Надо продолжать изгнания с доктором Морганом.

Демон тотчас яростно взвыл и отвесил Винтервиллю пощечину. Только не по лицу, а прямо по сердцу. С отяжкой. И продолжал выть, выть как сирена, раскручиваясь по спиралям боли.

Фрэнсис накрыл лицо подушкой и начал петь, заглушая яростный вой внутри.

* * *

И никто во всей академии – кроме птицы иррин – не видел, что Хребет Этерны, бело-снежная шестиугольная колонна, беспокойно светится красным; море потемнело и вздулось, как кровавой мешок; а эмблемы на стене, так смутившие Ладиславу, исказили рты и беззвучно кричат в темноте...

14. Признаки снега

В Лесном королевстве, Асерине, Рамбле, Лютгардии, княжестве Вухх и Стране Смерти за Холмами говорят на одном и том же языке, хотя диалекты и акценты, конечно, различаются.

Энциклопедия «Доронах»

К утру дождь не только не прекратился, но еще и оброс первыми признаками снега.

Температурный столбик обвалился сразу на двадцать пунктов: такие падения были характерны для саусберийской биржи, а вот для осени – нет.

Вся территория академии превратилась в ледяной каток. Местами в него были заморожены бабочки, не успевшие сладить с ситуацией. Снежок стыдливо припорошил их – с глаз долой.

Адепты опоздали на лекции, все как один: каждому пришлось незапланированно рыться в шкафах в поисках теплой одежды. У половины студентов ее вообще не было: они надеялись съездить на материк в какие-нибудь выходные, до наступления холодов.

– Ну вот! – Тисса цокнула языком, разглядывая серо-белый тлен за окном. – Мы прогневали богов, поздравляю.

– Кто – мы? – поинтересовалась Лади. Она стояла над саквояжем. Одной ногой девушка уперлась в огромный ком свитеров, смешавшихся в нем клубком, а двумя руками пыталась вытянуть очередной шэппар, на сей раз очень толстый, сине-белый, надеясь, что не разорвет его на две части.

Трещало по-страшному.

– Все мы, – Тисса пожала плечами. – Потому что, если надо наказать одиночек, небо шлет молнию в лоб или проклятие.

– Проклятия, по-твоему – это тоже наказание?

Найт выдрала-таки накидку. Так. Ну, будем считать, рваные подмышки – это модно.

– Конечно, – удивилась близняшка. – Как иначе? Хороших людей боги не трогают.

Ладислава натянула два шэппара сразу, нахлобучила шапку с помпоном – ее первая лекция была на улице – и сощурилась, глядя на соседку и уперев руки в бока.

– Знаешь, Тис, – нахмурилась она, – мне кажется, ты неправа. При чем вообще тут боги? Это все игра случайностей. Иногда и хорошим людям достается. Вообще ни за что. Уж поверь: знаю кое-кого лично.

Тисса села на кровать, изящно закинула ногу на ногу. Ее руки были заняты. Близняшка удерживала прозрачных трын-слизняков, которых она приклеила под глаза на роли пластырей против темных кругов. Слизняки, ни разу не счастливы, все пытались уползти, но Тисса плющила их пальцами диктата, пресекая всякий побег.

Близняшка фыркнула:

– Вот именно! «Ни за что»! Иногда в этом-то и проблема! Некоторые люди не делают ничего плохого, но и хорошего ничего не делают. А другие – творят жуткие вещи, но компенсируют это прорвой добрых поступков. Ирония в том, что вселенная считает их всех похожими друг на друга. Деятельный злодей-филантроп и добряк-слуга-дивана оказываются в одной лодке: привет, соседка! Так что, возможно, твои знакомые как раз из второй категории.

Ладислава задумчиво взвесила в руках варежки. Швырнуть, что ли, в Тиссу и сказать – случайно?..

Найт! Перестань воспринимать все так близко к сердцу. Она просто трещит как сорока. То, что человек верит в свои слова, еще не значит, что они истинны.

– Еще возможно, – нравоучительно продолжила близняшка, – что человек в принципе-то хороший, всегда себя таким считал, но однажды со вкусом поддался грязному желанию. Или гордыне. Или пошел на обман. Или попался в сети обманщика. Все одно; наш мир не любит глупцов ровно в той же степени, что и гордецов... Ай! Ты чего варежками швыряешься?!

– Прости! Мне показалось, рядом с тобой муха пролетала, – Лади широко улыбнулась и подняла снаряд, отлетевший от виска соседки. – Тис, пойдем поедим. Я на голодный желудок плохо соображаю.

– Что ж ты при мне – всегда недоедаешь? – укорила де Винтервилль. На лбу у нее поселилась вертикальная обиженная морщинка.

Найт не знала, что Тисса сейчас рассуждала о себе и Фрэнсисе.

* * *

Меж тем в бильярдной очнулся мастер Берти – от того, что золотистый пес залез ему на колени и стал тщательно вылизывать лицо.

– Ай! Арчи! У тебя ж язык – помойка! – рыжий, отплевываясь, отцепил от себя собаку. Поднял на вытянутых руках и строго оглядел. На псе почему-то обнаружился кружевной чепчик. Еще от него дивно пахло свежей выпечкой.

– Ты что, на кухне развлекался? – Голден-Халла попробовал сурово сдвинуть брови, но в итоге только сладко зевнул. Опустил пса на пол, и тот сразу же с чувством выполненного долга поцокал прочь: бегать по снежку, оглядываться на свои следы, радоваться. *Первооткрыватель*.

Берти встал, распустил волосы и, наклонившись, потряс головой, будто тролль-вокалист из популярной саусберийской группы. Потом кое-как стянул в хвостик. Подошел к окну и присвистнул, оценив дурдом снаружи. Вытащил часы – подарок Линды – и болезненно охнул.

Как так-то?.. Как я умудрился столько проспать?

К счастью, у него сегодня пар не было, но в целом – не круто. Если много спать, можно заблудиться в снах и больше никогда не вернуться в реальность. Конечно, для некоторых это не угроза, а сладкое обещание. Но не для Берти, нет.

В преподавательской, примыкающей к бильярдной, сыщик увидел леди Элайяну. Эльфийка просматривала рефераты за огромным массивным столом.

– Проснулся-таки, звезда моя, – улыбнулась ректор, выставя «двойку» за «двойкой».

– М-м, кофеек! – мурлыкнул рыжий, запрыгивая на стол и протягивая загребушую лапу к ароматной чашке.

Элайяна шлепнула его по руке и покачала головой:

– Себе на кухне возмешь. Что там с новенькой, этой Найт?

– Все хорошо. Хорошая девушка. Не без чудинки, не без раны в сердце – ну и хвала небу, да здравствуют живые люди. Не вижу, чтоб сейчас от нее исходила угроза для двух высокородных жителей Хромой башни...

– Берти! Ни слова про *них*, пожалуйста, – эльфийка понизила голос.

– Про кого? – Голден-Халла вскинул брови, мол, ничего не знаю. И все-таки выхватил чашку из-под носа ректора. Пояснил: – Взятка за «непонятливость»!

Леди Элайяна покачала головой в стиле Какой Же Ты Дурында.

– Девочка на тебе, – еще раз повторила она. – А других двух не трогай: я ведь просила тебя не искать причину моего интереса к студентке Найт. Иногда клиент хочет, чтобы сыщик умел кое-что не видеть. Пора тебе приобрести этот навык.

– Он у меня уже есть. Я же в твою жизнь не лезу.

Это была правда. За четыре года их крепкой дружбы Голден-Халла ни разу не преступил личных границ эльфийки, не проанализировал ни единого пятнышка на одежде или выбитого локона.

Не считая, конечно, их первой встречи – когда он отыскал ее, беглянку-невесту-короля, в каком-то мутном одноэтажном отельчике в Саусборне. Отельчик, кстати, встречи не пережил. Элайяна его развалила, решив, что на нее нападают, и с перепуга вбухав в заклятие все силы.

Подружились, пока выползали из-под обломков.

Берти фыркнул и залпом осушил чашку:

– Я хочу оплату, кстати.

– М-да?

– Дай мне птицу иррин. В рабство. На недельку, а? – подмигнул сыщик. – Я научусь воспроизводить ее колдовскую песню.

– А что, сейчас люди тобой недостаточно очарованы? Аппетиты растут, хочешь, чтоб они и вовсе слюни пускали? – хмыкнула ректор. – Сомневаюсь, что виолончель передаст птичий голос.

– Дело не в голосе, а в интонации. Дело всегда в интонации. Я хотел быть актером, я точно знаю.

Элайяна с сомнением прищурилась.

– Ну Эл. Ну пожа-а-а-а-алуйста!

– Да бери, конечно, – отмахнулась эльфийка. – Но учти: она себе на уме, эта птица. Ходит где хочет, делает что хочет, меня не слушается. Сам за ней бегай, раз приспичило.

– Ты ж моя мисс душевность! Спасибо. – Берти легкомысленно взъерошил утонченную прическу леди-ректора и, спрыгнув со стола, пошел прочь.

От порога он оглянулся:

– Кстати, а что у нас с погодой? Это новые шутки острова? Теперь не отливы в ответ на всплески магии, а заморозки – в ответ на унылый учебный процесс?

Элайяна пожалала плечами и отмахнулась: *я занята!* Закуталась в шаль и продолжила работать, когда сыщик ушел.

Впрочем, сидела она так недолго.

Очень скоро у нее на столе зазвенел антикварный будильник в виде серебряного маяка: его верхний ярус закрутился, бросая отблески света вокруг. Элайяна благосклонно улыбнулась, развинтила маяк пополам и достала из него волшебный конверт, появившийся там мгновение назад.

Как удачно!

Леди-ректор поднялась и пошла в Великую Трапезную: у студентов как раз был обед. Ей нужно было сделать объявление.

* * *

У Ладиславы сегодня в расписании значилась только одна пара – Уход За Магическими Существом.

Сначала семинар был не слишком информативным, зато помог согреться. Ибо госпожа Клыккер ничтоже сумняшеся отправила студентов утеплять конюшни, в которые загнала, на манер барака для беженцев, весь свой островной зоопарк.

Запах внутри был одуряюще-невыносимый: скунсы соседствовали с единорогами, бронтоцерки с саламандрами, под крышей орала на все лады с десятков разномастных птиц, а крошка-ливьятан плескался в ведре, хищно клацая змеиными зубами. Полы конюшни подметал гоблин-коблинау, который оскорбился до глубины души, когда одна адептка назвала его «маг-существом».

– Ты меня животным считаешь?! – коблинау захлебнулся возмущением, отшвырнул веник и утопал в снег. – Ждите повестку в суд, госпожа Клыккер! Ваши олухи – расисты!

Лекторша – миниатюрная дамочка средних лет, чья одежда была расшита зеркальцами (глядя в них, она ухаживала за василисками и горгунками, живущими в подземелье), только фыркнула. Повестками в суд она топила камин.

Зато в конце семинара было кое-что интересное.

Убедившись, что в конюшне тепло, госпожа Клыккер велела студентам сгрудиться куче-нее. А потом открыла крышку старинного сундука. Внутри оказалось гнездо – нормальное, с сеном, – в котором сидел очаровательный зверек. И дюжина его детенышей. Все они, помаргивая, с любопытством смотрели на адептов, умиленных их видом.

– Это цыря! – сказала Клыккер, тыча пальцем в зверька.

Он был беленький, мягкий, носатый, с короткими рожками и шерстяными ушами, по форме напоминающими лист подорожника.

– Цыря – местный житель. И как у многих тварей с острова Этерны, у него очень странная логика. Сложносочиненная.

Госпожа Клыккер наклонилась и ловко выхватила из-под цыри одного детеныша-щенка. Потом отошла с ним на несколько шагов, положила малютку на пол и сама села рядом.

Цыря мгновенно взбесился. Со страшным ревом, напоминающим грохот волн, чуть ли не пеной исходя, он неуклюже выбрался из гнезда и, переваливаясь на перепончатых лапах, рванул к госпоже Клыккер. И стал мутузить ее когтистыми лапками по коленям. Очень гневно, очень. Но безобидно.

– Предположим, он меня убил, – сказала лекторша и, закатив глаза, весьма натурально бахнулась на пол.

Цыря тотчас довольно взвыл, ударил себя в грудь кулаком и... пошел обратно к сундуку. Собственного украденного щенка он проигнорировал, сколько тот ни пищал.

– Как и цыря, – сказала, поднявшись, Клыккер, – многие островные твари стремятся наказать, а не вернуть. Детеныш жив, хотя и потерян – в принципе, цыре это подходит. Но вот если я убью щенка...

– НЕ НАДО! – ахнули студенты.

Клыккер покрутила пальцем у виска:

– ...Я зоолог, ау! Вы правда думаете, я способна убить животное? Нет. Но в теории: если украденный мною щенок умрет, цыря очухается. И, по старой памяти, придет требовать долг с меня. Искать приемыша-замену: причем из клана потомков убийцы. То есть из людей, в широком смысле слова. Так что ваше задание на сегодня: ходим по лесу, заглядываем в гнезда местных тварей. Изучаем, в чьих гнездах нашлись чужие птенцы, животные или гоблинские младенцы. Анализируем, исходя из свежих данных. Урок закончен, спасибо за внимание.

* * *

После семинара по фармакологии, общего для всего последнего курса (тоска, возведенная в пятую степень, хотя Тиссе нравилось), Фрэнсис пошел на очередные пытки с Морганом.

Однако, как ни странно, профессор не ждал его в привычной арке... Близнец потоптался там минут десять, потом пожал плечами и отправился в Фонтанный Двор.

Возле пряничного домика крутилась Хейли Хани. Судя по тому, как девушка озиралась и поджимала губы, натываясь взглядом на редких прохожих, она ждала, пока останется во дворе одна.

Фрэнсис приблизился.

– Ты тоже к Моргану? – спросил он. Холодный пар вырвался с дыханием близнеца, и Винтервилль с ужасом понял, что пар этот принимает форму заостренных крыльев и как бы двух рожек над ними. Фрэнсис затаил дыхание... Демон, блин!

Хейли же отрицательно покачала головой и ушла. Ей нравился Гарвус, и, будучи девушкой решительной, первокурсница хотела продвинуться дальше рисунков на окнах. Например, задать вопрос по учебе.

Фрэнсис постучал. Потом громче. Изнутри не отвечали. Близнец пожал плечами и осторожно приоткрыл дверь.

– Доктор Морган?..

Пряничный домик внутри оказался похож на Камеру Кошмаров.

Фрэнсис как зашел, так и обомлел: в прихожей, объединенной с гостиной, все горизонтальные поверхности были заняты какой-то... Гадостью.

В закупоренных банках, заспиртованные, плавали сердца. Еще несколько лежали, препарированные, на рабочем столе. Везде валялись скальпели, ножницы, пинцеты, вата, бинты. С потолков свисали щедрыми гроздьями обереги. Вдоль подоконников с задернутыми шторами стояли пузырьки с кривыми этикетками.

По полу убегала мокрая дорожка следов от ботинок. Остро пахло лекарствами.

– Доктор Морган?

Фрэнсис, скупно хмурясь, сложил руки в подготовительную маг-позицию – на всякий случай. И последовал за влажными отпечатками. Они привели его к двум дверям в конце коридора – жизнерадостно фигурным и белым на фоне колдовского беспредела. Одна дверь вела в подвал. Другая – в спальню.

– Морган, вы здесь? – крикнул студент.

Из спальни донеслось какое-то сумбурное шевеление. Фрэнсис рывком открыл дверь, не ожидая ровным счетом ничего хорошего.

В помещении было темно: окна завешены, ставни заперты. Воняло боярышником. На кровати лежал едва различимый доктор Морган, натянувший одеяло до самого подбородка. Глаза и лоб его были накрыты какой-то тряпкой.

– Фрэнсис? – невнятно спросил Гарвус. – Урока сегодня не будет. Извините.

– Что случилось?

– Здоровье подводит. Оставьте меня, будьте добры.

– У вас что, мигрень? – удивился Фрэнсис. – Из-за перемены погоды?

– Что? Из-за чего?.. А. Да! Из-за перемены погоды, мигрень, верно, – сквозь зубы процедил лектор.

– Ладно. Может, к вам позвать целителей?

– Не надо, – отрезал Морган. – Все, уходите. А, да. Демона сегодня покормите так, как делали это раньше. Полетом.

Сердце Фрэнсиса радостно ухнуло. Он кивнул и вышел.

Красноглазый ворон, сидевший в изголовье кровати, как нянечка, взлетел на подоконник, нырнул под занавеску и внимательно проследил сквозь щель в досках за тем, чтобы близнец действительно ушел.

Морган продолжал лежать на кровати пластом. Его студент этого не видел, но оба маг-браслета блондина потухли до ненормальной серости, а кожа под ними покрылась опасными волдырями.

Прах.

Морган не знал, когда очухается и очухается ли вообще. Это пугало.

* * *

Во время обеда в Великую Трапезную неожиданно пришла леди Элайяна. В руках она сжимала крупный конверт с гербом в виде маяка.

Старшекурсники, углядев его, стали чему-то бурно радоваться, подпихивая друг друга локтями. Первокурсники замерли. Незванный ректор на их территории воспринимался как смутная угроза.

Ладислава, Тис и Фрэнсис (который мучительно размышлял, как же ему распорядиться внезапно обретенным счастьем – свободным вечером; да так, чтоб ни минуты зря) удивленно воззрились на хозяйку академии.

– Краткое объявление, – сухо откашлялась ректор и вроде как благосклонно улыбнулась, обнажив свои остренькие клыки и заставив Лади дернуться. – Мне сообщили дату традиционной Долгой Ночи. В этом году она пройдет рано. А именно – уже через дюжину дней.

– Ура-а-а! – грохнули старшекурсники.

Элайяна выдержала паузу и помахала принесенным конвертом. Даже с места Ладиславы чувствовалось, как резко конверт пахнет селедкой.

– Рыбацкий совет трех деревень утвердил порядок празднества. На сей раз Маяк-Над-Бездной примет у себя студентов; Западный Мыс – преподавательский состав; а Донная Синева – прочих жителей академии. Так что заштрихуйте календари. И удачи.

Эльфийка ушла. Адепты загудели и засвистели ей вслед.

Ладислава повернулась к близнецам:

– Ну? – она с энтузиазмом плюхнула локти на стол. – Что же это за Долгая Ночь такая?

– А чтоб я знала! – Тисса недоуменно нахмурилась. Она не любила не знать.

– Понятия не имею, – признал Фрэнсис.

Он и Ладислава переглянулись и, синхронно подхватив стулья, вместе с ними по-крабьи стремительно перебежали за соседний стол, где сидели Адепты Со Стажем.

Впрочем, мгновение спустя Лади метнулась обратно – за забытой тарелкой с салатом из осьминогов. И Тиссу с собой заодно прихватила. Надо ж и эту дурынду просвещать о делах житейских, а не только божественно-наказуемых.

15. Великая подготовка

Сегодня это случилось! В лесу я наконец-то увидела знаменитое воплощение нашего острова – призрачную девушку. Вот только в моем случае она не спала, как принято, а плакала, укрывшись волосами. Я хотела подойти и рассмотреть поближе, но она исчезла, и только опавшая листва взметнулась вихрем вокруг того места, где она сидела.
Из дневника жительницы деревни Донная Синева

Оказалось, что Долгая Ночь – это праздник, на котором маги соревнуются в красочности колдовства.

Конкурируют три команды: в одной деревне свое мастерство показывают студенты, в другой – преподаватели, в третьей – «прочие». Эта обтекаемая формулировка означала всех уютниц и десятков представителей других рас, живших при академии, – огров, гоблинов, русалок и фею (ассистентку Мастера Травника).

– А разве они хорошо колдуют? – удивилась Найт.

– Не! – старшекурсники заулыбались. – Но тут такое дело: судьи – это местные жители. Они не разбираются в теории магии, им главное, чтобы было весело и зрелищно. А нам главное, чтобы они радовались: потому что вообще-то цель праздника – наладить контакт с рыбаками, которые в обычной жизни нас не жалуют. И зачастую два огра, которые жонглируют визжащими гоблинами, или русалка, танцующая в бокале, нравятся им куда больше, чем изысканные, но суховатые иллюзии Мастера Эренгольца. Ведь сложнее не значит лучше.

– А уж пироги наших кухарок и вовсе топят столько судебных сердец, что впору их запрещать! – шепотом поведал пятикурсник Твигго. – Слишком магичная магия!

И он закатил глаза так мечтательно, что у всех заурчало в животах: немедленно захотелось чаю.

– А по какой программе мы выступаем? – любопытствовал Фрэнсис. Близнец уже деловито похрустывал пальцами, готовый восторгаться колдовством столько рыбаков, сколько требуется.

– А вот это самое чудесное! – восторженно взвыли старшекурсники. – По какой хотим. Более того, с момента объявления даты Долгой Ночи и до самого праздника мы не учимся. Вообще! Вся дюжина дней отводится на то, чтоб мы придумали свое шоу!

– Да ладно? – опешила Найт.

– Ага! И преподы тоже стараются. Изображают, что им все равно, «внеплановый отпуск», а сами друг к другу в коттеджи тайком бегают, как заговорщики. Только и слышишь в ночи клюку Мастера Знахаря: цок-цок – и замирает, вслушивается – не засекли ли?..

– И все Рассветное крыло они под себя закрывают, гады такие, нам туда хода нет! Долгая Ночь – это ведь серьезно. Ты только представь, как круто – своих же учителей уесть! И как позорно – уступить адептам...

– Но почему о празднике сказали так внезапно? – нахмурилась Тисса. – Нас никто не предупреждал.

– А дату очень сложно выбрать, никогда не ясно, на какой день и месяц она придется.

– Почему?

– Потому что нужна такая редкая ночь, когда в Гремящем море не планируется кораблей: ни местных, ни плывущих с материка. Ведь из-за наших шоу весь остров от магии ходуном ходит. Начинается отлив, сильнейший: вода так сильно откатывается, что остров Этерны становится вдвое больше. Можно не просто сесть на мель, а в Беззвездную впадину всей командой ухнуть. Когда рыбаки понимают, что морские пути точно свободны, они отправляют в

академию волшебное письмо. В преподавательской комнате оживает специальный будильник, ректор получает конверт и идет с объявлением к нам. А потом к персоналу и преподавателям. И понеслась...

Между тем в дальней части Великой Трапезной началась не менее Великая Подготовка.

Студенты стали активно сдвигать столы, делиться на группы. Несколько человек, пытаясь уже тащить из какой-то аудитории огромную меловую доску: рисовать план-схемы наступления. То есть выступления.

– Эй вы! – свистнул столику с Найт и близнецами крупный, мускулистый Вагнор – староста пятого курса. – Дуйте сюда, здесь наш штаб! И выкидывайте часы к праховой бабушке – никто не покинет Трапезную, пока мы не придумаем план! Только через мой труп!

– Ай, нарывается... – проворчала Тисса. – Так, ну и где наши подавальщицы? Раз такое дело, мне нужно много кофе!

Старшекурсники заржали, наперебой сочувственно хлопая ее по плечам. Под мощными хлопками Тис шаталась вместе со стулом.

– Кажется, сестричка, ты не поняла, – хмыкнул Фрэнсис, поправив брюнетке съехавшие очки. – Подавальщицы тоже сейчас где-то что-то планируют. Нечто величественное, не иначе.

– Пирог харизматичный, сногшибательно-оценко-выставлятельный, – подмигнула Лади.

А румяный Твигго подтвердил:

– Кофе, ужин, обед и завтрак – все делаем сами, как умеем!

Челюсть Тиссы упала на грудь.

– Не верю... – трагически прошептала Винтервилль.

Вскоре вдохновение, споры, энтузиазм, восторги и надежды затопили Трапезную горячим светом.

«Вовремя Морган заболел», – подумал Фрэнсис, в два счета примкнувший к инициативной группе лидеров Долгой Ночи.

«Ну вот. Еще один обратный отсчет на мою долю», – усмехнулась Найт, машинально потирая ребро.

«Ну и как я без кофе?» – всем сердцем страдала Тисса.

* * *

Десять дней промчались незаметно.

Вернее, слились в один: очень длинный, гармонично-монотонный, с редкими синкопами дремы и душа.

Бывало, Найт и другие студенты засыпали там же, в Великой Трапезной, уютно прикорнув на книгах. Грохот заклятий звучал для них колыбельной. То и дело кто-нибудь тестировал новые формулы, не всегда успешно, вследствие чего Трапезная успела пережить потоп, пожар, нашествие иллюзорных монахов и два часа пушистого снегопада...

Иногда Ладислава шурилась на стрельчатые окна в поисках подсказки: который час? Но зря: темно-серая хмарь снаружи могла относиться не только к любому времени суток, но и к любому времени года, если предположить, что адепты совсем потерялись в Теннетовом Царстве – символической обители времени.

Остров, казалось, замер не дыша: полное безветрие царило на Этерне. Температура не менялась, застыв на нуле. Птицы молчали. Небо закрыли клубистые, черно-раздутые облака, похожие на генералов в отставке. Лес, заискивая перед ними, старательно подгонял сосну к сосне, навтыяжку.

Когда до праздника осталось всего два дня, волна паники прокатилась по Трапезной: а-а-а! Ничего не готово! Чем мы занимались все это время?! Срочно репетируем! Нет, лучше отоспаться впрок! Нет, нам нужна еда! Или вода?! Кто за дежурного по кухне?!

Найт, которая с другими девочками мастерила костюмы для участников спектакля, так удивилась новости про цейтнот, что отвлеклась и пребольно укололась терновой веткой.

– Уколоться терновником – к беде, – сказала Тисса. – Лучше смой с себя кровь поскорее.

Лади потрясла рукой и, шипя, пошла искать уборную. Краем глаза Найт засекла Фрэнсиса. Близнец втолковывал двум третьекурсникам, как именно нужно зафиксировать плетение чар, чтоб огненный шар никуда не летел, а висел над плечом, как светлячок-переросток.

За эти дни Фрэнсис крепко сдружился с другими адептами и был единодушно выбран на главную роль в Долгой Ночи. Он теперь расхаживал в костюме лесного ученого, и шлейф, украшенный мхом и перьями, волочился за ним, как кошмарный сон.

Лади помахала юноше, и Фрэнсис подмигнул в ответ. Кажется, временно отложенный спецкурс с Морганом пошел брютету на пользу: он выглядел куда веселее, чем на той неделе.

Она не знала, что разгадка проста: по ночам Фрэнсис снова летал.

* * *

В главном холле было тихо. Темно и тихо. Пологую лестницу в учебный корпус перекрывала атласная лента с надписью «Территория преподавателей».

Зато на винтовых лестницах никаких запретов не висело. А наверху той, что вела в библиотеку, горел свет.

Ладислава вдруг поняла, что очень соскучилась по Стэну. Зайти, что ли, узнать, как у него дела?

К ее удивлению, в библиотеке царил жуткий разгром.

Сторож-помощник-птица сидел меж стеллажей в разделе «Поэтика мирозданий» и, что-то бубня, сметал с полок книгу за книгой. Сметал в заботливом стиле: стремительно, но аккуратно выхватывал тома за корешки и резко, тормозя в последний миг, опускал на пол. Со стороны это казалось форменной истерикой.

– Стэн? – удивилась Найт, подхватывая тубус, самовольно укатившийся от оборотня. Подальше от психа, ага.

Хлестовски подлетел аж до потолка.

– Лади! Ты тут что делаешь? Мы конкуренты, эй!! – филин, застигнутый врасплох, как-то странно растопырил руки-ноги.

Кажется, он всерьез попробовал закрыть собственным телом устроенный им бардак.

– А ты шоу-программу к празднику готовишь? – заинтересовалась Найт.

– Я?! Да кто б мне это доверил! – опешил Стэн.

– А что ты тогда делаешь такого тайного?

– Ишь, любопытная... – нахохлился библиотекарь. Потом вздохнул: – Противлюсь приказу леди-ректора.

– Да ладно? – удивилась девушка.

– Погода мне не нравится, – признал Хлестовски, опускаясь обратно и продолжая ревизию полок. – Обычно времена года на Этерне ведут себя достойно, как и полагается дамам, умудренным вечностью. А тут – ливень, снег, теперь эта стылость, будто в гробу у вампира. Я поделился своей тревогой с леди Элайяной, а она меня обсмеяла. Говорит, не попрошусь ли я теперь еще и лектором на курс «Метеорология для параноиков». Я спросил: а что, простаивает дисциплина? А она расфыркалась и ушла! Да как так можно-то! Еще и упрекнула меня, что я думаю о какой-то ерунде вместо того, чтоб улучшить свою технику колдовства к празднику! Приказала забыть.

– Терпеть не могу Элайяну! – боевито заявила Найт в утешение. – Поднимем революцию!

– Не, ну так не надо, ну ты чего... – Стэн тотчас пошел на попятную. – Вообще, она права, наверное. На тему холодов лично я не то что фактов, а даже никаких островных легенд не знаю. Поэтому я решил найти бумаги нашего бывшего ректора – старика Фоскаша. Он был... Как бы это сказать... Смесью меня и Моргана Гарвуса.

И Стэн горделиво вскинул небритый подбородок, будто радуясь, что вот так незатейливо, одной фразой, поставил себя в ряд со светилом мировой науки.

К тому, что светило уже почти две недели валялось с головными болями, не выходя из коттеджа и никого к себе не пуская, Стэн отнесся с понимаем. В отличие от остальных преподавателей, кстати. Коллеги либо фыркали: «Слабак!», либо считали Моргана Великим Снобom («Да он просто не хочет участвовать в Долгой Ночи, выскочка, считает это ниже своего достоинства...»).

Любопытно, что другого самоустранившегося преподавателя – а именно рыжего Голден-Халлу – никто не осуждал. «Пардон, не моя тема!» – сказал он. И все это приняли.

Ладислава удивленно вскинула брови:

– Нечто среднее? Это как?

– Когда-то старик Фоскаш вел и Наследие Этерны, и ТММ. Соответственно, он много занимался всякими тайнами острова. Я когда-то начинал читать его дневники, но бросил: они написаны ужасно тяжелым слогом и местами на других языках. Но мне стало интересно: а вдруг Фоскаш что-то писал про холода вне срока? Вот я и полез за его записками.

– И?

– И не нашел. Нет их! – Стэн озадаченно поскреб затылок.

– Может, в другом разделе искать надо?

– Ты меня за кого принимаешь, Найт?! Я ж библиотекарь, это мои владения, ау!

– Значит, бумаги украли? – Лади хищно покрутила головой.

– Да вот непонятно... – тоскливо протянул Стэн. – Только ты это! – встрепенулся он, увидев, какой огонек разжегся в глазах девушки. – Никому не говори! Не вздумай искать виновного!

– Почему? – удивилась Найт.

– Если пойдут слухи – а они пойдут, в этой дурацкой академии шепоты, как пыль: везде и всюду, – то мне Элайяна голову отвинтит за халатность...

Тут в дверь библиотеки постучались.

На пороге объявился мастер Шильд'эс с волосами синими, как ядовитый раствор сапфириума, и кожей серой, как саван паучка.

– Стэн, ну вы где, у нас же репетиция... ХЛЕСТОВСКИ! – возмущенно вытаращился боевой маг. – Вы почему разговариваете с конкурентом?! ШПИОНАЖ?!

Лади ойкнула и поняливо, по стеночке, покинула библиотеку под прицелом строгого магистерского пальца.

Да. Кажется, преподаватели тоже воспринимали праздник серьезно.

* * *

Когда Найт спустилась, в академии часы пробили полночь...

Это была первая полночь за все эти дни, которую девушка встретила не во сне или, напротив, не во время репетиции. Мгновенно стало грустно. Ладиславе иногда казалось, что внутри у нее – странный маятник, который чихать хотел на силы тяжести, упругости и трения, а потому мотается из эмоции в эмоцию как хочет, всегда сюрпризом для нее и окружающих. И только полночь – всегда болезненное «ух»-в-боль.

Найт направилась обратно к Великой Трапезной, но уже через черную арку увидела, что Фрэнсис с жаром что-то вещает на столе среди толпы студентов. Отвлекать его не хотелось. Говорить с другими – тем более.

– Наш спектакль должен давать людям надежду, понимаете? Надежду! – увещевал близнец. – Должен показывать: даже малейший шанс может обернуться победой – главное, не упустить его! Ищи шанс! Всегда!

Ладислава сглотнула.

Надежда. Опасное слово. Все бежит за тобой, дразнит, манит, но никогда не протягивает руку. А может... Все-таки попробовать еще раз поймать ее? «На дли-и-инную удочку»...

Девушка накинула капюшон и решительно пошла к выходу из замка.

16. Ловкокрабсы и музыка

*Город Саусборн – морская столица Асерина – знаменит огромным количеством разнообразных ругательств, привезенных со всей Лайонассы. «Жмых», «д'гарр», «сажа», «ладыггр» и другие словечки наравне с нашим «прахом» и «неплом» предоставляют жителям Саусборна широкий ассортимент для выражения бурных чувств.
Энциклопедия «Дорогах»*

Угодья академии в ночи таяли чернильными громадами.

Согласно карте, коттедж мастера Голден-Халлы располагался на островке посреди озера. Моста не было, зато у берега стояла лодка, которую Найт не преминула использовать. Ватерлиния располагалась так высоко, что девушке казалось: ее вот-вот затопит. Темная вода по бокам булькала холодом.

Остров оказался крохотным. У пирса стояла, стуча об него бортом, вторая такая же лодка.

«М-м, – подумала Найт. – Надеюсь, я не нарушила тонкий баланс задачи в стиле “ждали на берегу волк, коза и капуста...”».

Домик Голден-Халлы празднично мерцал. Причем светились не столько окна – зашторенные полноценно, – сколько лесные огоньки, без устали кружащие вокруг. Покатая крыша полностью заросла мхом, по стенам вниз сбегал густой изумрудный плющ. Сказка, да и только!

Ладислава подошла к крыльцу и занесла кулак, чтобы постучаться, как вдруг... Изнутри донеслась музыка.

Найт замерла.

Играла виолончель. Это был колоссальный поток совершенно упоительных звуков, в которых можно было утонуть похлеще, чем в озере. Казалось, музыка подвижна и текуча, как ртуть. Она меняла ритмы, гаммы, стили; она была широкой и просторной, курсивно-прихотливой, величаво-низкой и ласкающе-воздушной.

В ней были изумление и страх перед необъятностью бытия – и тихая радость от того, как чудесен этот конкретный вечер на этом конкретном островке. Звенело легкое лукавство, грело теплое обещание, а еще было что-то такое, что бьется внутри, как птица, и никак не может найти окно...

Ладислава не могла дышать.

Точнее – не хотела. Казалось, вдох разобьет магию, непременно оказавшись слишком шумным.

Боги, как это красиво. Ты правильно сюда пришла, Ладислава. Кто еще может тебе помочь, кто еще может сотворить настоящее чудо – если не Этот? Невозможный, невероятный, упоительно-рыжий сыщик...

Но вот – финальная нота. И тишина.

Полоска света, выбивающаяся из-под двери, затемнилась, когда к ней процокал кто-то маленький. Послышалось собачье фыркание. Потом мужские шаги. Дверь открылась, и на пороге очутился Берти, странно-темный на фоне света.

На его лице не было привычного воодушевленно-лукавого выражения – только спокойная задумчивость и приятная усталость.

– Найт? Добрый вечер, – удивился Берти. Голос у сыщика был чуть хриплый после долгого молчания.

А еще в нем проскользнули нотки смущения: ведь Берти никогда не играл для других. Только псу. По ночам.

Ладислава не ответила. Она заворуженно глядела на смычок в руке детектива. Голден-Халла тоже на него глянул, а потом спрятал за спину, как орудие убийства.

– У тебя все нормально, госпожа адептка? – аккуратно поинтересовался рыжий.

Лицо у девушки было странное. Мечтательно-задумчивое, очень серьезное, а взгляд бархатный и какой-то плывущий.

– Это вы играли? – выдохнула Ладислава.

– Да.

Найт судорожно сглотнула.

– Н-недурно! – выдавила она с идиотской улыбкой.

Жмых! Кошунство так принижать то, что ты слышала! Но не говорить же ему, что после его песни и жить не хочется? Или, напротив, хочется как никогда...

– Спасибо, – рыжий сощурился. – У тебя был какой-то вопрос?

– Да, – девушка сглотнула, тряхнула волосами, приходя в себя. – Я хотела спросить... Вы можете как-то прокомментировать снятие неснимаемых проклятий?

Берти показал большой палец: *ты решилась, умничка!* А потом признался:

– Пока не знаю. Мне нужно больше информации. Ты тепло одета? Сможешь прогуляться?

– Сейчас? – удивилась Найт.

– Да. Сегодня та особенная ночь, когда я собираю ловкокрабсов. Перенести нельзя: они выползают из моря, чтоб принять лунную ванну, лишь трижды в году.

– Даже в такую погоду? Луны же не видно.

– Этим занудам дата важнее. Если согласна – по пути мне все расскажешь.

– Да. Конечно. Пойдемте.

Сыщик еще раз критически оглядел адептку. Шэппар ему понравился, но – мало! Берти снял с вешалки огромную пеструю шаль – внучатую племянницу одеяла – и ловко обмотал Ладиславу на манер кулька с орешками. Заколол спереди булавкой и негромко хмыкнул, оценив получившегося шамана:

– Тебе б еще перо в прическу...

Сам он надел темно-синий непромокаемый плащ, лихой длинный шарф и перчатки без пальцев. Приказал псу сторожить, прихватил ведро, железные щипцы и попросил Ладиславу сесть в другую лодочку.

– Надо вернуть ее на большую землю! – пояснил он.

«Козочка и волк. Волк и козочка», – подумала Найт. Вот только волком, кажется, была она.

* * *

Они шли к морю. По дороге Ладислава все никак не решалась начать свой рассказ о проклятии, а сыщик не торопил.

Вместо этого он, вновь оживший до дневного уровня говорливости, беззаботно комментировал все вокруг. Получалось в стиле чокнутого экскурсовода: «А вот это – сосна. Сосна-У-Башни, так ее зовут. В день, когда я приехал на Этерну, на ней поселился дятел, и Элайяна сказала коллегам, чтоб делали ставки – дятел или я задолбим их быстрее. Дятел сдался сразу: улетел».

Стоило им выйти на пляж – точнее, выкарабкаться, сбоку, со стороны прибрежных скал, – как Берти воскликнул:

– Ага! Вот и они, красавчики. Видишь?

Найт видела, еще бы! Начиная от свинцово-серой кромки воды и по всему песчаному пляжу рассыпались, как жемчужины, мерцающие существа, и впрямь отдаленно напоминаю-

щие крабов. Они лежали в шахматном порядке, и, казалось, расстояние между ними выверялось по линейке.

– Загорают, бестолочи! – хмыкнул Берти.

– А кто такие эти ловкокрабсы? – шепотом спросила девушка.

– Очередные жители Этерны, – с готовностью пояснил сыщик. – Очень организованные ребята, помешаны на порядке и соблюдении личного пространства. Да. Личное пространство – это для них *крайне* важно, нельзя переоценить. У них много... м-м-м... волшебных свойств. Но меня интересует одно: если их недельку подержать в плену, они начинают исходить желчью. А Элайяна делает из нее превосходный ловкучий эликсир. С его помощью замки открываются в два счета. Его продают на материке, но так куда выгоднее.

– А зачем сыщику вскрывать замки? – засомневалась Найт, верная слуга закона.

– Ты даже не представляешь, сколько раз всякие нехорошие люди пытались меня усекновить, – хмыкнул Берти. – У большинства из них принято предварительно держать жертву в запортом подвале в наручниках. В таких случаях пузырек с ловкучим эликсиром очень кстати! Так, Ладислава. Посиди на камне, пожалуйста, я соберу несколько штук и вернусь.

Но Ладислава не хотела сидеть на камне.

Вместо этого она постояла, глядя на то, как мастер Голден-Халла аккуратно подкрадывается к веренице крабсов со стороны воды. Большинство он обходил по дуге, без интереса, к иным наклонялся и всматривался, некоторых после инспекции подхватывал щипцами и опускал в ведро.

Это длилось очень долго. Ладислава соскучилась. И тихонько потопала вслед: «Посмотрю поближе».

Не желая мешать, она остановилась у начала «цепочки». Стало видно: все крабсы разные. Некоторые раздутые, как шарики, другие почти плоские.

Ладислава с любопытством наклонилась к крайнему крабсу. Он был круглым, как рыба-еж. Очень хотелось толкнуть и посмотреть, как он покатится...

И, кажется, крабс почувствовал это крамольное желание. Он вдруг шевельнулся и медленно поднялся на щетинистые ножки. Девушка смотрела на него со смесью любопытства и отвращения: выглядела тварь жутковато, но вряд ли могла причинить вред.

Ловкокраб наставил глаза-усики на Ладиславу и задумчиво переступил с ноги на ногу, и на ногу, и на ногу, и на ногу. Адептка на всякий случай отшагнула назад, и полный сомнений крабс сделал то же самое.

Расстояние между ним и двумя его крабсоседами уменьшилось.

Рисунок сбился. Личное пространство, о котором предупреждал Голден-Халла, нарушилось. И тотчас все три зверюги как бы ахнули от возмущения и стали раскаляться... Из серебряного окрасились в желтый, потом оранжевый, красный...

Найт сделала еще два шага назад.

– Что за... Мастер Берти?! – окликнула она сыщика, ушедшего крабсов на пятьдесят вперед.

Тот мгновенно обернулся.

Найт еще успела увидеть, как у Берти вытягивается лицо, а потом ближайший к ней крабс взорвался огромным снопом белых искр, и тотчас ему ответил следующий, а там еще несколько лопнули, и так, по цепной реакции, вереница взрывов пошла расцвечивать пляж.

Но Лади этого не застала.

Ее отшвырнуло и вырубил.

«Я видел затылок...» – скажет валун под ней.

17. Кризис Голден-Халлы

*Я люблю любовь, я просто люблю любовь.
Шинна из Дома Снящихся, поэтесса*

Ладислава очнулась от того, что кто-то осторожно щупал ее голову. Как будто леший вычесывал подруге вшей.

Не шелохнувшись – надо разведать обстановку, – Лади проанализировала диспозицию. Она полулежит, ноги вперед, и голова ее покоится на чем-то средней жесткости.

Хм. Колени?

– Рана маленькая, не волнуйся, – сказали рядом.

Найт открыла глаза. И тотчас чуть не заорала: над ней в ночи склонилось существо с абсолютно черным лицом, белой пастью и вздыбленными волосами.

– Плохо выгляжу? Подгорел? – хмыкнул сыщик и кокетливо поправил свою чуть ли не дымящуюся красно-рыжую прядь.

Рукав его плаща и вовсе тихо тлел, осыпаясь искрами.

– Что это было? – просипела Найт.

– Это был полный провал, – вздохнул Берти. – Мы с тобой пока очень плохие напарники. Тебя не тошнит, кстати? Голова не кружится? Может, звезды блещут перед глазами – не считая меня?

– Вы не блещете. Они тоже... Но к лекарю завтра схожу, – простонала девушка.

И хотела сесть, а потом передумала: что торопиться-то? Пока не гонят, можно и полежать!

– Ловкокрабс взрывается от гнева, если другой крабс нарушил его личное пространство во время лунной ванны, – пояснил Берти. – Мы с тобой стали свидетелями чудесной последовательной детонации. Почти фишечки домино.

Найт скосила глаза вбок. Там, на пляже, догорали случайные веточки. Песок был исчерчен следами лопнувших тварей.

– Жалко, конечно, но это их выбор, – сказал Берти, – зато мои мигранты выжили!

И сыщик триумфально потряс своим уловом в ведерке. Найт побледнела, поняв, что там крабсы тоже Очень Близки Друг К Другу.

– Эти не взорвутся, – успокоил рыжий. – У меня щипцы седативные. Могу и тебя ими прихватить, хочешь? Плюс я беру молодых особей – в них пока мало гнева, их не тянет взрываться: ну разве что за компанию. Ох уж этот эффект толпы! И авторитет старших... Короче, Найт, прости, что втянул тебя в авантюру. Третью ловкучего зелья подарю тебе – за ранение.

– Это вы меня простите, – вздохнула адептка и поерзала, устраиваясь поудобнее. – Я не хотела... – она неопределенно обвела рукой подкопченного Голден-Халлу.

– Ты же из любознательности! А как по мне, это главная добродетель. Не извиняйся. Лучше расскажи про свою беду.

Ладислава моргнула. Она не ожидала, что Берти так резко сменит тему. С другой стороны, она ведь ради этого и пришла.

Девушка села. Стоило ей подняться, как сыщик деловито вытащил из кармана блокнот и перо и приготовился записывать показания.

* * *

Когда адептка закончила свой рассказ, Берти понял, что он полный, невозможный, безнадёжный идиот.

Больше всего на свете ему хотелось провалиться сквозь землю и, распахнув объятия пустошным демонам, крикнуть: «Жгите, братцы!» Но вместо этого сыщик кивал, как степной болванчик, и сердце его снова и снова обливалось жалящим холодом при виде дрожащей госпожи Найт.

Я не понял твою беду.

Я вообще ни шиша не понял. Я думал, что тебе уг-ро-жа-ют неснимаемым проклятием. Что ты связалась не с теми людьми, и портовая мафия прижала тебя и отправила следить за Непростыми Близнецами в академии. Что ты здесь по приказу, и тебе тяжело, и ты боишься получить проклятие в лоб, если не выполнишь некое задание...

Я думал, Найт, моя задача – безопасно вытащить тебя из-под влияния злодеев.

Я понятия не имел, что...

– Вот что значит увлекательная биография! – вслух воскликнул Берти и ободряюще улыбнулся девушке. Глаза у нее были такие несчастные, что мысленно сыщик залепил себе сотню затрещин подряд: Как. Ты. Мог. Не. Понять.

Слепец!

– Вы сможете мне п... помочь? – с запинкой выдавила Найт.

Еще тысяча затрещин. Десять тысяч. Сто. И все же мало.

Ты ее обнадежил самым фактом своего бахвальства. Игры, блин, играть вздумал. Надежду подарил, не имея для нее оплаты. Козел недорезанный. Ты теперь несешь за нее ответственность, скотина, и только попробуй не...

– Я постараюсь! Я давно хотел сразиться именно с Этим Врагом, – Берти подмигнул.

Но разве в этой битве можно победить? Ведь нельзя снять неснимаемое проклятие.

– Найт, а почему ты скрываешь свое несчастье? Мне кажется, в таком деле чем больше людей тебе помогают, тем больше шансов на успех.

– Люди не столько помогают, сколько шарахаются, – горько усмехнулась девушка. – Как будто проклятие перекинется на них оттого, что я стою рядом. Проверено в Саусборне. Там я не скрывала. Даже знахари иногда сторонились меня, как чумной. А учитывая, что, вероятно, все конч... – голос у нее дернулся, – кончится зимой, я не хочу доживать изгоем.

Она внимательно посмотрела на сыщика. Он ободряюще подмигнул: «Не кончится».

Найт широко, счастливо улыбнулась. Берти решил повеситься.

– Я тоже из Саусборна, – поделился он. – Рос на углу Можжевеловой улицы и бульвара Трескучих Дров. А год назад переехал в Минакор.

– И как вам столица?..

– Очень, очень впечатляюще. Я не продержался и двух месяцев.

– Почему?

– Так случилось, что по рекомендации меня направили к епископу Гриди Ликеришу. Тебе это имя ни о чем не говорит; мне тоже не говорило. Но оказалось, что этот дядечка отвечает за вопросы веры в королевском дворце и «пасет» все сливки столичного общества. Очень влиятельный тип, претендент на место архиепископа. Так вот, у Ликериша была одна беда: кто-то воровал из его церковной казны. Звучит несерьезно? Ох, Найт, поверь: страна средних размеров могла бы прожить на эту казну год-другой. Растрату заметили священники, начались толки, и мои клиенты буквально сосватали меня Ликеришу как человека, который Обязательно Найдет Виноватого. Я и нашел.

Ладислава склонила голову набок, слушая, и Берти поморщился:

– Это оказался сам епископ... Я рассказал об этом его дочери, Линде. Мы с ней, ну...

– Любили друг друга? – Найт внимательно посмотрела на тот карман, где Берти хранил часы.

Сыщик усмехнулся.

Не представляю, какой чокнутой и неземной, родной и ускользающей, легкой, серьезной, взъерошенной и смешной должна быть девушка, что захватит мое дурацкое сердце. И захочет меня терпеть.

Вряд ли она вообще существует.

Но зато у меня есть Вселенная. Вот уж точно – роман на всю жизнь.

В принципе, мне хватает.

– Мы были достаточно близки, – дипломатично объяснил Голден-Халла. – В общем, я сказал Линде, Линда сказала отцу, отец попробовал избавиться от меня в подвалах инквизиции, – рука сыщика невольно потянулась к шраму на шее. – А потом сменил гнев на условную милость.

– Значит, Линда вас любила. А вы ее нет, – непостижимо вывела Найт.

Берти удивился ее прозорливости, но комментировать не стал.

Он продолжил:

– Мою репутацию растоптали, а Третья Канцелярия (Ликериш исповедовал ее ой-сколь-греховное начальство) выпустила приказ о том, что я – опасный еретик, экстремист, призывающий к перемене духовной власти, и мне отныне запрещено находиться на территории материкового Асерина. Все мои друзья мгновенно забыли мое имя. Удобнейшая амнезия! Зато мне написала леди Элайяна – она услышала о моей ситуации (наш ректор держит ухо востро, если ты понимаешь, о чем я) – и предложила поработать тут. Авось что-нибудь изменится.

– Например?

– Например, Ликериш вконец обнаглеет, впадет в немилость, и все его действия будут с позором аннулированы. – Берти пожал плечами. – Либо я дистанционно смогу обаять кого-то более могущественного, чем он...

– А вы хотите вернуться на материк?

– Очень, – признался сыщик. – Мне душно на Этерне.

– А мне тут нравится. – Ладислава оглянулась на седое, тяжелое море, спящее будто под черным пуховым одеялом. – Я поэтому выбрала остров на оставшиеся полгода... Жмых, вы простите, что я опять о своем, – спохватилась она. – Просто здесь только вы знаете мою тайну, вот и хочется говорить.

– Говори, Лади. Конечно, говори, – серьезно кивнул Голден-Халла и как можно тише сглотнул ком, вставший поперек горла. – Может, я какие-то зацепки нащупаю.

И она говорила.

И он слушал.

Шли часы.

Рассвет на Этерне практически ничем не отличался от ночи – из-за толщи глухих, слеповатых туч. Пробыло уже пять утра, когда Голден-Халла проводил девушку до дверей академии.

– Спасибо вам.

– Я еще ничего не сделал.

– Вы выслушали. Это спасает. Правда.

Сыщик подмигнул:

– Я занесу тебе ловкучее зелье после Долгой Ночи. И да – порвите там нас с коллегами! Я в вас верю.

– Я в вас тоже, – улыбнулась Найт.

А вот это зря.

Замотанная в шаль фигурка скрылась за дверьми, и Берти, мигом помрачнев, опустив голову и ссутулившись, двинулся дальше.

Тяжелая мрачная сущность смерти давила на него, обнимая сзади, вылизывала ухо острым языком.

Я рядом. Я заберу у вас эту девочку. Скоро.

Удивительно, насколько часто может думать о смерти человек, который со стороны кажется воплощением оптимизма.

Проходя Фонтанный Двор, сыщик увидел, что у Моргана горит свет.

До Берти в его далеком озерном коттедже не дошли слухи о болезни доктора Гарвуса. Последние дни сыщик сидел у себя, читая, рисуя, музицируя один и с птицей иррин, придумывая программы семинаров.

Преимущественно музицируя, да. Он действительно хотел разучить колдовскую песню птицы: это была интересная задача. И, кажется, ему уже почти удалось.

Сейчас же Берти в задумчивой нерешительности остановился возле Пряничного домика.

Доктор Морган... Интересно, как у него дела? В тот раз в бильярдной Голден-Халле до праха понравился этот местами поехавший, но в целом удивительно понятный и близкий Гарвус с его мечтами то о всемирном признании, то о глубочайшем уединении в горах. Неизвестно, кем себя считал сам Морган, но Берти показалось, что он разглядел в мастере тайн мечтательного и яростного мальчишку, который хочет всего и сразу, но очень боится, что его за это осудят и что вообще так нельзя – хотеть и того, и другого. Куда лучше ничего не хотеть. Якобы достойнее, ага.

Берти подумал, что было бы неплохо сейчас поболтать с Гарвусом душевного равновесия ради.

Голден-Халла поднялся на крыльцо и постучал в дверь Пряничного домика. Долгую минуту спустя ему открыл Морган в бордовом халате, с руками, спрятанными глубоко в карманы.

– Коллега? – блондин холодно поджал губы.

– Как дела? – улыбнулся Берти.

– Работаю, – отрезал Морган и закрыл дверь.

Брови Берти поползли вверх. *Ну здравсте приехали, я считал – мы друзья?*

Обойдя коттедж, сыщик остановился напротив зашторенного окна кабинета.

Доктор сидел за столом, делая какие-то заметки. Его силуэт было видно благодаря крупному предмету, стоявшему с краю столешницы, пульсирующему алым цветом так, что даже занавески не глушили. У предмета была необычная форма. Что это? Новомодный маг-светильник, сделанный в виде нойшвайнской волюнки?

Берти знал: на севере такие светильники популярны. На Этерне – диковинка, но и Морган – странный парень. Вполне мог привезти с собой.

Сыщик понаблюдав немного, потом ушел.

Придя домой, Голден-Халла не лег спать до тех пор, пока не придумал сто идей того, как можно решить Дело Госпожи Найт. ...

95. Заморозить Ладиславу на двести лет.

96. Найти живую воду.

97. Перекинуть проклятие на другого человека.

98. Вырезать ей ребро.

99. Уничтожить морскую пену, в которой она должна раствориться.

100. Осушить моря.

Все идеи были столь невыполнимы, что после Берти в кровь стесал кулаки, избивая боксерскую грушу безо всяких там перчаток. А потом уснул на полу, среди бумаг, прямо в сожженном ловкокрабсами плаще.

Золотистый пес свернулся кренделем у живота хозяина и самозабвенно грел его до утра.

* * *

Зато Ладислава той ночью засыпала куда счастливей, чем можно было подумать.

Если Берти счел их разговор катастрофой, то для девушки он стал шагом вперед.

Ведь у нее появился взрослый, умный, оптимистичный друг, которому можно довериться. Который попробует ее спасти, который не сказал: «Без вариантов!»

А еще у нее будет ловкучий эликсир.

Определенно – успех!

Тик.

Так.

Тик.

Так.

18. Долгая ночь

Новая эра отсчитывается от нулевого года, когда боги покинули Лайонассу. Время между шестым тысячелетием до нашей эры и нулевым годом принято называть Эпохой хранителей и драконов. А время до этого – Позабывтой эпохой. На материке считают, что тогда «не происходило ничего интересного»... Мы считаем наоборот. Из неодобренных черновиков учебника «Наследие Этерны»

И вот пришла Долгая Ночь.

Когда часы в академии пробили девять, Фрэнсис вышел из спальни, чтобы вместе со всеми двинуться к Маяку-Над-Бездной.

В коридоре под дверью близнец увидел пузырек с зельем. И записку: «Фрэнсис, выпейте это перед праздником. Эликсир временно заблокирует тварь, чтобы ваш вечер точно прошел без эксцессов. М.Г.»

Юноша сощурился на ядовито-лиловую жидкость:

– Здоровые мысли посещают больного доктора...

Зелье было очень кстати. Сегодня Фрэнсис не успел «выгулять» демона. Вчера он накормил его порцией вдвое большей, но все равно переживал, что во время праздника придется жестко следить за внутренними щитами.

За всю дюжину дней демон бесился буквально несколько раз, обычно сидел смирно, молча, что не могло не радовать. Однако Тисса то и дело напоминала:

– Это враг, Фрэнс. Враги имеют свойство таиться.

Возможно, Тис оказалась права.

Ибо сейчас ничто не предвещало очередного всплеска, но, стоило юноше поднести склянку ко рту, демон буквально взорвался яростью. Фрэнсиса согнуло пополам, швырнуло об стену; пузырек, сжатый в пальцах, чудом не расплескался.

– Ах ты тварь! – Винтервилль задохнулся болью, когда мощные крылья попробовали разорвать его изнутри. Демон визжал, лез в глазницы, громыхал легкими и бил по суставам. Магические щиты – перламутровое пространство пчелиных сот, созданных Фрэнсисом внутри себя, – рушились один за другим.

– Демон! – то ли выругался, то ли воззвал обалдевший Винтервилль. И тотчас, вслепую из-за красной пелены перед глазами, махом осушил склянку.

Вой внутри мгновенно прекратился. Такой тишины не было уже давно. Фрэнсис даже приложил руку к сердцу: там их все еще два? Или демон... умер?

Ту-ту-дух-дух. Ту-ту-дух-дух. Но – молчание.

– Аллилуйя... – вырвалось у ошеломленного близнеца.

* * *

Адепты Бури вереницей шли сквозь лес, холмы, болота и кипящие скалы – обходным путем, чтобы как следует насладиться прогулкой. Они пересмеивались, держа фонари высоко в руках. Звучали флейты, кто-то наигрывал на мандолине. Иные вслух повторяли стихи из пьесы.

Ночь была чудесной: сегодня по просьбе ректора маги-стихийники принудительно раздвинули тучи, обнажив красотку луну. Она так засмушалась с непривычки, что залилась красным цветом.

– И это тоже плохой знак... – проворчала Тисса.

Тис вообще везде видела плохие знаки в последние пару дней. Ладислава не знала, что тому виной: паранойя, чутье или недостаток кофе в крови.

Маяк-Над-Бездной, куда шли студенты, горел на востоке Этерны.

Это было двухуровневое поселение на скале. Сбоку скала напоминала рисунок лежащей собаки.

Наверху, там, где выдавался вперед острый «нос» утеса, рос маяк и дома торговцев. Внизу, в районе «лап», обитали рыбаки и лодки. Нижнюю и Верхнюю Бездны соединяла монументальная лестница, вырубленная прямо внутри скалы.

Именно к ней направилась Ладислава и еще семь студентов, почти все – стихийники.

Найт поразились, увидев этот гигантский каменный колодец. Шахта была диаметром метров двадцать и высотой сто. Опасно пустая в сердцевине, по бокам она обросла зазубриной лестницы, что вилась вдоль стен и вела вниз, в бархатную темноту, подсвеченную редкими факелами.

– Как местные жители умудрились создать такое?.. – ахнула Найт.

Ей ответил пятикурсник Твигго, который, несмотря на грузную фигуру, шустро перепрыгивал через ступеньку, тогда как остальная группа увязла где-то наверху, опасливо прижимаясь к стеночкам.

Твигго сказал:

– Эта лестница была тут задолго до деревни. Наследие древних времен, о которых мы можем только догадываться. Ее так и называют – Лестница Позабывших. Ее строили те, кто жил на острове еще до появления драконов и богов. Мы не знаем, кем были те люди, но верим, что их культура была глубже и серьезнее золотой эпохи Срединного государства и богов-хранителей.

– Оу? Даже так? – Лади на бегу скользила пальцами по шершавому, чуть влажному камню.

– Даже так, – Твигго кивнул. – Я местный, из Донной Синева, я рос здесь и говорю тебе с уверенностью: наш остров совсем непрост. Помню, в детстве я мечтал раскрыть его тайны. А потом у меня сменились приоритеты. Я вырос практичным парнем: мне нужен такой магический профиль, чтобы я всегда мог обеспечить хлебом себя и своих близких. Вкусным хлебом, столичным. А изучать такие штуки, как Этерна, – гиблое дело... Оно подходит либо для тех, кто влюблен в знания как таковые и не ищет другой награды, либо для очень азартных людей.

– Почему азартных?

– Всегда есть шанс, что где-то здесь зарыта жемчужина, которая сделает тебя знаменитым, или могущественным, или бессмертным. Но куда вероятнее, что ты потратишь всю жизнь на ее поиски и в итоге останешься ни с чем.

Они как раз спустились.

Ладислава задрала голову вверх, снова поражаясь монументальности древнего строения. Интересно, как бы Стэн назвал эту лестницу? «Горло Этерны»?

– Народ, работаем! – крикнул Твигго, и адепты под его руководством стали возводить воздушные щиты, один над другим, как стопку блинчиков.

* * *

На время Долгой Ночи студенты превратили Маяк-Над-Бездной в одну огромную театральную сцену.

Адепты поставили пьесу про Оставленный Овердил – мифический летающий город, иногда проступающий в ночном небе и загадочно мерцающий. Об этом городе то и дело рассказывают легенды Норшвайна и Республики Острога Пика: Овердил якобы появляется прямо

посреди северного сияния, весь такой зыбкий, неуловимый, и что происходит в нем – не знает никто, даже боги-хранители...

По сюжету пьесы, которую придумали студенты, группа ученых нашла Овердил и забралась в него по волшебной лестнице, чтобы подружиться с местными. Но местные оказались не так добры. Бравые ученые еле спаслись.

Нижнюю Бездну превратили в зачарованный северный лес, где жили ученые, – здесь начиналась пьеса (на протяжении спектакля зрители ходили вслед за адептами-актерами по деревне).

Верхняя Бездна стала мистическим, зыбким, дрожаще-мерцающим и невыносимо прекрасным Овердилом, тающим в волшебных огнях и цветных туманах.

Маяк был башней зла, там разыграли великолепную битву, осушившую маг-браслеты доброй трети адептов. В битве ученые выиграли, хотя и с трудом – их явно предал кто-то из своих.

А Лестница Позабытых обратилась Лестницей В Небо.

Здесь развернулась одна из самых напряженных сцен спектакля: уже после битвы предатель-ученый вдруг столкнул начальника экспедиции со ступеней, и тот полетел вниз из небесного города, и почти уже разбился, но успел глотнуть волшебного летающего тумана и завис в метре над землей.

Начальника экспедиции играл Фрэнсис. Воздушные щиты строили для него. Так низко, чтобы зрители поседели и попадали в обмороки, прежде чем близнец затормозит. Чтобы хлопнули потом так громко, что услышат аж преподаватели в соседней деревне.

Ладислава беспокоилась за друга.

– Фрэнс, – спросила она перед началом, – я обещала не поднимать эту тему, но... Если со щитами что-то пойдет не так, ты успеешь снова превратиться в то, во что превращаешься?

Он покачал головой:

– Сегодня – нет. Так что если даже все вокруг отпустят щиты от внезапности, ты свой удержи, Найт. Пожалуйста.

– Удержу, – пообещала Лади.

Он подмигнул ей и, быстро наклонившись, чмокнул возле губ.

* * *

Момент с прыжком получился прекрасный.

Староста Вагнор, игравший предателя, толкнул Фрэнсиса действительно внезапно. Крики и визги заполнили шахту, когда студент полетел вниз, кувыркаясь.

Демон внутри даже не дернулся. «Очень хорошее зелье. Хорошее зелье. Хор-р-р-рошее», – сцепив зубы, думал Фрэнс в полете.

Д'гарт. Нет. Зря мы его сразу начали изгонять. Надо было попробовать договориться. Понять его. Вдруг он все-таки не так уж плох? Да, опасен. Да, взбеленился сегодня – может, не любит зелья? Но зато всегда есть план Б при падении...

Когда щиты успешно поймали Фрэнсиса, ликование рыбаков было слышно на доброй половине острова. Адепты доиграли спектакль и, нежась на волнах признания, пошли кутить: остаток ночи справедливо принадлежал им, теперь местные жители радовали их – открыв внеурочно таверны, выкатив из подвалов лучшую еду и напитки.

Фрэнсис мигом забыл свои оппортунистические мысли насчет демона.

Он чувствовал себя великолепно.

Он получил сладкую дозу восхищения; у него в кои-то веки никто не визжал в башке; его уже дюжину дней не пытали. Ночь определенно удалась!

Надо только добавить романтики. Особенно пока эликсир не выветрился, и никто точно не помешает.

Пользуясь тем, что Тисса застряла где-то на окраине Нижней Бездны, в районе голубятни (там была ее роль по спектаклю), Фрэнсис подошел к Ладиславе.

Галантно поклонившись, как на столичных балах, он протянул девушке руку:

– Ты не против, если я тебя украду? – загадочно улыбнулся Винтервилль. – Или хочешь побыть с однокурсниками?

– К пеплу однокурсников. Кради скорее! – весело разрешила Найт.

* * *

Фрэнсис и Ладислава вышли на узкие улочки Маяка-Над-Бездной.

Там царило легкое, звенящее веселье. Ликующие рыбаки и адепты заполнили верхнюю деревню, и в сине-оранжевом свете фонарей, подвешенных на углы черепичных крыш, их лица озаряла счастливая беззаботность.

На ратушной площади выступали музыканты. Менестрель пел нечто бодряще-бойкое про то, как хорошо жить на свете, и как чудесно свистят соловьи, и как сверчки звенят под камнями, и сколь прелестно лицо его возлюбленной под луной... Все песни были легкими, веселыми, жизнеутверждающими, и на площади всю отплясывали и стар и млад.

– Потанцуем? – предложил Фрэнсис, и они с Найт завернули три круга взбалмошного, беспечного танца-от-души.

В каждом переулке, дворике и закутке готовили еду: на открытых мангалах жарили креветок и лангустов, облитых чесночных соусом; в котлах побулькивали мидии в белом вине; в бумажных кульках подавали салат из водорослей с ореховой подливкой и хрустящие чипсы из ламинарии. Дым от костров стоял ароматной стеной. На огромном вертеле коптили невероятных размеров рыбу, которая пахла просто упоительно.

– Я никогда в жизни не ела ничего вкуснее! – промычала Найт, облизывая пальцы после лобстера в сливочном соусе.

Пробегающие мимо дети с гиканьем обсыпали их с Фрэнсисом яркими блестящими конфетти, похожими на рыбу чешую. Близнец со смехом стряхнул бумажки с лица подружки и потащил ее в другой угол площади: туда, где гремели развлечения.

Адепты зубами ловили яблоки, плавающие в дубовой бочке; стреляли из лука, соревнуясь в меткости; камешками на скорость сбивали банки. Потом вся деревня вдруг выстроилась в единую цепочку танца-гусеницы: каждый держал впереди идущего за талию, и, хором распевая моряцкие песни, гости и местные прошли в витиеватым маршрутом по самым живописным уголкам Верхней Бездны.

Кажется, у кого-то из студентов осталось еще много сил после пьесы: знаменитый Маяк, отдохнувший сегодня, вдруг разгорелся магическим светом. Его широкий луч, обычно кружащий параллельно земле, распался на десяток тонких. Они опустились вопреки законам физики и стали сияющими руками обшаривать деревню, то и дело выхватывая улыбки и смех, сорванные тайком поцелуи, обрывки песен. Ладислава вспомнила стеклянно-зеркальные шары, которые иногда вешают в саусберийских трактирах под потолком: усовершенствованные лучи маяка создавали похожий празднично-дурманный эффект.

– Кстати, маяк – это восхитительная идея, – восторженно воскликнул Фрэнсис. – Пойдем к нему? Посмотрим, как уходит море после нашего колдовства.

– Пойдем!

По дороге к утесу они купили Игривое Печенье в форме ракушек из песочного теста. Разломи соленую печенюшку пополам – и внутри найдешь бумажку с шутивным заданием.

– Сыграем на месте, – решили Найт и Винтервилль.

Маяк был невероятен. Точнее даже не сам маяк – мощная красно-белая башня, опасно замершая на самом краю скалы, – а зрелище, открывшееся оттуда.

Потому что море уходило на глазах...

Ледяная толща воды сначала покрылась мурашками подозрений, а потом внезапно покатилась прочь, в сторону далекого материка. В порту Нижней Бездны засуетились фигурки рыбаков, закрепляя и смягчая участь пришвартованных лодок. Море на горизонте рычало и нестерпимо блестело под луной. А еще бурлило и взбухало там, где вместе с водой улепетывали киты и кракены.

Через несколько минут остров Этерны и впрямь будто вырос в два раза... Белое бугристое дно убежало далеко вперед, украшенное ракушками и кораллами, и в глубоких впадинах, сохранивших соленые слезы, покачивались водоросли и цветы.

– Очень красиво... – вздохнула Найт.

Фрэнсис кивнул, соглашаясь:

– Говорят, настолько мощные отливы быстро заканчиваются. Уже через час-полтора вода вернется. Досидим, чтобы посмотреть?

– Конечно, – широко улыбнулась Лади.

Один из вольготно гулявших лучей маяка изогнулся совсем уж неправдоподобно и светом погладил девушку по щеке: от острой скулы к белоснежной шее.

Ладислава сладко зажмурилась:

– Меня как будто летом щекотнули.

Фрэнсис не удержался от соблазна и уже своей рукой, вполне материальной, повторил маршрут луча. Найт тотчас распахнула глаза и настороженно замерла, всматриваясь в юношу.

Пару секунд они не шевелились, пристально глядя друг на друга. Потом Фрэнсис медленно, очень медленно убрал свою руку... Но зрительный контакт не разорвал.

В сердце Найт от его потемневшего взгляда что-то сладко ухнуло, как будто изнутри плеснули горячей водой.

– Давай посмотрим, какие нам достались задания? – негромко предложил Фрэнсис. Найт все еще чувствовала призрак его пальцев у себя на ключице.

– Давай, – также тихо отозвалась она.

Они отвернулись от моря, сев вместо этого лицами друг к другу. Потом одновременно взяли из коробки по печенью. Надломив тонкие хрустящие корочки, они вытащили бумажки, свернутые трубочками. Затем тщательно развернули их и стали вчитываться в потекшие чернила и затейливый почерк булочницы... Увы. Не было решительно никакой возможности разобрать текст.

«Ну и замечательно», – наконец решил Фрэнсис.

И, за спиной прищелкнув пальцами, он потратил остатки маг-силы на то, чтобы буквы вдруг вздрогнули, вытянулись, выпрямились и поменялись местами, выстроившись в новую фразу – по воле колдуна.

– «Поцелуй того, кто рядом», – уверенно зачитал Винтервилль.

Ладислава, которая уже все глаза сломала в попытках понять, что же ей там такое досталось, с готовностью смяла свою бумажку и легкомысленно вышвырнула через плечо.

– Ну надо же, – притворно удивилась она. – И у меня то же самое, представляешь? – и она с улыбкой вздернула свой хорошенький нос.

Фрэнсис не стал сомневаться.

Пусть Найт и была готова к этому – *хотела* этого, – она все равно вздрогнула и на мгновение запаниковала, когда юноша наклонился и поцеловал ее.

Наконец-то мы делаем это, Найт.

Поцелуй оказался нежным. Неспешным. Его, долгий и теплый, оттеняло прикосновение холодных пальцев Фрэнсиса, мягко легших возле губ Ладиславы. Найт чувствовала, как упоительно бьется жилка у нее на шее – там, где Фрэнсис медленно провел второй рукой.

Поцелуй был на вкус как море – солоноватый и свежий; как вода из глубокого темного колодца, в который заглядываешь ночью на исходе августа и замороженно ловишь там отражение звезд, остерегаясь неведомых тайн и одновременно ища встречи с ними.

Фрэнсис еще чуть приблизился, заставив девушку опереться ладонями о землю позади, чтоб не упасть. Почувствовав, что Найт теряет равновесие, он ловко подхватил ее за талию и притянул к себе, наклоня голову, углубляя поцелуй.

Щеки Ладиславы горели на искрящемся прибрежном ветру. Воздух дрожал от эха далекого праздника.

Теперь Фрэнсис касался Найт не так, как прежде, когда спасал от грызгенов или вел в танце на ратушной площади. Теперь он обнимал ее уверенно и твердо, но одновременно – восхищенно, как драгоценную статуэтку, авантюрно украденную в музее.

– Дыши, Ладислава, – вдруг шепнул он прямо в губы подруги, и она беззвучно засмеялась, поняв, что да – дышать-то и впрямь забыла.

Ее ресницы подрагивали на веках, смеженных крепко-крепко – она не хотела подглядывать. Медленно Найт подняла руки и запустила пальцы во взъерошенные волосы друга, щекоча ему уши и затылок, заставив покрыться тысячей тысяч мурашек. Порывисто вздохнув, Фрэнсис на мгновение отстранился и вдруг начал быстро и бесшумно целовать ей шею.

Ниже.

Быстрее.

Ладислава все же открыла глаза. Ее взгляд ошалело пронесся по скале и морю: *ничего себе ночка!* Очень даже ничего...

19. На всю Этерну

*Друд – лиственное дерево, широко распространенное в Асерине и на островах южных морей.
Энциклопедия «Доронах»*

И вдруг Ладислава увидела то, что никак не вписывалось в картину ее идеального пейзажа.

А именно – Тиссу, вывернувшую из-за маяка. Лицо соседки, заплаканное, полыхало праведным гневом. Она шла очень быстро, угрюмо набычившись, и определенно знала свою цель. Целью этой были Фрэнсис и Ладислава.

Найт охнула и не слишком-то романтично оттолкнула парня, издав нечленораздельное мычание из серии Мать-Твою-Фрэнс-Обернись!

– Я так и знала, – глухим замогильным голосом начала подошедшая Тисса. – Ты вообще думаешь, что делаешь, бестолочь?

– Тисса, какого д’гарра! – возмущенно зашипел Фрэнсис, вскакивая на ноги и одергивая сползшую мантию.

– Это я тебя спрашиваю – какого д’гарра! – рявкнула близняшка, наступая на него, как рассерженная волчица. – Мы же обсуждали, что тебе нельзя испытывать сильные эмоции, а? Даже в приятном смысле! Только полный идиот пойдет на свидание с бомбой внутри!

Ладислава тихонечко, по-крабьи отползла назад.

С бомбой?

– Ты поэтому на меня сейчас орешь? – прорычал юноша. – Чтобы успокоить, не иначе?

– Я ору на тебя, потому что мы приехали в эту жмыхову дыру, чтобы вылечить тебя! А ты целыми днями развлекаешься: то в пьесках играешь, то по углам обжимаешься! Меня просто бесит то, что тебя полностью устраивает сложившаяся ситуация! Я старше тебя на одну минуту, но даже этого хватило, – тон Тиссы взметнулся угрожающей птицей, – чтобы вся ответственность и мозги достались мне! Почему я постоянно должна следить за тобой, Фрэнсис?! А ты даже не ценишь моей заботы!

– Ты издеваешься, что ли? – опешил Фрэнс еще на прежней фразе. – Ответственность и мозги? Seriously? Куда же ты их спрятала летом?!

– Не меняй тему! – взвизгнула Тисса, и Найт увидела, как в ее глазах собираются мелкие, злые слезы. – Никто не просил тебя вмешиваться тогда! И вообще, лучше б все случилось со мной – в отличие от тебя я бы не потакала своим прихотям, игнорируя несчастье!

– Ага. Потому что ты бы сдохла прям там, Тисса!

– А тебя бы это устроило, да?! Никто бы тогда не мешал тебе жить в свое удовольствие? Я бы померла, а вы бы даже не заметили: от меня ведь все равно никакого прока! Я просто долбаный довесок в нашей семье, несчастное приложение к брату, не правда ли?! Вы даже не видите, как я стараюсь! Каждый день – стараюсь!

Ладислава во все глаза смотрела на близняшку, которую страшно колотило. И которая фраза за фразой делала именно то, против чего вроде как выступала: а именно, вызывала в брате очень сильные эмоции...

И нет – совсем не приятные.

Но Тиссе было плевать. Она прибежала уже во взвинченном состоянии, и зрелище поцелуя стало лишь спусковым крючком для истерической катапульты.

Лади сощурилась, глядя на пурпурный измятый конверт, который Тисса яростно комкала в руках. На нем мелькнули золотые вензеля букв... Хм... С материка прилетело? Тис получила его на голубятне?

Меж тем брат и сестра продолжали орать друг на друга, наматывая круги, как звери, и медленно смещаясь в сторону леса. Ладислава молча шла за ними. Скандал стремительно набирал обороты.

– Знаешь, Тисса, – наконец прорычал Фрэнсис. – В конце концов, я не виноват, что тебя в детстве недолюбили. И что теперь ты считаешь, что тебе все за это должны.

– Я не счита...

– Ты даже не представляешь, как меня бесит это насильное выколачивание любви, это вечное Посмотри-Какая-Я-Умница, Ну-Я-Же-Хорошая-Да-Хорошая, эти скорбно поджатые губы и взгляд несчастной принцессы. Меня изводит то, что я должен круглыми сутками выплясывать, убеждая тебя, что ты самая лучшая и самая умная, иначе ты, видишь ли, впадаешь в депрессию. Или, хуже того, начинаешь плевать ядом, вымещая на мне свою обиду за то, что наш отец долбаный сексист! Никакой ответственности в тебе и в помине нет! Ты глупая заносчивая пигалица, не желающая вырасти, потому что мир, гад такой, не соответствует твоим ожиданиям! И да – мне не нужна твоя якобы помощь и забота, ясно? Отвали от меня и живи своей жизнью!

Губы у Тиссы затряслись. Она побледнела, запихнула мятое письмо в карман плаща и, сбиваясь на рыдание, выдохнула:

– С... сволочь ты, Фрэнсис. Сволочь бездушная.

– А я уж думал, ты наконец-то скажешь спасибо, – почти выплюнул брат, и Тисса, сделав два шага вперед, с размаху залепила ему пощечину.

«Это жесть», – успела подумать Ладислава до того, как облик парня начал странно мутнеть, набирая черных красок. Будто вечерняя тень человека встала и обняла его сзади за плечи: *я тут. Я всегда где-то рядом, малыш.*

Выражение лица Тиссы изменилось мгновенно: из горькой обиды в панический, откровенный ужас. Не отводя взгляда от брата, она отступила на шаг. И еще на шаг, вытянув руку вперед таким жестом, будто защищалась от крупного хищника.

Фрэнсис же стоял, не шевелясь, напряженно вслушиваясь во что-то внутри себя. Его глаза изредка поблескивали золотым, а по коже пробегали странные тени – не считая той, что окутала его вуалью с головы до ног.

– Не могу, – хрипло выдохнул он, прикусив губу. – Не могу удержать. Совсем. С ним что-то не так, – судорога пробежала по лицу юноши. – Тис... Беги.

* * *

Тисса всхлипнула и сделала испуганный шаг вбок, попеременно неверяще глядя на свою роковую ладонь и брата.

Ладислава мяться не стала. Она молча рванула мимо замершего юноши к Тиссе, схватила ее за руку и силком потащила прочь, к лесу, все быстрее и быстрее.

Сзади стояла глухая тишина – и было неясно, хорошо это или плохо.

Девушки скрылись среди деревьев. Тисса пыталась бежать по светящейся маг-тропинке, тотчас услужливо засиявшей, но Ладислава с раздраженным рычанием утянула ее на обочину.

Все еще тихо.

До академии – если строго по прямой да бегом – было минут тридцать. Когда девушки выбежали на Топкую Луговину – вечно мокрое, грязью затопленное поле на полпути, заросшее огромными, величественными деревьями-друдами, – Тисса, непривычная к физическим нагрузкам, уже была на последнем издыхании.

Она стала тормозить, а потом и вовсе остановилась, с трудом вырвав руку из цепкого хвата Ладиславы.

– Обошлось, наверное, – просипела близняшка, сгибаясь пополам и тяжело дыша. У Тиссы в боку кололо так, будто туда вставили костяную иглу – *возьмете, ребра, меня в компанию?* – Фрэнсис справился, умничка. О боги... Какая же я дура... И как мне плохо... Хранители небесные... Ну почему... Почему я всегда лажаю...

И она обессиленно опустилась на корень столетнего друда.

Корень этот вздыбился в странном бунте и выгибался, как спина вьючного животного, над глубокой ямой, оставшейся после него и теперь заполненной пахучей жидкой грязью. Яма чавкала, как живая: *ну вернись-чавк, вернись... Ну или хоть-нибудь...*

И вдруг из леса, откуда выбежали адептки, раздался такой бешеный рев, что Тисса, ойкнув, завалилась назад и опрокинулась в дыру.

– Не обошлось! – по-военному резко кивнула Найт и бодрой козочкой прыгнула вслед за соседкой.

О-чавк! Ура!

Рев повторился. Плотноядно-хищный и низкий, он пробирал до самых костей.

И, конечно же, приближался.

Сердце Ладиславы, всем весом вжавшей Тиссу в месиво из воды и глины под корнем, колотилось как бешеное. Но внешне Найт казалась такой спокойной, что Тисса решила: соседка воспользовалась оказией и решила ее утопить.

Наверное, она все-таки шпионка...

Однако мысли Лади были заняты другим. Судя по «нежному» голоску, Фрэнсис превращается в такую хреновину, что ни камешком, ни кастетом, ни веткой не отмахаться. А маг-браслеты почти пусты. Жмыхов праздник!

Что ж, надо хотя бы убавить наш запах.

И, вызывая в полуобморочной Тиссе все больше страшных подозрений, Лади молча, технично и без объяснений умыла подружку грязью. И сама нырнула-вынырнула, привнеся в жизнь лужи немного счастья.

Меж тем на поляне и в лесу, на болотах и среди скал началась паника среди всего живого. С громкими криками взлетали птицы; были волки, сбиваясь в стаи; топтали и утробно жаловались лоси.

Ладислава подняла голову и напряженно всматривалась в щель между корней – что видно? Серебрящаяся в свете луны, Топкая Луговина не шевелила не единой травинкой. Даже низинами не пузырилась.

Лади сжала зубы, когда на поле вылетела и стала кружить по нему крылатая черная тень... Сначала широкий круг, потом уже, еще уже... И каждый раз – жмыхова табакерка! – центром круга было дерево, где затаились девушки.

И вдруг тень замерла.

Ладислава решила было, что это – оттяжка перед пикированием на жертв, но оказалось, что Фрэнсис, а вернее *То, Чем Он Стал*, вслушивается.

Далеко впереди, со стороны академии, раздавался неясный шум, сложенный из шипения, свиста, тихого грома и, может быть, вскриков...

Ладислава застыла. Так же оцепенели Тисса внизу и Фрэнсис в небе.

И в тот момент, когда госпоже Найт почудилось, что к шуму добавилось пение птицы иррин – с какой это радости?... – раздался грохот совсем иного толка. Причем по всему острову.

Это сразу в трех деревнях загромыхали фейерверки, знаменующие конец праздника и возвращение моря после магического отлива.

Крылатая тень над головой снова взревела – совсем уж яростно – и стремглав полетела в сторону Бури.

* * *

Тисса и Ладислава не шевелились до тех пор, пока разошедшиеся салюты не умолкли. Вместе с ними, казалось, исчезли и все другие звуки: тишина на контрасте поражала.

Девушки молча выбрались из ямы («*Про-чавк-щайте, друзья!*») и опасливо посмотрели в сторону Бури.

– Что теперь? – спросила Тисса, похожая на быстро подсыхающую глиняную статуэтку.

– Ты меня спрашиваешь? – обалдела Найт, выглядевшая не лучше. – Это ты мне скажи, что сейчас твой брат делает! От этого и будем плясать!

– Я не знаю, – пробормотала близняшка. – Он еще ни разу не превращался бесконтрольно.

– А под контролем он чем занимался после своих превращений?

– Ел...

Соседки переглянулись.

– Ладно, – обдумав ситуацию, кивнула Лади. – Праздник кончился. Сейчас все станут возвращаться в академию. Пойдем к главной дороге, поймем их там и объясним ситуацию.

– Ни за что! – возмутилась Тисса. – Состояние брата – секрет! Не будем мы никому говорить!

– И что же ты предлагаешь?

– Просто пойдем в Бурю. Я уверена – раз там такая тишина, Фрэнсис уже снова человек. Или улетел куда-то далеко-далеко. В море. По привычке.

Ладислава с сомнением посмотрела на приятельницу, но потом согласилась с ее предложением. В конце концов, раз они спрятались от убийца единожды, то и еще раз, наверное, смогут. Да и воняет стараниями лужи от них не так чтоб аппетитно, а Фрэнсис – человек со вкусом.

Монстр, наверное, тоже.

Они, осыпаясь корками, пересекли поле, потом болото и подлесок. Вышли к высоким кованым воротам академии и нырнули в крохотную калитку, открытую по случаю праздника. Настороженно оглядываясь, миновали подъездную аллею, сквозь арку проникли в Большой Фонтанный Двор, и...

Тисса с ходу завизжала. Истошно, на всю Этерну.

А потом там же, на месте, грохнулась в обморок.

Найт зажала ладонью рот, сдерживая подступившую тошноту.

Весь центр двора был залит кровью. И запачкан черно-белыми перьями. Облицовка с угла главного здания частично обвалилась. Дом Моргана Гарвуса скорбно молчал глухими ставнями.

Ладиславе послышался скрип закрываемого окна наверху, в одной из ближних башен Бури, и она резко подняла голову – кто здесь? – но не увидела ничего подозрительного.

Пришлось опустить взгляд обратно... Туда, где посреди мозаичного двора лежало растерзанное в клочья, безжалостно разорванное в куски, практически неузнаваемое – разве что по уникальным частям – тело птицы иррин.

* * *

Ладислава стояла посреди двора, глядя на мертвую иррин, и понятия не имела, что ей делать в сложившейся – определенно внештатной – ситуации.

Весь опыт ее прежней жизни – Найт отметила это с легким раздражением – велел не делать как раз-таки *ничего*. Не выдумывать, не импровизировать, лишь найти поскорее старшего по званию, дабы получить конкретные инструкции от знающих людей.

Но кто такие «знающие люди» в этой ситуации?..

Вдруг дверь Пряничного домика открылась. Ладислава, присевшая на корточки возле Тиссы, в изумлении обернулась. На порог вышел Морган Гарвус: в халате, очень бледный, с неизменным вороном на плече.

Доктор быстро и молча сбежал с крыльца, ледяным взглядом обвел останки птицы иррин. Медленно кивнул и подошел к Ладиславе, после чего схватил ее за локоть и рывком поднял.

– Как давно вы здесь находитесь и что вы видели? – прошепел Белый Доктор в ее запачканное глиной ухо.

От Моргана настолько резко пахло тонизирующей травяной настойкой, что у Найт застелились глаза. Да и пальцы сжимали локоть так больно...

– Я в курсе, что это был Фрэнсис, если вы об этом! – она пристально сощурилась. – Вы его наставник: вы знаете о его превращениях, верно? Что случилось?

– Интересно, почему знаете *вы*, – прорычал Гарвус.

– Я догадливая, – огрызнулась Лади.

– Нет, просто близнецы – идиоты.

Морган сделал такой жест, будто брызгает водой на Тиссу. С его пальцев слетели мелкие голубые шарики, мгновенно забившиеся адептке в нос. Она с резким сипом вдохнула воздух, потом рывком села, надсадно кашляя и морщась.

Морган мрачно заявил:

– Надо прибраться, пока не пришли остальные. Замести следы.

Найт разинула рот:

– Вы что, предлагаете скрыть случившееся?! – она вывернулась из-под цепких пальцев доктора и непонимающе на него уставилась.

– До вас быстро доходит, поздравляю.

– Но как же иррин?! Это нечестно по отношению к ней!

На это Морган отвечать не стал: только отвернулся к мертвой птице и начал технично плести заклинания.

Ладислава спохватилась:

– Стоп! Если вы были здесь, почему не вмешались?

Морган замялся буквально на долю секунды – Найт этого не заметила.

– Некоторые твари убивают очень быстро. Пока я очнулся и выбежал, помогать птице было уже поздно.

– Ну вы бы хотя бы остановили его!

– Вы про Фрэнсиса? Это как, интересно? – прошепел Морган. – Напав? Убив или покалечив своего студента? Или дав ему убить себя?

– Ох, доктор Гарвус... – пробормотала Тисса, уже полностью пришедшая в себя. – Какая удача, что вы здесь!

– В гробу я видел такую удачу, – буркнул лектор и начал уборку.

Он приказал ворону лететь на ворота («Предупреди, если они придут») и читал заклятие за заклятием, собирая кровь, перья и части птицы иррин в кучу в центре двора.

Лади молча смотрела на это, чувствуя, как трясутся губы.

Бедная иррин... Бедный пушистый комок весом в центнер...

– Тисса, идите в Хромую башню и распахивайте окна до тех пор, пока не найдете портал, – сухо оттарабанил Морган. – Фрэнсис полетел в сторону моря, и я хочу, чтобы у него была возможность вернуться привычным путем, когда он придет в себя.

– А если он вернется... злым? – замешкалась Винтервилль.

– Я же не сказал вам оставаться в башне! Откройте окна и уходите куда угодно и там ложитесь спать – вам надо восстановить силы. Когда Фрэнсис вернется, размах крыльев не даст

ему летать по коридорам. Значит, либо он сразу станет человеком, либо слегка потрепыхается – и станет им все равно.

Тисса неуверенно кивнула и убежала.

– Что касается вас, госпожа...

– Найт.

– ...Госпожа Найт, то на вас у меня нет рычагов давления, – Морган отвернулся от птицы. – Разве что припугнуть могу. – Он щелкнул пальцами, над его рукой взметнулось облачко красного дыма в виде оскалившегося драконьего черепа.

Найт отшатнулась – не от страха, а просто от неожиданности.

– Зато рычаги точно имеются у леди-ректора. И – что гораздо хуже для вас – у отца близнецов. Так что не рекомендую распространяться и вообще как-либо участвовать в ситуации.

– Сомневаюсь, что кто-то из них реально может мне что-то сделать, – угрюмо насупилась Лади. – Разве что убьет поскорее.

Морган удивленно двинул бровью – *это еще что за позерство?* – но потом пожал плечами:

– Без проблем, зайдем с другой стороны. Как и вы, я считаю крайне несправедливым то, что случилось с иррин. Я вообще люблю птиц, особенно смелых. Но она уже мертва. А если правда о «сожителе» Фрэнсиса станет народным достоянием, то его жизнь и жизнь его семьи изменится отвратительнейшим образом. С вашим другом, считайте, будет покончено. Хотите для него такой судьбы?

Морган хлопнул в ладоши, заставив останки птицы иррин проплыть к его дому – и внутрь.

Прилетел его ворон, сипло каркнув.

– Коллеги возвращаются, – перевел Морган. – Вам лучше уйти, чтобы избежать вопросов.

Ладислава заколебалась.

Морган раздраженно вздохнул, подошел, цапнул ее за рукав плаща и непрекаемо увел за собой – в тень от арки за Пряничным домом. Там они прижались спинами к каменной кладке, и Лади, все еще жутко неуверенная во всем происходящем, хотела еще что-то спросить, но Морган поднял руку и раздраженно прижал палец к губам.

Лади мельком заметила, что его маг-браслет почти пуст, а под ним – красный отпечаток зажившей раны.

Несколько преподавателей – магистр Шильд'эс, артефактор, астрологиня и мастер Эренгольт, хохоча, прошли сквозь двор и дальше, на поляну, где шумно попрощались и разошлись по разным сторонам в свои коттеджи.

– Почему вы не были на празднике? – спросила Найт.

– Я болею.

– Чем?

– Переутомление, – ответил Гарвус с такой интонацией, что показалось – он иронизирует сам над собой.

Затем Морган вытолкал девушку обратно в Фонтанный Двор и приказал ей то же, что и Тиссе: идти в Трапезную, или библиотеку, или куда угодно еще – но не в Хромую башню. А Найт вдруг поняла, что она так устала, что ей легче послушаться, чем спорить. И поплелась ко входу в академию.

Оставшись один, профессор как-то резко приуныл и осунулся... На ватных ногах Морган подошел к углу корпуса, где частично обвалилась кладка, и долго, задумчиво ее созерцал. Потом оглянулся и внимательно осмотрел все окна второго этажа, вытянув руку с оттопыренными большим и указательным пальцами и как бы целясь от дыры в каждое из них. Целиться получалось плохо – рука дрожала.

– Показалось, что ли... – пробормотал он, еще раз подозрительным взглядом скользнув по стене.

Еще Морган смотрел на лес. И в сторону моря. И вообще много пялился кругом, отнюдь не весело. Потом выругался и прикусил губу.

– Кар-р, – мрачно сказал ворон, топчась у него на плече.

– Ну уж нет. Все плохо, но пока выходить из игры рано, – пробормотал лектор.

– Карр-кар! – разозлилась птица и клювом цапнула Морган за мочку уха.

– Кори, – поморщился Морган. – Я не буду сворачивать с намеченного пути после одной только пьяной беседы. Хижина в горах, бескрайние просторы – да, это звучит замечательно. Но сначала я утру нос козлам в Нинделовском комитете, как и планировал.

– Кар-р-р-р!!! – взревел ворон совсем отчаянно.

– О, поверь, это стало неприятным сюрпризом и для меня. Иммунные системы, прах бы их побрал. Как они сумели выбраться?.. А иррин... Бедная иррин... Удивила. Похороним ее как следует.

«Главное, чтобы тебя хоронить не пришлось», – подумал ворон, но вслух говорить не стал.

Хозяин и так все понимал, наверное.

– С Фрэнсисом тоже беда. И как же все странно совпало... – задумался лектор. – Ладно. Разберемся.

Морган самому себе залепил пару бодрящих пощечин, нехорошо сузил глаза и отправился в Хромую башню: ждать своего адепта.

20. Мы выпишем чек

Каждый ребенок, родившийся на острове Этерны, получает от шамана оберег, который рекомендуется никогда не снимать. Этот оберег выполнен из особого сплава. Он выглядит как рябиновая ветка с девятью алыми ягодами и одной черной. Ветку обвивает магическая нить, а в месте крепления к цепочке находится бронзовый символ десятиконечной звезды.

Из учебника «Наследие Этерны»

Горничная-уютница разбудила Найт следующим утром. Судя по губам, сжатым в курагу-малышку, дама в чепчике была возмущена.

Ладислава уснула прямо в Великой Трапезной, и подсохшая глина отваливалась от нее кусками, перепачкав все серой крошкой.

– Я смотрю, у вас была интересная ночь, – проворчала уютница, миссионерка Белого Цвета, и метелкой прошла по Лади, по полу и вновь по Лади.

– Даже слишком! – охнула Найт, когда воспоминания обрушились на нее каскадом.

«БОМ-М!» – поддержал их колокольный звон.

Найт бешено заозиралась. Что теперь будет?

Ответ пришел незамедлительно: будет завтрак.

Зеркало-водопад раскрылось, и в Трапезную начали проникать сонные, но невероятно довольные студенты. Беззаботные и зевающие, как курортники, они перекидывались благостными репликами-мячами.

– Таки мы получили первое место!

– Эй, подавальщица! Пироженку победителям! Ай! Пироженку в рот, а не поварешку в лоб!

– Ой, как неохота сегодня учиться. Когда там следующий праздник? Хочу еще на морской прилив полюбоваться!

И ни слова про птицу иррин. Или Фрэнсиса.

Кажется, доктор Морган и впрямь неплохо прячет трупы.

Ладислава выскользнула из Трапезной и бегом помчалась в Хромую башню.

* * *

Тисса спала на краю кровати, свесив ногу и руку, в съехавших с носа очках, с открытым ртом.

– Как он? – крикнула Найт, влетая в комнату и осматриваясь: вроде никаких разрушений.

Близняшка шарахнулась и свалилась. На полу, собравшись в кучку, она негодуяще поджала губы. И пальцы ног.

– Все хорошо, Ладислава, – сказала Тис очень строго, что не вязалось с всклокоченными волосами и заплаканными дорожками от слез на щеках. – Ты можешь забыть о случившемся.

– Ага, щаз! – возмутилась Найт, выбегая опять в коридор и стуча в противоположную дверь.

Та, после невыносимо долгих раздумий, приоткрылась на пол-ладони.

– Фрэнсис, ты как?

Винтервилль отчужденно смотрел из-за двери. Глаза запавшие.

– Все нормально, Лади, – наконец отвратительно-официально сказал он. – Я буду очень благодарен, если ты забудешь о случившемся.

– Мы можем выписать тебе чек, – предложила Тисса, выйдя следом за Найт и плечом опершись о косяк.

– Тис! – ахнул Фрэнсис, на мгновение потеряв строгий облик, но тотчас вернувшись к нему.

Тисса покраснела, но слов назад не взяла: у их отца денежный подход всегда срабатывал.

Но Ладислава только тихо зарычала и, повернувшись так, чтобы оба близнеца были в поле зрения, обвинительно ткнула в них пальцами.

– Я уже поняла, сладкие, что вы просто Ожмуреть Какие Важные Персоны, – начала Лади тоном, который обычно использовала в портовых доках со шпаной. – И что в академии вам дозволено очень многое. Без проблем: во всякой избушке свои погремушки – развлекайтесь. Но вчера ты, – оба пальца переползли на Фрэнсиса, – чуть не убил нас. И убил птицу иррин.

Фрэнсис дернулся, как от пощечины.

– Я вижу, что все это – какая-то мистическая жандыря, и вы дружно с ней боретесь, как умеете, и еще у вас есть Определенно Проблемный Папа. Однако я не хочу, чтобы вы считали меня идиоткой, которая ничего не видит и забывает такое по щелчку, ясно? И тем более по хрусту чека – это, Тисса, вообще ни в какие ворота! – взъярилась Лади, сжимая кулаки, и близняшка, ойкнув, отступила и захлопнула дверь.

– Сам с ней объясняйся! – крикнула Тис из спальни.

Но Фрэнсис объясняться не стал. Он покачал головой:

– А все-таки лучше забудь. Пожалуйста.

– То есть мы не обсудим случившееся?

– Нет.

Девушка посмотрела на него в упор. Взгляд у Фрэнсиса был совсем потухший, но госпожу Найт не прорвало.

– Ну и как мне доверять тебе после этого? – тихо и неожиданно зло спросила она.

Близнец замялся. Потом отвел глаза.

– Никак. Но ты будешь не одинока: теперь даже я себе не доверяю, – он горько усмехнулся. – А про обсуждения: если тебя это утешит, с Морганом и Тиссой я тоже отказался говорить о сегодняшней ночи, хотя они и в курсе ситуации в целом. Просто сначала мне нужно вывести на диалог кое-кого другого.

– Кого?

– Мое отражение в зеркале.

Найт посмотрела на Фрэнсиса, посмотрела... Потом хмыкнула, молча развернулась, ушла в спальню и гневно застучала в ванную, где предусмотрительно спряталась Тис.

– Мне в душ надо!

С той стороны не ответили, только сильнее включили воду. Ладислава выругалась. Как могла, она почистилась одежной щеткой, убрала волосы под вязаную ленту (впрочем, они и так стояли столбом, как миленькие, спасибо глине) и натянула самую мрачную из своих пастушьих накидок – черно-красную, безнадежно агрессивную, которую продавец подсунул в подарок.

Все равно никто не покупал.

Оценив в зеркало свой удручающий вид, Ладислава вдруг заметила на кровати Тиссы смятое письмо – того же пурпурного цвета, что и конверт из Маяка-Над-Бездной.

Хм. Возможно, в нем причина вчерашнего Ой Как Некстати появления близняшки...

Воровато оглянувшись на дверь ванной, Найт расправила бумагу и прочитала:

«Я сорок минут разбирал твои каракули. Насколько же ты эгоистична, насколько не уважаешь мое время, что смеешь занимать его такими глупостями? Только женщина способна в нормальном мужском досуге усмотреть грехи! Тисса, возьми себя в руки и перестань путаться под ногами у брата. Ты уже натворила таких дел, что мне в жизни не отмолить твою душу. Будь добра, займись наконец чем-нибудь полезным. Пока от тебя одни проблемы.

Р. С. Спроси, захочет ли Фрэнсис сопровождать меня в весеннем турне? В марте я поеду читать проповеди в Лесное королевство и Шэрхенмисту. Я не против, если сын решит присоединиться ко мне. Только пусть он сам пришлет ответ, через тебя не надо».

М-да.

Найт осторожно положила письмо обратно, прихватила сумку с книгами и отправилась на учебу.

* * *

На лекциях она убедилась: случившееся не получило огласки.

Найт была так расстроена, что даже не стала ничего прогуливать. Просто механически ходила из аудитории в аудиторию.

– Лучше всего лекарское дело развито в Шолохе, как вы догадываетесь, – бормотал трясущийся профессор Ранкинс, и мелок в его руке отплясывал по доске, как маг-кардиограмма. – Там умеют и по кускам человека собрать, и отдельные органы изъять так, чтобы тело ничего не заметило. Хоть желудок, хоть легкие, хоть само сердце.

– И что, пациент выживет? – адепты были настроены скептически.

– Да, если определенным образом заколдовать орган и оставшееся без него тело: в первую очередь как следует опустить температуру пациента и закупорить рану специальным щитом... И, конечно, все зависит от времени, потраченного на операцию. Оно должно составлять не больше одной миллионной от средней продолжительности жизни. То есть для нас это пятьдесят минут, для шолоховцев – уже около трех часов, а оперировать дракона или иную по-настоящему древнюю сущность можно месяцами.

– А у нас умеют делать такие операции? – спросила Найт, глядя в окно.

Погода все еще была тоскливо-стылая. Даже теплая накидка-шэппар не спасала от холода, разлившегося по каждой ложбинке мрачного острова. Приунывшие галки сидели на ветках сосен и крикливо жаловались на ужасную в этом году осень.

– Увы! – вздохнул Ранкинс. – Ни знаний, ни мощи браслетов не хватит. Только себя истощите вместе с жертвой.

* * *

На «Истории Королевства» было интересней, чем ожидала Найт.

Сегодня разбирали структуру асеринской церкви. И борьбу за власть в оной.

Игривая госпожа Джоки экспрессивно рассказывала о том, что, как правило, новым архиепископом избирают прежнего столичного епископа. Из-за этого «архи» почти всегда на штыках с минакорскими чинами: они чувствуют, что их пытаются «подсидеть», и при малейшей возможности смещают «наглый молодняк». Но это тяжело, ведь минакорские святоши приближены к королю – не политически, а душевно, посредством исповеди.

Не так-то просто очернить дворцовую «жилетку»!

И, наоборот, архиепископ живет далеко от средоточия власти – на юге, в Саусборне. И не меньше трети каждого года он проводит в «проповедническом турне» и «святых гастролях», неся знамя единой веры по всей Лайонассе.

Найт слушала лекцию очень внимательно.

Ведь минакорским епископом был тот самый Гриди Ликериш – головная боль и неудавшийся палач рыжего сыщика. Враг ее друга – ее враг.

А потом госпожа Джоки и вовсе пустила по рядам портреты известных чинов королевства. Карандашные рисунки – по два на каждого, анфас и в профиль – напоминали объявления о розыске, и среди адептов быстро пошли смешки.

Только Найт не смеялась.

Сжимая в руках портрет Его Высокопреосвященства Ноа де Винтервилля, в кои-то веки изображенного без ритуальной золотой краски, искажающей черты лица, она вдруг отчетливо поняла, у кого любовалась точно таким же идеальным затылком.

И холодными оленьими глазами.

Так вот кто ты такой, злокозненный папочка близнецов.

– Интересно, Тиссу хватит удар, если я обращусь к ней по фамилии?.. – проворчала Найт, передавая бумажки дальше.

* * *

Затем было «Наследие Этерны».

Стэн Хлестовски встретил ученицу у библиотеки и тотчас уверенно потащил ее прочь.

– Мы хотели проверить Корпус загадок, помнишь? – спросил он.

И добавил, фыркнув:

– Ишь, умаялась! Тихоня! – потому что Ладислава шла, низко опустив голову.

Ибо они пересекали Фонтанный Двор. И если дух птицы иррин где-то здесь, то Лади было стыдно перед ним.

– Привет, Берти! – крикнул меж тем Хлестовски, и Найт тотчас подняла глаза.

– Хей-хей! А что у нас со стеной? – откликнулся тот.

Рыжий сыщик на корточках сидел возле покалеченного угла здания. И задумчиво водил пальцем по разбитой кладке. Золотистый песик с урчанием чесал спину об ограду клумбы.

Сердце девушки постучалось к легким: «Тревога!» Они тотчас перекрыли кислород. Найт выпучила глаза.

– Обвалилась, видать! – вывел Стэн. – Как вчера отпраздновали Долгую Ночь?

– Я – замечательно! – Берти улыбнулся и подмигнул Ладиславе. – Я не пошел на Западный Мыс. Занимался своими делами. А ты?

– Я тоже не пошел, – Стэн поскреб в затылке. – Мастер Шильд’эс сказал всем, что я шпиону для адептов, и потребовал моего неучастия.

– Вот гад. Хочешь, я его побью? – проникновенно предложил Берти.

Стэн смешливо закудахтал:

– Не надо. Я провел ночь среди своих лучших друзей – книг. Не жалуюсь.

– Ты что, был здесь, в библиотеке?! – Ладислава ошарашенно уставилась на Стэна.

И как тогда ты мог не услышать рев Фрэнсиса во дворе? Визг Тиссы? Смерть иррин? Вон же окна Пугливой башенки!

Стэн покраснел от корней волос и аж до круглого воротника куртки. И ничего не ответил.

– Вообще-то у нас урок! – извинился он перед Голден-Халлой. – Идем, Ладислава! Нечего трепаться в учебный час!

– Хорошего урока! – пропел Берти.

Беззвучно сказал «Удивимся!» Ладиславе и снова сел у стены. А потом и вовсе пополз на карачках по кругу, внимательно глядясь в каждую плитку. Пес трусил рядом, по-собачьи дотошно отмечая все пройденное.

– А это еще что? – пробормотал рыжий, поднимая кусочек черной ткани, придавленный упавшим камнем.

Ткань была такая древняя, что чуть не осыпалась в труху. А еще грязная, будто присыпанная пеплом. Берти понюхал ее: пахло сыростью, плесенью, тухлой водой и... ненавистью.

Сыщик нахмурился.

Интересно.

Потом он завернул улику в салфетку, засунул в карман и пошел к Элайяне. Он хотел узнать, куда делась птица иррин: уточнить у нее пару нот из песни.

* * *

– Стэн, а что ты знаешь про медальонных монстров с Пугливой башни? Тех, что видны в полнолуние? – спросила Найт, пока они по сияющей дорожке шли к центру острова.

– Я знаю их имена, – важно сказал Хлестовски. – Как и любой островной ребенок. Это все персонажи сказок: няньки и бабки живописуют чудовищ, чтоб дитя не вздумало сбежать из дома в неурочный час.

– А реально они существуют?

– Ишь... Я никогда не встречал их и не знаю никого, кто встречал бы. Но всякое бывает: не зря же ректор Фоскаш попросил закрасить их изображения на потолке академии? «Чтобы не подсматривали», помню, как сейчас.

Найт поняла, о чем говорит Хлестовски. На живописный потолок Бури она обратила внимание еще в ночь своего прибытия на Этерну. И да, действительно, некоторые деревянные панели там были зачернены.

– А в своих дневниках Фоскаш о них не писал? Давай проверим?

Стэн тяжело вздохнул и грустно шевельнул ушами:

– Я так и не нашел его бумаги, представляешь? Хотя даже предпринял некоторые меры...

Библиотекарь заговорщицки понизил голос. Он осмотрелся и, взволнованно теребя оберег-рябину на шее – нервничал! – склонился к уху Найт, явно намереваясь поделиться каким-то секретом, как вдруг впереди из-за сосен на тропинку шагнул человек.

Найт и Хлестовски замерли, удивленные.

Морган Гарвус – а это был он – заметил их не сразу. Очень задумчивый, он шел, рассеянно пиная камешки и нахмурившись до состояния вулкана.

– Доктор Морган! – окликнул Стэн.

Мастер тайн остановился, недовольно посмотрел на коллегу и нечленораздельно пробормотал что-то приветственное. А может, ругательное.

– Кар-р! – куда вежливее сказал ворон и приподнял лапку, будто джентльмен – шляпу.

– А что вы здесь делаете? – спросил Хлестовски, недоуменно озираясь.

Они уже ушли далеко от Бури, почти в центр острова. Кипящие скалы булькали по правую сторону, вонючее озеро посапывало слева – очень сомнительное место для прогулок среди учебного дня.

– Работаю, – привычно-холодно сказал Морган. – А вы?

– Учимся, – в тон ему ответила Ладислава. – Над чем же вы работаете, если ваш подопечный находится в Буре, м?

– У меня тут не один подопечный, – огрызнулся доктор.

Найт нахмурилась.

Что это значит? Может, он имеет в виду птицу иррин, вернее, ее останки? Он пришел сюда хоронить ее? И поэтому такой смурной?

Меж тем Морган, всматриваясь в Стэна, как раз таки неожиданно просветлел лицом. Просветлел буквально на тон-другой, но по сравнению с убийственной мрачностью прежнего варианта это казалось почти что радостью.

– Мастер Хлестовски, – елевым голосом начал Гарвус, – а вы не желаете выпить со мной чаю сегодня? Я хочу узнать мнение профессионала о некоторых островных вопросах.

Стэн вытаращился на холеного лектора, как на привидение.

– Мнение профессионала? – тупо переспросил он.

– Да.

– Это... Мое, что ль? – почему-то шепотом продолжил Хлестовски.

Морган ободряюще улыбнулся и кивнул, на полную мощность врубая свое скудное обаяние.

– Э-э-э. Ну можно, да! В смысле, желаю! Очень желаю чаю! – встрепнулся Стэн.

– Тогда я зайду к вам в библиотеку вечером, – почти промурлыкал Гарвус. И повернулся к Ладиславе: – До свидания, госпожа Найт. Берегите себя!

– Это угроза? – мигом вскинулась та.

– Ах, какие смешные у нас адепты!.. – притворно засмеялся Морган и, проходя мимо, псевдоотечески потрепал девушку по голове.

Стэн, подпевала, тотчас тоже заржал – мальца истерично – и тоже потянулся к прическе Найт, но она с возмущением оттолкнула его руку и покрутила пальцем у виска.

– Он назвал меня «мастер Хлестовски», ты слышала?! – возбужденно заухал Стэн, едва Гарвус Стремный исчез за соснами. – Мое мнение важно, ух-ха! Интересно, а какой он любит чай? Лимон? Бергамот? Чабрец? Травяные настойки?

– С ядом ему намешай.

– Мята? Малина? Шиповник?

– Стэн, иди уже, превращайся! – буркнула Лади, выпихивая ключника в сторону кустов.

* * *

Сегодня Найт уже не шарахалась от охранной штормовой волны-иллюзии, валящей лес, как спичечный коробок. Наоборот, адептка встала навстречу стихии, раскинув руки и гордо задрав подбородок. Проворчав что-то явно нелестное, волна в одно мгновение свернулась, как подожженный лист, и оставила после себя острый запах соли...

– Уже ку-ху-да лучше! – похвалил Хлестовски, на бреющем полете спускаясь к Корпусу загадок.

Найт деловито потопала за ним. А за спиной – почти рефлекторно – скрутила пальцы в охранный знак, отгоняющий темные силы.

И изо всех сил пыталась не трусить.

По загровку все еще бегали мерзкие мурашки с прошлого раза, когда она почувствовала чье-то присутствие за приоткрытой дверью замка...

* * *

До Корпуса загадок оставалось метров пять, когда над головой у Ладиславы раздался громкий ДЗЫНЬ!

Найт задрала голову – что там с Хлестовски? – и тотчас сама врезалась в невидимое препятствие.

ДЗЫНЬ!

Отброшенная назад, девушка грохнулась на землю. Сверху на нее свалился Стэн-сова.

Получив от дезориентированной птицы несколько испуганных пощечин – тяжелый, гад, еще и крыльями машет, – Найт борцовским захватом сжала лектора под мышкой:

– Цыц, Хлестовски!

– А, это у-ху-же ты... – мигом обмякла сова. И, вывернув башку на сто восемьдесят градусов, с сомнением уставилась на Корпус загадок.

Обломок замка выглядел как обычно: то есть до крайности депрессивно. Туман ходил багровой волной, как инфекция. В безветрии кружились хлопья пепла.

– Во что мы врезались? – спросила Ладислава и свободной рукой потерла лоб – ну, здравствуй, шишка!

Помятый библиотекарь неловко прыгнул и пешочком потопал вперед.
ДЗЫНЬ!

Сова ядром прилетела обратно к Найт.

– В о-ху-громный щит, – вывел Стэн, когда звездочки в его круглых глазах угасли. На сей раз он не спешил покидать объятия студентки. – Просто о-ху-громнейший.

Они оба с почтением подняли головы, оценивая высоту стены. Точнее даже – купола. Если приглядеться, на незримой преграде становились видны прилипшие перья и грязные кляксы... Пернатые всея Этерны успели неплохо побиться о свежее архитектурное решение.

Найт встала и, уместив Хлестовски на бедре, как цыганка – ребенка, осторожно потянулась вперед. Едва ее пальцы коснулись щита, как маг-браслет на запястье взвизгнул, а руку отшвырнуло назад так, что девушка сама себе дала в глаз.

Рукоприкладство портит настроение, но не сегодня и не Найт. Ладислава была вполне довольна тем, что преграда мешала подойти к пугающему корпусу. Дверь в него, кстати, на сей раз оказалась плотно закрыта.

Найт не ощущала никаких мифических угроз. Хорошая преграда, очень.

Вдруг девушка подпрыгнула:

– Стэн, а глянь-ка на траву! Этот щит тут давно, получается?

– Еще до похолодания появился, – согласился сторож-библиотекарь, смотревший туда же.

Если снаружи трава была жухлой, как жизнь богомола, а местами даже покрылась инеем, то внутри она блестела и зеленела, как в первые дни сентября.

– И что все это значит, мастер? – спросила Найт.

Стэн пушистым патрульным пошел вдоль стены. Лапки он переставлял строго по одной линии – сова-манекенщица, не иначе.

– Ну-ху, это точно как-то связано с погодой.

– А кто щит-то сделал? Сам корпус или другой маг? – допытывалась Найт.

Стэн задумчиво подвигал бровями.

Конструкция выглядела столь масштабной, что вряд ли была творением рук чародея – иначе этот чародей уже лежал бы мертвый, ссохшись от маг-истощения. С другой стороны, Корпус загадок никогда раньше не баловался подобными штуками. А колдуны все-таки бывают разного уровня, в том числе очень высокого. Вот леди-ректор Элайяна в теории могла бы сделать подобный щит. Или Морган Гарвус.

Но зачем кому-либо из магов отгораживать корпус? Непоня-я-ятно...

Ладислава буравила библиотекаря взглядом в ожидании ответа. Хлестовски стало неуютно.

Он был умным парнем, преподавателем, жмыхов жмых! Просто ему надо чуть больше времени, чтобы обдумать ситуацию и прийти к хорошему выводу. У всех ведь разные темпераменты.

Но позориться, говоря студентке «не знаю», нельзя. Уже сейчас нельзя. Эта Ладислава слишком шустрая. Еще решит, что он туповат, и перестанет к нему ходить...

– Этот щит сделан Корпусом загадок. К зиме. Все нормально, наша проверка прошла у-ху-спешно.

– М-м... Точно?

– Ишь! Не веришь?! Пойдем.

Лади засомневалась, но в итоге возражать не стала. Ее ощущения также говорили, что все нормально. Никаких «обнюхиваний» от жителей замка – вот и хвала небу! И без Корпуса загадок проблем хватает...

– Что тебе рассказать по дороге, Найт?

– Расскажи про это, – Ладислава вытащила из стопки Стэновой одежды металлический оберег в виде крохотной ветки рябины. – А то ты его все вертишь, вертишь... Сломаешь еще – а я даже не узнаю, что это было!

Эту безделушку Стэн-человек носил на шее, всегда гордо, поверх одежды. И трепетно отдавал Ладиславе при смене облика. Первый раз Лади не обратила на него внимания, но на празднике Долгой Ночи она заметила такие же талисманы у всех без исключения рыбаков. И у адепта Твигго.

И заинтересовалась.

Ну и сегодня оберег намозолил ей глаза – Стэн вечно дергал и теребил его, когда нервничал. Например, в такие моменты, как встреча лицом к лицу с крутым коллегой – Гарвусом.

– А, ну-ху это защитный талисман. Каждому ребенку-островитянину надевают такой на шею в день, когда он получает имя, – начал Стэн, уводя адептку. – Я не помню ни одной ситуации, где он помог бы мне, но островные шаманы относятся к таким вещам очень серьезно...

ДЗЫНЬ! – в щит позади них врезалась очередная птица и, потрепыхавшись на земле, вскоре очнулась и продолжила путь.

21. Улитки-улиточки

Если ты в тунике и не знаешь, как быть, иногда лучший вариант – помочь кому-то другому. Станным образом после этого все может встать на свои места.

Тиго Ваинаши, Мастер Легких Мыслей

Не успел Стэн после урока уютно устроиться в кресле-качалке в родной библиотеке, как дверь с грохотом открылась.

На пороге стояла очень злая леди Элайяна.

– Стэн! – рявкнула эльфийка. – Знаешь, о чем судачат в учительской? О том, что кто-то рыскал в коттеджах преподавателей сегодня ночью! Точнее, в их библиотеках. Но замки на дверях в порядке, и ничего не пропало. Кроме одной аквариумной лягушки госпожи Клыккер.

– Так у нее их там пятьдесят штук прыгает! Неужели она заметила пропажу одной?! – ахнул Хлестовски и тут же густо покраснел.

– До неудобства наблюдательная дама эта Клыккер, не правда ли? – съязвила эльфийка. Сложила руки на груди и строго побарабанила пальцами по локтю.

– Н-н-ну почему же до неудобства?.. – сглотнул Стэн.

– Хватит юлить! Ты что там делал, Хлестовски?! Зачем чужих лягушек жрал?! – гаркнула Элайяна, нависая над проштрафившимся помощником.

Кресло-качалка под Стэном опасно скрипнуло и медленно стало клониться назад («Сбегу через кувырок, как супергерой!»), но леди-ректор недвусмысленно схватилась за спинку. Перед лицом грозной начальницы – яростным и неожиданно близким – Стэн совсем скупсился, втянул голову в плечи.

– Ишь... Просто кто-то украл записи магистра Фоскаша... Кто-то из преподавателей: у адептов нет допуска в тот раздел. Я хотел сам решить этот вопрос, вот во время праздника и начал потихоньку, э-э-э, осматриваться...

Элайяна медленно, нехорошо поджала губы.

– И что, всех осмотрел?

– Нет. Только Клыккер, Шильд'эса, Ранкинса, Джоки и Эренгольта...

Зазвенел гонг, знаменуя начало новой лекции. Стэн облегченно выдохнул: он знал, что у эльфийки сейчас спецкурс, ей придется уйти.

– Зайдешь ко мне после ужина. Обсудим, – с угрозой сказала ректор.

– Я после ужина не могу! – Стэн ухватился за соломинку. – У меня деловая встреча с Морганом Гарвусом.

– Это по какому поводу, интересно?

– У него есть вопросы ко мне. Как к профессионалу по истории и легендам острова! Наверное, тайнами Этерны заинтересовался.

Точеные брови леди-ректора взметнулись вверх.

– Прекрасно. Значит, ко мне ты придеешь *вместо* ужина, – жестко сказала она.

* * *

В классе зелий химичила мрачная Тисса. За круглым деревянным столом в центре мансарды близняшка разливала по формочкам ядовито-зеленую смесь.

Леди-ректор сидела за рабочим столом, склонившись над бумагами.

Бумаги и бумаги – каждый день! Росчерки, ленты, сургуч и печати, заверения в дружбе и мольбы о грантах, чеки и отчеты, сводки, стопки непроверенных работ.

М-да, не так Элайяна представляла жизнь свободной женщины, когда сбегала из-под венца. Ей почему-то казалось, путь к славе гениального ученого будет куда приятнее и быстрее... На деле – тоска тоскливая.

Но она еще своего добьется. И Берти поможет вернуться на материк. А то он такой слабохарактерный – просто кошмар. Ну ничего. Ее силы воли вполне достаточно на двоих.

Эльфийка потянулась к бланку заявки на Нинделовскую премию. Великолепные плотно-кремовые листы с золотыми тисненными буквами – праздник тактильности, радость для гордости. Жаль, что в такой отвратительный день.

– Готово, – подала голос Тисса.

На деревянной сервировочной доске в ряд сидели тридцать хорошеньких желейных улиток. Маленькая армия красоты.

Невероятно дорогое, сложное и официально запрещенное зелье, чьи ингредиенты практически невозможно найти на материке – зато они есть на острове, что позволило близняшке поупражняться в создании улиток.

Тисса отрапортовала:

– Омоложение на два года сроком на одну неделю. Вкус клубничный. Форма – последний писк столичной моды.

– М-да. Без иррин и не поймешь, как там у тебя с пропорциями, – покритиковала подошедшая леди-ректор, через лупу вглядываясь в улиток. Те медленно шевелили усиками, как живые. – Пусть постоят денек. Завтра опробуешь на себе, тогда и получишь оценку, – решила Элайяна.

И вернулась за стол.

Тисса не стала расслаиваться: быстро и молча ушла из класса. Сегодня они с наставницей почти не общались во время занятия: обе были слишком погружены в свои невеселые мысли.

Так, Элайяна была страшно разгневана с самого утра – едва узнала о гибели птицы иррин. Хотя, кажется, визит к Моргану Гарвусу немного помог эльфийке спустить пар. Тисса видела, какой злой и мрачной Элайяна зашла в Пряничный домик сегодня днем, какой чуть успокоенной вышла. И как озабоченно-хмуро смотрел доктор ей вслед.

Сама Тисса и вовсе окончательно наполнилась мраком и жутью – вместо радости бытия, пропагандируемой священными книгами. Девушке казалось, что после вчерашнего письма от папы, ссоры с Фрэнсом и ночных событий ее жизнь бессмысленна и убога.

Пора признать: она и впрямь ничтожество, все как считает Ноа.

Архиепископ никогда не видел в дочери смысла, считая ее приложением к брату. «Ты мешаешь, Тисса». «Тисса, не лезь». «Тисса, не попадайся мне на глаза». Раньше девушку это возмущало, она боролась, пыталась доказать, что тоже достойна, но каждый раз ее попытки что-то сделать приводили к провалу. И чем отчаяннее Тисса пыталась заслужить прощение брата и одобрение отца, тем резче они ее отталкивали.

Но почему?..

И если все так плохо, когда уже кто-нибудь из них скажет: «Тисса, умри»?

Спрашивается, зачем вообще она поехала сюда с Фрэнсисом! Осталась бы дома или ушла в монастырь – папа предлагал, давно еще. Тогда это звучало плохо; но тогда Тисса еще и не знала, что ее второе имя – провал... Может, ей сбежать куда-нибудь из Бури? Ведь здесь она все равно никому не нужна.

«Живи своей жизнью», – сказал Фрэнсис.

Легко ему говорить. Вся ее жизнь состояла из несбыточной мечты о церковной карьере и попытках найти свое место в семье.

«Живи своей жизнью» для Тиссы сегодня равнялось бы «не живи».

* * *

Стэн поднялся в Пугливую башенку.

Элайяны не было, зато на столе, на досочке, рядом лежали желейные улитки.

– Ишь... – оборотень с удивлением посмотрел на свою любимую закуску.

Может, Элайяна не так уж сильно злится, а потому постыдилась лишить меня ужина?

Стэн сел в кресло и, сложив руки на коленях, принялся ждать. Улитки призывно попискивали на столе. Прошло минут пять. Хлестовски скосил глаза на угощение и не выдержал – прихватил штучку. И еще одну. Ну ладно, третью. А вкусные! Элайяна все равно всегда на диетах. И да, лучше поесть сейчас, потому что с набитым ртом ему будет неудобно просить прощения.

На двенадцатой улитке Стэн все-таки остановился. Тем более на лестнице слышались шаги.

Хлестовски галантно встал – не пристало встречать даму сидя, и... Тяжело охнул, когда понял, что он стремительно уменьшается.

– Жмыхов жмых! – крикнул Стэн мальчишеским голоском, утопая в безразмерных теперь свитере и штанах.

Процесс продолжался. Поняв, что мысли начинают путаться, а под стол уже можно зайти пешком, Хлестовски попробовал избавиться от неясного заклятия единственным доступным ему способом – ну а вдруг?..

* * *

Тисса ужинала одна.

Вокруг гомонили адепты, но ее стол-штурвал был прискорбно пуст.

Фрэнсис так и не вышел из комнаты. Найт демонстративно пересела к Хейли Хани, Хлодерику Роу и Красотке Дите. Из-за стола первокурсников доносились смех и легкие, быстрые шепотки: они обсуждали неразделенную любовь Хейли к доктору Моргану. Хлодерику и Красотке подкалывали отличницу, сама Хейли огрызалась, Ладислава криво улыбалась и от души советовала приятельнице «сменить объект».

– Разок с ним по-человечески пообщаюсь, тогда и сменю, – буркнула Хейли. – Я понимаю, что мне ничего не светит, но хоть один внеучебный диалог спровоцирую! Чтоб прокручивать в голове снова и снова, и анализировать, и радоваться, и вздыхать.

– Да слабо тебе! – фыркнул Роу. – Я видел, как ты мнешься у коттеджа, но даже не стучишь.

– В следующий раз постучу, – пообещала Хани.

Тисса продолжала безрадостно ковыряться в салате.

Вдруг одна из уютниц подбежала к близняшке:

– Леди-ректор зовет вас в Пугливую башню. Немедленно.

* * *

Юная Винтервилль с открытым ртом смотрела на птенца.

Крохотное существо размером с полладони сидело на полу кабинета.

У него был серо-бурый пушок и розовая кожица под крыльями; замшевый клюв, похожий на запятую; тяжелая голова и взгляд, огромными буквами верещащий: «ЧТО ВЫ СО МНОЙ СДЕЛАЛИ, ЖМЫХОВЫ КОЛОТУШКИ?!»

Рядом горой валялась одежда Стэна Хлестовски, связка ключей и амулет в виде веточки рябины. Тисса потрясенно опустила на корточки и виновато оглянулась на леди-ректора.

Та стояла у подоконника, сложив руки на груди, и осуждающе смотрела на адептку. Элайяна уже высказала все, что думала по поводу оставленных на столе улиток.

Ну сама бы убрала, наставница, раз ты такая умная...

Тисса была раздавлена. Птенец – глубоко несчастен.

– Как ты догадываешься, ответственность за Стэна нести тебе, – подытожила леди-ректор. – Это будет лучшим наказанием за твою неосмотрительность.

Тисса осторожно протянула руку к птенчику и, замешкавшись, все же рискнула погладить его по мягкому клюву. Стэн сначала страдальчески прикрыл глаза, но потом рефлекторно подался навстречу ласке, распушив невесомые перья.

– Боги-хранители, свет спаси наши души... – тихо пробормотала Винтервилль и снова обратилась к наставнице: – Не понимаю! Почему он не говорит? Он же говорил в облике птицы!

– Подозреваю, он не знает, как делать это, будучи настолько маленьким.оборотни получают возможность менять ипостась лет с двенадцати, перекидываясь уже во взрослых особей-животных. А этот птенец выглядит так, будто едва родился... Думаю, господину Хлестовски очень неуютно в этом юном теле. С другой стороны, хорошо, что он не стал яйцом.

– И что же теперь делать?

– Ждать неделю, – эльфийка пожала плечами. – Ты ведь на столько рассчитала эффект? Элайяна ушла.

Густая темнота постепенно заполнила мансарду.

Тисса сидела на полу, совершенно потерянная, и все пыталась понять, куда ей теперь деваться. В Трапезной казалось – хуже некуда, так вот, примите-распишитесь.

Ладиславе с совенком в руках точно показываться не стоит: саусберийка ее просто убьет, совершенно точно разберет на запчасти за то, что Винтервилль сделала с библиотекарем...

Тисса осторожно подхватила Стэна и на ладошке поднесла к лицу.

– Мне очень жаль, – она прикусила губу. – Очень, очень жаль! Я клянусь, ближайшую неделю ты будешь жить как король. Я ни д’гарра не смыслю в птенцах, но я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы уменьшить твой дискомфорт. Может, заботой о тебе я даже искуплю свои грехи...

Стэн содрогнулся, панически пискнул и мелко стал клевать ее в ладонь: «Не надо! Стоп! Никаких искуплений за мой счет, адептка!»

Тисса собрала его вещи. Связку ключей она повесила на ремень, оберег надела на шею.

– Считаю это отпуском, ладно? – вздохнула она. – И еще: мы с тобой пока проживем у тебя, мастер Хлестовски. Где это, кстати?

Птенец вполне по-человечески застонал.

22. Высокий сезон Хромой башни

По сути, каждый из нас говорит на своем языке, чьи смыслы опираются на годы индивидуального опыта. Удивительно, как мы вообще умудряемся понимать друг друга. Хотя кто сказал, что мы действительно понимаем...

Ерок, Каратель из Башни магов

Целый день Берти не мог поймать Элайяну. Было ясно: эльфийка намеренно ускользает. Только поздно вечером сыщику удалось застигнуть ее врасплох на узкой винтовой лестнице, ведущей в кабинет ректора.

Рыжий встал на первой ступеньке и руками уперся в перила:

– Не пущу, – сказал он. – Придется меня пригласить, подруга.

Вскоре они сидели в ее кабинете. Там, в тяжелом кресле буйволиной кожи, Голден-Халла узнал три вещи.

Что птица иррин мертва.

Что Стэн Хлестовски временно стал совенком.

Что Элайяна скрывает и то, и другое – от всех адептов и почти от всех коллег.

И от Берти бы скрыла, будь ее воля. Но от него, лисицы, не увернешься. Поэтому ладно, лови факты. Но без деталей.

Голден-Халла откинулся в кресле и скрестил руки на груди.

– Эл, и ты правда считаешь, что это нормальная ситуация? – спросил он.

Эльфийка прикусила нижнюю губу и отвела свой антрацитово-черничный взгляд.

– Твои подопечные из Хромой башни... – продолжил Голден-Халла негромко, – все птичьи беды на их совести, я правильно понимаю?

Элайяна вздохнула. Она обошла кресло и крепко обняла сыщика за плечи сзади. От нее легонько пахло амброй.

– Ты нарушаешь наши правила! – шепнула она, щекотнув ему ухо.

– Твои правила.

– Мои – значит наши. Я же главная здесь. В Буре.

– М-да? А мне уже кажется – близнецы.

– Берти! Ну я же просила тебя столько раз – не трогай моих адептов... Пожалуйста. Не «читаешь» меня, не «читай» и их. Все в этом мире заслужили немного приватности, м?

– Эл. У всего должны быть пределы. Тебе правда плевать на то, что случилось с иррин? Со Стэном?

– Конечно, нет. Но это уже случилось, и теперь нам всем нужно чуточку помолчать... Ради будущего академии.

– У нас что, время пафосных лозунгов? – буркнул сыщик.

Он попробовал выпутаться из объятий эльфийки, однако Эл вцепилась в него, как ожившая ива, и Берти быстро прекратил борьбу, чтоб не причинить боль своей хрупкой подруге.

– Ну если тебе плевать на Бурю... – вздохнула ректор, укладывая свой остренький подбородок на макушку сыщика. – То молчи ради меня, ладушки?

– Это вообще запрещенный прием.

– Но действенный. Разве нет?

Берти промолчал, стараясь не дышать, чтобы не заблудиться в чарующей амбре ее парфюма.

Ох уж эта Элайяна.

Пять лет назад, когда он нашел сбежавшую эльфийку в Саусборне, Голден-Халла сразу понял, что не выдаст ее заказчикам, и разорвал контракт. Но идея о том, чтобы устроить Элайяну в Академию Бурю, пришла только какое-то время спустя. До этого им предстояло хорошо узнать друг друга.

Сыщик вспоминал, как Эл жила у него в мансарде: каждое утро она просыпалась в половине шестого и делала какую-то безумную эльфийскую зарядку, а потом и его втянула в это форменное издевательство над режимом и собственным телом. Они много спорили и много смеялись обо всем на свете. Сначала она, как хвостик, ходила с ним по его сыскным делам, а потом стала все чаще оставаться дома и больше времени уделять зельеварению, которое было ее профессией и главной страстью в Лютгардии. И оказалось, что она в нем восхитительно хороша. Вот тогда-то Берти и направил ее в Академию Бурю как в место, где ее не будут искать и где при этом можно развить свой талант. Старик Фоскаш – бывший ректор – с удовольствием взял умную, амбициозную, деловую эльфийку на работу.

Берти очень ясно – вплоть до запахов из открытых булочных – помнил тот промозглый весенний день, когда он провожал ее на остров.

– Надо же, – сказала тогда Элайяна, поднимаясь на мысочки, чтобы крепко обнять его на прощание. – А я и не верила, что во взрослом возрасте можно заводить по-настоящему близких друзей.

– Если честно, я тоже не верил, Эл.

– То ли мы с тобой дураки, то ли – редкое исключение.

– Одно другому не мешает, – рассмеялся он.

Меньше всего тогда Голден-Халла ожидал, что сам несколько лет спустя приедет на Этерну в качестве преподавателя.

Буря-Буря. Каково быть местом, куда все сбегает от мира и где главная вера – молчание?..

Вряд ли так уж весело.

Впрочем, здесь весь остров такой – будто бы от чего-то сбежавший, что-то похоронивший. Давным-давно.

Сейчас Элайяна поцеловала Берти в висок, нежно взъерошила ему волосы и отошла к бару, где достала из-за дубовой дверцы эльфийский нектар и два фужера. Голден-Халла, следя за ней взглядом, перезавязал волосы в хвостик. На душе у него было погано.

– Не надо. Мне пора идти, – отказался он, вставая.

– Тогда возьми ловкучее зелье, – обернулась Элайяна. – Уже готово. И да. Насчет «ради меня» я говорила серьезно. Молчать сейчас действительно важно... Очень, очень важно, Бертрам. Веришь?

Сыщик молча прихватил несколько пузырьков на этажерке.

Она знала – он не проболтается.

Он знал, что она знала.

* * *

Чем холоднее и темнее было на улице, тем уютней казалась комната Ладиславы.

Найт в шелковой пижаме – задорная бело-голубая полоска, широкие лацканы, пуговицы-красотенюшки, – забралась в кровать, предварительно взбив подушки до состояния сливочных паффов. Девушка калачиком свернулась под двумя одеялами и читала – упоенно читала, главу за главой, магический детектив.

В окно остервенело билась осень.

Стонали клены под гнетом непогоды, бурлило море, дребезжали стекла на ветру. Но Ладислава растворилась меж страниц, и улыбалась, и смеялась, и пугалась, забыв о том, кто она, погрузившись в чудной и чудный мир по самую макушку.

Так, она далеко не сразу услышала стук в дверь. «Хей! – морской азбукой. – Хей-хей!»

– Я тебя не разбудил? – улыбнулся Берти.

– Вы что-то узнали про проклятие? – встрепелась Найт.

Уголок рта у сыщика мелко дернулся. Берти достал из кармана своего длинного пальто витой изящный пузырек:

– Пока нет, я работаю над этим. Зато я уже принес тебе ловкучее зелье!

– Ого!

Найт с интересом побултыхала в руках эликсир, на свет разглядывая розоватые пылинки.

– И что мне с ним делать? – сощурилась она.

– Пока ничего. Но если однажды тебя запрут – например, в одной клетке с зомби на практикуме по некромантии, – то выливаешь зелье на замок и – та-дам! Ты свободна.

– Класс! – оценила Найт.

– Только учти: мастер Левенлос наверняка сочтет это жульничеством. Еще ты можешь сохранить эликсир до лучших времен: через пару недель я пойду ловить фог-арахнов, они, сбегая, плетут замки-паутины. На них ловкучее зелье тоже действует.

– Вы предлагаете мне снова пойти с вами? – Ладислава аж засияла, как снежный дух снуи.

– Если хочешь, – подмигнул сыщик.

– КОНЕЧНО, ХОЧУ! А сегодня? Сегодня вы куда-нибудь идете? – притоптывала на пороге Найт.

– Нет, госпожа адептка. Сегодня у меня другие планы, – Берти покачал головой. – Но как только будет что-то интересное, я сразу тебя позову. Обещаю.

Прах...

Я пытаюсь задурить ей голову, отвлечь, чтобы она забыла о проклятии. И вроде в чем-то это правильно, наверное, но в целом...

Я почему-то чувствую, что я негодяй.

Да, сегодня никаких ловкокрабов.

Сегодня я лучше напишу еще пару десятков писем на материк – в дополнение к уже улетевающим.

Небо голубое, я не так уж часто тебя о чем-то прошу – скорее веселю, не находишь? – но сейчас, пожалуйста, подсоби. Пусть хоть кто-нибудь знает хоть что-нибудь об этих проклятиях! Я буду перед тобой в долгу, небо. Только встань на ее сторону. Хорошо?

Когда Берти ушел, Ладислава рыбкой нырнула обратно в кровать. М-м-м, какое удовольствие: на прохладные простыни теплым телом, и свернуться, педантично везде подоткнуть, сжать пальцы и греться – горячая печка в большом одеяльном царстве, огонек уюта в шелковых горах постели... Где там книжка? Обожаю!

...И да! Он снова позвал с собой! Боги-хранители! СПАСИБО!

* * *

Когда Берти шел прочь по коридору, он был так погружен в свои мысли, что не заметил, как странно топорщится одна из оконных портьер. Топорщится по форме человека. И, если приглядеться, то внизу под тканью даже виден кусок черного модного ботинка.

Сыщик скрылся в лестничной шахте. Портьера отдернулась.

– Кар-р! – ворон засмеялся над ребяческой выходкой хозяина.

Морган Гарвус брезгливо смахнул с плеча паутину: за шторой давненько не мыли. Потом пожал плечами:

– Ну а что, надо было расшаркиваться и объясняться с ним, что ли? Как видишь, первая попытка найти союзника обернулась для этого союзника, кхм, внеплановым отпуском.

– Кар-р-р, – с сомнением протянул ворон.

– Совпадение или нет – а рыжий пусть гуляет, – отрезал Морган.

– Кар-р-ааа-аха-ха! – глумливо зашелся карканьем Кори, и Морган раздосадованно щелкнул его по клюву.

Потом доктор пошел вперед по коридору и наугад толкнул одну из дверей. Он знал, что в Хромой башне свободны все спальни, кроме двух, поэтому решил сегодня заночевать здесь – всяко удобнее, чем в коридоре на лавке.

Поближе к Фрэнсису.

И подальше от Пряничного домика. Чутье подсказывало, что так будет лучше.

* * *

Примерно через полчаса в Хромой башне появился еще один посетитель.

О да! Сегодня этот замковый корпус был куда популярнее, чем прежде. Переживал высокий сезон.

Теперь по густому ворсистому ковру бесшумно шла сама леди-ректор. Палитра спален ждала ее впереди.

В спальне номер один царило спокойствие. Незванный Морган Гарвус внутри нее спал, плотно завесив кровать балдахином и уткнувшись небритой щекой в подушку.

В следующей комнате жила интрига. Ладислава Найт, животом подмяв одеяло, беззаботно махала ногами, нимало не смущаясь кровавых деяний убийцы, вошедшего в самый раж, – герои книжки как раз лишались еще одного коллеги, ух! В руке адептка машинально крутила длинный пузырек с ловкучим зельем. Тисса, кстати, не пришла ночевать – и Найт малодушно радовалась.

Последняя спальня – Фрэнсиса – представляла собой поле для эксперимента. Здесь происходило нечто среднее между спиритическим сеансом и медитацией.

Фрэнсис сидел перед трюмо. И бесстрастно смотрел на золотую тварь, отражавшуюся По Ту Сторону. Демон ревел и золотыми когтями в гневе полосовал грудь Винтервилля изнутри, заставляя щиты мерцать... Он задирает свою неясную морду – лишь выделялись два огненных глаза, – он выл, бесновался и изо всех сил пытался расцарапать зеркало с изнанки.

У него не получалось, хотя изредка золотой коготь оставлял настоящий, действительный штришок на амальгаме... Видя это, демон торжествовал и начинал царапать с удвоенной силой.

А Винтервилль пытался вести допрос – но совершенно безрезультатно.

Вчера Фрэнсис впервые не помнил ничего с момента смены ипостаси. Раньше он всегда как будто «смотрел» глазами демона на происходящее. Но вчера лишь полная темнота: он очнулся уже в комнате, полуобратившийся обратно, запутавшийся в крыльях, ничего не понимающий. Про птицу иррин близнец узнал утром от Тиссы.

Еще был неясен сам момент срыва. Пощечина от сестры – это неприятно, но вполне терпимо, учитывая, что Морган на спецкурсе позволял себе куда худшее рукоприкладство. Виноват ли поцелуй с Ладиславой? Да нет, непохоже...

Может, это связано с зельем от доктора Гарвуса, которое тот оставил ему с запиской? Есть шанс, что Фрэнсис так расслабился из-за тишины, вызванной эликсиром, что сам непроизвольно опустил щиты.

А коварный демон на самом деле все это время был дееспособен, но ждал максимально напряженного момента... Чтобы что? Заглушив мысли хозяина, испугать двух девчонок и убить бедную птицу? Это его великий план?

Что вообще ему надо, этому золотому?!

Фрэнсис хотел выяснить это до того, как обсуждать случившееся с Морганом, Тиссой и, может быть, Ладиславой. Но демон в зеркале упорно не шел на диалог, лишь оставлял эти д'гарровы царапины.

В дверь постучались.

Близнец быстро накинул на трюмо покрывало. Затем открыл дверь и удивленно посмотрел на леди-ректора.

– Позволите? – спросила эльфийка.

Фрэнсис, конечно, позволил.

Следующие пятнадцать минут Элайяна распиналась о том, что Винтервилль не виноват, что такое могло случиться с каждым, и подробно расспрашивала: что чувствовал Фрэнсис до того, как демон вырвался на свободу? Как он считает, что спровоцировало вспышку?

Винтервилль отделялся общими фразами, и леди-ректор быстро поняла: ей тут не рады.

– Ну ладно, – вздохнула она. – Я оставляю вас. Пожалуйста, не мучайте себя. Все бывает. Постарайтесь расслабиться и отвлечься.

Эльфийка подошла к окну и распахнула его – с первого же раза попав на море.

Потом положила на журнальный столик мешочек с чаем:

– Это очень хорошие успокаивающие травки. Выпейте их, Фрэнсис, и ложитесь спать, – посоветовала она перед уходом.

Винтервилль так и сделал.

Ночью ему снились кошмары, в которых Фрэнсис по очереди убивал всех важных ему людей... В середине ночи он не выдержал и проснулся: неясно, то ли от сюжета очередного ужаса, то ли от того, что тело его вдруг начало трансформироваться, заливаясь золотом, обрасстая крыльями.

– Д'гарр! – тихо ахнул Фрэнсис. – Опять?!

И тотчас его человеческое сознание померкло.

Да.

Опять.

* * *

В три часа после полуночи замотанная в плащ фигура поднялась на Башню Алого Ордена.

Фигура подошла к парапету, оглядела владения Бури – предсказуемо темные, ни огонька, ведь все отсыпается после позавчерашнего праздника, – потом встала в центре площадки, положила под ногами раскрытую тетрадь – старческие записки, очень полезные, – и вскинула руки к небу.

На запястьях сверкнули два маг-браслета, готовые к чарам.

Нараспев, гортанным и тихим голосом, фигура начала читать заклинания из тетради. Это был весьма специфический набор ворожбы: заклятия максимально энергоемкие, не дающие видимого эффекта и направленные строго на остров. Дразнящие остров.

Смена направления ветра. Раскрас озер под зеркала – и тотчас разбивание зеркал. Загустение дыма в кипящих скалах. Немота деревьев.

Маг на крыше как будто дергал остров-рысь за кисточки на ушах, щелкал его по носу, тербил, щекотал, всячески обращал на себя внимание: *смотри, я колдую! Колдую, смотри! На тебе еще формулой! На плетением по зубам! Нравится тебе, Этерна?..*

Этерне не нравилось.

Браслеты фигуры уже опустели, когда по острову пробежал тихий вздох – пригнулась трава, загудели деревья, – и тотчас море, тяжелое и угрюмое, поплыло прочь от берега. Снова начался отлив.

Фигура увидела это со смотровой площадки. Удовлетворенно кивнула, потерла ладони, подняла дневник и быстро пошла по лестнице вниз.

Сегодня должно получиться.

* * *

Первокурсница Хейли Хани никак не могла уснуть. Ну и что, что три часа ночи.

Красотка Дита, ее соседка, уже храпела, как маленький горный тролль, но Хани сидела у окна и мечтательно вздыхала. Ах Морган Гарвус!..

Первокурсницы жили высоко в Башне Зеленых Лужаек, из окна было видно море. Вдруг Хани поняла: отлив. Как странно! Что это с островом?

Девушку тотчас осенило: а ведь это отличный повод для разговора с доктором Морганом! Прийти к нему, постучаться, доложить о морском беспорядке. Может, он потребует доказательств. Может, они вместе пойдут на пляж. Тогда вредный Хлодерик Роу завтра убедится, что Хейли – не трусиха!

Хани надела платье, набросила плащ, сапоги, старательно прихорошилась и выскользнула за дверь.

Через десять минут она вышла в Большой Фонтанный Двор. Окна в доме Моргана были темные. Хани облизнула губы, выпрямила спину, подошла к крыльцу и уже хотела постучаться, как вдруг...

Странная тишина залила мироздание.

Странная, дурманом морочащая тишина. Мир поплыл темными красками, рыдающими потоками на стекле вечности, нисходящей музыкой сфер.

В этот долгий и звонкий гул лейтмотивом вмешался рык. Тихий, пробирающий до самого сердца. Полный ненависти. Исходящий, кажется, откуда-то из другой вселенной.

Хейли Хани как-то сразу поняла – это конец. Действительно конец.

Но она все же обернулась. Последнее, что Хейли увидела в своей жизни, – это два ввалившихся потусторонних глаза.

Последнее, что сделала, – постаралась оттолкнуть убийцу.

23. Не. Случилось. Ничего. Страшного

Ментальная магия позволяет внушить другим людям некие образы. В зависимости от личной силы колдуна эти образы могут продержаться в голове клиента от пары минут до года, после чего незаметно растворятся. Маги-менталисты не умеют читать чужие мысли.

Из учебника «Типы колдовства»

– А у тебя здесь уютно!

Тисса, облокотившись о высокий подоконник, попивала кофе из дымящейся глиняной чашки. За темным окном было царство листвы под кодовым именем «друд». Хлестовски жил в доме на дереве – в крохотной Риторической Роще.

– Очень даже уютно, – вскинула брови Винтервилль, оглядываясь на птенца.

Стэн ничего не ответил. Он сидел на кухонном столе в жестяной коробке из-под печенья, укутанный ворохом рваных салфеток: будто король в белоснежной мантии из меха. Суровый, непреклонный, уже утомленный престолом.

Янтарные глаза Хлестовски то и дело заблачивались дремой. Он клевал носом – в прямом смысле слова, – роняя розовый клювик вперед и тотчас суматошно выпрямляясь с писком.

Всю ночь Тисса с ним говорила.

Всю ночь.

Стэн не выспался. Стэн страдал. И сострадал тоже – а потому терпел.

Винтервилльский театр одного актера начался еще по дороге в избушку как очередная просьба о прощении. Затем эта просьба как-то органично вылилась в рассказ Тиссы о своей жизни. Не столь фактологический, сколь эмоциональный.

И хотя Стэн не считал себя знатоком человеческой психологии, он понял – этой пигалице надо высказаться. Очень надо. Поэтому он честно слушал ее, подбадривая бодрым писком, а в какой-то момент запищал пронзительно, от ужаса, когда понял, чья Тисса дочь.

Неясно было: то ли Тисса не знала, что Стэн-птенец сохранил свой разум, то ли вельможно проигнорировала этот факт, но инкогнито свое она раскрыла.

Услышав о Его Высокопреосвященстве – это откровение венчало ночь, как корона, – Стэн затрепыхался в коробочке с натуральным желанием – разбить башку о жестяную стенку. *Ты зачем, неразумная, поселилась со мной? Меня ж за такое – на дыбу!*

Но Тисса не поняла всей глубины душевных страданий совенка. Решив, что он голоден, она с готовностью пошла на поиски пропитания. Недалеко: всего-то вышла на крылечко, ловко вскарабкалась по шишкастой ветке друда и затаилась в ожидании гусеницы, сверчка или Какие-Там-Деликатесы-Дарит-Древо.

Мир был безмятежен и тих. Роща – таинственна и лохмата. Ближился рассвет: тугая тьма острова набиралась света – солнца не было, с такими-то тучами, – но горькие краски стали медленно выцветать. Тиссе показалось, что роща будто плесневеет – сообразно тому, как темные стволы друдов насыщались серебристо-белыми оттенками. Тиссе нравился этот эффект. Пару минут она наслаждалась покоем и непривычно сладким одиночеством. Потом, решив сменить тактику, азартно заковырялась в коре наманикюренными пальчиками.

Со своей трепещущей добычей близняшка вернулась в дом. Ошпарила заговоренным кипятком бордовых гусениц и осторожно выложила их на блюде перед Стэном.

– Угощайся! – сказала Тисса. Окно за ее спиной окончательно просветлело. Утро пришло.

– Пип, – воспротивился Хлестовски, глядя на неаппетитных обваренных гусениц.

– В свежих мог быть яд, а так – нейтрализован.

– Пи-и-и-ип.

– Ешь, кому сказала!

Крохотное сердечко совенка екнуло, и, в ужасе косясь на адептку, он все-таки проглотил первую гусеницу.

Ишь...

Тисса тотчас умилилась с характерным «о-о-о-о!».

– А знаешь, мастер Хлестовски, – улыбнулась Винтервилль, макая печенюшку в кофе. – Должна признать, что даже по столичным меркам ты весьма очарователен. Во всяком случае, в виде совы. Хотя, судя по интерьеру... – она огляделась, – ...набору книг и настольным играм – как человек ты тоже очень даже. Жаль, что я не ходила к тебе на предмет. Возьмешь меня в ученицы, когда... м-м-м... выздоровеешь?

Стэн польщенно кудахтнул и важно кивнул. Они позавтракали, чинно сидя друг напротив друга: Тис на лавке, Стэн на столе. В принципе, бордовые трупики оказались не так уж дурны.

Близняшка собралась уходить.

– Хочу погулять. Потом в Бурю. Взять тебя с собой? – спросила она.

Стэн выразил некоторое сомнение на этот счет. После небольшой серии игры в «угадайку» Тисса поняла: Хлестовски хочет остаться дома.

– Тогда я приду покормить тебя днем, – решила она. – Ты ведь сам не можешь?

Стэн согласился: он не мог. Он скатился до стадии очень молодого птенца, даже ходить пока особо не получалось. И долго держать голову. В основном ему хотелось спать. И чтобы чесали.

Тисса выскользнула за дверь, ловко спустилась по веревочной лесенке. Ее ботинки тотчас намокли в высокой росистой траве. После бессонной ночи Тисса, любительница неги и долгого отдыха, чувствовала какое-то лихорадочное возбуждение.

Так странно. Кажется, забота о цыпленке... в смысле совенке, – это как раз то, что ей сейчас нужно.

Винтервилль вспомнила, как в детстве, в школе, им с одноклассниками выдавали яйцо на неделю с требованием за ним ухаживать, как за живым. Яйцо Тиссы тогда разбилось в первый же день, но Фрэнсис великодушно предложил поменяться. Так она дошла до конца испытания, получив пятерку.

Фрэнс. Надо с ним помириться.

Может, она не совсем права, когда пытается его контролировать. Неужели он не понимает, что она просто хочет как лучше? Видимо, разумнее сделать шаг в сторону – и не давить догматикой. И, наверное, нужно научиться разделять свою недостижимую «проповедную мечту», обиду на отца – и брата... Постараться не винить Фрэнсиса за то, что ему дано то, что не дано ей.

Решено: Тисса сходит сейчас в деревню, купит свежей выпечки Фрэнсису и Ладиславе и попросит у обоих прощения. Точно. Да здравствуют совята-антидепрессанты!

Но план провалился. Тисса была уже почти в Топкой Луговине, когда со стороны академии донесся звон колоколов. Не такой, каким приветствуют новый день. А такой, каким бьют тревогу.

Там, в Большом Фонтанном Дворе, нашли Хейли Хани.

* * *

Тело обнаружила астрологиня – молодая госпожа Фрея Галли.

Та, с которой гулял Хьюго-артефактор, и чьи умопомрачительные внешние данные шли в комплекте с поистине девичьим нравом. И некоей – легчайшей, а все ж – недальновидностью.

Фрея вышла на пробежку – надо же как-то поддерживать форму – и наткнулась на труп в половине шестого утра. Сначала она завизжала, пронзительно. Но это не возымело желаемого эффекта: мало ли какая банши беснуется в лесу? Академия продолжала спать.

Тогда Фрея сменила направление бега: с горизонтали – в вертикаль, очень хорошеньким ураганом пронесшись по сто одной винтовой лестнице (ух, квадрицепсы; ягодицы – ух!). Ворвавшись в звонницу, госпожа Галли провыла Заклятие Буревестника – и колокола, беснуясь, обрывая цепи, обдали остров таким смятенным боем, какого на Этерне не слышали много лет.

Так почему же «недальновидность»?..

Потому что адепты и преподаватели, подорванные тревогой, подлетели в кроватях одновременно. Но к студентам Фонтанный Двор был ближе.

Шума не миновать.

* * *

Под оглушающий звон, от которого академия тряслась, грозясь развалиться, Ладислава выбежала из спальни. На щеке у нее красовался отпечаток книжного корешка.

Найт заколотила в дверь напротив:

– Тревога, Фрэнсис! Подъем!

– Не жди меня. Беги.

Найт заколебалась. Потом рванула прочь.

В конце коридора ее чуть не сшибло резко открывшейся дверью.

– Доктор Морган?.. Что вы тут делаете?! – обалдела Лади, глядя на всклокоченного профессора.

Тот не удостоил ее ответом, молча рванув по лестнице вперед, да так лихо – перепрыгивая три ступени. Во двор они вылетели одновременно.

Там горела рассветно-пижамная, контрастная паника. Первые ряды адептов пятились, невнятно мыча от ужаса, галерка давила на них: «Что там, что?!» Тяжелый туман, выющийся кольцами, будто предвечный змей, знак бесконечности, изо всех сил скрывал детали. Но даже его сострадательной белизны, мягких рук последнего наблюдателя не хватало, чтоб спрятать все.

Вслед за Морганом, рассекшим толпу, как роstra – море, Ладислава выбилась вперед. И остоленела, за неимением шапки стянув с головы ночной колпак...

Морган раскинул руки по сторонам. Из его пальцев вырвались туманные ленты – будто жандармские – и кругом обвели площадку. «НЕ ПЕРЕСЕКАЙ ЧЕРТУ» – зависли в воздухе черно-желтые буквы.

– А Фрэнсис так и не вышел из спальни. Не удивился тревоге, – тихо сказала Найт куда-то в лопатки Гарвуса. Ей очень надо было этим поделиться. Не то чтобы новость, вообще не радость, но... Некоторые вещи надо говорить вслух – иначе они просто выжгут душу.

Гарвус обернулся. Во взгляде его было многое, но сплошь непечатное.

С противоположной стороны двора примчались – почти наперегонки – Берти с веслом от лодки и госпожа Клыккер верхом на лошади. Из-под арки вывернула Элайяна в мантии, наброшенной, видимо, прямо на пеньюар.

Увидев, что творится, леди-ректор судорожно вздохнула. Потом прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Волны страха, шквалы вопросов, гребни плача и косохлест возмущений – адептово море бурлило в Буре.

Голден-Халла присел на корточки у границы, созданной Морганом. Сыщик открытыми ладонями ударил в брусчатку и пропел короткую Формулу Потаенности. Тотчас туман раз-

росся, разбух, как будто наполненный большей влагой – возможно, чужими слезами? – и полностью спрятал то, что было некогда студенткой.

Госпожа Клыккер звучно сплюнула:

– Надо звать жандармов с материка.

Адепты заголосили с новыми силами. Подбежали другие преподаватели.

Леди-ректор открыла глаза.

– Нет, – жестко сказала она. – Никаких жандармов.

Все умолкли без всякой магии – от удивления.

– Власти перевернут академию вверх дном. Не смысла ничего ни в магии, ни в учебном процессе, они перечеркнут эту осень крестом, и Бурю можно будет смело закрывать. У каждого адепта останется травма, недополученные знания, возможно – проблемы с законом, мало ли что у вас раскопают? К тому же до приезда жандармов – а это вряд ли займет меньше двух суток – пришлось бы оставить сцену преступления нетронутой...

– ЭЛАЙЯНА! – неверяще гаркнула госпожа Клыккер. – Произошло убийство! Его надо расследовать!

– Скорее всего, это не убийство, а несчастный случай. Даже на первый взгляд видно: на студентку напал зверь, не человек. Я, кстати, отмечала в своем ежегодном докладе возросшую активность вервольфов в лесах Этерны...

Ладислава вдруг почувала неладное. Леди-ректор говорила так плавно, нежно, нараспев... И руки ее, сложенные на груди, слегка шевелились: она нажимала пальцами на локти, будто играла на фортепиано. Все как-то быстро успокаивались, соглашаясь, и Ладислава тоже чувствовала подспудное умиротворение. Найт быстро глянула на Берти. Пальцы сыщика были скрещены: мизинцы и безымянные, ладонь на ладони. Лади сделала так же и с облегчением поняла: ее отпускает морок...

Между тем леди-ректор закончила свой увещательный монолог:

– Но расследование, конечно же, будет. И хвала небесам, что у нас преподает один из лучших детективов королевства.

Сотня чуть плывущих взглядов обратилась к Голден-Халле.

Берти молча кивнул.

– А теперь возвращайтесь в академию и занимайтесь своими делами. Не случилось. Ничего. Страшного, – снова странным тоном сказала Элайяна.

Но Найт продолжала держать пальцы скрещенными, и она знала: случилось. Еще как случилось.

Ошалелые студенты, развернувшись, вереницей потянулись к Буре. Найт рванула впереди всех, обратно в Хромую башню: Фрэнсис так и не вышел.

* * *

Во дворе остались только леди-ректор и Берти. Элайяна задрала рукава и болезненно зашипела, увидев, как истощились ее браслеты.

– Теряешь хватку? – Берти вскинул брови. – Раньше и пятьсот человек отменталить умела, сегодня устала от сотни.

– Ты представляешь, какую дозу мне пришлось им вкачать? – вздохнула Элайяна.

Берти подлез под защитной лентой и, взбивая туман ладонью, двинулся к телу.

– Стоп, – велела эльфийка. – Что ты делаешь?

– Хм. Приступаю к работе? – обернулся сыщик.

– Не надо. Я сказала о расследовании только для них: это была удачная ниточка для Полотна Заблуждений. Ты свободен.

– Да, конечно, пусть все умирают один за другим, у нас их много, вообще не жалко, – скороговоркой пробормотал Голден-Халла, на колени опускаясь среди тумана. Тот поглотил его по самую макушку.

– Берти! Ты не будешь это расследовать, ясно?

Туман безмолвствовал.

– Я же сказала: несчастный случай. Вервольфы...

Берти вдруг вынырнул, выпрямившись во весь рост.

– Ты меня совсем за дурака держишь? – сощурился он. – Очевидно, что ты не хочешь, чтобы я раскрывал дело, потому что у тебя есть твердая уверенность в том, кто это сделал.

– Предположим, ты прав. Я знаю, кто убил...

– Не знаешь, а думаешь, что знаешь. Поэтому уйди и не мешай мне делать мою работу, Эл!

Элайяна вдруг заметила, что Берти держит что-то в руках – что-то, что поднял в тумане и завернул в платок.

– Что это?

– Тайна следствия.

– Берти. Я все еще не хочу, чтобы ты вмешался...

Сыщик вдруг сплел быструю вязь, и рот эльфийки заткнул розовый бутон на манер кляпа.

– Не хочешь, чтобы вмешивался я? Вызывай жандармов. Человек погиб, уже даже не иррин. Я понимаю, что ты готова на многое ради академии и своих подопечных, но какие-то границы быть должны. Хейли Хани заслуживает правды.

Элайяна вытащила цветок и отбросила в сторону. Несколько мгновений они с сыщиком молча смотрели друг на друга.

– Кажется, все вышло из-под контроля, – наконец вздохнула эльфийка.

– Ага. Вижу.

24. Помощница детектива

В Академии Буре нет факультетов. Только двенадцать кафедр, к которым приписаны преподаватели. Студенты составляют себе учебную программу, ориентируясь на свои интересы и очки, которые могут заработать на тех или иных занятиях. На третьем курсе они выбирают основную специализацию и наставника.

Из устава Академии Бури

Ладислава решительно постучалась в спальню номер двенадцать. Ответа не последовало.

– Фрэнсис, открой, пожалуйста.

С той стороны раздался странный рык и тотчас – звон разбитого стекла.

Ладислава ругнулась. Встала в подготовительную маг-стойку, оплела правый локоть левым, дважды веером закрыла пальцы, собрала их в кулак и ударом выбросила руку вперед – эдакий колдунско-боксерский приемчик.

«Если в запертом помещении происходит что-то, что предположительно несет угрозу жизни и здоровью человека, вы имеете право сломать дверь», – учили в жандармском корпусе.

– *Baersta, poor, ta seden!*

Раздался громкий хлопок, браслеты Лади завибрировали и полностью потухли – ай, жмых, перестаралась! – а латунные петли, поколебавшись и будто переглянувшись, осыпались трухой. Дверь заволокло черным дымом, после чего деревянное полотно, оставшееся без опоры, обреченно упало внутрь – со скрипом в начале и грохотом в конце.

Найт закашлялась от едкого смрада – побочного эффекта заклития от первогодки – и, одной рукой схватившись за косяк, шагнула в мглистое царство спальни.

– Фрэнсис!

– Лади, не подходи, – голос у Винтервилля был странный, будто двоился.

Найт, пригнувшись – внизу дыма меньше, упрямо шагнула вперед. Сфокусировала слезящиеся глаза на кровати. Фрэнсис сидел по центру, обхватив поджатые колени и уткнувшись в них лбом. Руки его были залиты засохшей кровью. Судя по бурым отпечаткам на балдахине, он пытался вытереться о него.

Почувствовав взгляд подруги, Винтервилль резко поднял голову, и Ладислава отшатнулась. Глаза у юноши были будто из расплавленного металла. И вокруг рта – багровые пятна.

– Твою ж едрыть свеколкой... – пробормотала Ладислава, в бессилии опираясь на отвернутое трюмо.

– Я же сказал: держись от меня подальше, – вновь двоезвучно прохрипел юноша.

– Тебе позвать Моргана? – Найт осеклась, когда осознала, что две странные золотые штуки, торчащие за спиной у Фрэнсиса – это не узор, украшающий стену...

А костяное основание сложенных крыльев.

– Не надо. Я опасен, Лади! Никто – даже не вздумайте приближаться! Оставьте меня в покое!

Крылья за спиной юноши начали медленно разворачиваться. Найт успокаивающе подняла вверх раскрытые ладони. *Тише-тише... Тише, хороший мой, не волнуйся.*

– Я просто хотела сказать, что леди-ректор за тебя вступилась. Она одурманила студентов насчет убийства, и на тебя никто не будет нападать, и на данный момент ты в полной безопасности...

– Я – да. НО НЕ ВЫ!

Крылья раскрылись до конца – мощные, покрытые перьями, сделанными будто из блестящей фольги, острые на концах, как стрелы. Одно из них продырявило пейзаж Минакора, висевший на стене, другое пришилило шторму к карнизу.

– Фрэнсис... – ахнула Ладислава, и тот, оглянувшись через плечо, вдруг зарычал не своим голосом и сложил руки в какую-то формулу.

Найт попятилась – вот теперь испугавшись, – но выкрикнутое Фрэнсисом заклинание лишь заставило ее ускользнуть прочь в коридор. Точно так же, как заклинание ректора в свое время выставило короля ундов из Трапезной.

Найт спиной врезалась уже в свою дверь. Фрэнсис встал, прикрываясь подушкой, и медленно пошел вперед. В золотых глазах не читалось никаких эмоций.

Вообще.

Мертвые очи.

Крылья, тянущиеся за юношей, будто сеть рыболова, сносили с поверхностей тетради, парфюмы, кубки, награды... Лади сглотнула и, не отводя от Винтервилля взгляда, постаралась нащарить дверную ручку у себя за спиной.

Доберусь до окна – на карниз – на дерево – вниз. Он застрянет в проеме – с таким-то размахом... Д'гарр, как же это красиво...

Но Фрэнсис не стал нападать.

Он молча поднял свою дверь, поставил ее обратно, буркнул заговор – и в щелях сбоку засияли новенькие, алые и чуть мерцающие петли. А потом вся дверь покрылась переливающейся карминной сетью – охранный заклинание.

Лади потрясла головой, приходя в себя, и пощупала затылок – ага, уже две шишки, рядочком. Везет мне на близнецов тут и там.

– Ты не ударилась? – тихо спросили из-за намагниченной двери, когда Найт уже и не надеялась на общение.

– Ударилась.

– Прости.

Пауза.

– Кого я убил?

– Хейли Хани.

– Боги-хранители...

Невнятный шепот – и сеть на двери стала гораздо толще.

– Лади, уходи из башни. Не ночуй здесь. Не надо. Я себя не контролирую. Вообще.

– Ну... ты же меня не убил.

– Да уж, вот это достижение, – горький смешок.

Удаляющиеся шаги и снова грохот падающих – ох крылья – предметов.

Ладислава еще немного посидела, пялясь на закрытую дверь. Потом пошла в свою комнату.

Когда Найт была маленькой, ее мама, уроженка далекого Острова Злого Горизонта, рассказывала ей древние сказки Западных Пределов о златокрылых обитателях неба из других миров, которые иногда проваливаются в Лайонассу.

Тогда Ладислава не задавала вопросов. Но теперь...

С каких пор ангелы жрут людей, интересно?

* * *

Ментальная магия леди-ректора была сильна.

За завтраком никто не обсуждал случившееся, а если Найт сама поднимала тему, то адепты с готовностью ужасались, начинали жалеть Хейли, но в итоге неизменно приходили к

одной и той же мысли: «Не произошло. Ничего. Страшного». Говоря таким тоном, будто они и не люди вовсе...

Лади не стала есть. С грохотом отодвинула стул и ушла.

* * *

Во второй половине дня был семинар по Маг-Ботанике.

Хрустальные оранжереи, уютно прикорнувшие меж холмов, исходили паром: сто одна лягушка-грелыщица внутри раздувала щеки и квакала, нагоняя тепло и влагу. Гигантские папоротники закрывали стеклянные домики, будто пряча их от любопытных глаз. Серый свет боязливого солнца множился на кристалльных гранях и распадался на море отблесков, танцующих, как чешуя.

Найт повесила накидку-шэппар на крючок в форме клевера, взяла из корзины фартук и пошла к своему месту. Старенький профессор Ранкинс, сидя на перевернутом ведре, вел практическое занятие по мшистым летунцам.

– Измельчите хризолит и найдите цветок бурсоки с нераскрытым бутонем. Склонитесь к нему осторожно, чтоб не спугнуть, заморозить дыханием, и втирайте каменную пыльцу в почву. Вы увидите, как по стеблю поднимается сияние. Как только оно дойдет доверху, хлопните по горшку...

Вдруг заявила Тисса.

Вообще-то пятикурснице нечего было делать на семинаре для первоодок. Любой другой преподаватель сразу же выгнал бы Тиссу де Винтервилль.

Но старенький профессор Ранкинс был знаменит тем, что порвал учебный журнал на компост и редко запоминал студентов. Поэтому Тисса уверенно зашла в теплицу и с милой, но не терпящей возражений улыбкой приказала Хлодерику Роу, стоявшему рядом с Ладиславой, уступить ей место.

– А ну сгинул! – шепотом бросила она, и Хлодерики, сглотнув, так и сделал.

Тисса встала за рабочий стол и наспех завязала фартук. Не глядя, что делает, близняшка щедро сыпанула пыльцу на опытный образец и деловито зашептала на ухо соседке:

– Слушай, Ладислава. А что случилось на рассвете? Меня не было здесь, и кого ни спрошу – ответ один...

– Ничего. Страшного. Не произошло, – невыразительным тоном зомби закончила Найт. Тисса вытаращилась на нее, как козодой.

– Да чтоб вас!.. – она экспрессивно хлопнула по горшку.

Бутон тотчас раскрылся, из него вылетел недозревший протолетунец – микроогурчик с двумя стрекозиными крыльями. Он шарахнулся от Тиссы, врезался в лоб Ладиславе и с громким безмозглым жужжанием пошел на таран теплицы.

Шмяк.

Тисса побыстрее придвинула к себе кадку с новым цветком, пока лектор не заметил утраты. И подозрительно уставилась на Ладиславу, хмыкнувшую слишком живо для «зомбаря».

– Шучу, – вздохнула Найт. – Неужели леди-ректор, Морган и Фрэнсис не сказали тебе, что тут было?

– Сказали б – я б не пошла к тебе, дорогуша.

– М-м. И я тебя люблю, Тисса. Хорошо. Я расскажу, почему все странные и как крылато золотится наследник Винтервиллей...

Близняшка побледнела.

– ...Но в ответ хочу знать, где Фрэнсис набрал столько гнева и перьев.

– По рукам, – согласилась Тисса.

Если она в курсе, кто мы, все равно особо нечего терять. Может, так она легче простит меня за Стэна.

Ладислава коротко рассказала о случившемся утром. Тисса выслушала молча, только руки у нее тряслись все сильнее и сильнее.

– Теперь ты, – сказала Лади.

– У меня долгая история. Давай после лекции.

– Хотя бы аванс, Тисса. Чтобы я знала – ты и дальше расскажешь.

– Мы с тобой прям подружки года, я смотрю? – хмыкнула Винтервилль, поправляя очки. – Ладно. Так. Ну, Фрэнсис в некотором роде проклят.

Сердце Ладиславы забилося сильнее.

– Фактически он спрятал внутри себя сущность, которая пыталась убить меня и еще несколько десятков человек. Хотел «потушить» ее своим телом, но эта штука не сожгла его, а, хм, адаптировалась.

– То есть он пожертвовал собой?

– Ага. Хотя я его об этом не просила, если что!

– О да, это я уже слышала. На скале, в ходе твоей прелестной истерики.

Тисса поморщилась. Потом выпустила на волю нового летунца, на сей раз нормального, созревшего, и шепнула ему команду: «Свети». Летунцы умели выполнять простейшие задания: давать немного света, следить за объектом, не отводя фасетчатых глаз, жужжать и, потирая кремниевыми крылышками, создавать искру.

– Давай я начну с другого, – прикинула Тисса. – Этим летом в столице я дважды в неделю переодевалась в мужской костюм, клеила усы и шла в Сад Жаворонка – у меня там были в некотором роде свидания...

– Что?! – воскликнула Найт, ожидавшая чего угодно, но не этого.

– Тихо ты! – Тисса пнула ее в бок, но поздно: профессор Ранкинс заметил «болтушек».

– АГ-ГА! – триумфально возопил он, ковыляя к девушкам.

Вообще Ранкинс был добродушен и глуховат, и оттого лишь особо злорадствовал, если все же ловил кого-то на разговорах.

– Вы, – крючковатый палец на Лади, – удаляетесь с урока немедленно!

– Лучше меня удалите, – крикнула ему в волосатое ухо Тисса, которой маг-ботаника была не пришей кобыле хвост.

– Плохо вы понимаете суть наказаний! – закрипел профессор. – Вы, напротив, создадите двойной объем летунцов, раз так хотите на волю...

Попытка «сторговаться» с мастером не привела к успеху, и Ладислава с сожалением покинула теплицу.

Впрочем, накидывая шэппар, она вспомнила: большинство вещей в жизни, даже неприятностей, происходят вовремя – надо только глянуть под нужным углом. На эту чудесную мысль Ладиславу навела стеклянная стена, сквозь которую было видно знакомый рыжий профиль вдалеке. Это мастер Берти куда-то пружинисто шел по холмам.

Лади распахнула дверь, звякнувшую осколочным ловцом ветра, и рванула догонять сыщика, резво перепрыгивая лужи, затянутые корочкой льда.

– Ых. Надо было ее оставить, приткую такую... – озадаченно нахмурился мастер Ранкинс.

И придвинул Тиссе, вокруг которой и так жужжали три летунца, еще пять горшков для работы.

– Ну класс, – уныло буркнула Винтервилль.

* * *

Увидев бегущую к нему adeptку, сыщик остановился.

Он замер на маковке холма, поросшего высокой травой – некогда зеленой, а теперь темно-желтой, будто пшеница Тернасса. Солнечные пятна – блеклые, как водой разведенные, – хаотично шарили по полю, повинувшись движению неба: маг-светильники ищек, устроивших портовую облаву, не иначе.

Пес детектива сидел в траве, медитативно зажмурившись против хлесткого ветра.

– Вы будете расследовать дело Хейли? – с ходу спросила Найт, поднимаясь на холм, руками раздвигая высокие шуршащие стебли.

– Конечно, – Берти улыбнулся и склонил голову набок, будто в музее перед любопытным экземпляром. Спрятал руки в карманы клетчатых брюк.

Ладислава потемнела лицом. Переступила с ноги на ногу.

Шумно выдохнула и неуверенно начала:

– А может, не над...

– Стоп! – перебил Голден-Халла, мгновенно посуровев. – Не вздумай заканчивать фразу, госпожа adeptка! Будь добра, не вступай в клуб защитников убийц. Выплюнь мысль, немедленно, ну!

– Просто... – Ладислава мучительно покраснела.

– Никаких просто! – отрезал Берти. – Нельзя забить на правосудие только потому, что всем это будет удобно. Не то чтобы я большой фанат истины как таковой – к праху истину, но есть такая штука – человечность, и мне жаль, что в школах преподают религию, а не ее. Она была твоей однокурсницей, Найт. И ее убил НЕ вервольф! Историю Хейли кто-то должен рассказать – рассказать до конца, честно, а не заглушая мысли студентов перезвоном лесных колокольчиков. Просто потому, что это *правильно*. Это гуманно, сострадательно и честно. Ты понимаешь?

Ладислава осторожно кивнула.

Кажется, ей высказали то, что хотели сказать кому-то другому. Как будто она подошла к игровому автомату-«толкачу», и первым же медяком выбила всю сумму, накопленную предыдущим игроком. Гремят, шумят монеты гнева, оглушают.

– Просто я знаю, кто убийца, – все-таки твердо закончила Найт. – И дело даже не том, что вы обвините важного для меня человека. А в том, *кто* за ним стоит. И как только вы докажете его вину, вас просто уберут с дороги! Правосудие, на которое вы надеетесь, все равно не свершится. Я хоть сейчас могу сказать вам, кто виноват, но... Я боюсь, это тупик, мастер Берти.

Голден-Халла удивленно вскинул брови.

– Ух ты! – воскликнул он с искренним интересом. – Значит, ты посвящена в тайну близнецов? И фамилию их знаешь? И суть проблемы Фрэнсиса? Хм. Неплохо! Я раскопал все это только сегодня: до этого не лез по просьбе Элайяны (не то чтобы она отменила свое требование, но я решил быть плохим мальчиком). Может, ты и про гибель птицы иррин в курсе, а, госпожа Найт?

– В курсе.

– Прах, да у тебя открыто больше карт, чем у меня. Что, думаешь, не надо лезть? – прищурившись, спросил Берти и склонил голову уже на другую сторону – разминочка-с.

Конец его длинного узкого шарфа реял на ветру, как гордый флаг академии.

Ладислава пожала плечами, хмурясь:

– Я не вижу, чтобы в нашей ситуации был возможен хороший исход следствия, понимаете? Мне всегда говорили: ищи победу без проигравших; избегай проигрыша без победителей. У нас, к сожалению, будет второе.

Берти задумчиво покивал головой.

– Да ты сама рациональность, – вздохнул он. – Но давай помечтаем. Что, если в убийстве виноват не Фрэнсис?

– А кто? – тотчас встрепелась Ладислава.

– Пока не знаю, вот и хочу выяснить. Но все вокруг либо ставят мне палки в колеса, либо пускают слюни беспамятного оптимизма. Однако представь, как было бы здорово доказать, что твой друг – ни при чем... Правосудие для Хейли и чистая совесть Винтервиллей разом – мастерство комбинаторики, м-м-м.

– А вы стопроцентно уверены, что это не Фрэнсис? – опешила Ладислава.

– Стопроцентно я уверен лишь в том, что жизнь – это счастье и грандиозная удача кучки атомов, сорвавших великий куш и сложившихся в таких чудесных нас, – пробормотал Берти. – Не уверен, нет. Но! Даже если Фрэнсис и участвовал в убийствах (что очень вряд ли), то он был там не единственным чудовищем – прости мне это слово.

– Не единственным?!

– Ага. И я сомневаюсь, что второе действовало так же бессознательно, как твой дружок. Так что смысл у следствия есть. Причем куда больший, чем обнажить всеобщие страхи, потешить мое эго или еще разок плюнуть на репутацию асеринской церкви. Такие дела.

Голден-Халла бодро подмигнул Ладиславе, развернулся и пошел прочь.

– Эй! Стойте! – возмутилась девушка, бросаясь следом и хватая его за рукав зеленого замшевого плаща с ярко-желтыми карманами. – Откуда вы знаете, что Фрэнсис был не один?

– С такими вопросами, Ладислава, ты рискуешь стать помощницей детектива. Чужаков в секреты не посвящаю.

– А ею можно стать? – глаза Найт восторженно загорелись. – Пожалуйста! Я хочу!

– Можно, – кивнул сыщик, ждавший этой просьбы.

Ибо, во-первых, Найт была отличным источником информации. А во-вторых, он обещал звать ее на «интересности». Ничего интересней расследований Голден-Халла и помыслить не мог. Искренне – не мог.

– Только никто не должен знать, что ты мне помогаешь.

– Почему?

Потому что я бы тоже сам себя убрал с дороги, Найт. Я, конечно, ловко верчусь в жерновах судьбы, но осечки случаются. Лучшие б тебе не светиться.

– Но ведь секреты – это так здорово, – вслух сказал рыжий и подмигнул. – Итак. Ты серьезно со мной, Ладислава? Жалованье мне платить тебе нечем, предупреждаю.

– С вами. С чего начнем?

– С говорильни, ясен-красен. С обмена, то бишь, информацией. Уединимся?

* * *

Первое собрание по Делу Звонящих Колоколов – как косвенно-поэтично назвал его Берти, любитель всему давать имена, – провели в лодочке. В одной из тех двух, что «волк-коза-капуста», на озере у дома Голден-Халлы.

Сыщик и адептка отплыли от берега и отпустили весла, позволив лоханке безалаберно качаться на студеной воде среди густого багряного ивняка. Удобная позиция: никто не подслушает, никто не увидит.

Берти достал из сумки улики, подобранные в Фонтанном Дворе, и альбом для рисования. Он открыл первую страницу, где была срисована разбитая кладка академии.

– Итак, – обстоятельно начал сыщик. – Почему я уверен, что Фрэнсис либо был не один, либо вообще отсутствовал при убийствах. Первое: в Долгую Ночь кто-то разрушил угол здания. Давай представим, что во дворе в тот момент были только иррин, вышедшая погулять, и...

Голден-Халла запнулся. Ладислава успела посвятить его в новые для него факты жизни и невезения Фрэнсиса, но сыщик пока не знал, как трактовать всю эту мистерию из области ТММ.

– ...И демонангел, – выкрутился рыжий. – Скажи, Найт, как эти двое разрушили стену? Иррин бы точно не смогла: она слишком мягкая на ощупь.

– Наверное, Фрэнсис не вписался в поворот на лету? – протянула Лади.

– У него б тогда переломы были – крыльев, ребер, всего такого. Нет, госпожа адептка. Стену разнесла либо магия, либо кто-то непрошибаемый в стиле горного тролля. Двигаемся дальше.

Берти перевернул страницу альбома.

Найт взглядела в рисунок странного следа, отдаленно напоминавшего то ли индюшачий, то ли саламандров... Сбоку сыщик указал масштаб, свидетельствующий о том, что существо, его оставившее, слишком активно кушало манную кашу – выросло просто гигантом.

– Я нашел этот отпечаток сегодня на границе двора, под друдом, чьи корни распугали траву, растущую в округе и скрывающую все остальное на пару с брусчаткой. Ладислава, ты видела ноги второй ипостаси Фрэнсиса?

– Нет. Сегодня он был только наполовину обратившимся, как я понимаю.

– Хм. Ладно, предположим, сын Ноа ходит на куроящериных лапках. Но! Мы знаем, что он летает. Так зачем тогда летучему Фрэнсису идти к жертве пешком?

– Наверное, не за чем...

– Вот-вот. Теперь улики.

Рыжий развернул первый из шелковых платков. Внутри лежал лоскут черной материи.

– Обрывок попал под один из камней кладки, выпавших в Долгую Ночь. Это очень похоже на оторванный подол плаща, но плаща паршивого: даже двухтысячелетняя накидка хранителя Карланона, которую демонстрируют паломникам в Храме Откровений, выглядит новее.

– Да уж... – Ладислава нахмурилась, осторожно прикасаясь к ткани, буквально рассыпающейся между пальцев. А еще очень грязной, будто над ней поточили угольный карандаш.

Однажды в порту они с коллегами нашли мертвеца, замурованного в стены таможни. Его одежда за десятки лет стала как будто прелой, но эта ткань... Сожми сильнее – сотрется в порошок.

Между тем Голден-Халла снова перевернул альбом – любит же рисовать, а! – и тотчас развернул второй платочек. На листе были изображены человеческие ладони с частично заштрихованными зонами. В платке ничего не лежало, кроме едва заметной мелкой графитовой пыли – большая часть ее впиталась в шелк, покрыв его мраморными разводами.

– Я соскребу это с ладоней нашей жертвы, – пояснил сыщик. – Как ты думаешь, что это? Ладислава всмотрелась и внюхалась.

– Вообще это похоже на пепел, – протянула она. – Такой же, как тот, которым испачкали ткань...

– Вот и мне так кажется. Откуда он мог появиться на руках Хейли? Ожога у девушки нет.

– Она во что-то вляпалась?

– Типа того. Ну-ка, следственный эксперимент!

Голден-Халла достал из сумки какую-то белую присыпку и вдруг щедро, как из солонки, обсыпал себе всю грудь. Лади ахнула: бедный плащ!

– Оттолкни меня! – приказал сыщик, бросаясь на нее с такой лучистой улыбкой, что хотелось, напротив, обнять.

Но Ладислава послушно толкнула, чуть не перевернув лодку. Они оба с интересом установились на руки адепки. Присыпка на них осталась примерно в тех же местах, что пепел – на руках Хейли.

Найт еще раз посмотрела на улики: плащ, пепел, таинственный отпечаток. Это вызывало странные ассоциации и, что самое интересное, неожиданный холодок мурашек на затылке... И хотя мурашки свитой ходили у многих, общавшихся с Голден-Халлой, нынешняя дрожь Ладиславы не имела ничего общего с приятным волнением от близости детектива.

Нет-нет.

Это были отвратительные, липкие, ледяные мурашки.

Девушка с сомнением протянула:

– Знаете, я тут видела кое-кого, у кого был черный плащ, и пепел вокруг, и куриные ноги. Только есть проблема: этот кто-то предположительно нереален.

– Шикарно! – восхитился Берти. – Мой любимый тип твари божьей. И кто же это?

– Один из монстров с Хромой башни.

И Ладислава быстро рассказала сыщику об островных фольклорных чудовищах. Потом, в связи с этим, о Корпусе загадок. О щите. О потерянных дневниках бывшего ректора Фоскаша и волнении Стэна насчет погоды.

Чем дольше она говорила, тем сильнее вытягивалось и без того длинное лицо Голден-Халлы.

– Очуметь! – наконец выдохнул он. – Да ты просто сокровище, Найт!

Девушка зарделась.

– Что, пойдём к Стэну? – спросила она.

Голден-Халла озабоченно крикнул. Тут уж пришлось ему делиться информацией: в частности, о новом состоянии мастера Хлестовски. А потом отчаянно уговаривать свою новоявленную помощницу не убивать Тиссу де Винтервилль.

– Тебе еще надо выяснить у нее подробности превращения Фрэнсиса, – напомнил рыжий. – Это, кстати, и есть твоя задача на завтра.

– И все? – возмутилась Лади.

– Пока да. На этом наше первое собрание закончено.

Берти подобрал весла и интенсивно погреб к берегу.

Ладислава нахмурилась:

– А что, если и сегодня ночью кого-то убьют?

– Лично я буду только рад – если *попробуют* убить, – непонятно подмигнул сыщик, первым выпрыгнул из лодки и подал девушке руку. – Только еще раз, Ладислава... Никому не говори о нашем совместном следствии и промежуточных выводах, хорошо? Даже Фрэнсису.

– Ладно, – кивнула Найт.

25. Драки и вероятности

*Делать то, что тебе нравится, с теми, кто тебе нравится, и так,
как тебе нравится – вот и весь секрет счастья, пожалуй.*

Магистр Орлин

Млечный Путь встал костью в горле неба.

Звезды, невидимые с Этерны, острием прокалывали тучи – и сквозь мрачную толщу последних просачивалась багровая пыль. Тяжелый, угасающе-красный свет. Кровавая мука, оседающая на земле и море. Так на замерзшем острове сегодня выглядел закат.

И Морган Гарвус был ему под стать: зол, напряжен и сумрачен, как никогда.

Он только что вернулся в Пряничный домик из замка, где его дурацкий адепт, этот Винтервилль, опять отказался с ним разговаривать. Упрямый мальчишка. Обвел комнату контуром защитной сетки и огрызался изнутри, как щенок. Морган, конечно, мог разнести защиту в клочья – но зачем? Сетка на двери была меньшей из проблем доктора.

– Ну что, Кори? – спросил Гарвус, отпирая дверь в конце своего коридора, спускаясь в подвал, залитый мягким пульсирующим светом. – Все-таки придется отступить?

Ворон ахнул-каркнул и вдруг вцепился в ворот преподавательского джемпера, оттаскивая Моргана назад, вверх по лестнице. Тот удивился, но послушался: Кори был старой, мудрой птицей, умнее многих людей.

– Кар! – заявил ворон с интонацией «ну и дурак ты!». – Кар-кар-кар!

– Я просто хотел все подготовить к возвращению, – кивнул Морган. – А так – согласен: без оберега-защиты идти туда слишком опасно. Жаль, что мы не успели поговорить с Хлестовски. Что ж. Сходим завтра вечером в деревню, отловим себе какого-нибудь рыбака в помощь. А сегодня... – Морган поморщился. – Сегодня нужно постараться выжить.

* * *

В тот же день, когда совсем стемнело и академия стала медленно погружаться в сон, в Большом Фонтанном Дворе началось шевеление.

Это Берти Голден-Халла ставил палатку.

Сыщик, насвистывая, вбивал колышки между камней площадки, изредка подталкивая их заклятиями. Штормовые оттяжки хомутом висели у него на шее, как диковинное ожерелье, а верхний брезентовый слой лежал рядом унылой медузой – Берти еще не решил, нужен ли он ему.

Открылась дверь Пряничного домика: горе-турист расположился почти что под ней. На порог вышел Морган Гарвус.

– Кхм, – сказал Морган, изящно скрещивая руки на груди. – Кхм-кхм, – выразительно.

Берти лучезарно улыбнулся:

– Простудились, коллега? – и вновь по колышку тук-тук.

Белый Доктор скривился в ответ. Он думал, они на «ты» после того вечера в бильярдной, разве нет?

А даже если нет, пошел в задницу, придурок, я буду с тобой на «ты».

– Ты что делаешь, Берти? – в итоге совсем мрачно заявил Гарвус.

– Да вот: люблю смотреть на звезды. Не знаю, есть ли шанс на них с такими тучами, но я всегда был оптимистом. Если нет, хоть свежим воздухом подышу.

Морган кивнул, как бы принимая ответ. Запер за собой дверь, сбегал со ступеней и, опершись плечом об окно, стал молча и напряженно смотреть на работу безмятежного сыщика.

Его ворон слетел на плац и уверенно проковылял к песику Голден-Халлы (тот лежал и преданно смотрел на хозяина, уместив морду на лапах, только глазками – зырк-зырк). Нависнув над собакой, Кори стал хрипло и убедительно каркать с некоторыми отеческими интонациями. Пес только похрюкивал и зевал, подергивая треугольными ушами, стоявшими торчком, как у степной лисицы.

– Берти... – Морган снова подал голос, когда сыщик с одобрительным похмыкиванием оценил поставленную палатку изнутри и принялся разворачивать надувной матрас.

– Да?

– На что ты, собственно, надеешься?

Сыщик, который с любовью феечки-декоратора украшал палатку болотными огоньками в банках, невозмутимо пожал плечами:

– На то, что сегодня убийца запланировал очередное нападение. И как всегда, на своей любимой сцене – то есть прямо тут, – присев на корточки, рыжий благодушно похлопал по брусчатке. А потом резко сменил тему: – Как твои занятия с учеником, Морган? Юный Фрэнсис уже познал пытки магией, инструментами и совестью, а что у вас дальше по плану? Ты думал, раскаяние сделает из демона человека? Какие еще есть методы у экспериментальных наук?

Белый Доктор уязвленно вскинул пшеничные брови.

– Мне кажется, или ты плавно движешься куда-то в сторону обвинений? – холодно сказал он.

– Хм. Я думал, я лечу к ним на полной скорости и с развернутым транспарантом. – Берти прискорбно цокнул языком и бросил на Моргана быстрый косой взгляд.

Лицо доктора застыло, как погребальная маска. Он резко побелел и порывисто сделал несколько шагов вперед.

– Ты ни пепла не понимаешь! – зашипел он, борясь с желанием схватить этого идиота за грудки и хорошенько встряхнуть. – Тычешь пальцем в небо, собирая прахово созвездие инсинуаций! Уходи отсюда немедленно! Я не смогу тебя защитить!

– А я что, дама в беде, что ли, чтоб меня защищать? – фыркнул рыжий.

– Берти, я серьезно!

– Серьезно – это если ты мне все по порядку расскажешь. А остальное – хрень собачья! – взбрыкнул сыщик и тут же виновато покосился на пса: – Прости за такие слова, Арчи.

Пес только закатил глаза: да привык я, привык...

– Иди домой, Голден-Халла! – рявкнул Морган.

– Не пойду! – заупрямился рыжий, вновь заползая под тент и поправляя там свой несчастный матрас.

Сволочь самовлюбленная.

– Пойдешь! Не то конец твоей палатке! – и Доктор, подойдя вплотную, начал яростно выдергивать кольшки. Ткань предсказуемо осела – прямо на голову Берти.

Тот, давась ругательствами и брезентом, вылез наружу.

Чтобы увидеть: Морган сложил руки в подготовительную маг-позицию и уже что-то шепчет на стародольнем. Зарывав, сыщик бросился на оппонента – это было быстрее, чем колдовать, – но Гарвус успел первым: синий клуб пламени влетел в палатку, и она весело, по-зимнему затрещала, горя ядреным аквамарином.

– Ты охренел, Морган?! – не на шутку рассвирепел Берти и хорошенько, по-портовому врезал Доктору под дых.

Тот охнул, делая шаг назад и сгибаясь, и тотчас снова упрямо сплел пальцы. ВШУХ! Над двором повисла Сфера Молчания, надежно отсекая звуки внешнего мира.

– Отличная идея: никто не услышит, как ты заплатишься за то, что сжег мою малышку! Она со мной семь лет была, скотина ты бесчувственная! – вспыхнул Голден-Халла, заново бросаясь на оппонента.

Тот не отвечал – хоть и сильный маг, но неженка-человек, Морган пока не успел восстановить дыхание до уровня, благоприятствующего разговорам. Он только уклонялся и отбегал, решая, чем бы таким колдовским огреть сыщика, чтобы все-таки получилось несмертельно.

Пес и ворон, по стечению обстоятельств оказавшиеся снаружи Сферы, траурно переглянулись и неодобрительно покачали головами.

Голден-Халле надоело бегать за ускользающим мешком для битья. Остановившись, он угрюмо сплел Пощечину Недовольных и запустил веселые красные звезды заклęcia в коллегу. Тот легко отразил их; они улетели в упругую Сферу; отразились уже от нее; снова от нее; опять от нее... И теперь сигали туда-сюда, как бешеные мухи, по прихоти геометрии никак не попадая в человека или землю и потому не угасая.

– Я ненавижу твоё упрямство! – вдруг заорал Гарвус.

– Не упрямство, а упорство! – рявкнул Берти в ответ.

– Все равно ненавижу!

Вскоре к красным звездам добавилось еще несколько таких же мелких, но неприятных маг-оплеух – частично под авторством Моргана, частично – сыщика.

Наконец внутри Сферы стало просто невозможно находиться. Бешеные бесконтрольные снаряды создавали эффект настоящей войны, и соперники, переглянувшись, поняли, что слегка перестарались с бытовой заварушкой.

– Ложись! – охнул Берти, когда заклęcia, склеившиеся друг с другом в один огромный искрящийся ком, полетели на них стремительным и травмоопасным клубком.

Свой совет – это лучший совет.

Поэтому Берти уже в процессе собственного крика шлепнулся плашмя, прикрыв голову руками. Но Морган, поморщившись, выбросил раскрытые ладони навстречу клубу. Сначала заклęcia замедлились, будто увязли в загустевшем воздухе, потом медленно, с пиететом даже, подплыли-таки к Гарвусу и нитка за ниткой всосались в холодные руки мастера.

Браслеты мага, и без того заполненные наполовину, практически потускнели: Большая Канва Поглощения всегда жрет много сил из чародея, хотя как было бы здорово, если б, наоборот, она его напивала!..

– Неплохо! – оценил Берти, уже перевернувшийся и теперь лежащий в позе Курортницы-На-Пляже. За спиной у него, весело треща, догорала палатка.

Морган свирепо глянул на сыщика, потом на свои маг-браслеты, на двор кругом... Выругался, щелчком лопнул Сферу Молчания и пошел в свой Пряничный домик.

От порога он обернулся:

– Ты меня в могилу сведешь, Голден-Халла.

– Хм. Моя мама тоже всегда так говорит, – хмыкнул сыщик. – Судя по всему, я хреновый провожатый: она до сих пор здоровствует. И ты будешь. Меж тем: какова вероятность нового убийства сегодня? – сощурился он, не спешивший вставать.

– Пятьдесят на пятьдесят. Либо будет, либо нет, – отрезал Доктор.

И, свистнув ворону, он захлопнул за собой дверь. Свет в домике погас почти сразу.

По окнам побежала тонкая сеть охранных заклęcia, а по двору – сигнальные лучи, расходящиеся по кругу, будто двор был пирогом, а сигнализация – маршрутом ножа по нему.

Берти подполз к пепелищу палатки, уселся на собственную сумку, засунул руки под мышки, чтоб не мерзнуть, и, нахохлившись, сначала впал в медитативное безмыслие, а потом – уснул.

* * *

Нового убийства не произошло.

Голден-Халла очнулся еще до рассвета, от пения птиц-фальстартов, все там же, во дворе. Но уже не сидя, а лежа на боку, с вышитой подушкой «ТММ – *Требовательные, Манящие, Мятежные*», откуда-то взявшейся под щекой.

Сыщик зевнул, метко запустил думочку в открытое окно докторского коттеджа (там что-то зазвенело) и, еле переставляя одеревенелые ноги, стал патрулировать двор, наматывая круги по периметру и сжимая храпящего пса в руках.

Когда главный корпус академии ожил – забегали уютницы, запахло горячим хлебом, – Голден-Халла с чувством выполненного долга пошел домой.

26. История Винтервиллей

Было бы до пепла наивно думать, что во вселенной, изобилующей заселенными мирами, некие сущности не могут проваливаться туда и сюда. И речь не только о богах-хранителях.

Трагуд Борсацо, теолог

За завтраком Ладислава плюхнулась напротив Тиссы. Да так рьяно, что столик дернулся. Кофе, налитый до краев фарфоровой чашки, плеснул, испачкав белые страницы книги, которую читала близняшка.

– Д'гарр, а нельзя ли поаккуратнее?! – ахнула Тис, спешно промокая отпечатки.

Лади заглянула в текст. Читать вверх ногами было неудобно, но она успела увидеть: «... птенцы очень остро чувствуют людские эмоции, поэтому вы должны окружить вашего питомца любовью и...»

– Как там Стэн? – невинно поинтересовалась Найт, верно интерпретировав прочитанное. Лицо Тиссы вытянулось.

– Да-да, я слежу за тобой, – веско сказала Лади, двумя пальцами указав на свои глаза, а потом на близняшкины. – Но вернемся к нашему неоконченному разговору о златокрылом Фрэнсисе. Он, кстати, продолжает сидеть, запершись в комнате – я еще пару раз стучалась, но бесполезно.

– Естественно, бесполезно, – фыркнула Тисса. – Он бывает очень упрямым засранцем, неужели не видно?

Лади не дала сбить себя с темы:

– Ты начала с того, что одевалась мужчиной и ходила на свидания. Продолжай, я само нетерпение.

– Свидания не в том смысле, в каком ты думаешь, – поморщилась Тис.

Она взглядом обвела заполненную Трапезную. Не лучшее место, чтобы болтать о секретах.

– Пойдем в библиотеку, там тише. И я заодно уберусь там – в рамках расширенной программы ухода за Хлестовски. Чтоб ему было приятней вернуться, когда придет срок.

– Хм. Можешь ведь, когда хочешь! – одобрительно хмыкнула Найт.

* * *

В итоге в библиотеке они обе стали старательно вытирать пыль.

Кажется, инициатива была избыточной: судя по толстому белому слою везде и всюду, сам Стэн такими вещами испокон веку не заморачивался. Ну да ладно, доброе дело лишним не бывает.

Тисса, елозя тряпочкой по пыльным изгибам и странным иероглифам шестиугольной древней колонны, начала рассказ.

Рассказ Тиссы де Винтервилль

Тисса обожала читать проповеди. С детства.

Ей нравилось в этом процессе все: и долгая подготовка (подбор священных текстов, их анализ, интерпретация); и само выступление (стоишь на кафедре в великолепном храме, играешь, как актриса); и результат – чья-то чуть изменившаяся душа, чья-то новая мысль...

Вдохновляющее сочетание работы ума и благого эффекта.

К тому же у Тиссы неплохо получалось. Нет, без шуток – получалось отлично.

От пресловутого папочки-архиепископа Тис унаследовала не только взбалмошный характер, но и умение мгновенно преображаться, оказавшись на кафедре. В час проповеди Тисса Обыкновенная исчезала, уступая место Тиссе-Гласу-Хранителей. Это было сродни магии: швеи зависали над веретенами и кололи пальцы, если Тисса на них упражнялась. Кухарки лили мимо супниц. Горничные мочалили ванну вместо спинки де Винтервилль.

По сути, все талантливые проповедники и были колдунами, врожденными специалистами по ментальной магии. Но они не грубо влезали в нейронные связи паствы (как принято у эльфов, например), а заставляли тех *захотеть* измениться...

Когда Тисса *читала*, это чувствовалось настоящим предназначением. Приносило радость ей и окружающим. Ее голос обретал будто новое измерение – как и душа.

Одна проблема – женщина не может быть проповедником. Это бесило. Летом Тиссе надоело мириться с клеткой, в которой она оказалась. Она перешла к решительным действиям.

Девушка стала надевать одежду Фрэнсиса, тихонько ворую ее из гардеробной, клеить усы, прятать волосы под шляпу. Прыскалась парфюмом брата. Предусмотрительно насылала на себя Иллюзию Чуллочка – заклятие, слегка искажающее черты лица. И в таком виде дважды в неделю выбиралась в Сад Жаворонков в Минагоре. Там было такое место – Уголок Ораторов, где каждый желающий мог вскарабкаться на каменную глыбу и толкнуть речь о чем-нибудь пристойном.

О непристойном тоже можно, но недолго: неподалеку всегда дежурили жандармы, готовые упечь за решетку неподходящих болтунов. Но к Тиссе у них претензий не возникало.

Юная Винтервилль говорила на удивление безопасные и в то же время красивые, трогающие душу вещи. С каждым разом к ней приходило все больше людей. Они даже стали приносить раскладные стулья и рассаживались заранее, выучив привычный час ее концертов. Тисса была совершенно счастлива: после проповедей молча удалялась, не вступая ни с кем в диалог, и лишь мысленно ликовала: «Ура!»

В коробку Уголка Ораторов ей кидали очень много денег – Тисса в них не нуждалась, но традиция есть традиция: она забирала монеты и потом оставляла в королевской капелле – подаяния, ну.

Как-то раз среди ее слушателей затесался настоящий священник. После проповеди он, как клещ, вцепился Тиссе в рукав:

– А у вас есть медальон Церковного Братства?

У Тиссы, конечно же, его не было.

Тогда святой отец начал обвинять ее в присвоении денег, в мошенничестве. Тисса предложила ему самому забрать коробку с подаяниями и отнести в ту церковь, которую он считает верной. Это вызвало у священника еще больше подозрений, он начал допытываться, приставать с расспросами... Ох, ненужное это было внимание!

Вдруг пришел другой человек и вступился за Тиссу. Сказал, что все у Тиссы есть, экзамены она сдала и уже сегодня получит Медальон Проповедника. Он показал приставучему старику церковный значок – мужчина оказался из столичного епископата.

Возмущавшийся ушел, а спаситель Тиссы – его лицо скрывал глубокий капюшон – сказал, что она читает просто *великолепно*. И, конечно, ей нельзя хоронить свой талант, свой голос. Сад Жаворонка – это хорошо, но лучше попробовать себя у более взыскательной публики.

Не хочет ли Тисса выступить сегодня вечером в одном закрытом клубе истинных ценителей? Ее спаситель будет очень благодарен – как раз подарит в ответ Значок Проповедника. Чтобы ей потом не мешали в саду. Хотя, может, ей понравится просвещать и сливки столичного общества, м?..

Тисса помялась, но согласилась.

– На какую тему должна быть проповедь? – только и спросила она.

– Сегодня я дам вам текст. Посмотрим, как вы прочитаете уже готовую. Ведь главное – подача, голос, – сказал спаситель.

Он накорябал ей бумажку с адресом и распрощался.

Тисса весь день провела как на иголках. Ей было страшно, но в то же время... Ведь, судя по значку, этот человек из лона церкви. Едва ли он обманщик? Но в то же время – странно.

Перед выходом девушка повесила на себя маг-маячок – метку Чондра, закрепив ее начало у кровати Фрэнсиса. Накорябала записку с адресом и кратким описанием ситуации и оставила ее в комнате близнеца. Фрэнсиса не было в Минакоре, он уехал за город на весь день с однокурсниками. Тисса верила, что при удачном стечении обстоятельств она вернется до его приезда: заберет листок, деактивирует метку. Ну а если ее похитят или что-то такое – прекрасно, у Фрэнсиса есть адрес и начало магической нити, ведущей к сестре, которую близняшка попросила вручить гвардейцам: «Если не вернусь до полуночи – пусть отправляются на поиски!»

Тисса еще пару раз пшикнулась парфюмом брата, покрутилась перед зеркалом, одобрительно протянула:

– Муж-и-ик! – и пошла.

Когда она прибыла в указанный клуб, спаситель из парка поднес ей старинную книгу.

– Будешь читать отсюда, – сказал он.

– Что это? – не поняла Винтервилль.

Потрепанный кожаный корешок, древние бурые страницы, буквы, написанные от руки... И текст – обращение «на Ты», как в индивидуальных молитвах, посвященных хранителям. Но Тисса не знала такой молитвы.

– Мы хотим укрепить веру нашей паствы, – сказал спаситель и, приоткрыв кулису, показал ей зал, заполненный хорошо одетыми людьми за столиками. Они ужинали. На высокой сцене клуба суеилось несколько человек в рясах, рисующих прямо на полу. Тисса попыталась приглядеться – что именно? – но спаситель задернул штору, не дав ей это сделать.

– Я не понимаю, как это может их укрепить, – воспротивилась Винтервилль. – К кому это обращение?

Человек пожевал губами.

– К ангелу, – сказал он.

* * *

...Тисса аж подавилась. Тотчас захлопнула книгу, всучила ее мужчине, буквально впечатав в грудь, развернулась и пошла к выходу.

Конечно, на материке Лайонассы были ангелы. Степные ангелы – нормальная раса, наравне с другими, разве что крылатая непомерно.

Но в сказках иногда упоминали иных пернатых: эфемерных существ, эдаких элементарей света, которые так последовательно возникали в фольклоре разных стран и эпох, что невольно задумаешься – может, кто-то видел их на самом деле? Многие толкователи полагали, что ангелы должны быть добры, что они – помощники богов и поэтому изредка приходят, приносят простым людям вести от хранителей. И помощь. А если тебе очень плохо, ты можешь призвать ангела сам, с помощью книг призыва, вполне реальных, но запрещенных церковью.

Но когда об ангелах спрашивали жителей Шэрхенмисты (народ, сохранившийся со времен Срединного государства, где люди жили вместе с богами, а потому лучше осведомленный), те отрицали существование ангелов.

«Как и пустошные демоны – это всего лишь герои сказок. У наших богов точно нет никаких крылатых помощников, и не было никогда, уж поверьте. Если они где-то и существуют,

то они однозначно не связаны с хранителями – просто жители иных миров. Не валите все в одну кучу».

«Не впадайте в ересь», – слегка иначе комментировали ситуацию служители церкви. Тисса и не впадала, и не хотела впадать. Поэтому решила поскорее уйти из клуба. Но не смогла: спаситель неожиданно грубо схватил ее за руку и притянул обратно.

– Ты призовешь нам ангела, малыш. Точно призовешь, – угрожающе пророкотал он. И Тисса, оценив его хватку, а также расстояние до выхода, после паузы покорно сказала:

– Хорошо.

Решив для себя, что напутает в книге пару строк. Никого она не призовет, только время потянет, начиная текст снова и снова. А там, может, и гвардия подоспеет, посланная братом.

В назначенный час Тисса вышла на сцену и начала читать. Вокруг нее продолжали суетиться люди в рясах, рисующие пентаграмму. Она про себя назвала их «монахами». Спаситель присоединился к ним. Текст из книги оказался великолепен... Так хорош, что Винтервилль чуть не забылась и не прочитала его своим *особым* голосом. Спихватилась, только когда почувствовала, как странно звенит и насыщается энергией воздух вокруг.

Тис закашлялась. Мужчина, стороживший угол пентаграммы, свирепо уставился на нее.

– Извините... – пробормотала Тис под легкие покровительственные смешки из зала. И начала сначала.

Так повторилось два раза. На третий спаситель объявил перерыв, увел ее за кулисы и недвусмысленно приставил нож к горлу.

– Еще раз ошибешься – сдохнешь прямо тут, ясно? – сказал он.

– Я просто плохо читаю... – заблеяла она. – В Саду Жаворонка мне повезло, а сейчас я волнуюсь, вот и не получается...

– Все у тебя получается! Хватит врать мне, девчонка! – рявкнул мужчина.

И, увидев, как обомлела Тисса – ее гендер раскрыли?... – неприятно расхохотался:

– Ты – Тисса де Винтервилль, дочь Ноа де Винтервилля, думаешь, я не знаю? Одежда твоего брата, мужской парфюм и слабая иллюзия – это хорошо, но мозги – еще лучше. Воспользуйся ими сейчас и поверь: ты не хочешь проблем для себя и своей семьи. Так что ты выйдешь на сцену и прочитаешь эту главу *идеально*, ясно тебе? Асеринской церкви давно нужна встряска, обновление: живой ангел, новый архиепископ, женщина-проповедник. Либо ты поможешь устроить все это, внеся свою лепту в общий успех и – внимание! – заодно осуществив свое желание, либо...

Он не договорил, прижав нож чуть сильнее и замолчав так угрожающе, что Тис поняла – там подразумевается нечто *действительно* плохое.

Она вновь начала читать текст...

Внутри клокотала ярость. И ненависть. Преимущественно к себе. На сей раз спаситель не отходил – пентаграмма была готова, и он стоял за спиной у Тиссы, как бы ободряя ее, а на деле – утыкаясь кинжалом в бок.

«Ладно, – сглотнула Тисса. – Ладно. А знаете что? Я попробую. Попробую его призвать. Из другого мира, или пространства, или откуда он там приходит. В конце концов, мне тоже интересно, способна ли я на такое».

И, позволив голосу набрать необходимую мощь, а сердцу – чувствовать, она вложила в слова всю свою веру.

– Так приди и покажи нам мощь твою, Ты, к кому тянутся наши души и на кого мы так похожи в иные моменты, Ты, глядя в кого, как в зеркало, мы ощутим нашу силу, – властно договорила Тисса.

И тотчас книга рассыпалась в ее руках белым пеплом.

Воздух в пентаграмме зарябил, как над горячим костром. Люди в зале затаили дыхание над бокалами с цветными коктейлями и соломинками, кто-то захлопал. Тисса сощурилась на клубок золотого свечения, проступающий в центре рисунка.

Неужели у нее... получилось?

В центре звезды появились очертания огромного, великолепного существа: ростом выше человека, укутанный золотыми крыльями, с длинными пальцами рук и ног, с острыми когтями, с кожей, будто вылитой из металла, с лицом древнетилирийской статуи, похожим на маску, с пылающими глазами без ресниц и бровей... Как будто набирая плоти, существо шумно задышало, зашевелилось, оглядывая зал. Узкие линии пентаграммы не позволяли ему расправить крылья.

Люди заплодировали, засвистели, повскакивали из-за столов, скандируя что-то ликующее... Рисовальщики пентаграммы бахнулись на колени, а спаситель сделал жадный шаг вбок, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

Существо увидело Тиссу.

Оно устремило к ней полыхающий взгляд – и, хотя мимика как таковая у него отсутствовала, Тиссе показалось, что оно... *хочет обратно*.

Откуда бы ни взялось.

Ком встал в горле Винтервилль. Она сделала шаг вперед и мыском туфли стерла защитную линию пентаграммы. *Ты свободен. Прости*.

Это увидел спаситель.

– Ты что делаешь, гадина! – заорал он, бросаясь на Тиссу с ножом. Но не успел – золотая сущность, вырвавшись из пентаграммы, в свою очередь кинулась на него, длинным и острым когтем вспоров человеку грудику от пупка до подбородка.

Тисса завизжала, когда ее залило багряной чужой кровью.

Вызванный монстр уже бился с остальными людьми в балахонах – они бросились на него до того, как поняли – это плохая идея. Их было семеро, монстр – один, но даже всей толпой они не могли сдержать его...

Зрители начали орать и разбегаться, пока на сцене золотое чудовище разрушало преграды монахов и уничтожало их самих.

И вдруг Тис заметила, как на полу рядом с ней вспыхнул серебряный свет – метка Чондра. Кто-то пришел по оставленной ею нити.

Тотчас из боковой двери сцены выскочил Фрэнсис – взмыленный, с бешеными глазами. Никаких гвардейцев с ним не было: вернувшийся из загорода раньше, нашедший письмо парень бросился за сестрой один, подразумевая не то, что она попала в беду, а то, что он всыплет ей по первое число за инициативу как таковую...

Но беда тоже была тут как тут.

Фрэнс увидел окровавленную близняшку, чудовище, гору трупов...

– Беги за стражей! Уходи! – заорала Тис, толкая его обратно, пока монстр не заметил.

Но Фрэнсис лишь толкнул ее в ответ, куда сильнее: спихнул Тиссу со сцены – в толпу паникующих людей, которые никак не могли понять, где выход – стандартное горе в давке, – и тотчас накрыл непробиваемым защитным куполом монстра, оставшихся монахов и себя.

Упрямец...

Так учили на боевой кафедре: первым делом отсеки от сражения всех, у кого есть хоть малейший шанс не принять в нем участие.

Пока Тисса задыхалась от внезапно накатившего приступа паники и ненависти – к себе и монстру, ЕЕ монстру, д'гарр его раздери! – Фрэнсис присоединился к монахам в сражении. Но это было бессмысленно. У золотой твари реакция была куда лучше, чем у человека, – любое заклинание она легко блокировала на подлете, едва его замечала. А замечала она все, перемещаясь с дикой, невозможной скоростью.

Очень быстро монстр убил всех людей в рясах... Остались лишь он и Фрэнсис.

Тварь замерла, резко втянула воздух ноздрями, в упор глядя на Винтервилля, и медленно, хрипя, пошла к нему. Винтервилль швырнул в нее Плеяду Лезвий, тварь отмахнулась, неумолимо приближаясь. Фрэнсис подряд попробовал Шок Сонмы, Ваардонскую Мясорубку, Ядовитое Облако Ишры...

Без вариантов. Маг-браслеты почти истощились, оставался где-то один хороший удар – и шаг до монстра. Тогда Фрэнсис решился на штуку, которой их научили не так давно.

«Защитник Уходит В Туман».

Если ты в бою под собственной сферой и ты знаешь, что выхода нет, – ты можешь последним ударом сжать ее. Применить компрессионное плетение, эдакий взрыв наоборот, который мгновенно уплотнит твою сферу до состояния шарика... И всех, кто в ней, тоже.

Врагов. И тебя.

Фрэнсис глянул на окровавленные ошметки людей, скосил глаза на обомлевшую Тиссу, праховых зрителей, монстра и, сглотнув, щелкнул формулу.

Надо же. Это случится так буднично?..

Прощай, Тис.

В тот же момент, когда защитная сфера с хлопком потянулась вовнутрь, тварь бросилась на близнеца с диким визгом... Впрочем, Тисса завизжала еще громче.

Но уже мгновение спустя стало ясно – что-то пошло не так.

Опять.

На сей раз – хвала небу.

После оглушительного взрыва оказалось, что Фрэнсис жив. И лежит на сцене как ни в чем не бывало, даже без ран. Тварь исчезла. Тисса подбежала к брату. Помогла ему подняться. Воспользовавшись сумятицей и всеобщей паникой, они сбежали – успели еще до того, как в клуб примчались жандармы, врачи и прочие.

Близнецы хотели оставить произошедшее в тайне, но на следующий день Фрэнсису поплохело. Несколько дней у него был жар, его знобило, он кричал во сне, а потом...

* * *

– А потом, – вздохнула Тисса, – его глаза по ночам стало заливать до пепла знакомое золото. Брата трясло, било на кровати, гнуло дугой. Дворцовый лекарь сказал: одержимость. Мы написали отцу – пришлось сообщить подробности. Папа мгновенно направил письмо в столичный епископат: что это за клуб у вас такой?! Те рассказали ему про страшных еретиков, с которыми сейчас все активно борются, вон весной одного рыжего ублюдка поймали и сослали, этих тоже поймает. Ноа поручил им расследовать дело, не уточняя, что замешаны именно мы. Касательно нас: отец пришел к выводу, что виновата я...

Тисса тяжело вздохнула, тряпкой вместо платка машинально вытерев лоб.

Найт не выдержала, сузила глаза, вынырнула из-за пыльной полки:

– А ты иначе считаешь? Серьезно? – ядовито поинтересовалась Ладислава.

Тисса смешалась:

– Нет, в смысле, глобально я не отрицаю своей вины, Лади! Но отец ее конкретизировал. Он считает, я виновата именно в том, что ритуал вызова привлек демона, а не ангела. Это моя ярость, моя ненависть притянула чудовище вместо дивного существа... Греховную, страшную Пустошную сущность, как мы ее называли, убившую столько людей в том клубе и начавшую теперь убивать здесь.

Ладислава промолчала на этот счет.

Она молча села обратно под книжные полки, не желая компрометировать их с Голден-Халлой промежуточные гипотезы об убийцах и не-убийцах.

Тисса продолжила:

– После этого Ноа стал искать место, где можно вылечить Фрэнсиса. Так, чтобы все при этом сохранить в тайне. Мы выбрали Бурю – самую удаленную из магических школ. Да еще и с окном-порталом: чтобы демон мог охотиться на море, пока мы от него не избавимся. Потому что заморить его голодом не получалось: он начинал поедать Фрэнсиса изнутри. А леди-ректор помогла нам привлечь Моргана – лучшего из асеринских специалистов по ТММ. Который, как мы видим, все равно не справляется с братом...

Тисса сглотнула, замерла, машинально теребя на груди оберег Стэна.

– Знаешь, за что я не могу себя простить? – сказала она в шурх-шурх-пустоту – где-то там Ладислава надраивала стеллаж по пятому разу. – За то, что сначала я решила – он *хороший*. Демон. Я действительно поверила в это, понимаешь? Не почуяла в нем зла, стерла ту пеплову линию. От этого я ненавижу сейчас его еще сильнее. Тварь не только опасна, но и лжива. Фрэнсис ведь тоже какое-то время думал, что он нормальный, а теперь... А теперь...

Винтервилль шмыгнула носом.

Но стеллаж продолжал давить молчанием – только шурх-шурх, шурх-шурх.

Не будет тебе, Тисса, утешения, отпущения грехов, или чем вы там, церковники, под кофеек балуетесь. Не от меня. Прости.

– А теперь я, пожалуй, пойду покормлю Хлестовски, – неожиданно закончила близняшка, утерла нос, отшвырнула тряпку и пошла к выходу из библиотеки.

27. Атолл Невервайл

Два вида жемчуга особенно ценятся ювелирами в Шолохе – белый, собранный у побережья Восточного Хейлонда, и розовый, который добывает вдоль атолла Невервайл.

Энциклопедия «Дорогах»

Ладислава уже в одиночестве домыла стеллаж.

Учитывая, что Тисса-уборко-зачинщица ушла, она бы тоже могла, но Найт захотелось остаться. Механический труд – прекрасная декорация к мыслям. На его фоне они расцветают, как глицинии, и выются спокойно и густо, не считая себя бездельем.

Демон. Ангел. Проповедница. Грызня за власть.

Так странно осознавать, что за каждым встреченным тобой человеком стоит целый мир. Только взглядишь: любую историю можно продлить до романа, было б умение облекать события и совпадения в сюжет. Едва подумаешь, сколь многое таит в себе случайный прохожий, мгновенно подурнеет, как при всякой порядочной мысли о бесконечности.

Найт скомкала свою тряпку, метко запустила ее в ведро и направилась на семинары. Погряз в философии и смятении? Иди на учебу, студент!

* * *

Во дворе академии Тисса встретила доктора Моргана.

Гарвус только что проснулся: он не ложился спать до тех пор, пока прахов сыщик не покинул утром опасный двор. Всклопоченный и зевающий, Морган сидел на крыльце своего коттеджа. Он пытался зарядиться энергией от очень жиденького – крайне невнятного – солнышка. Не получалось. В усталых руках Гарвус сжимал бумаги – их надо отнести леди-ректору сегодня.

Винтервилль деловито приблизилась к профессору. Она была раздражена оттого, что Ладислава никак не прокомментировала ее историю. Совсем никак.

Ладислава не знала, что Тисса рассказывала это впервые. Даже Фрэнсису сестра лишь писала, от руки, письмом, скупко факты: вслух было бы слишком тяжело. стыдно. Больно. Настоящая исповедь.

А тут – рискнула. И в ответ – лишь равнодушие и осуждение во взгляде этой дурацкой Найт! Доверилась ей не пойми зачем...

Щеки Тис полыхали от стыда и гнева.

– Что теперь? – без предисловий спросила она Моргана.

– И вам доброе утро, Тисса, – буркнул тот. – В каком смысле «что теперь»?

– Фрэнсис убил двоих, а сейчас заперся в комнате и ни с кем не разговаривает. Вы, как я вижу, не сумели выколотить его из скорлупки. Мне кажется, или вы не справляетесь с тем, для чего вас нанимали?

– Скажем так: это не приоритетная задача, – процедил Гарвус, опустив взгляд к листам.

– А что – приоритетная? Ваши бумажки?

Близняшка сощурилась, глядя на плотные кремовые листы в руках Моргана, чуть блестящие золотым тисненым шрифтом... Доктор, почувствовав ее взгляд, мгновенно прикрыл документы широким рукавом мантии.

Но Тисса уже поняла, что увидела.

Д'гарр! Ах он ублюдок! Это же заявка на Нинделовскую премию: значит, Морган уже рассчитывает получить ее за демона? Несмотря на все проблемы?! Вместо того чтоб работать с братом, этот самодовольный хлыщ готовится снимать сливки – за их, Винтервиллей, счет?

Тисса почувствовала, как внутри закипает ярость.

– Знаете, Морган, по-моему, на вас очень плохо влияет аванс. Боюсь, мне придется написать отцу о прискорбном отсутствии положительных изменений.

– Зачем? – поднял брови Гарвус. – Чтобы он меня уволил? Если что, на мою программу ваши угрозы не повлияют. Я всегда работаю так, как считаю верным. Либо вообще отказываюсь от исследований.

– Ах, вы еще и условия выдвигаете? Ну тогда точно пусть увольняет! – вскинулась Тисса. – Вы дерзите не по результату!

– А вы не по возрасту.

– Я ваша клиентка!

– Вы невоспитанная девчонка с гоном, раздутым, как брюхо муравья. Перестаньте приставать ко мне со своими нравами, а то я действительно уволюсь. Сам.

– Вот и прекрасно! – обиделась Тисса. – До вашей псевдопомощи все у нас было хорошо, между прочим! Может, вы во всем и виноваты: пытали брата для удовольствия, грубите мне каждый раз, как видите. Ни этики, ни этикета! Не будет вам никакой Нинделовской премии, ясно? Не за Фрэнсиса!

Морган зарычал, поднялся во весь рост и, презрительно глядя на Тисс сверху вниз, медленно порвал все кремовые листы.

– Кстати, про этику, – протянул он, глядя почему-то на грудь студентки. – С какой это радости у вас на шее висит оберег Стэна Хлестовски? Надеюсь, у вас нет никакой предосудительной связи с преподавателем, м, госпожа де Винтервилль?

– Да вы совсем обалдели! – оскорбленно рывкнула Тисса, сорвала с шеи веревку, швырнула ее в Моргана и ушла, громко цокая каблучками. – Я иду к леди-ректору!

– Да хоть к богам-хранителям! – гаркнул Морган ей вслед.

Затем лектор дождался, пока девушка скроется в академии, поднял веточку рябины с земли, завязал у себя на шее и, подмигнув ворону, созерцавшему всю сцену с выражением глубочайшей печали, вернулся в коттедж.

Ну хоть какая-то хитрость мне удалась.

Холодный ветер Этерны разметал кремовые листы по двору, потом по поляне, по холму, закинул их в море и там уже с кровожадной радостью потопил...

* * *

Сегодня Ладислава еле пережила пару по «Истории Королевства». По сравнению с прошлым занятием это была тоска тоскливая.

Госпожа Джоки рассказывала про пенитенциарную систему для магических слоев населения. Если нормальным языком, то про то, как вас, практикующих колдунов, накажут за те или иные правонарушения.

Найт эта тема была до фонарика. Чародеем, даже на четверть ставки, ей все равно не грозило стать. Пол-лекции она проспала, еще половину – проглядела в окно.

– Ну и самая жесткая степень наказания, прописанная в маг-кодексе Королевства... – продолжала вещать мастер Джоки, сама уже исподтишка зевающая, – это четвертование.

Все аж проснулись и вздрогнули. В аудитории резко пахло средневековьем.

– Эту варварскую меру, согласно закону, у нас дают за три вещи. Убийство бога, убийство дракона, убийство иной сущности старше трех тысяч лет.

Список поражал нереальностью.

– То есть ни за что не дают? – уточнила Лади, огласив всеобщие сомнения.

– Ну да, – беспечно согласилась Джоки. – На практике – ни за что. Боги ушли, драконы спят, других древностей я что-то не припомню... Ой, здравствуйте, мастер Голден-Халла!

Лекторша расплылась в нежнейшей улыбке и заправила кудрявую прядку за ухо – аж два раза подряд. Все бы фыркнули, если б сами не улыбались.

Берти, заглянувший в аудиторию, вежливо извинился за свое внеурочное появление («Что вы, что вы, вам мы всегда рады, правда, адепты?» «Пра-а-а-авда!»), обвел ряды студентов намеренно строгим взглядом и ткнул пальцем в Найт.

– Я заберу у вас госпожу Ладиславу на пять минут? – спросил он.

– Да хоть до конца лекции! – щедро отмахнулась Джоки.

Лади, откровенно скучавшая, не вызывала у нее никаких эмоций, кроме легкого сочувствия, – Джоки была молода и помнила, каково это: страдать на занятиях. А удружить симпатичному коллеге всегда приятно.

Найт подавилась зевком, шустро сгребла свои вещи и кузнечиком выбежала в коридор.

– Я еду к магистру Фоскашу, бывшему ректору Бури, – сказал Голден-Халла.

– Он что, жив?! – с ходу опешила Лади.

– Э. Ну конечно. Почему нет? – не понял сыщик. Потом фыркнул: – Эх вы, военные! Не верите в жизнь после пенсии? А знающие люди говорят: там все только начинается... Кхм, так вот. Если хочешь – погнали со мной.

Ладислава посмотрела на него с укором. «Эх вы, сыщик! – читалось уже в ее глазах. – В какой, интересно, реальности я могла бы ответить «нет»?

Берти и не сомневался в решении помощницы.

– Отлично! – он азартно потер ладони. – Тогда бегом, раз Джоки отпустила. Нельзя опоздать на корабль!

* * *

Путь Берти и Ладиславы лежал в деревню Донная Синева, откуда ходил кораблик к атоллу Невервайл, где, в свою очередь, жил бывший ректор Бури. Деревня располагалась на дальнем конце Этерны по отношению к академии: дорога туда заняла несколько часов пешком.

Берти планировал одолжить лошадку у госпожи Клыккер, но лекторша по маг-существам неожиданно уперлась. Зато она согласилась позаботиться об Арчи: тоже неплохо, тащить пса в далекий путь Голден-Халла не захотел.

– Если очень поторопимся, то вернемся к середине ночи, – прикинул сыщик, пока они вдвоем легко шли сквозь лесистую часть острова.

Найт небрежно пожала плечами:

– Можно заночевать в деревне. Я могу прогулять завтрашние лекции.

– Ну здрасте! – возмутился рыжий. – А если без нас тут кого-то убьют?

Адептка задумалась.

– Вы действительно полагаете, что ваше присутствие что-то меняет? В смысле, – спохватилась она, поняв, что звучит дерзковато. – А как вообще убийца выбирает ночи? Монстр или нет – у него же есть какая-то логика? Или он охотился на конкретных жертв?

Сыщик цокнул языком:

– Вот это все мы и попробуем узнать у Фоскаша.

* * *

Атолл Невервайл представлял собой классическое коралловое полукольцо: большого диаметра, тонкое, покрытое мшисто-ласковым лесом, с неожиданно яркой лазурной лагуной внутри. Эдакий портал в безмятежность при взгляде сверху.

Там жили ныряльщики за жемчугом: своеобразная элита Гремящего моря, независимый, отстраненный народец, частично любители суши, частично – морские цыгане, селившиеся в плавающих домах-бараках, болтавшихся вокруг атолла, как буйки-гиганты. Ладислава удивилась, узнав, что большинство жемчужных ловцов были женщинами: они легче переносили глубину и низкие температуры придонья.

Впрочем, такой холод, как сейчас на Этерне, заморозил любую нырковую деятельность.

Ныряльщики до срока ушли на зимний сезон: утеплили хижины, сменили легкие белые платья на шерстяные комбинезоны и принялись... Вязать. Вязать одежду на продажу, из шерсти морских овец, теплую и тонкую, непромокаемую. Вернее даже влагоотталкивающую: капли стекали по ней, соскальзывая с прочного и гладкого волокна. Готовые товары забирали корабликом – сначала в Донную Синеву, а потом, уже на большой торговой шукке, на материк.

– Но большую половину они отдают контрабандистам, – вздыхал рыбак, везущий Берти и Ладиславу к атоллу.

– Зачем? – мгновенно вскинулась Найт.

– Пираты лучше платят за товар, им ведь не приходится тратиться на налоги. На Этерне контрабандистов много. Их территории находятся вплотную к Донной Синеве, и корабли частенько стоят в нашем порту... Вон, смотрите, один как раз пришвартовался.

Ладислава с яростью уставилась на черный маневренный парусник, качавшийся на волнах у пристани. Жмыхов жмых. Как она их ненавидит. Всей душой.

– Хей, госпожа адептка! Отпусти, – сказал мастер Берти.

– Что? – не поняла девушка.

– Ярость свою отпусти. Вот прямо туда, в воду, сбрось ее, не стесняйся, – детектив пальцем ткнул в вихрящиеся серовато-синие потоки за бортом корабля. – От ненависти очень мало толка.

– В бою много, – не согласилась Найт. – Ненависть придает силы.

– Ну да. Временно. А потом берет тройную плату.

– Но она позволяет выжить.

– Но ты не в бою.

Лади запнулась. Голден-Халла подмигнул ей и пошел на нос корабля, любоваться морем. Найт осталась на корме.

Д'гарровы пираты...

Черный корабль был как соринка в глазу. Очень хотелось выковырять. И выбросить именно его, а не злость.

* * *

Оказалось, что ректор живет не на самом атолле.

Ладислава и Берти сначала купили себе по шэппару из морской шерсти (невозможно было удержаться), а потом нашли дом старца – у лагуны, с внутренней стороны кольца. Но дом был пуст. Абсолютно пуст: ни мебели, ничего. Зато на побережье стояла дырявая лодка, укомплектованная двумя веслами.

Ладислава разочарованно вздохнула:

– Кажется, у вас был неправильный адрес.

Но Голден-Халла не ответил. Он пошел вокруг лодки, принохиваясь к ней, будто к свежей выпечке. Потом достал лупу, обожегал вокруг плавсредства повторно и, что-то пробормотав, начал выпихивать ее с песка на воду.

– Утонет же? – не поняла Найт.

– Если только вместе с нами, – утешил сыщик. – Запрыгивай. Лодка зачарована. Не пойму, на что, но заколдована масштабно. А Фоскаш, говорят, очень своеобразный старикашка. То есть слегка того, – сыщик покрутил пальцем у виска. – Наверняка это трюк.

Они сели. Лодку начало затапливать водой.

– М-м-м... – протянула Ладислава.

Вроде как Берти главный, но вроде как уже мокрогато. Иногда начальство ошибается, но стоит ли указывать ему на это?

– М-м-м-да, – озадаченно согласился сыщик, подтягивая колени к груди, чтоб не намочить ботинки.

Лодка все стремительнее шла ко дну.

– Нам нужно к магистру Фоскашу! – вдруг крикнул Берти в воду, приставив руки рупором ко рту. – Хотим поговорить о Буре, Корпусе загадок и убийствах. Ему понравится.

Найт стала подозревать, что сыщик тоже «слегка того», но вдруг лодка дернулась.

Из воды перед ней выскочило какое-то странное создание – нечто кудряво-пушистое, меховое, ушастое, с бараньей мордой. Яркого аквамаринового цвета и с лапами вместо ног.

Найт опешила в первый момент, но тотчас понимающе усмехнулась: так вот они какие, морские овцы, поставщики вязальщиков!

– Мэ-э-э? – строго проблеяла овечка.

– Да-да, к Фоскашу, – на полном серьезе отозвался Берти.

Овца дернула ушами, кивнула. Потом неожиданно острыми зубами схватила борт лодки и, странно извернувшись, потащила ее прочь от берега.

– Мы же тонем, эй! – возмутилась Ладислава.

Но оказалось, это они еще не тонули.

Каких-то два метра спустя овца нырнула, и лодка вместе с ней. Найт только и успела, что набрать воздуха да схватиться за борт, дабы не всплыть в одиночестве – не по-компанейски это будет, – а лодка уже вновь оказалась на воздухе.

Только на сей раз этот воздух был не на поверхности, а в туннеле... Подводном туннеле, пролегающем несколькими метрами ниже уровня моря. Стены и дно его были созданы самой водой – будто ты попал под завихрившуюся волну.

По-хорошему Ладиславе надо было осмотреть свой рюкзак на предмет потерь: не промокло ли там что-нибудь катастрофично-смертельно? Но девушка лишь очарованно оглядывалась. Сквозь стенки туннеля была видна жизнь лагуны: плавали пестрые рыбы, расцветали актинии, зависали в задумчивости морские коньки... Мимо проплыла огромная акула: скользнула ленивым взглядом по лодочке, но не среагировала на нее.

– Ну, уже не зря приплыли! – улыбнулся такой же замороженный Голден-Халла.

Вода стекала с его рыжего хвоста. Морская овца продолжила целеустремленно тащить их прочь, пофыркивая, как аквамариновый тяжеловоз.

* * *

Наконец они вынырнули на поверхность.

На сей раз Ладислава заблаговременно прижала к себе и рюкзак, и кармашек накидки-шэппара, в котором лежал пузырек ловкучего зелья, – чтоб их уж точно никуда не смыло. Морская овечка выволокла трухлявую лодку на песчаный берег и, угрожающе проблеяв («Фо-о-о-скаша не му-у-учайте!»), нырнула обратно.

Лади огляделась. Они стояли на крохотном островке в центре лагуны. До условно большой земли было не больше трех сотен метров.

– Неужели эта овца не могла доставить нас без ныряний? – спросила Найт, не имея в виду ничего плохого, но слово «овца» вкупе с промокшей взъерошенностью адепки создало ту еще стервочку.

Голден-Халла заржал.

– Давай считать, что так куда интереснее, – рассудил он. – Часто ты видишь акульки брюшки?

– Нечасто, – согласилась Найт.

Берти встряхнулся, поежился от холода и создал костер-солнце, поплывший за ними в качестве обогревателя. Адепка и сыщик почесали к хижине, стоявшей на холме, как на пьедестале. Шаги гостей приятно шуршали: островок зарос алыми кустиками волшегори и темно-желтым сушняком салдая. В траве туда и сюда юркали блестящие ящерицы, а сами кусты – нежданчик! – тарасились круглыми глазками птиц, высиживающих внутри яйца.

Не успели Найт и Берти подойти, как дверь открылась сама. На порог из темноты помещения выпрыгнул лохматый старик в разноцветном платье, с высоким посохом, увитым атласными лентами, и с бородой, заплетенной в десяток косичек. Глаза у него были совсем бешеные, зрачки чуть ли не спиральками завивались.

– Ага! – рявкнул старик, выставя посох вперед, как меч. – Вам что надо, мелочь?

– Мелочь не надо, – запротестовал Голден-Халла, увидев, как Фоскаш лезет в карман.

– Я и не предлагаю! Мелочь – это вы! Мелочь пузатая! Ха! – хрипло рассмеялся колдун, достал очки с ядрено-лиловыми стеклами, надел их, всмотрелся в гостей и почти сразу, пятясь, загадочно поманил их внутрь лачуги.

Ладислава удивленно насупилась:

– То есть вас уже не интересует, зачем мы пришли? – с подозрением спросила она, и Берти ткнул адепку локтем в бок: *ты чего! Он на контакт пошел? Вот и славненько!*

– Я и так все понял! – меж тем самодовольно отозвался Фоскаш.

В хижине было темновато – бычьи пузыри вместо окон плохо пускали свет, – но в некотором роде уютно. Куча вязаных подушек, чехлов на мебель, одеял. Книги и горы пергамента. Целое собрание разномастных хромоногих стульев. Потолка не видно под лесом ловцов сновидений. В общем, веселая свалка.

Фоскаш плюхнулся в кресло-качалку, достал из кармана трубку, вытряхнул оттуда крошку-ящерицу и щелчком заставил чашу задымиться.

– А как же табак? – не удержалась Найт.

– А кому нужен табак? Табак для слабаков! Вот дымные трюки – другое дело! – отмахнулся бывший ректор и устроил им целое шоу колец.

Голден-Халла поаплодировал, повосхищался, попросил попробовать. Короче, всячески поддержал нелегкое дело маразма, а потом уточнил:

– И зачем мы пришли, как вы считаете?

– Да с погодой Этерна шалит, конечно.

– Ого! В точку! – такому трюку сыщик обрадовался по-настоящему. – Расскажите подробнее?

И Фоскаш рассказал: хрипя, сипя, похихикивая, иногда срываясь на песни и восхваляя жизнь. Ладислава в какой-то момент совсем потеряла нить бредового диалога, в котором ни шиша полезного не находила, но Берти, судя по сосредоточенной роже, был вполне доволен. Ответами или тем, что нашел себе брата по оголтелому оптимизму, – это уже другой вопрос.

– Итак, – подытожил сыщик, вполоборота повернувшись к загрустившей Найт, чтобы включить ее в беседу. – Как я понял, магистр Фоскаш связывает плохую погоду с тем, что остров болен.

– Истинно так, – закивал Фоскаш.

– А чем он болен? – насупилась Ладислава. У нее все еще было плохое настроение из-за встречи с пиратским судном. – Зубы режутся? В озеро-желудок что-то не то упало?

Старик глянул на девушку исподлобья.

– Мелко мыслите, адептка! – укорил он. – Здесь нечто посерьезнее. Не знаю, может, и подошло время Этерны... Сколько ж ей тысяч лет – неведомо. А у всех нас есть срок, как ни крути, и спорить с этим не имеет смысла. Смерть лучше знает, когда подождать, а когда прийти и выключить бедное сердце.

Найт вздрогнула и отшатнулась, побелев.

Берти беззвучно ругнулся и поспешно перевел тему на монстра, оставившего улики на месте убийств. Бывший ректор на время утратил ясность мышления, углубившись в восторги на тему морских овец, его лучших друзей, но потом вновь смог отвечать на вопросы.

– Это пепельный элементаль, – припомнил старик. – Один из имманентных древних жителей Этерны. Когда-то, давным-давно, таких здесь было много... Много-много... Наравне с другими существами... Они... Как бы это сказать... У них есть функция... Эх... Не помню... А вообще я не понимаю! – вдруг взвился старик.

Он подскочил и головой ударился о ловцов снов, создав тем самым перьевую волну, прошедшую под потолком комнаты, как волна гнева.

– Я же специально оставил свои дневники в Буре! Передал знания вам! Почему вы не прочитали их, олухи? Сейчас моя память слаба, мысли путаются – это издевательство и унижение – приходите ко мне!

– Ваши записи укра... – начала Ладислава, но сыщик перебил:

– Ваши записи отдали в музей, потому что они слишком ценные и негоже мусолить такой шикарный экспонат. А с вами всегда честь пообщаться.

Госпожа Найт покосилась на пальцы рыжего, безалаберно скрещенные за спиной.

– А-а-а... – мгновенно успокоился Фоскаш, садясь обратно. – Ну ладно. Но я и впрямь не помню почти ничего, хотя раньше знал много. Может, даже слишком много: ведь не зря моя кукушка покинула меня...

– Скажите, элементали живут в Корпусе загадок? – с мурашками на шее спросила Лади.

Старик вдруг зашелся визгливым смехом.

– Что ж, по-твоему, у них там общежитие? – обидно хихикнул он. – Не-е-ет... Элементали живут в Нижней Этерне.

– Нижняя Этерна! – поразился Берти. – А это еще что такое?

– Как что? Матчасть не учили?! – опешил ректор. – Хотя да: как вы могли учить, если это только мои исследования, а я предпочитал ни с кем ими не делиться – как это принято в научном обществе до самого момента открытия... Только до открытия я так и не дошел, утомился, да и что открывать – не решил... Нижняя Этерна – это подземное отражение нашего острова. Все то же самое, но под землей – вверх дном. Внутренний мир Этерны. Прямое наследие дохраниТЕЛЬСКИХ времен. Ты спрашивала про больной желудок, девочка, – старик ткнул подбородком-гвоздодером в Найт. – Так вот, дымчатое озеро на поверхности – это лишь жалкая пародия. Настоящий желудок – внутри. И да. Он может быть болен. В теории. Как и что угодно еще из организма... Бедная Этернушка, бедная наша девочка... Боюсь, вам нужен доктор для диагноза, а не я. Хотя доктора в наше время куда чаще калечат, чем лечат, хи-хи! Разбирают пациентов на кусочки!

Лицо Голден-Халлы вдруг приобрело странное выражение.

Лади в первое мгновение даже решила, что сыщику поплохело – мало ли, дым не выносит, вон, эти дурацкие кольца из трубки так и шатаются по хижине.

Но нет, Берти тотчас встряхнулся, как пес после сна, и с любопытством склонил голову набок:

– Я правильно понимаю, что в Нижнюю Этерну можно пройти через Корпус загадок?

– Тс-с-с-с! – Фоскаш прижал палец к сухим губам, похожим на сброшенную змеиную кожу. – Корпус не любит, когда его беспокоят.

– Поэтому и закрылся магической сферой? – снова наугад предположила Лади, вспоминая их прогулку со Стэном.

– Сферой? Никогда! Это колдунские вещи, Этерна так не играет! – неожиданно рьяно запротестовал магистр.

Берти откинулся на спинку стула и побарабанил пальцами по локтю.

– Хм, – сказал он. – Предположим, щит поставил маг, чтобы, напротив, никакая монструозная сущность не вышла из Нижней Этерны. Тогда каким другим путем элементали могли бы выбраться? Где еще есть входы? В реках? В колодцах? Озерах?

– Насколько я помню – нигде из таких прискорбно обыкновенных мест. Иначе б потребности в корпусе как дороге внутрь и вовсе не было. Нижняя Этерна очень глубоко. Если и есть какой другой вход, то такой же непростой, некаждодневный! – ректор развел руками, а потом, прижав их к груди, от души посоветовал: – Вы все-таки попросите в музее мои записки: скажите, что я разрешил. Я никогда не был в Нижней Этерне – это царство чудовищ и чудес, негоже туда ходить простым смертным, нужно быть слишком гордым для такой дерзости. Но заочно я долго и трепетно изучал этот дивный подземный мир. И в моих записках было все о нем... все-е-е... – старик неопределенно покрутил рукой. – А то я б и рад вам помочь, но память-то!.. Да и спать хочу.

– Последний вопрос! – взмолился сыщик. – Как думаете, зачем пепловым элементалям кого-то убивать?

– Как и любое существо с протосознанием, не вышедшим на социальный и рефлексивный уровень разумных рас... – проворчал Фоскаш, уже сворачиваясь в кресле в эдакий крендель, накрываясь пледом. – Элементаль либо голоден, либо защищает хозяина, либо мстит. Это три базовые потребности чудовищ, – сладко зевнул ректор и щелкнул пальцами. Хижина погрузилась во тьму. – Все, у меня вечерний сон. Удачи, мелочь! – пожелал старик и тотчас захрапел.

На цыпочках Найт и Берти вышли из дома магистра.

28. Подлючий, несанкционированный

Что бы ни говорили сказки, я считаю, что так называемые медальонные монстры – это имманентная часть островного организма, а вовсе не самостоятельные древние существа. Я не берусь сказать, чем они являются: неким болезненным наростом или же аналогом иммунной системы? Так или иначе, людям они не друзья.

Из дневников старого ректора

Сыщик был так погружен в свои мысли, что не разговаривал с помощницей до самого возвращения в Донную Синеву. Пару раз Найт подступалась к нему с вопросами, но, кажется, Берти умел запираяться не хуже моллюска: закрылся в раковине размышлений и, сколько ни ковырай, лишь ногти обломаешь.

Ладислава тоже оценила все то пестрое сборище фактов и догадок, составлявших дурдом их следствия. М-да. Путано как-то.

– Наверное, щит над корпусом сделал Морган Гарвус? – вывела Ладислава. – Он сильный маг, у него есть ворон (чтобы найти корпус с неба), он работает с тайнами, он был в лесу и хотел поговорить со Стэном...

– Можешь не продолжать, – цокнул языком Берти. – Не наверное, а наверняка.

И, хотя Ладислава приготовилась слушать гипотезу, рыжий снова умолк.

В Донной Синеве, уже на пристани, он встрепенулся:

– Лади, подожди здесь, пожалуйста! Мне надо сбегать на голубятню.

– Мне сбегать с вами? – спросила Найт.

– Не. Лучше купи пару пирожных в дорогу, – сыщик указал на вывеску булочной. – Если успеешь.

Было поздно, закат уже потух. Все в деревне постепенно закрывалось, и Найт, кивнув, двинула к бакалее.

А Берти направился к голубям: он не взял девушку с собой, потому что рассчитывал получить там ответы на свои письма касательно ее вопроса. Голден-Халла хотел для начала просмотреть их в одиночку, а потом уже, выбрав соответствующее выражение лица, вернуться к адептке.

* * *

Ладислава вышла из лавки с приятно хрустящим пакетом пирожных и с двумя берестяными стаканчиками русалочьего кофе. Девушка устроилась под маг-фонарем в условленном месте и стала ждать.

Буквально за пять минут пристань опустела. Торговцы закрыли лавки и разошлись по домам, расположенным в другом конце Синевы. Рыбаки накрыли лодки брезентом и тоже ушли. Даже скромные деревенские парочки – те, у которых свидания, – куда-то исчезли. На сеновал?

Лади прихлебывала кофе и взглядом обшаривала нарастающую темноту. Вода тихо плескалась. Скрипела верфь. Холодало еще сильнее. После двух подряд купаний в морской воде накидка шэппар встала колом, и Найт почему-то чувствовала себя манекеном, куклой на витрине мирозданий, марионеткой в руках... Чьих?

– Ты че, ключи забыл? Совсем жвыдень, шо ли?! – вдруг раздался грубый и яростный оклик.

Найт мгновенно повернулась в ту сторону. На пирсе перед черным пиратским судном – она и не увидела его сначала на фоне темного неба, прах бы его побрал! – стояли и ругались два пирата.

Но Ладиславу волновали не разборки этих недоношенных.

О нет. Между пиратами она увидела сундук.

В груди аж заболело.

Это был точно такой же сундук, как тот, ее. Та же партия. Стопроцентно. Два замка, непонятные руны на крышке – издали плохо видно, конечно, но Ладиславе они так часто снились...

Девушка спешно отошла от фонаря, погрязнув в сумраке возле амбаров. Пираты поорали, потолкались, а потом пришли к какой-то договоренности.

Один из них отправился обратно на сушу и скрылся между домов. Второй остался с сундуком на пирсе, но встал, отвернувшись к морю, глядя на луну, всплывающую в небе поплавром.

И вдруг Ладиславе пришла в голову странная мысль...

Да. Ей этот сундук не поможет. Увы. Но она в силах сделать так, чтобы он не повредил никому другому – такому же глупому и безвольному, как она, пошедшая на поводу у начальника.

Да и отомстить будет приятно... Вон, даже чудовища этим не брезгают. Чем она хуже?

«Не хуже, а лучше. Должна быть,» – мелькнула в голове мысль, но Лади ее яростно отпихнула.

А потом осторожно закатала рукава. Маг-браслеты полны. Отлично!

* * *

Ладислава огляделась.

Убедилась, что на тихой улице нет никого, кроме них со скучающим пиратом, и старательно стала плести Толкач Амины – целенаправленное силовое заклятие.

– Shi-i, buhte! – шепотом приказала Найт, ловя злокозненный сундук в прицел из пальцев.

Контрабандный груз дернулся, повинувшись плетению, отъехал вбок по пирсу. Но недостаточно: он не свалился в воду, как рассчитывала Ладислава.

– Что за?!.. – пират с удивленным возгласом обернулся, подозрительно уставился на тару. Подошел, наклонился, с сомнением постучал по крышке.

Лади ругнулась сквозь зубы и, вдавившись спиной в тень амбара, упрямо начала заклятие снова. Попытка номер два. То, что люди делают из неудачи трагедию, всегда вызывало у нее недоумение. Ну не получилось и не получилось. Ну и что? Если б ты ничего не делал – тоже не получилось бы. А так – в чашу опыта упала лишняя песчинка, шанс на успех подрос. Самое время похвалить себя и попробовать снова.

– Shi-i, buhte!..

Бульк!

Тяжеленный сундук почти без всплеска ушел под воду. Пронзительно взвизгнула разбуженная чайка на столбе. Лунная дорожка дернулась, как от укуса, и воцарилась вновь.

– АААААА! – пират отпрянул от сундука, ожившего и тотчас устроившего суицид, и зашелся в форменной истерике, чуть ли не волосы на себе рвал. – Какого!.. Кто!.. За каким!..

Ладислава удовлетворенно хмыкнула. По-хорошему, стоило по стеночке двинуться прочь, навстречу голубям и Голден-Халле. Но Найт не удержалась от соблазна: сплела Толкач опять, уже для пирата – пусть искупается, говорят, холодная вода полезна.

Третий раз подряд колдовать было сложно – все же первый курс, она пока новичок, – и Найт, погрузившись в плетение, забыла о безопасности.

Ее тотчас грубо прервали: из-за угла выскочил второй пират. Это был умный контрабандист – такие тоже встречаются. Увидев сосредоточенную колдунью, он не стал орать, привлекая ее внимание. Наоборот, сделал два тихих шага к ней и, не мудрствуя лукаво, стукнул девушку по голове тяжелым эфесом сабли. Лади тихо осела проштрафившимся мешком.

Пират свистнул коллеге, все продолжавшему причитать на пирсе.

– Эта дрянь у меня! – гаркнул он.

Тот подбежал, носком сапога изумленно ткнул Найт:

– А че ей надо-то было? Кто ее подослал? Не может же быть, что она просто так нам подгадить решила!

– Скоро узнаем, – зловеще пообещал пират. – А пока свистай парней, надо товар вылавливать.

* * *

Берти Голден-Халла брел с голубятни, задумчиво комкая только что полученное письмо в кармане плаща.

В центральной части Донной Синева еще теплилась жизнь, но на торговой пристани вымерло все: окна закрыты, створки опущены, бараки топорщатся черными громадами, неприятно напоминая вставшие дыбом гробы.

Тут Берти остановился на полушаге – он увидел, что впереди, под условленным фонарем, Ладиславы нет. Вернее, есть, но прискорбно горизонтальная. То есть лежит. А рядом с ней, на корточках, сидит какой-то мужик и роется в рюкзаке адептки.

– Твою ж налево, – с чувством сказал Голден-Халла, ускоряя шаг и на ходу сплетая Облако Дурмана.

Пират и понять ничего не успел, а на него уже налетела лиловая хмарь. Контрабандист, всхрипнув, эмбрионом прилег рядом с жертвой.

– Какого д’гарра, Лади? – безнадежно возмутился Берти, поднимая бессознательную девушку, переваливая через шею (так носят горных овец, две руки и две ноги впереди, остальное болтается за спиной) и готовясь драпать.

Но не успел. Из-за барачков вдруг выскочила целая ватага пиратов, штук семь, не меньше. Они захлебнулись вскриками и возмущением, узрев Голден-Халлу. И побежали на него с редкой яростью.

Берти, чей мозг в последние пару часов был практически полностью отдан на откуп загадкам – Нижняя Этерна, елы-палы!.. – на мгновение остолбенел от неожиданного осложнения. Логичней всего было шлепнуть Лади обратно на землю и начать колдовать, но сыщик при всей своей независимости оставался джентльменом – и бахнуть юную даму башкой о брусчатку не мог.

Так что Берти все-таки побежал, уповая на длину своих ног и то, что вряд ли пиратам так уж интересно гоняться за случайной жертвой собрата, покусившегося на одинокую девушку в темноте.

Увы, Голден-Халла не знал про сундук. И про то, что пираты, услышав о диверсии, однозначно решили: девку-колдунью к ним подослали материковые конкуренты, а значит, упускать ее никак нельзя.

Так что Берти бежал и бежал – зигзагами, кругами, лесенкой; изредка отплевывался пульсарами; а пираты бежали за ним, распаляясь с каждым переулком («Очень Плохие Конкуренты!»), вопя то ли угрозы, то ли песни – для поднятия духа. По всей деревне спешно хлопали ставни: жители отгораживались, как могли, от проблем. А может, аплодировали подручными средствами...

Преимущество семерых против одного в том, что они могут разделиться. И иногда – в играх в охоту – это хорошая тактика.

Бесславный марафон иссяк, когда двое пиратов хитро обогнули Донную Синеву – контрабандисты знали деревню как свои пять пальцев – и, вылетев фронтально к Голден-Халле, недвусмысленно обрадовали его остриями сабель.

– Небо голубое! – присвистнул сыщик и цепким взглядом обвел пиратов, столпившихся вокруг него хороводом. – Это же насколько плохо у вас идут дела, что вы цыпленка рыбачите¹?

– Хлебало упокой, огонек! – осклабился один из пиратов. – Вас кто подослал? Живо вякай, не хочу щекотать ваши тощие пуза.

– Так не щекочи! – смачно сплюнул Берти, предпочтя мимикрировать под культурный уровень собеседника. – Какое «подослал», тебе морская качка мозг своротила?

– А центральной вы жвули щупали?

– Центральной? – нахмурился Голден-Халла.

Он знал – это значит «товар», но какой товар?..

– Жмыховы колдуны! – взревел другой пират и потешно затопал ногами. – Позавчера пытались нас на утес брюхом шлепнуть, несанкционированный отлив, ублюдки, жахнули, да в три ночи, поганые твари! Шо, думаешь, наша кукушка не вжарила, что это было прицельно по нам?! Но не вышло, мы увернулись. Так вы напрямую приперлись, во наглость! Война бизнесов должна идти по понятиям, а не так, э! В общем, слушай сюда. Цветочек поцыплется с нами, а ты, огонек, пойдешь и скажешь заказчикам: они нас с товарки не сгонят, ясно? Чтоб больше на нашу лоханку не зарились!

Берти слушал пирата с неожиданным и удивительным смирением.

Контрабандисты решили: проникся! Но нет. Рыжий просто заметил кое-что любопытное.

– Погодите, – нормальным тоном попросил он и поудобнее перекинул Ладиславу. – Отлив позавчера? Может, вы имели в виду Долгую Ночь? Позапозавчера, м?

– Мы те шо, козодои безмозглые, в днях не разбираться?! – взревел оскорбленный контрабандист, и остальные поддержали его разномастно: «Не козодои мы!..»

– В Долгую Ночь был нормальный отлив, запланированный! А ваш подлючий – на следующий день! Тайком! Ух, твари, зла не хватает!!!

– То есть был еще один настоящий маг-отлив? – продолжал расспрашивать Голден-Халла. – Прямо вот с ушедшим морем?

– А то ты не знаешь!!!

– И во сколько он был?

– Часов с трех до четырех ночи.

– Хм.

Соответствует времени смерти Хейли.

– И далеко море ушло?

– Далеко! Все пещерки-то пообнажились, и на семи метрах под уровнем, и на десяти!

– Ваше беспредел, мы там еле выкарабкались!!

– Без пяти минут без кораблика чуть не остались!!!

Вопли пиратов как-то органично сменились с возмущенных на жалобные. Берти сочувственно покал языком, понимающе кивал, утешал их, вертясь в хороводе, как елочка... И расспрашивал, расспрашивал.

Уже не про ушедшую воду, а про обнажившиеся пещеры, о которых он понятия не имел, ибо ни разу не видел маг-отлив со стороны моря. А вот Ладислава видела, кстати, в день своего

¹ Берти в общении с пиратами использует асеринский воровской жаргон. «Рыбачить» – обворовывать; «цыпленок» – девушка.

прибытия на Этерну. Но сейчас Найт мирно болталась в бархатной темноте обморока, играя роль рюкзака на плечах детектива.

Сыщик узнал все, что хотел, предельно вежливо поблагодарил пиратов за помощь (пока они не опомнились, что психолога не заказывали) и все-таки решительно шмякнул адептку вниз: чай, земля не брусчатка! Потом, крутанувшись на пятках, он успокоил всех семерых очередным Облаком Дурмана...

– Душевные вы парни все же. В чем-то. При определенном, кхм, настроении, – вздохнул Голден-Халла, вновь подбирая Найт.

Сначала он вышел с ней в лес, стеной стоявший на страже деревни, потом нашел мелкий ручей, распадающийся на несколько рукавов, и пошел прямо по нему. Если вдруг пираты, очнувшись, возжаждут продолжить погоню, так им будет неясно, куда идти.

Продвинувшись в чащобу на достаточное для безопасности расстояние, сыщик сгрузил Ладиславу и осмотрел ее новенькую рану на голове.

– М-да, – присвистнул он. – Второй раз гуляем – второй раз ты без сознания и в крови. Кажется, мне надо пройти какие-нибудь курсы повышения квалификации. Или ответственности.

Берти зевнул, посмотрел на часы. До полуночи еще есть время. Сыщик разжег маг-огонь – горячий, но безопасный для леса; прижался спиной к замшелому стволу дуба, уложил голову Найт себе на колени.

Пусть придет в себя.

А он пока обдумает новую информацию.

И по пещерам-отливам-элементалиям-демонам-докторам-подземельям – избыточному антуражу двух убийств. И по трем черным цифрам на ребре у помощницы...

Берти швырнул полученное на голубятне письмо в маг-огонь. Оно ярко вспыхнуло, отразив тоску на лице детектива.

Ответ с материка – единственный – не давал особых надежд.

29. Голубя обаял

Хороший ход не грех и повторить с другим соперником!
Гли из Дома Пляшущих, шахматист-любитель

Пока Ладислава и Берти ездили к старому ректору, жизнь в академии шла своим чередом.

Гнев Тиссы, направленный на Моргана Гарвуса, покинул близняшку аккуратно на середине винтовой лестницы в ректорский кабинет. Винтервилль решила – *ай, д'гарр с ним, кажется, я опять лезу в чужую жизнь вместо того, чтоб заняться своей*, – и уже хотела также быстро сбежать обратно, но... На подозрительно неуверенный скрип ступеней вышла Элайяна.

Тогда Тисса все же буркнула ей:

– Вероятно, доктор Морган захочет уволиться. Не переубеждайте его, пожалуйста. Боюсь, его услуги пока приносят больше проблем, а потому мы будем рады разорвать контракт.

– Хорошо, – удивленно согласилась Элайяна.

И Тисса поскорее побежала к Стэну Хлестовски, который безмятежно чирикал-пищал в своем домике в корбке из-под печенья.

Меж тем госпожа Клыккер таскала пса Берти с собой по всем лекциям: присматривала, как и обещала.

Пес флегматично следовал за временной хозяйкой и только вздыхал, когда та по тридцатому разу объясняла всем удивленным, что рыжий сыщик вернется в Бурю утром, сегодня у него дела вне острова. Какие именно дела, она не в курсе, о, боги-хранители, перестаньте все ко мне приставать с вопросами на эту тему! Вернется – сами спросите!

– Просто мне кажется странным, что мастер Голден-Халла не оповестил меня о своем отъезде, – вскинула бровь леди-ректор («*Раз уж вышла из кабинета – сделаю обход владений*»), одна из поинтересовавшихся. – Я как бы его начальница. Как и ваша.

Госпожа Клыккер закатила глаза, поудобнее перехватывая пса под мышкой. Тот был в шоке: раньше его так не носили.

– Берти сказал, что вернется за псом завтра утром. Значит, отъезд не мешает его преподавательской деятельности, укладываясь между занятиями по расписанию. Значит, отпрашиваться ему не обязательно, разве нет?

Элайяна поджала губы.

Недоверие со стороны рыжего – не предупредил, куда едет! – было закономерно, ведь она запретила ему вести следствие, но все-таки больно мазнуло по гордости.

Ну да ничего. Нет худа без добра.

* * *

Доктор Морган провел дневную пару по ТММ, а затем опять пошел к Фрэнсису.

Юный Винтервилль все еще был у себя. И мальчика не в себе. Золотые крылья давно втянулись, глаза потухли, но близнец вел себя агрессивно и недоверчиво, как с врагом.

Гарвус хмурился. Ладно, с одной стороны, парня можно понять: едва ли он мог проникнуться теплыми чувствами к человеку, который его пытал. С другой: разве не ясно, что Морган хочет помочь?

– Нет, вовсе не ясно, – процедил Фрэнсис де Винтервилль, не предлагая гостю присесть и также не сядясь. Юноша замер у дверей, скрестив руки на груди и задрал подбородок.

Морган демонстративно прошел мимо ученика, сел в кресло у окна и забросил ногу на ногу.

– Дорогой Фрэнсис, – сухо сказал он. – Вероятно, моя тактика по отношению к вам оказалась неверной, раз она привела сразу к двум срывам подряд. И мы можем ее скорректировать. В этом и заключается прелесть быть людьми сознательными: если способ достижения цели не работает, мы меняем способ. Иначе мы, увы, немного идиоты. Но чтобы я понял, как именно исправить ситуацию, мне нужно, чтобы вы раскрыли обстоятельства, предшествовавшие насильной смене ипостаси. Вы отказались обсуждать это после случая с птицей иррин, и я с уважением отнесся к вашей потребности пережить случившееся. Но прошло уже три дня. Мне надоело ваше молчание. Пора возвращаться в строй.

Фрэнсис нехорошо сощурился, волком глядя на преподавателя.

– Что было в зелье? – спросил он, проигнорировав высокопарную речь мастера тайн.

Морган непонимающе вскинул бровь, мол, поясните?

Близнец пожал плечами:

– В эти дни я долго думал: как же так вышло, что я сорвался? Я все пытался допросить своего демона: с учетом того что я ничего не помню, он был единственным свидетелем произошедшего. Но демон не умеет говорить. Увы. Я искал его в зазеркалье – я надеялся, что он даст мне подсказку – зачем? Зачем ему убивать иррин и Хейли? Убил бы тогда уж сразу меня – освободился бы! И вообще – почему сейчас? До Долгой Ночи у меня был нормальный, предсказуемый, понятный демон внутри, – Фрэнсис хохотнул, поняв, как это звучит. – Почти что домашний питомец. Как-то ночью он спас меня. Иногда мы понимали друг друга в своих антипатиях. А тут... Что именно с ним случилось? И неожиданно демон действительно подсказал! Ответ занял у него много времени. Собственно, трое суток. Оказывается, у меня очень кропотливый монстр, я могу гордиться степенью его трудолюбия.

Близнец расплел руки, пересек комнату и выдвинул из угла трюмо, стоявшее «лицом» в стену. Винтервилль подкатил высокое узкое зеркало к Моргану и, помедлив, жестко усмехнувшись, развернул его к мастеру.

На зеркале мелкими, неаккуратными штрихами – следами золотых когтей – было написано «ВИНОВАТО ЗЕЛЬЕ, ХОЗЯИН».

Морган аж привстал, ошеломленно глядя на свидетельства первого иномирного контакта.

– Это вам демон сказал? – мастер тайн провел по зеркалу пальцами, пытаясь прочувствовать царапины, но все они были с *Той Стороны*.

– Ага, – Фрэнсис вызывающе вскинул брови. – Конечно, можно сразу предположить, что он лжет. Но! Во-первых, зачем? Во-вторых, я и сам в своих рассуждениях думал о зелье. Оно было слишком странным. И демон с самого начала среагировал на него ужасно. Как будто вы собирались его пытать.

Морган побарабанил пальцами по ручке кресла:

– Так... – с ленцой протянул доктор. – А какое именно зелье вы имеете в виду, Фрэнсис? На занятиях я давал вам разные настойки.

– Естественно, то, которое вы отправили мне перед Долгой Ночью. Блокатор на время праздника! – вспылil Винтервилль и пальцем гневно указал на пустой хрустальный пузырек, притаившийся в углу подоконника.

Пузырек был темно-лиловый, с симпатичными стеклянными пупырышками и пробкой из серебра. Морган протянул руку к флакону. Повертел его в руках, с легким хлопком открыл, понюхал. Движения Гарвуса со стороны казались нарочито медленными. Фрэнсис внимательно смотрел на наставника...

Юлит. Он сделал это специально. Это совершенно точно было никакое не успокоительное.

– М-да, неловко вышло, – вдруг по-змеиному улыбнулся Гарвус, не поднимая глаз. Светлые пряди волос закрывали верхнюю часть лица доктора. Усмешка на его губах была столь злорадной, что Фрэнсис, увидев ее, окончательно взбеленился.

Но не до срыва, нет. Ведь сегодня эффект эликсира уже точно выветрился.

– Судя по вашему лицу, – презрительно бросил Винтервилль, – вы очень гордитесь собой, доктор Морган. Я тут прокручивал в голове ваши фразочки с наших спецкурсов: «мне хочется достать образец поскорее»; «я предпочитаю работать с объектами в их естественной среде»; «как жаль, что между мной и демоном стоите вы, Винтервилль. Попробуем исправить это с помощью шипцов?» – и прочие. И вот я подумал: д’гарр побери! А что, если именно это вы и сделали? Вы решили выпустить моего демона, заглушив при этом мое сознание – ради интересного опыта, ради фантастического описания... Ведь все знают, как вы нацелены на Нинделовскую премию! Я – неплохой способ ее получить, не правда ли? Если, конечно, выйти из пентаграммы. Если узнать демона таким, каков он без человеческой оболочки: в полете, во время охоты, на свободе...

Морган, сидевший с закрытыми глазами, продолжал неприятно, издевательски улыбаться.

– А то, что демон мог кого-то убить – и убил – так на это вам было плевать, – прорычал Фрэнсис. – Вы просто закрыли на это глаза. Я помню, как высоко вы ставите свое «научное рацию», оно же – жестокосердность. Наука ведь прежде всего, как иначе! «Пусть, пусть умирают людишки и пташки! Зато я, великий Морган Гарвус, нарисую долбаного демона со всех сторон, а не только поджавшим крылья в защитном поле!»

Морган расхохотался в голос.

– Браво, – сказал он, редко, саркастически хлопая в ладоши. – Браво, Винтервилль. Очень похоже на меня.

Фрэнсис заглянул в глаза наставника. Они буквально сочились яростью. Ледяной.

– А вы даже и не думаете опровергнуть мои слова, – с горьким разочарованием сказал близнец.

Морган пожал плечами, поднимаясь из кресла. С интересом наклонил голову вбок:

– Значит, Фрэнсис, вы действительно обвиняете меня в своих срывах? Вы уверены, что я устроил их намеренно с помощью этой склянки?

– Да, – твердо сказал близнец. – Я обвиняю вас.

– М-м-м. Красота, – показал зубы профессор.

И, ни говоря больше ни слова, быстро вышел из комнаты, хлопнув дверью.

* * *

Покинув Хромую башню, доктор Морган мгновенно стер с лица самодовольную усмешку. Теперь он хмурился – причем так сильно, что осеннему небу стоило у него поучиться.

Перекатывая на ладони пузатый флакон из-под зелья, Гарвус спустился во двор. Нужно разбудить ворона, дрыхнувшего в клетке, и пойти потолковать кое с кем. По душам. По-душевному. Душу вытрясти.

Сволочь.

Морган шел быстро. В спину дуло: и какой идиот сочинил, что попутный ветер – это хорошо? Пожелание не другу, а врагу. Полы зеленого плаща цепляются за ноги, обвиваясь, как праховы кошки; волосы хлещут в глаза – хоть под корень их отрезай...

Гарвус поднялся на крыльцо своего дома и замер, сощурившись.

В щель между дверью и косяком была всунута дважды сложенная записка. Доктор вытащил ее. Развернул и пробежал взглядом по диагонали. Глаза его расширились. Он перечитал коротенькое письмо еще раз...

«Морган, хей-хей! Мне надоела твоя молчанка: она мешает следствию. Я иду в Корпус загадок. Буду брать твой купол итурмом – и, как понимаешь, возьму. Я же упертый. Хочешь меня остановить? Поторопись. И подготовься поделиться правдой насчет убийств. Иначе я сам ее раскопаю. Внутри корпуса. Время пошло. Б. Г-Х.»

– Да что за пеплов придурок! – рывкнул Морган, комкая записку и плечом вышибая дверь.

Студенты на скамейке, учившие конспекты, обронули челюсти. А потом зазубрили с удвоенной силой: у них ТММ было завтра, стоило подготовиться, раз мастер *уже* не в настроении.

Морган жестом фокусника сдернул с вороновой клетки плед. Пока красноглазый Кори просыпался и чистил перышки – наспех, как опаздывающие люди зубной щеткой пробегают туда и сюда, Морган проверил запас маг-браслетов, пощупал рябинную веточку Стэна Хлестовски у себя на груди и подбежал к двери в подвал.

– Кар-р? – тотчас испугался ворон.

– Нет. Не сейчас. Сейчас у нас операция по насильственному пришиванию мозга некоторым рыжим идиотам...

Гарвус дернул дверь, проверяя, что она заперта. Ключи – основной и, что важнее, от своего подвала – он положил в карман плаща. Отлично.

* * *

На границе академических владений Гарвус углядел госпожу Клыккер: она гуляла с псом сыщика. Сегодня доктор уже видел ее в академии в этой золотисто-зубастой компании, но не придал этому значения.

Зато сейчас деловито попер через поле.

– Почему Арчи у вас? Где Голден-Халла? – без приветствия начал Гарвус.

– ...И вам добрый день, – тоскливо вздохнула Клыккер. И уже привычно отбарабанила: – Мастер Берти ушел по делам. Попросил присмотреть за собакой, обещал забрать пса завтра утром, если все пойдет по плану.

– По какому плану? – гаркнул доктор.

Госпожа Клыккер надула губы.

– Вам бы вежливости поучиться, Морган. Я не знаю, по какому. По очумелому, наверное, как у него водится. Сказал: «Секреты ждут и трепещут; если тайна не идет к сыщику, сыщик идет к тайне».

Морган чуть ли не вслух застонал. Хотя, может, все-таки и застонал – судя по удивленному лицу коллеги-преподавательницы.

– Спасибо! – процедил доктор свирепо и, подхватив полы плаща, будто девица – платье, гигантскими шагами потопал прочь, к лесу.

Желтая трава, что из-за ветра стелилась, как шерстка ожившей планеты, бросалась в него кузнечиками-мутантами, пережившими холод, привыкшими...

Госпожа Клыккер осталась в одиночестве и строго предупредила пса:

– Больше я с тобой сидеть не буду. Животных люблю, а людей – не очень. Задолбали вопросами!

Арчи лишь виновато прижал уши. А потом с тоской посмотрел Кори вслед. И негромко гавкнул. Лучше б он с ними пошел, а...

* * *

– Кори, ищи корпус, – приказал мастер тайн ворону, когда они добрались до центра острова.

Сизые скалы дымились, исходя ядовитыми испарениями; зловонные болота чавкали пузырями. Под быстро темнеющим небом качались сосны, похожие на кресты.

Ворон уставился на хозяина красным глазом.

– Кар-р? – сказал он с сомнением.

– Откуда я знаю, как именно он его нашел? – взбрыкнул Морган. – Обаял какого-нибудь голубя перелетного.

– Кар-р-р.

– Кори! Вот сейчас вообще не важно – летают голуби на юг или нет! Мы должны остановить его – если уже не поздно!

Ворон шелкнул клювом и послушно взлетел над лесом. Начал мелко накрапывать дождь. Морган шел по болотам и, как Ладислава когда-то, следил за птицей сквозь зеркальце, найденное в кармане.

А за Морганом шла фигура в темном плаще.

На безопасном расстоянии, бесшумно, неразличимая на фоне леса.

Доктор Гарвус перетерпел штормовую волну, болезненно прикрыв глаза, – он не любил стихию.

Из-за влажности, разлитой по Этерне, вокруг Корпуса загадок встал густой, тягучий и зябкий туман, в котором ничего не было видно с десяти шагов. То, что ворону удалось высмотреть обломок замка в такую погоду, – успех.

Кори вообще молодец. Он столько лет уже с Гарвусом, умнейшее создание. Большинство людей ему в подметки не годится. Одно его «кар-р» бывает осмысленней, чем монолог иного оратора.

– Берти, ты здесь? – окликнул Морган, выходя на поляну у корпуса.

Тишина.

Но молчание еще ничего не значит, ведь рыжий вполне может просто не отвечать. Потому что, например, *так интереснее*.

Морган шагнул вперед, шурясь на темные очертания корпуса. Доктор сложил из пальцев Проверку Джиджи – плетение, обнажающее невидимые заклатья. Непотревоженная защитная сфера вокруг Корпуса загадок была на прежнем месте.

– Голден-Халла! – повторно позвал мастер тайн. Снова тишина.

Доктор сдвинул брови:

– Неужели он еще не пришел?..

Кори опустился на землю рядом с хозяином. Морган внимательно осмотрел территорию корпуса, спрятанную под куполом. Никаких признаков того, что сегодня здесь кто-то был.

– Странно, – бросил профессор.

– Кар, – сказал ворон.

Морган кивнул:

– Да. Ты прав. Не странно, а подозритель...

Договорить он не успел.

Из тумана у него за спиной вылетела ловчая сеть заклатья. Мгновенно она сковала профессора, не ожидавшего нападения сзади: связала руки и ноги, залепила рот. Гарвус рухнул как подкошенный.

Ворон, хрипло каркнув, шарахнулся в сторону и взлетел. Но невысоко: в него из тумана бросили боевой пульсар. Кори вскрикнул, как человек. Резко запахло палеными перьями. Одно крыло повисло плетью, птицу повело, но она удержалась в воздухе.

Второй пульсар все-таки сбил фамильяра... Черное тельце прошибло синими красками тока. Ворон камнем рухнул на границе поляны, невыносимо далеко от скованного хозяина, трепыхнулся, еще раз... Затих.

– М-М-М!!!! – глаза Моргана покраснели от ненависти. Он извивался, надеясь увидеть врага, испепелить его взглядом, но тот, не покидая тумана, швырнул уже третью формулу: Упокой Бангласа. Заклятье влетело Гарвусу в лоб, спалив светлую прядку челки.

Морган отключился.

С полминуты ничего не происходило.

Убедившись, что ученый и ворон не шевелятся вовсе, их преследователь тихо вышел из тумана. Взгляд фигуры в плаще был обращен к Корпусу загадок, щерившему окна впереди, раздвинувшему развалину улыбки.

Полумесяц кошмаров. Вход в безвременье.

Древняя граница мира, которую совсем не хотелось нарушать, но...

Фигура в плаще подошла, толкнула ногой сначала Гарвуса, потом ворона, убедившись в отсутствии реакции. Вытащила из кармана доктора ключи от его коттеджа и лабораторного подвала. Закатала рукава плаща и принялась разрушать защитную сферу.

Это оказалось невероятно сложно... Пеплов Морган и впрямь был толковым магом. Ну что ж. Молодец. Где-нибудь там – если «Там» это существует – ему, быть может, и воздастся за трудолюбие.

Наконец, сфера поддалась. По ней алыми молниями пробежали трещины силы. С тихим хлопком купол рассыпался – путь к замшелому корпусу освободился.

Трава у замка, в эти недели безмятежно зеленевшая под щитом, мгновенно свернулась темными корочками. Иней мазнул сединой по окнам и стенам, а флюгер на крыше, лязгнув, завертелся быстрее.

Развалины вздохнули: туман откатился, как волна от взрыва, и нахлынул в них вновь. В давящей, насыщенной парами тишине скрип стрелки звучал пугающей колыбельной.

Плащ знал, что будет теперь. Он попятился обратно, к туманной опушке.

И да: бронзовая дверь Корпуса загадок медленно, со скрипом приоткрылась, после чего из нее вырвались хлопья пепла – грязные, неопрятные. Взвились столбом вверх и опали. Воздух отяжелел, наполняясь древним мраком.

В ушах у фигуры в плаще зазвенело, но она не двинулась с места.

Из-за двери сначала раздался тихий стрекот, а потом вышел первый силуэт. Это было существо в полтора человеческих роста. Две кожистые трехпалые ноги, лохмотья черного одеяния – они шевелились сами по себе, приподнимаясь, будто тварь шла под водой. Неясная морда, удлиненные оленьи рога и пальцы, напоминающие ветки... Вокруг твари жил нимб черноты. Она делала шаг – и тьма перемещалась вместе с ней.

За первым пепельным элементом появился второй. Потом третий.

Наконец-то... Он здесь... Чужак... Виноват... Смерть – наказание... Смерть...

Элементали обступили распростертое тело Моргана Гарвуса. Тьма каждого из них слилась в единый ком – пульсирующий сгусток черноты заполнил поляну, заставляя колени подгибаться, мысли – падать в беззвездную тьму прародителей.

Плащ дернулся, не выдержал и моргнул, пытаясь привести себя в чувство.

Корпус загадок, мастер лазеек, мгновенно увидел в этом возможность слететь с крючка. Освобожденный от визуального контакта, он сбежал от Плаща. Элементали и Морган – вместе с ним. Вокруг перебирал ветвями обыкновенный черный лес...

Плащ вздохнул. *Что ж, так гораздо лучше.*

И ушел.

30. Кадет Найт

Кто сказал, что невзаимной любовью нельзя наслаждаться? В страдании есть своя красота.

Войво Рукк, не очень успешный лекарь

Когда обморок Ладиславы сменился мирным сном и сладким посапыванием, а ноги Голден-Халлы окончательно затекли, он потрепал адептку по плечу:

– Я бы сказал тебе «доброе утро», но врать не люблю. Так что – добрая ночь, госпожа Ладислава, гроза пиратов!

Найт среагировала бурно.

– Пир-р-раты! – завопила она на манер ругательства. И, по-кошачьи подлетев на метр над землей, заставила целое семейство клювотрясок внештатно сняться с насиженного места, а Голден-Халлу – прикусить язык. Буквально.

– Где пираты?! – грозно повторила адептка, вертясь волчком, не выходя из бойцовой стойки.

– Они повучили свою живетку двя свез в моем лице и теперь отдыхают, – поспешил пояснить Берти, с беспокойством ошупывая язык.

– В гробах отдыхают, надеюсь? – буркнула Найт, садясь обратно.

Голова и впрямь болела жутко.

– Я пацифист, ты же знаешь, – укорил детектив. – Ну что, пойдём?

– А вы не спросите, почему я утопила их груз? – удивилась Найт.

Берти крякнул.

Нет, он не собирался этого спрашивать. Он догадывался о причине.

– Твоя диверсия, как ни странно, – подмигнул детектив, меняя тему, – принесла нам немного пользы. Ты знала, что на этой неделе на острове было целых два отлива?..

Они потушили костер и выдвинулись к академии. Ночной лес вздыхал мшистыми впадинами, сиял огоньками морозостойких цветов. Над ним, как молочная пенка над кофе, подрагивали облака, сшибаемые ветрами.

В какой-то момент волшебная маг-дорожка, которая вела Ладиславу и Берти к Буре, вдруг исчезла. Просто растворилась, как мираж, а сияющие колокольчики свернулись в такие тугие и мелкие бутоны, что даже с фонариком не разглядишь.

– Вот зараза! – возмутился рыжий. – Кажется, вспугнутые тобой клювотряски ей нажаливались, и она теперь не хочет нас обслуживать: у этой дорожки свободолюбивый нрав. Ну или она решила помочь кому-то другому, гуляющему в сей неурочный час.

– Да кто будет сейчас гулять по лесу?..

– Знаешь, на этом д'гарровом острове кто только не будет.

– А вы помните, как дойти без дорожки? – забеспокоилась Найт.

– В этой части острова я бывал всего пару раз, но направление представляю. По идее, этого будет достаточно, – рассудил мастер Берти и смело полез в кусты.

Какое-то время они прорывались сквозь бурелом, а потом внезапно оказались в ложине, затянутой красивыми синеватыми лужами-озерцами, из которых росли кристаллы – зубы Этерны. И от воды, и от кристаллов поднимался легкий радужный пар, приятно теплый в ночи и чуть подсвечивающий путь.

Берти сверился с луной и мхом на деревьях.

– Туда! – указал он на противоположную сторону низины.

Они попрыгали по плоским камням, тут и там торчащим из воды: сыщик впереди, Найт за ним. Девушка глубоко, с удовольствием дышала: здесь очень вкусно пахло свежескошенной травой.

Даже странно: этот травянистый запах совсем не соответствовал мрачно-загадочной атмосфере вокруг. Но он был невыносимо прекрасен.

Вдох...

Выдох...

– Слушай, Ладислава, тут такое дело... – протянул Берти Голден-Халла неожиданно для себя – он вроде не хотел затевать этот разговор сейчас.

Девушка тотчас наострила уши, будто сторожевая собака. Ох уж эти интонации. Не оставляют права на сюрприз: предваряют по-настоящему важные вещи, как фанфары – визит королей. Слышно издали и заранее, не отмахнешься. Вот только жаль, что короли не всегда приезжают к добру...

Берти медленно продолжил:

– Я расспросил всех своих знакомых о неснимаемых проклятиях. И у меня, увы, плохая новость.

Какого д'гарра?! – одновременно с этими своими словами взвыл детектив уже мысленно. – Это же прямо Очень Плохая Формулировка! Голден-Халла! Ты где голову забыл?!

– В смысле... – быстро попробовал исправиться он, но Ладислава вдруг перебила его:

– Я хочу, чтобы вы знали: я в вас влюблена, мастер Берти.

Голден-Халла моргнул, подавился и споткнулся, чуть не загремев в озеро.

– Что?! ЗАЧЕМ?! – охнул он, оборачиваясь.

О нет! Мне точно надо на какие-то курсы для преподавателей!

Найт стояла на соседней скале с таким испуганным лицом, что на мгновение сыщику показалось: он ослышался. Скорее всего, она сказала: «В кустах аллигатор, мастер Берти», а он придумал жмых знает что.

Но нет.

Напротив, Лади вдруг уперла руки в боки и пожала плечами.

– Ну а как иначе? – сказала она боевито.

Страх на ее лице неспешно сменился упрямством:

– Мне кажется, это нормально: неровно дышать к одному из преподавателей. Даже полезно. Волей-неволей заставляет тянуться вверх, соответствовать вдохновляющему кумиру.

– Кумиры – это плохо, – резко воспротивился рыжий. – Твоя подруга Тисса может прочитать тебе целую проповедь на сей счет.

– Тисса меня бесит, – категорично заявила Найт. – И, учитывая, как нежно она возится со Стэном, у нее самой рыльце в пушку.

– Она с ним возится, потому что он сова! – напомнил Берти.

– Это временно! А вот нежность – надолго, – фыркнула Найт.

И мечтательно вздохнула:

– Как и моя к вам. Я вас как в Трапезной увидела в первый день, так сразу что-то внутри звякнуло. Как будто дверца в душе открылась: а я и не знала раньше, что она у меня там есть.

– Может, эта дверь не для меня, а для твоего друга Фрэнсиса? – сглотнул сыщик.

– Вы не подумайте: оно само. Неприглашенно впорхнуло, непредсказуемо. Я даже сопротивлялась, между прочим!

Глаза Ладиславы подернулись дымкой, она улыбнулась.

– Кхм. Госпожа адептка, мне вот прям сильно не нравится наш разговор, – признался Берти, балансируя на одной ноге на слишком маленьком камне и пристально озираясь.

– Пф-ф! – непочтительно рассмеялась Найт. – Вам же вроде не привыкать, что вас «все любят или еще не успели полюбить»?

Берти понял – повторно за последние пять минут – что его рот зажил какой-то отдельной, неуправляемой жизнью.

– Во-первых, эта фраза меня жутко достала, потому что навешивает на меня ярлык самовлюбленного идиота, а на окружающих – предсказуемых слюнтявчиков! – возмутился Голден-Халла. – Во-вторых, между «все любят» и «я влюблена» разница примерно такая же, как между зажженными свечами канделябра и пожаром в Лесном королевстве. Второе, блин, ни разу не круто!

– А по-моему, круто! – возмутилась Найт. – Мне нравится это ощущение! Рядом с вами мне и легко, и весело, и куражисто, и одновременно страшно неловко и заливисто звонко! Я радуюсь, когда смотрю на вас, и слушаю вас, а уж когда вы обращаетесь ко мне или подаете руку – вообще шикарно! Мне нравится, что я все время веду игру – как бы обратить на себя ваше внимание, но чтоб вы при этом не заметили, что я за ним гонюсь, и если я отыгрываю хоть взгляд, хоть улыбку – это уже повод для радости!

– Е-мое! – Берти схватился за голову и присел на корточки, вглядываясь в синее озерцо, от которого поднимались дымчатые рисунки испарений.

Тут что, синтезируется какая-то шальная сыворотка правды? Я вываливаю плохие новости, а Лади – э-э-э... тоже плохие новости?

Ладислава истолковала позу сыщика по-своему:

– Если вы волнуетесь, как быть дальше, то правильный ответ: никак! Эта влюбленность сродни влюбленности в произведение искусства. Живите как жили, я не собираюсь бросаться на вас с поцелуями или искать глобальной взаимности, если что. Даже если попросите – не буду!

– Почему это? – неожиданно заинтересовался рыжий.

– Потому что вы слишком чокнутый для любви, – авторитетно сказала Найт. – В смысле не от мира сего. Шебутной. Сдвинутый. Эфемерный. Неугомонный.

– А для влюбленности сойду, значит?

– Ага.

– Хм. – Берти озадаченно почесал нос и пробормотал: – звучит неприятно. Но в то же время: твои бы слова да всем моим бывшим пассиям в уши... А то грустно, когда тебе – «я люблю вас», а ты в ответ – «может, кофейку бахнем?»

– «Я люблю вас» – это и не мой вариант тоже, – «утетила» Ладислава, – Не надейтесь. А еще... – она вдруг шмыгнула носом.

А потом резко, абсолютно нечестно, укатилась в горе:

– Я вижу, что вы не можете мне помочь с проклятьем. Я догадалась – по тому, как старательно вы меня развлекали, будто ребенка: вот ловкучее зелье, вот план по арахнам, ой, хочешь быть помощницей детектива, ой, поехали на атолл, а проклятье – какое проклятье? Лучше посмотри вот сюда... Я... Я зла на вас, мастер Берти! Помимо влюбленности. Очень зла. Потому что я ЗНАЛА, что у меня нет надежды, когда ехала на Этерну. ЗНАЛА. А потом поверила в нее. Снова. Из-за вас: глядя на вас, слушая вас, получая ваши настойчивые предложения помощи. Но вы все-таки оказались всего лишь человеком... И эти ваши предложения – не всемогущество, а просто вежливость... И теперь надежды опять нет. Уже окончательно. Я понимаю – вы не виноваты, но... Мне очень больно. И страшно. Я не знаю, как быть.

И, сев на камень, Найт горько разрыдалась.

– Е-мое! – повторно возопил сыщик, уже поистине отчаянно.

В два прыжка он настиг Ладиславу, схватил под мышки и затряс, как тряпичную куклу:

– Найт! Ау! День добрый, добрый день, прием-прием! Бегом отсюда, это все испарения!

– Нет, это правда!

– Одно другому не мешает! Бежим, пока совсем не надышались!

Лади продолжала тихонечко подвывать.

– Кадет Найт! – грозно рявкнул Берти. – Приказ: немедленно покинуть долину! Ладислава дернулась. Взгляд ее слегка прояснился, вновь наполнившись тем же ужасом, что и при начальных признаниях:
– Есть покинуть долину... – пробормотала она и под одобрителный кивок сыщика бросилась прочь.

* * *

– Наверное, дальше мне лучше идти одной... – подавленно буркнула Ладислава, когда подлая лощина осталась сзади, а токсичные пары выдохлись.

– Одной? Еще чего, – устало хмыкнул Берти. – Чтоб тебя еще и сожрали в довершение вечера? Нет уж, продолжаем держаться вместе.

– Но мне стыдно! Я призналась вам в... в... влюбленности! – страшным шепотом закончила она, озираясь.

Лицо у девушки было такое красное, будто она только что вернулась из отпуска по пустыне. Найт старательно не смотрела на Голден-Халлу.

– Ой, да не парься, – замахал руками сыщик. – Вот уж точно не повод переживать.

Хотя он как раз переживал со страшной силой. Правда, преимущественно по финальной части признаний: тех, что о надежде. И ее отсутствии.

Хотя и влюбленность адептки оказалась для Берти плохим сюрпризом. Потому что он взрослый, мудрый и главный и, по идее, вообще не должен был допустить таких чувств у своей подопечной.

С другой стороны, как бы он спротиводействовал?.. Девичьи сердца – редкие и радостные обалдуи, законы им не писаны.

Встает вопрос: несем ли мы ответственность за то, что кто-то в нас влюбился? Когда Берти учился на актера – был у него такой этап, – мастера говорили: умей не реагировать на непрошеную нелюбовь, презрение и критику; ты не золотая монета, чтоб всем нравиться; ты не обязан откликаться на их мнение о тебе.

Но что насчет чужого интереса? Тут тоже можно закрыть глаза и пройти мимо? Типа: «ваши эмоции – это только ваши эмоции, вы могли использовать мой образ для их формирования, но реальный я не несу ответственности за химические процессы в вашем мозгу». Или на условно позитивной стороне графика работают другие правила?

А как расценить вот этот жесткий поворот: из-за него Ладислава поверила в свое возможное спасение... Здесь-то уж точно он виноват. По полной программе, никакими, блин, «образами для формирования» не прикроешься.

Прах.

Прах-прах-прах.

Короче, Голден-Халле и самому сейчас хотелось уйти куда-нибудь подальше. Сбежать и забыть.

Но это была тупиковая стратегия, поэтому сыщик вздохнул, призывая логику:

– Касательно влюбленности: ничего страшного не произошло, – сказал он максимально твердо. – Раз уж ты даже под парами пообещала, что не нападешь на меня с требованиями любви, то от тебя в здравом уме я никакой романтической подлянки и вовсе не жду. Значит, живем как жили. И тренируем избирательную амнезию – на счет прозвучавших признаний. У тебя ж это скоро кончится, да? – все-таки с тоской и надеждой добавил он в конце.

– Кончится, – согласилась Найт.

И прикусила язык, чтоб не ляпнуть: «вместе со мной».

Она подумала: может, стоит сказать Голден-Халле, что Фрэнсис ей все-таки тоже нравится, очень? Просто по-другому. Будь на болоте близнец, она бы толкнула два монолога! По очереди! Точно-точно!

Но в итоге Найт не стала развивать эту тему. Судя по тому, как у сыщика подергивается правый глаз, он и так мальчика в шоке, а потому не стоит его добивать, беднягу.

Берти между тем хладнокровно закрыл мысленную папочку «влюбленность» и, набрав полную грудь воздуха, перешел к куда более важным вопросам.

– Теперь что касается проклятия... – начал он.

– Да нет, не надо это обсуждать... Это все пары виноваты, давайте просто забудем?.. – Ладислава мгновенно скисла.

Сыщик покачал головой:

– Нет. Как раз вот это мы не забудем, Найт. Ты права: я допустил страшную ошибку, когда начал беречь твои раны. Я не представляю, как ты вообще со мной, «лженадеждой», сейчас разговариваешь: я бы себе лицо расквасил, зубы повыбивал на твоём месте, вот честное слово. Потому что я действительно не могу тебе помочь – это и есть та «плохая новость», которую я упомянул в лошине. Но я не успел договорить: есть и новость чуть-чуть получше. На самую капельку. Она в том, что я не единственный человек на земле.

Берти пожалел, что сжег письмо. С другой стороны, в ночном лесу, даже при свете маг-сферы, его было бы неудобно читать, так что сыщик пояснил вслух.

– У меня есть приятель-ученый, которого в этом году избрали одним из тайных членов Нинделовского комитета.

– В смысле?

– Основная часть жюри, присуждающих премию, не меняется из года в год. А других приглашают на анонимные позиции сроком на сезон. Имена таких жюри не разглашаются – равно как и имена ученых, подавших заявки. Это сделано, чтобы избежать кумовства. Так вот, мой приятель написал, что среди исследований, которые будут бороться за премию по целительству, есть одно чудо-средство: якобы панацея от магических недугов. Вообще от любых, вызванных колдовством. Под графу коих попадают в том числе неснимаемые проклятья. Мой приятель не имеет права разглашать детали – точнее, и разглашать пока нечего, но по косвенным признакам может сказать, что это не газетная «утка».

– По каким признакам?

– Во-первых, исследователь не просит финансирования – а это важный показатель в королевстве Асерин, где ученые обожают гранты чуть ли не больше, чем свою науку... Во-вторых, он прислал комитету микроскопический образец изначального вещества – из которого будет синтезироваться панацея – и оно столь удивительно само по себе, что легко поверить, что из него можно создать нечто чудесное. Ну и в-третьих, исследователь заранее предупреждает, что он не раскроет комитету секрет производства панацеи. Либо они примут результат без комментариев касательно процесса, либо ученый в принципе снимет заявку и пойдет с лекарством в другую страну.

– Э-э-э, – замешкалась Лади. – А так можно? Угрожать комитету? Скрывать рецепт?

Берти со значением поднял указательный палец:

– В том-то и дело, что нельзя. Я раньше не шибко в этом шарил, но мы не так давно болтали о Нинделовской премии с Морганом Гарвусом – ох, я тебе скажу, жюри у них – чистые звери. Однако, когда в игру вступает сладкое слово «панацея», правила отступают... Судя по всему, ученый, подавший заявку, на сто процентов уверен в успехе. И заразил своей верой комитет, в том числе моего приятеля.

– А ваш приятель заразил вас. А вы пытаетесь заразить меня, – прикинула Лади. – Это не панацея, а, напротив, чума какая-то получается... Да и вручение Нинделовской премии будет только через полгода, если я правильно понимаю.

– Да, но тестирование лекарства начнется уже через два месяца. Мой друг вписал тебя в список...

– ...Лабораторных крыс?

– Подопытных индивидов, – с укором поправил Берти.

– Спасибо.

Тяжелая тишина повисла в лесу.

– Ты не рада? – после паузы спросил Голден-Халла.

– Я не верю в чудо-средства от всех болезней. Извините.

Берти кивнул. Он и сам не очень-то верил.

– Прости меня, Ладислава.

Девушка не ответила.

* * *

Когда они пришли к академии, ночь достигла пика.

Оба слегка волновались, вступая в Фонтанный Двор: не найдут ли новый труп?.. К счастью, не нашли.

– Какой следующий шаг расследования? – спросила Ладислава на прощанье. Чуть хрипло спросила, упрямо: по дороге они так и не разговаривали, каждый думая о своем.

Голден-Халла посмотрел на темный Пряничный домик: окна зашторены, света нет.

– Утром я еще раз попробую поговорить с Морганом, и тогда решим по результату, – вздохнул сыщик.

– Вы снова будете дежурить во дворе? Не замерзнете? – Найт вскинула брови, глядя, как Берти сворачивается на скамейке, будто бродяга со стажем.

Тот отмахнулся:

– Ой, да что там осталось – три часа до рассвета.

Тогда Ладислава молча стянула шэппар и протянула сыщику: подушка, одеяло, манто – пусть соорудит, что душе захочется.

– Ты говоришь, что злишься на меня, а сама даешь свой шэппар, хотя у меня в сумке лежит новенькая накидка с атолла... – вздохнул Берти, криво улынувшись.

– Ну я ведь не только злюсь, помните? – брякнула Лади, обхватила себя за плечи и бегом, вприпрыжку, понеслась к академии.

Берти долго смотрел ей вслед.

Если бы кто-то увидел его в этот момент – в одиночестве, ночью, под высоким и темным небом, он бы, наверное, удивился. Сыщик совсем не выглядел тем живчиком, к образу которого все так привыкли, который врос в него, как вторая кожа.

Нет, безусловно, это был искренний образ. Голден-Халла и впрямь именно так ощущал мир: как место, по которому лучше идти легкой поступью, пританцовывая, шутя, шаловливой горстью выхватывая хорошее, которого полно в любой секунде и в любом предмете. Может, хорошее происходит и не с тобой конкретно, а с кем-то другим, но если все мы в итоге – единая пляска всепронизывающей энергии унни, то почему обязательно надо радоваться за себя? Радоваться можно за кого угодно.

Но и грустить тоже.

Берти иногда казалось, что у него сломана какая-то перегородка, отделяющая нормальных людей от мира вокруг них. Будто у всех есть витрина, через которую они смотрят, а у него – только рама от нее. И широкий соленый ветер ходит туда и сюда по миру, по Берти и снова по миру, смешивая все в одно. Только и остается, что шутками защищаться.

Сыщик, сидя на скамье, поджал колени и поднял воротник зеленого плаща.

До рассвета еще далеко.

* * *

Найт поднялась в Хромую башню.

Каменный дракон спал, храпя и слегка осыпаясь мраморной крошкой. Ладислава на цыпочках прошла мимо него. Зато рыцарские доспехи по всему коридору обратили внимание на возмутительницу порядка: захлопали забралами, застучали алебардами: что за безрежимье, а?!

– Да тихо вы! Разбудите ящера! – укорила Найт, но рыцари не уgomонились, свято веря, что адептка шумнее их. Или бесправнее.

У входа в свою комнату Найт притормозила, не спеша доставать ключи: она услышала какие-то звуки в спальне напротив. Кажется, Фрэнсис не спал. Судя по активному шебуршанью страниц, близнец читал.

Лади задумалась. Потом сквозь гобеленный ход вернулась в коридор с доспехами и, на всякий случай извинившись, разобрала один из них – самый простенький, тот, что можно надеть самой – на составные части.

– Я верну вашего друга на место! – пообещала Найт остальным рыцарям, повернувшимся к ней синхронно и в заметной панике. *Так вот она какая, кара от людей...*

Ладислава, сопя, натянула железки. Закрыла лицо и, скрежеща, на негнущихся ногах пошла обратно. А потом поскреблась в комнату Фрэнсиса: «Фрэнс? Поговорим?»

Спустя долгую минуту по ту сторону вздохнули:

– Лади! Ночь на дворе. И я же сказал – я опасен.

– Ночь – это хорошо, – воспряла духом девушка. – Способствует откровенности, но, кхм, не избыточной. А что до опасности – так я подготовилась. Специально для твоего спокойствия.

– Как подготовилась?

– Открой – увидишь.

Заинтригованный Фрэнсис после недолгих раздумий и впрямь приотворил дверь.

Не удержался и фыркнул при виде Ржавой Рыцарши:

– Боюсь, для демона это жестянка на полногтя!

– Твой демон на меня не нападет. Я точно знаю.

– Самоуверенность – это красиво, но иногда несовместимо с жизнью, – цокнул языком Фрэнсис и зябко переступил с одной босой ноги на другую.

В комнате дуло. Окно было открыто во всю ширь, вело на море. В кровати и под одеялом было хорошо, а вот так мяться на пороге – уже не очень.

– Иди спать, Лади, – попросил Винтервилль, пытаясь закрыть дверь.

Но госпожа Найт лишь упрямо вставила железное колено в щель. Покачала головой и со второй попытки подняла заклинившее забрало:

– Твой демон не убивал птицу иррин и Хейли. На твоём месте, Фрэнсис де Винтервилль, я бы не отказывалась от нашей беседы – хотя бы из соображений пользы и чистой совести! И это помимо того, что не пускать девушку в принципе невежливо.

Фрэнсис удивленно расширил глаза.

И пригласил ее внутрь.

31. Ту-ту-дух-дух

Очень неловко бывает узнать, что тот, кого ты искренне считал последней сволочью, изо всех сил пытался тебе помочь... Просто так, как умел.

Шолоховский игрок в тринанп о мастере Пнирколено

– Итак, слушай сюда! – деловито начала Ладислава, колченого прошествовав в спальню.

Доспехи клацали и лязгали («Боги, за что ж вы так с нами, раритетными!»), пока девушка прикрывала окно (но не до конца – не хотелось прощаться с морем), выдвигала из угла зеркало-трюмо (новое, явно притащенное кем-то из академических садистов, будь то Морган или Тисса) и с грохотом плюхалась на пол (оставив в нем пару дырок – у кольчуги на заднице почему-то нашлись шипы).

Близнец покорно опустился на паркет напротив захватчицы и, поджав ноги, кивнул:

– Слушаю.

– Во-первых, я знаю, что в тебе живет демонангел. Мне Тисса рассказала. Все. Сама.

– Дивны дела небесные!.. – непроизвольно вырвалось у Фрэнсиса. – Та-а-а-ак, – добавил он уже с куда большим интересом.

– Во-вторых, я как бы подрабатываю. Как бы помощницей детектива!

Найт подмигнула близнецу.

Ее маятник – тот самый маятник настроений, вечный враг, – в лесу дошедший до тьмы чернушей, радостно летел обратно, подпинаваемый самой Ладиславой.

Нет надежды? Нет. Что ж! Будем развлекаться до последнего.

Ладислава посвятила близнеца в отдельные этапы расследования, которое вели они с Голден-Халлой.

– Итак, мастер Берти считает, что убийцы – пепельные элементали, а не ты. Он не делился со мной всеми своими гипотезами, – вздохнула она, преуменьшив, ибо сыщик не делился вообще никакими, – но я думаю, тебя и вовсе не было в Фонтанном Дворе в ночи убийств. Да, ты становился демоном – я сама это видела, но мне кажется... Ты просто летел на море. Привычным маршрутом. Есть рыбку и бесить короля ундов. Вот, посмотри на этот балдахин, например!

Ладислава в скрежещущем прыжке достигла кровати и ухватила за все еще грязную ткань с запекшейся кровью.

– Фрэнс, давай отдадим его госпоже Клыккер на экспертизу? Она на одном уроке хвасталась, что с определенным заклятьем под лупой сможет отличить кровь млекопитающего от рыбьей крови... Я готова поспорить, что это – рыба. А ты? – Найт, как ловец быков, потрясла красной тряпкой.

Но близнец на нее не смотрел.

Он сидел, вперив взгляд в ковер, о чем-то глубоко задумавшись.

– Лади, – вдруг сказал Фрэнсис, подняв ошалелый взгляд на девушку. – Если ты права – и мой демон не убивал иррин и Хейли, то это все меняет.

– Конечно, меняет! Тебе не в чем себя винить! Ну, не считая рыбок.

– Нет. Нет-нет-нет!

Винтервилль вскочил, и, ероша волосы, заходил по комнате кругами, как бешеный.

– Что ты сказала про базовые потребности чудовищ? Как сформулировал это магистр Фоскаш?

– «Они либо едят, либо защищают хозяина, либо мстят», – озадаченно повторила Ладислава.

– Именно! – Фрэнсис аж подпрыгнул. – Демон – это ведь тоже чудовище! Боги-хранители, пресвятые отцы добродетелей! – ахнул он. – Я прав, Лади! Я был прав! Я не зря себе верил!

И, подбежав к девушке, задрав ей забрало, он быстро поцеловал Ладиславу.

Забрало упало обратно со звонким лязгом. Найт внутри пунцовела и недоумевала.

– Э-э-э-э, в чем прав? – глухо спросила она из-за жестики. И наконец сняла с головы шлем – жаркий, волосы под ним взмокли и теперь вились кудряшками возле лба, – и, помедлив, начала раздеваться и дальше.

Фрэнсис скользнул по ней заинтересованным взглядом, но продолжал наматывать круги.

– Понимаешь, Лади, мне все время казалось, что мой демон не так уж и плох, – сказал он. – Но мне даже говорить об этом было стыдно: после сцены в том клубе. Однако и там... Он был как-то подозрительно избирателен в жертвах: если задуматься отстраненно. И еще я не мог избавиться от мысли, что в легендах демоны и ангелы описаны одинаково: золотые, летающие, очень сильные. Мне казалось, что люди шэрхен, которые категорически отрицают «благость» ангелов и «злость» демонов – совершенно правы. Нет добрых по определению. Нет злых. Есть только некие сущности, которые иногда попадают в наш мир – и ведут себя по-разному в зависимости от обстоятельств.

– Так! – согласилась Найт, расстегивая кожаные ремешки под коленями.

Фрэнсис вдруг резко затормозил:

– Мы с Тиссой похожи, верно?

– Хм. В этом вопросе кроется подвох?

– В этом вопросе кроется факт! – близнец усмехнулся. – Прости, просто, кажется, я тоже решил сыграть в детектива. Ревную тебя, что ли?..

Лади отвела глаза, польщенная.

– Итак, у нас с Тиссой одинаковые волосы, кожа, глаза, носы. Жестикуляция, походка, поворот головы – все идентично! Даже манера держаться. Тисса одевалась мужчиной, брызгалась моим парфюмом и в итоге была слишком похожа на меня. Поэтому клеила усы. Усики. Гребенку такую, будто губную гармошку приклеили к верхней губе. Это было мерзко, если честно.

– Представляю, – посочувствовала Лади.

– Но в клубе эти дрянные усики отвалились, – с непонятным торжеством сказал Фрэнсис.

– Ура? – предположила Найт.

Фрэнсис искренне развеселился.

Он сел на кровать и скрестил ноги. Отсмеявшись, Винтервилль выдержал долгую торжественную паузу, набивая загадке новые бонусы.

– Демон нас перепутал, – наконец изрек он. – Когда он появился в пентаграмме, он сначала ничего не делал. Просто стоял. А вот когда Тисса выпустила его, он начал убивать, но не потому, что зол сам по себе, а потому что базовая потребность номер два велела. Демон *защищал Тиссу* от ублюдка с ножом. Тиссу. Свою хозяйку. Ту, которая привлекла его в наш мир. Единственное существо здесь, по отношению к которому у него был ясный алгоритм действий: сбросить!.. Ну а потом он слегка увлекся с остальными, – близнец болезненно поморщился.

– Жмых! – ахнула Ладислава, возбужденно вскакивая на ноги.

Доспехи остались валяться блестящей горкой – будто сокровище у дракона, – и Найт в одной рубашке и подштанниках забегала по комнате не менее ретиво, чем Винтервилль за пару минут до этого.

– Точно, Фрэнсис! Ты прав! И дальше сходится! Ведь, по рассказу Тиссы, он убил только монахов, не нападая на тебя. Если бы ты не схлопнул свою же защитную сферу, демон бы так и остался стоять и ждать... Чего-нибудь. Или пожрать попросил бы, не знаю. А так – он вселился в тебя единственно затем, чтобы...

– ...Чтобы спасти меня, – подытожил близнец. – Своего нового хозяина. Здесь, в Буре, – продолжил Фрэнсис, с ногами забираясь на кровать, – он меня тоже спас – тогда, на мостике. А когда мы летали над морем, он всегда был абсолютно нормальный: ту рыбу ундовой принцессы он съел по недосмотру, я уверен. Я тоже не знал, что это какая-то особенная рыба! Но Морган Гарвус, приехав, сразу решил, что демон зол. Его на это сподвигло не только конкретное техническое задание от отца, но и ярость, с которой Пустошная Сущность среагировала на первое же знакомство с доктором. Но ведь и он начал с опытов, то есть пыток чистой воды! Естественно, для демона Морган моментально стал врагом. И потом – если начать вспоминать – практически все взрывы ярости демона приходились на спецкурсы и мои... м-м... дурные мысли. На те моменты, когда я вспоминал кого-то, на кого злюсь, преимущественно все того же Моргана.

– И Тиссу? – вопросительно добавила Лади, садясь рядышком на кровать.

Винтервилль категорически покачал головой:

– Нет. Мы с Тиссой часто ругаемся, но я никогда не злюсь на нее по-настоящему.

– В Долгую Ночь злился, – напомнила Ладислава. – Если бы не злился – не сорвался бы, разве нет?

– О нет... – задумчиво протянул Фрэнсис. Лоб его мгновенно пересекла скупая и строгая морщина. – Тут было другое.

Близнец явственно заскрежетал зубами. Подошел к окну, сел на подоконник и неожиданно мрачно, исподлобья уставился на подругу.

– Судя по всему, вина Моргана Гарвуса заключается чуть в большем, чем в исследовательской халатности...

Найт горячо закивала:

– Согласна! После разговора со старым ректором у меня возникло ощущение, будто твой учитель сделал с островом что-то такое, из-за чего теперь приходят элементали – и убивают... Но Гарвус не хочет останавливать монстров, хотя знает о них. Вместо этого он позволяет тебе считать, что ты – убийца! Хотя на самом деле вина лежит на нем – как на подстрекателе подземных духов, выбравшем пагубное бездействие.

– Даже хуже, – Фрэнсис мрачно покачал головой. – Не в бездействии виноват Морган. Перед Долгой Ночью он дал мне зелье... – и Винтервилль быстро пересказал подруге свою ссору с профессором.

Ладислава протяжно присвистнула.

– Так ты думаешь, он намеренно тебя подставил?..

– Ага, – сказал Фрэнсис. – И теперь я его убью, – развернувшись на пятках, Винтервилль двинулся к двери.

– А ну стоять! – Найт, перепрыгнув гору лат, кинулась ему наперерез. – погоди! Дай мастеру Берти сделать свой ход! Пусть побеседует с доктором поутру. У нас с тобой, согласишься, все еще не хватает деталей мозаики.

– Для вендетты вполне хватает, – прорычал Фрэнсис запальчиво.

– Мертвый Морган нам не расскажет, что именно сделал с Этерной! А это, пардон, интересно не только для мастера тайн! И вообще, твоя фамилия вроде Винтервилль, а не Линч²!

– О, поверь, мы, Винтервилли, немногим лучше. Почитай биографию отца, она выходит в ежегодном сборнике «Успехи Асерина», – ядовито фыркнул Фрэнс, непреклонно отодвигая девушку.

² Кто такие Чарльз и Уильям Линч – в мире Лайонассы достоверно не знают. Но знают, что жили какие-то люди с такой фамилией и каждый по-своему наследил в потакании убийствам подозреваемых – без суда и следствия... По факту, термин «линчевать» и его примерную этимологию в Лайонассу занес бог-хранитель Рэндом – тот еще кузнечик меж миров.

– Фрэнсис! – рявкнула Найт. – Стать убийцей, чтобы избавиться от клейма убийцы? Серьезно?

Винтервилль вздохнул, опустил плечи.

– Да нет, – сказал он. – Просто хочется набить ему морду.

– А вот это слишком маленькое наказание. Даже для затравки, – Найт цокнула языком. – Давай дождемся утра, пожалуйста. А пока... У меня есть идея.

– Какая именно?

– Раздевайся! – приказала Найт.

* * *

– Эм, раздеваться, Ладислава? – Фрэнсис с интересом поднял брови.

– Ага. Ну, не обязательно до конца, – благородно разрешила Найт. – Давай настолько, чтобы ты обратился без порчи текстильной продукции.

– Но я не собираюсь обращаться, эй!

Девушка пожала плечами:

– А как иначе мы проверим теорию Добронравного Демона?

– Когда цена проверки – чужая голова, к д'гарру такую проверку! – близнец заартачился, хотя и ему хотелось убедиться, что они оба правы: Пустошная Сущность – не зло во плоти, а лишь телохранитель-энтузиаст, заплутавший в чужом измерении.

Лади встала с кровати, легко подцепила с пола все тот же рыцарский шлем и, беззаботно размахивая им, направилась к выходу из комнаты. Открыла дверь, вышла в коридор, затем открыла дверь в тринадцатую, зашла туда, снова открыла дверь – теперь в ванную – и застыла уже там, возле матового окошка, ведущего в сад. Теперь их с Винтервиллем разделяли анфилада комнат и три деревянные рамы, все слишком узкие для мощного демонангела.

– Так я успею сбежать, если что-то пойдет не по плану, – сказала Найт. – Принудительная перепланировка посредством клыков и крыльев – дело долгое.

Фрэнсис еще с минуту колебался, потом кивнул:

– Хорошо. Давай попробуем.

– Хотя нет, подожди! Раздевайся медленно! – вдруг спохватилась Лади.

И она вприпрыжку вернулась из ванной в тринадцатую, схватила со стола лист бумаги, перо и написала короткое письмоцо Голден-Халле: рассказала про зелье, которое Морган дал Фрэнсису, которое вызвало срывы.

Пусть сыщик узнает об этом прежде, чем пойдет беседовать с потенциальным главзлодеем. Ибо Найт подозревала, что кто-кто, а уж она рассвет сегодня проспит.

Ладислава старательно свернула письмо в остроклювую птичку, под удивленный «эй!» Винтервилля вылезла на башенный карниз сквозь окно санузла и чуть-чуть по нему прокралась – до поворота. Там Найт обслонявила палец, замеряя ветер, а затем, прищулив один глаз и высунув от усердия язык, запустила свое письмо в Большой Фонтанный Двор – вон он, прямо по курсу...

Послание, конечно, попробовало уклониться; смуться в лес; избежать судьбы, обернувшись якобы настоящей птицей, но Лади упрямо скорректировала его маршрут одним из выученных заклятий.

Когда бумажная птичка клюнула спящего на скамье детектива в щеку, а затем провалилась за ворот его плаща, Найт радостно кивнула и бесстрашно пробалансировала обратно.

– Что ж, теперь начинай! – подмигнула она Фрэнсису. Тот лишь мрачно переминался в одних кальсонах.

* * *

Превращение не было ужасным, как ожидала Лади. И спецэффекты, явленные в Долгую Ночь – следствие борьбы с демоном, – сегодня тоже отсутствовали.

Сейчас Фрэнсис лишь закрыл глаза, расслабил плечи и... Его быстро поглотило облако темноты. Черные клубы почти мгновенно сменились золотыми, и вот посреди спальни уже стоит демонангел.

Монстр тяжело дышал, низко опустив голову. Его руки – длиннее человеческих, покорными плетью висели вдоль тела. У демона были узкие, изящные ступни; хорошо обрисованные мышцы; лицо, похожее на золотую погребальную маску; венок из золотых веток на лбу и крылья – слегка приподнятые, настороже.

– Привет, сожитель Фрэнсиса. Я слышала про тебя немало! А ты про меня? – храбро крикнула Ладислава из своей ванной и на всякий случай поудобнее перехватила душевую лейку: если что, она без зазрения совести окатит этого золотого кипятком.

Демонангел поднял глаза и тихо, ровно, как маг-моторчик, зарычал.

– Эй, эй! – нахмурилась Лади. – Я друг твоего хозяина, я не собираюсь причинять вред ни ему, ни тебе! Ты понимаешь меня?

Золотая тварюга то ли не понимала, то ли не интересовалась «нейтральными людишками» (ибо что, собственно, с ними делать?). Демон отвернулся к окну, издал новый рык – уже куда более воодушевленный – и, схватившись двумя когтистыми лапами за раму, распахнул окно во всю ширь.

Море!

Ветер влился в комнату, как волна; демон блаженно прикрыл глаза, вытянув крылья назад, будто бабочка, сидящая на розовом бутоне. Потом он поднял и поставил на подоконник правую ногу, левую ногу – длинющие штуки, да и на растяжку монстр не жаловался, – привычно поджал пальцы, цепляясь за край уже с той стороны...

– Эй! погоди! – Лади, бросив бесполезную лейку, кинулась к демону по коридору.

Тот присел на корточки, полуразвернулся и замер, уже готовый ухнуть в ночную пустоту.

– Скажи, а Фрэнсис сейчас видит, что ты делаешь? Или он опять, э-э-э, отключен? Как в ночи убийств? Эй, Фрэнс, ты там? – Лади изогнулась, изловчилась заглянуть в золотые глаза демона и помахала им, будто волшебному зеркальцу-передатчику.

Демон, кажется, удивился. Моргнул: веки у него были прозрачные и закрывались снизу вверх. Потом задумался, и вдруг... Не меняя позы, схватил Ладиславу двумя руками и, перекинув через себя, мешком с картошкой выбросил в окно.

– Жмыхову бездонку!!! – захлебнулась Найт где-то в процессе вынужденного кувырка.

Да, окно было высоко, очень высоко над морем... Цвета синего камня, оно мерцало планктоном и мягко раскачивалось в свете огромной – ненормально огромной сегодня – белоснежной луны. Лади постаралась вытянуться, как солдатик, чтоб уменьшить площадь удара о воду, но не успела она набрать воздуха перед нырком, как золотые руки схватили ее и крепко прижали к себе.

И тотчас направление полета сменилось: с вертикального в горизонталь, причем так мягко и грациозно, что Ладиславе оставалось только восхититься. Аэродинамика демона была чудовищно хороша!

Демон летел низко над водой, ложась то на одно крыло, то на другое, стягивая Ладиславу, как ремнями безопасности в тернаских дилижинсах; захочешь – не вывернешься, даже ценою ребер. Из воды по бокам с пронзительным писком выпрыгивали какие-то подводные существа с плавниками на спине: причем, кажется, пищали они сами по себе, восторженно воспевая ночь, а не от паники при виде демона.

– Значит, ты любишь летать? – крикнула Лади, госпожа очевидность, задрав голову. Демон кивнул. – Мне тоже нравится! – призналась она и развела руки по сторонам – будто тоже крылья.

Демон воспринял это как разрешение и тотчас стал выписывать кульбиты: бочки, мертвые петли, штопоры и кружения. Найт честно поддерживала его криками одобрения.

Потом демон снова вышел в прямой полет и понесся куда-то очень быстро и целенаправленно. Глаза на такой скорости слезились; Найт вынужденно прикрыла их. А когда открыла вновь, оказалось, что они подлетели к крохотному островку среди моря – песочно-травянистому холму с остовом разрушенного маяка.

Демон мягко опустился на ноги и выпустил Ладиславу. Девушка огляделась и непонимающе повернулась к твари:

– Так, ага-а-а? – вопросительно протянула она, надеясь на подсказку.

Вокруг не было ничего, только море. И окно в комнату Фрэнсиса, портал, застрявший от них в двух милях, что висел и горел мягким светом, как авангардная квадрат-звезда, сошедшая с небес. Демон негромко, с какими-то извинительными нотками зарычал, развернулся и, оттолкнувшись прыжком... улетел.

– Эй! – тотчас заорала Найт. – Ау! Демон! Ангел! Твою мать, ФРЭНСИС!

Золотой силуэт скрылся вдали, притушенный легким туманом, ходящим над водой на роли зрителя...

– Охренеть! – с чувством сказала Ладислава, оставшись одна.

Она огляделась. Развалины маяка были в столь плачевном состоянии, что очевидно не представляли интереса. Плыть куда-либо в ночи, зная, что в Гремящем море водятся кракены, акулы, змеи-ливьятаны и прочие жуй-жуй-водные, казалось ужасной идеей. Да и куда плыть? Перепутаешь направление – и здравствуй, конец света, бескрайний океан...

Пока Лади сосредоточенно размышляла над своей островной судьбой, в глубине воды вдруг зажглись два белых огонька и начали быстро, синхронно приближаться.

* * *

Найт мгновенно схватила чугунный прут – осколок маяковой конструкции – и встала в боевую стойку. Если это очередной монстр со светящимися глазами – он получит по лбу, а не ужин.

Вода пошла кругами и забулькала, когда огни приблизились. Три секунды до поверхности... две... Всплеск! На фоне луны, утопшей в море наполовину, неожиданно и синхронно вынырнули две бледнокожие девушки-унды. У каждой в руке было по круглой жемчужине-фонарю.

– О-ой, Ми-итра, а это еще что тако-ое? – расстроено протянула одна из них на тягучем моренлинге, хлопая глазами на Ладиславу.

– Хоро-о-оший вопрос, – задумчиво ответила вторая. – Может, убивец в к-о-ои-то веки решил заплатить за еду-у?

– Другой едой, что-о ли? Но мы не едим человечину, тем паче такую замерзшую!

– Он, видимо, то-оже!

И морские девицы с сомнением уставились на Лади.

– Я знаю ваш язык, – сказала Найт. – И я не еда, не оплата, и слово «человечина» мне тоже не очень нравится. Я адептка из Бури.

Унды ойкнули, переглянулись и убежали на берег: гибкие силуэты, прозрачные тоги из текуче-блистающей ткани. Их бледно-зеленые волосы были украшены ракушками, обрывками рыбацких сетей и... золотыми перьями. Очень знакомыми золотыми перьями, каждое из которых – как маленький кинжал.

– Вы что, ощипываете Фрэнсиса?! – ахнула Лади, покрепче сжимая прут.

Унды пискнули, но не сбежали. И нет, как выяснилось из дальнейшей беседы, не ощипывают, а *убирают* за ним.

– Бережем экол-о-огию, – важно сказала одна.

– И кошельки! – хихикнула вторая.

На этот крохотный островок убивец всегда прилетал после ужина. Лежал здесь, сушил крылья («А то за рыбой он ныря-яет, как птица-олуша», – пояснили унды), чистился песком, а потом уж сбежал в портал. А девушки-унды, выучив его примерное расписание, приплывали сюда после – потому что такие перышки, ах, такие перышки нигде не купишь и не выменяешь! Не может ли Ладислава, раз она убивцева подружка, надергать у него побольше и сбросить ундам из окна?

– Это вряд ли, – Найт покачала головой. Еще не хватало его оскорбить, потянувшись за перышком цепкими пальцами... – Слушайте. А в Долгую Ночь убивец прилетал?

– Да, – кивнули унды.

– Точно?

– Отсюда мн-о-ого воды ушло, даже крыши нашей деревни обнажились: то-очно!

И крови птицы иррин на демоне той ночью тоже не было, и вел он себя обычно – как выяснилось дальше.

– А на следующий день прилетал?

– Да! А вот вчера пропустил – а я так надеялась на пе-о-рышко! Мне одного на браслет не хватает!

– Ура! – сказала Найт, игнорируя чужую ювелирную проблему. – Ура, ура, ура!

Значит, Фрэнсиса стопроцентно не было в Большом Фонтанном Дворе в ночи убийств. Теперь это не домысел, а факт, подтвержденный свидетельскими показаниями.

Вдруг над морем раздался довольный, сытый рев. Унды, пискнув, мгновенно сбежали обратно в воду. А Лади села на песок, склонила голову и залюбовалась тем, как к островку на бреющем полете приближается крылатый силуэт.

Приземлившись, демон и впрямь долго умывался: оттирал рыбью кровь со рта и когтей, чистил перышки, урчал, катаясь в песочной крошке, и даже как-то странно зарывался в песок головой.

– В твоём мире... месте, откуда тебя вызвали – там много песка и воды? – спросила Найт, все это время сидевшая рядом.

Демон замер и глянул на нее искоса, не поднимая макушки от земли, а потом утвердительно моргнул.

– А ты можешь туда вернуться? Если, скажем, опять провести ритуал? Или каким-то другим способом?

Демон будто... потух. Слегка сменил колорит: из яркого золота в тусклую бронзу. Потом встал, подошел к обломанной стене маяка и острым когтем – звук был воистину ужасен – яростно процарапал: «НЕТ». На луну набежали тучи; море мгновенно исчезло во тьме.

– И как же тогда быть? – спросила Ладислава.

«ПРИНЯТЬ ЭТО».

У Найт что-то тихо обрушилось в груди от этого простого совета. Она подняла взгляд на демона.

Он стоял, опустив когтистые руки вдоль тела. Крылья лежали полуразвернутые, напоминая длинный темно-золотой плащ. Его глаза – непостижимые, спокойные глаза существа, пришедшего настолько издалека, что никакими милями не измеришь – понимающе смотрели на Ладиславу.

«ПРИНЯТЬ», – еще раз когтем подчеркнул он.

Она кивнула и вдруг поняла, что плачет: слезы просто текли, неприглашенные, а Найт продолжала стоять очень прямо, с воинской выправкой, и изо всех сил старалась не моргать, не отворачиваться, не пугаться.

Демон шагнул к ней и укутал шатром из крыльев.

Ты можешь плакать. Никто не увидит, обещаю. Ни звезды. Ни небо. Ни Фрэнсис. Никто.

Позже он сграбастал ее в объятия – уже привычно – и полетел к далекому окну академии.

Две унды, потирая ладоши, радостно вынырнули из прибрежных водорослей. Перышки-перышки, серьги-браслетики, юх!..

* * *

Уже в комнате Винтервилль вернулся в свой истинный облик.

– Я подружилась с твоим демоном, – похвасталась Найт, уже вернувшая себе былое самообладание.

– Я видел, – юноша сощурился. – Я все помню. Только минут пятнадцать на острове почему-то выпали из памяти.

«Спасибо, демон», – подумала Найт.

– Он умеет летать, у него перья из золота. Он немногословен, надежен и сам себе ищет еду. Что, если он твоя лучшая половина, Фрэнсис? – усмехнулась Лади.

– Подойди сюда, – близнец поманил ее пальцем.

Найт заинтригованно приблизилась.

– Слушай, – Фрэнсис прижал руку девушке к своей груди.

Ту-ту-дух-дух. Ту-ту-дух-дух.

Какой... непривычный ритм.

– У тебя два сердца? – опешила Ладислава.

– Второе принадлежит ему.

Ладислава приткнулась ухом.

– Я не знаю, как все это работает, – признался Фрэнсис. Его голос, отдающийся в грудной клетке, забавно вибрировал. – Откуда берется Пустошная Сущность в моменты превращения, куда исчезает мое тело. Но сердце демона, кажется, действительно где-то там. Оно постоянно пребывает в нашем мире, во мне. Оно прошито насквозь, будто гвоздь, пробивающий и объединяющий два слоя реальности. А весь остальной демон как бы... расщепился. Частично там, частично тут. Как-то раз Морган Гарвус предположил на спецкурсе, что в этом и может быть проблема наших изгнаний: демона нельзя «вынуть целиком», потому что он уже разорван. Пока его сердце в ловушке, он жив и мертв одновременно. Полное изгнание оставит нас либо с осиротевшим сердцем в руках, либо с демоном – без сердца...

– Но мы же вывели, что Морган как бы плохой, – напонила Ладислава. – Мало ли что он говорил, может, запугивал тебя просто.

– Он не мне это говорил, а своему ворону. Рассуждал вслух, пока думал, что я в отключке из-за попыток. Так что я не думаю, что это была ложь.

Винтервилль улегся прямо на пол и, задумчиво вертя в руках выпавшее перышко, смотрел на потолок, расписанный под звездную карту. Найт, ничтоже сумняшеся, плюхнулась рядом.

– Я все это к тому, что я тоже чувствую – мой демон не сможет вернуться к себе домой. Его дом теперь я.

Найт пожала плечами:

– Значит, нам очень повезло, что он душка при правильном обращении!

– Боюсь, моего отца-архиепископа один романтический полет над морем в этом не убедит, – хмыкнул Фрэнсис. – И два полета. И двадцать.

– А если при этом унды будут махать ему из воды и восхвалять его, а все выпавшие перья мы отдадим в церковную казну на благо паствы?

Фрэнс рассмеялся.

– Ноа заедет сюда в марте, чтобы проведать нас с Тиссой и взять меня с собой в проповедническое турне по Лесному королевству. Я откажусь, правда: я хочу побывать в Шолохе, но без него, потому что там живет наша бабушка, и я бы лучше увиделся с ней. Ну и вообще: отец, если честно, умеет очень хорошо убеждать других, ты не успеваешь ничего понять, а уже разделяешь его точку зрения... А я хочу составить о бабушкином городе свое мнение. В общем, отец – непростая личность. Когда он приедет сюда в марте – сама его увидишь и все поймешь.

– В марте? Не, не увижу, – Найт покачала головой.

– Что, думаешь, тебя уже отчислят к этому моменту? – близнец вскинул брови и перевернулся на бок, подложив руку, согнутую в локте, под голову.

Ладислава легла точно так же.

– Ага, – сказала она. – Отчислят очень глобально. И очень безжалостно. Следуя совету демона, мне надо просто принять этот факт, да поскорее. А то я все бегаю от него, скрываюсь. Трачу столько сил на мысли о неизбежном! А могла бы в это время воспевать саму жизнь...

И, прежде чем Фрэнсис нахмурился, не понимая ее странной перемены настроения, Найт снова весело подмигнула, глядя ему в глаза:

– Будешь по мне скучать, златокрылый?

– Ты это мне или демону? – притворно возмутился Винтервилль.

– О, жмых, ты раскусил наши с ним чувства! Надо бежать! – расхохоталась девушка и действительно приподнялась, будто стремясь спастись от ревнивого аристократа. Но Фрэнсис не дал ей этого сделать. Удержал на месте и, напротив, подтянул к себе.

...Рассвет они действительно проспали.

32. Берти, позволь, я продолжу

*А одна из наших уютниц умеет готовить как минимум двадцать разновидностей кофе! Или даже больше. Я каждый день для интереса прошу что-то новое, и она до сих пор не повторилась!
Из восторженного письма адепки домой*

– Мы принесли вам кофе, мастер Голден-Халла! – пропел нестройный, но вдохновенный хор голосов.

Берти открыл глаза. Закрыл, зажмурился – *мерещится!* – и открыл опять.

Над ним, как над больным в лазарете, умильным полукругом толпились адепты. Сам детектив так и лежал на скамейке в Фонтанном Дворе.

Лица студентов, преисполненные благости, мягко светились розовым на фоне негданно-белого неба, чуть рыхлого, будто венчиком взбили. Далеко-далеко в небесах проглядывал скудный намек на солнце, и тот, едва заметил прищур Голден-Халлы, поспешно спрятался в суфле из туч.

Но детектив уже успел отметить, что светило всползло высоко. Слишком высоко для рассвета. Ой-ой!

Между тем у каждого из адептов в руках было по берестяному стаканчику: один с плотной шапкой из взбитых сливок; другой – дурманивший кардамоном; третий – с палочкой корицы, лихо выглядывающей из черного кофейного нутра. С апельсиновой корочкой, жаренной в карамели; с крупной крошкой из тростникового сахара; рядом – почти пустой стакан с дегтярной жижей на дне...

– Мы не знали, какой вы любите, поэтому принесли все виды! – закудахтали студенты, наперебой протягивая свои дары.

– Все люблю – в зависимости от настроения! – поблагодарил рыжий, садясь. – Который час?

– Пол-одиннадцатого.

– А почему вы тогда не на лекциях? – Берти повел носом, наслаждаясь бодрящим запахом, и наугад взял один напиток.

Кофе и впрямь был кстати.

– А у нас ТММ по расписанию. Но доктор Морган не пришел.

– Почему не пришел?

Студенты беспечно развели руками: мол, нам-то откуда знать? Мы как бы и не очень выяснять хотим, нас как бы сложившаяся ситуация вполне устраивает! Смотрите, какая погода чудная: вдоль земли туман, похожий на змейку, да такой густой, что сапог не видно; а сверху – это белое, дивное небо. Кинь в него мяч, или голубя, или пульсар – пропадет, будто белая кошка слизнула! Ну зачем тут грустить о лекции? Тут надо гулять!

Берти сгреб все стаканчики. Кое-как умудрился их не расплескать (да, опыт работы официантом у него тоже имелся), потом распрощался с адептами и побежал к Пряничному домику.

– Мастер Берти! Вы письмо потеряли! – окликнули студенты. Берти удивленно развернулся, также стремительно сбегал обратно к скамье, взял письмо в зубы. И вновь – к дому.

Окна были закрыты ставнями. Ловец ветра исчез с крыльца.

– Морган! – рыжий ногой заколотил по двери (руки-то заняты). В ответ была предсказуемая тишина.

Берти поусердствовал еще пару минут, потом развернулся и пошел в академию. Один стаканчик кофе опустел еще по дороге через двор; второй стал подарком сонному мастеру Хьюго-артефактору, который, матерясь сквозь зубы, по стенному плющу спускался из Астрономиче-

ской башни (очень тайно, ага; никто, конечно, не видит. Вообще никто не в курсе их отношений с астрологиней, и, конечно, выйди артефактор нормально, все бы наклеили ему табличку «разврат» на лоб, ибо чем еще заниматься студентам, кроме как осуждать или... завидовать).

Третий стакан кофе Берти выхлебал в главном холле.

Дегтярную жижу осторожно опустил в мусорное ведро (предварительно оглянувшись – не заметят ли? А то обидеть не хочется), а еще две порции взял с собой в кабинет леди-ректора: Элайяна любит апельсины, а значит, ей понравится эта цитрусовая вариация.

На середине винтовой лестницы сыщик прочитал ночной доклад Ладиславы о том, что Морган Гарвус пытался подставить Фрэнсиса с помощью зелий, и Фрэнсис его раскусил.

– М-да... – протянул Берти.

* * *

– Где Морган? – спросил рыжий, заходя к подруге.

– Даже не упоминай при мне его имя! – рявкнула Элайяна, мерившая кабинет нервными шагами. – Берти, ты знаешь, что он сделал?!

– Хм, у меня есть парочка предположений...

– Он УВОЛИЛСЯ! – ректор яростно бахнула об стол тяжелую книгу учета. – Гад! Хлыщ лесной, фронт бледнокожий!

Это ругательство звучало забавно из уст эльфийки.

– В смысле – уволился? – Голден-Халла высоко вскинул брови.

– Вот и я не понимаю, как так можно: взять и уехать с острова Этерны! – продолжала негодовать Элайяна, экспрессивно размахивая руками. С ее пальцев срывались маленькие искорки и, гневно воя, шутихами разбегались по кабинету – даже занавеску подпалили.

– Какой вурдалак его укусил?! Да, вчера он поссорился с Тиссой; да, их спецкурс с ее братом шел не так, как хотелось бы, – Эл раздраженно закатила глаза. – Да, Фрэнсис обвинил его из-за какого-то пузырька, плюс у него были мигрени и проблемы с магическими браслетами – все время потухшие... Но это же не повод увольняться! Так подставить всю Бурю! Вот и доверяй после этого людям! А ты? – она вдруг метнула на сыщика сумрачный взор. – Где тебя вчера носило, Берти?

Голден-Халла, нахмурившись, прикрыл за собой дверь и сел в посетительское кресло.

– Я вел расследование по поводу Хейли и твоих ребят.

– Великолепно! – взывала ректор, патетически воздев руки к потолку.

В черном платье с широкими рукавами, цеплявшимися за пальцы на колечки, она была похожа на экзальтированную летучую мышь.

– Мало того что у меня теперь будут проблемы с Его Высокопреосвященством – ибо где мне взять другого мастера, самой, что ли, с Фрэнсисом заниматься?... Так еще и ты собираешься доказать, что сын Ноа – убийца! Изумительно! Спасибо, дорогой! Давай закроем академию прямо сейчас, чего мелочиться!

И Элайяна, издав протяжный стон, рухнула в свое кресло, шлепнула лоб на руки, сложенные на столе крестом, и начала тихонько долбиться головой, что-то нерадостно пришептывая.

Берти сочувственно поморщился.

– Хей, – сказал он. – Во-первых, я принес тебе кофе. Держи. Смотри, тебе апельсин улыбается. Ну что ты кривишься, Элайяна! Ты же такая сильная, такая волевая – давай поплачь уже, как настоящая женщина, пусть станет легче! Иди сюда. Моя грудь создана для рыданий, ну. Молодец. Хорошая девочка. Ну а во-вторых: для архиепископа, напротив, у меня хорошие новости.

И Голден-Халла рассказал подруге о своем расследовании: об уликах, пепельных элементах, мнении старика Фоскаша про болезнь острова и о двух отливах.

Элайяна, свернувшись в кресле набычившимся клубком, хмурилась на него из-за стаканчика с кофе. Ее напудренные серебряные волосы завивались в мелкие локоны, повинувшись горячему – зачарованному – пару. Большие глаза – изумительно черные, совсем без белков – смотрели на сыщика очень пристально.

А Берти, сидя напротив, не отрывал взгляда от столешницы и задумчиво водил по ней пальцами, вырисовывая странные символы.

– Я не знаю, убить тебя или расцеловать, – наконец вздохнула Элайяна, вновь обретая привычное хладнокровие. – Однако ты всего лишь вывалил на меня гору фактов. Надеюсь, у тебя уже есть идеи, как все это связано. Вот лично мне из твоих слов показалось, что Гарвус был не вполне честен с нами. Ты думаешь так же?

– Эл, подожди. А как сам Морган объяснил свое увольнение и когда и как именно он уехал?

Эльфийка не сразу ответила на вопрос.

Она помолчала. Потом вздохнула. Затем оставила пустой кофе, прикусила губу и скрестила руки на груди:

– Если честно, я не знаю: я пришла в такую ярость из-за самого факта увольнения Гарвуса, что даже не стала его расспрашивать.

– Ничего, я его расспрошу, – мрачно пообещал рыжий. – Догоню и расспрошу, только подкажи, во сколько Морган покинул Бурю?

– Не помню. Часов в восемь?

– Д’гарр. Самое ходовое время в порту! Ладно, я пошел, попробую поймать его до того, как он сядет на корабль.

– Стой!

Эльфийка метнулась вперед, как дикая кошка, и резко накрыла пальцы сыщика, плясавшие по столу, своими руками.

– Берти, – леди-ректор проникновенно заглянула в глаза мужчины, – ты считаешь, что это Морган виноват в убийствах?

– Я не говорил этого.

– Но думаешь ты именно так: я же тебя знаю, – Элайяна сощурилась.

Где-то там, в облачном царстве за окном, вдруг случился маленький бунт: луч солнца вырвался из цепкого хвата серости и триумфально пробежал по кабинету. А потом осел на длинном носу Голден-Халлы, сотней пылинок вместе с сыщиком вглядываясь в странно застывшее лицо эльфийки напротив.

– Берти, – тихо, будто бы чуть угрожающе повторила она. – Ты начал следствие, хотя я просила тебя этого не делать. Впрочем, да, это было предсказуемо. В той же мере очевидно для меня сейчас, что ты знаешь: это Морган во всем виноват. Просто ты молчишь из неких... дружеских чувств к нему. Он к тебе привязался, верно? – она не отрывала от сыщика внимательных глаз.

– Нет, я молчу не из-за этого, – тот замотал головой. – Просто у меня нет доказательств вины Моргана. И... кое-что не сходится.

– А что сходится? Давай начнем с этого.

– Начнем с другого: ты так и будешь держать меня за руки, Эл? – рыжий вскинул бровь, недвусмысленно покосившись на свои веснушчатые ладони в чужом плену.

– Ты теплый: я греюсь, – отрезала эльфийка. – Не уходи от темы, пожалуйста.

Сыщик нахмурился, глядя на эту странную борьбу рук на столешнице. Потом все-таки поднял глаза и заговорил:

– Морган – специалист по ТММ. Логично, если в Буре у него был не один интерес – юный Винтервилль, – но и другой. А именно: сама Этерна и ее жители. Моргану было легко найти Корпус загадок – ворон достаточно умен для того, чтобы помочь хозяину отыскать бродячую

достопримечательность. Вся информация есть в свободном доступе – Гарвус брал нужные ему книги в библиотеке, просто с полки, даже Стэна не спрашивал. Великая сила преподавательского значка...

Берти не стал говорить Элайяне, что оба эти факта он узнал от госпожи Найт. Он вообще не упоминал о Ладиславе в своем рассказе. Не стоит.

– Значит, – эльфийка сощурилась, – Морган вскрыл Корпус загадок?..

Сыщик кивнул:

– Вероятно, он спустился в Нижнюю Этерну, чтобы изучить ее. Но, подозреваю, обстановка под землей не слишком дружелюбная: поэтому Морган взял образец Чего-то Там на дом. Этот акт «отщипывания» кусочка сравним с болезнью: ведь остров живой. Этерна мгновенно замерзла... И натравила на вандала своих чудовищ: пепельных элементарей.

– Пока все логично. И что потом?

– Уйдя из корпуса, Морган закрыл его сферой – чтобы элементарии не последовали за ним. Это сожгло много энергии Гарвуса, он слег с мигренью и истощившимися браслетами. Но! У элементарей есть и другой выход из Нижней Этерны: глубинные пещеры, обнажающиеся, когда вода откатывается во время отливов. Вероятно, Морган знал, что в Долгую Ночь за ним придут...

Берти задумался, досадливо тряхнул волосами:

– И вот тут начинаются нестыковки.

– А по-моему, все замечательно, – не согласилась эльфийка.

Она подмигнула сыщику:

– Позволь, я продолжу? Морган дал Винтервиллю зелье, которое вызвало намеренные срывы, чтобы, если элементарии убьют кого-то, можно было выставить Фрэнсиса виноватым. Ведь Морган знал, как важны для меня близнецы; что я защищу их любой ценой и замну дело. А про элементарей-то никто не догадывается: их не будут подозревать! Так и случилось: птица иррин и Хейли стали случайными жертвами монстров. Сам Морган только и хотел, что пережить эти два отлива – и тем самым вновь оказаться в безопасности. Но! Хотя с этой задачей он справился, у него возникли новые проблемы. Во-первых, Фрэнсис понял, что зелье было с душком. Во-вторых, ты начал расследование и подбирался все ближе. Морган осознал, что его скоро раскроют. Самое простое в его случае: покинуть остров. Так он и сделал. А объект исследования – то, что он «отщипнул» в Нижней Этерне, – он просто забрал с собой. Вот и все.

Элайяна торжествующе улыбнулась и чуть-чуть задрала подбородок: я молодец, не так ли?

Берти категорически покачал головой:

– Нет, Эл. Не спеши. Твоя теория проваливается, и вот почему: Морган не знал про связь отливов и пепловых элементарей. Он не был уверен в том, когда придут монстры и придут ли вообще. Иначе вчера ночью он не позволил бы мне набить себе морду, выгоняя меня с улицы, и сам не караулил бы двор до утра. Да и откат моря за день до этого: кто, как и зачем его устроил?

– Не усложняй, Берти. Морган все знал, проехали.

– Нет, не знал.

– Нет, знал! Морган – убийца. Слышишь? Морган – убийца. Мы с тобой все сейчас разбирали. По полочкам.

Элайяна чуть наклонилась вперед, со значением заглядывая в глаза Голден-Халлы.

Ее сплошные зрачки цвета темного винограда будто слегка пульсировали. У Берти по виску вдруг сбежала капелька пота. В комнате было так душно и жарко: странно, всего один луч солнца – на нем, как допросный фонарь – и такое внезапное, медовое, дурманное, отяжеляющее голову лето.

То ли в кофе было что-то не то, то ли сыщик переохладился на скамейке – заболел сразу до фазы горячки. Или все же... Д'гарр.

– Эл, – прохрипел он внезапно севшим голосом.

Нет, Элайяна. Нет.

– Ты себя плохо чувствуешь, Берти? Иди отдохни.

– Эл!

Язык Берти ворочался с трудом. В ушах засел странный гул; комната, казалось, наполнена фиолетовым дымом; мысли не удавалось собрать, набатом стучала лишь одна: «Морган – убийца».

– Неужели ты... – прохрипел рыжий с горечью, – действительно... Отмент...

– Я отменю твои семинары, конечно, – кивнула эльфийка, не дав ему договорить.

Взгляд сыщика наполнился темным туманом. Элайяна почувствовала, как вздрогнули и потяжелели его пальцы под ее ладонью. На мгновение ей стало так горько от происходящего, что она чуть было не отказалась от своей задумки, но...

Нет. Так нельзя.

Вместо этого леди-ректор перегнулась через стол и поцеловала Берти. Губы у него были холодные, обессиленные, но ей показалось, что даже под действием тяжелого дурмана он подался ей навстречу.

Элайяна предпочла бы думать, что поцелуй нужен для закрепления заклинания, но прах там был.

Мы просто оба всегда этого хотели, хватит врать.

– Прости, – сказала она.

Голова Берти безвольно повисла.

Так, нет, это уже чересчур. Эльфийка залепила ему бодрящую пощечину, потом почти насильно вытащила полубессознательного сыщика из кресла. Подлезла к нему под руку и деловито потащила к дверям кабинета:

– Иди, дорогой. Едва ты выйдешь, тебе станет гораздо лучше. Ты просто заболел: не надо было ночевать на улице. Зато мы с тобой Закрыли. Дело. О. Моргане. Гарвусе. Иди домой, отдохни. Поспи часов двенадцать. Когда ты проснешься, все уже кончится: я напишу Ноа де Винтервиллю. Он и близнецы будут знать, что именно ты вывел на чистую воду доктора Гарвуса, афериста, попытавшегося использовать архиепископского сына как щит для своих целей. А ведь Ноа – главный человек в церкви. Думаю, тебя амнистируют и вернут на материк. Какая удача!.. Кто бы мог подумать, что все так внезапно, чудесно сложится! Ты скоро будешь дома. Ты ведь так хотел этого. Засыпай счастливым.

Она открыла дверь кабинета, мягко подтолкнула дезориентированного сыщика на лестницу (положив его руку на поручень – лишь бы не грохнулся!) и тотчас, кашляя, побежала назад, распахивать окна.

Потом посмотрела на свои браслеты.

Совсем пусты. Совсем. Ах Берти...

Упертая, важная сердцу сволочь: пришлось действовать жестко, но с хирургической точностью.

А вообще во всем виновата птица иррин. Если бы не она, все закончилось бы куда быстрее и изящнее. Без подобных... инцидентов. И без необходимости ломать план, который был столь красивым поначалу.

Элайяна застонала, опустилась на софу в углу кабинета и сразу же сама уснула.

* * *

Тисса врезалась в сыщика у подножия лестницы.

Оба они шли, игнорируя внешний мир: адептка читала книгу на ходу, а Берти, хоть и смотрел прямо, но ничего не видел. Потому что его глаза были затянуты странной пленкой

беспамятства – как у подопытных зомби мастера Левенлоса, тех, что день-деньской подвывают и перекидываются картишками в подвалах академии.

БАМС!

Рыжий и адептка разлетелись по сторонам.

– Ауч!! – возмутилась Винтервилль, вместе с раскрытой книгой ухнув на мозаичный пол.

– Ох, – Берти, отлетевший обратно к перилам, моргнул и ошарашенно огляделся. – Прости, госпожа зельеварка. Я как-то... – он непонимающе нахмурился. – Я как-то потерялся. Хм. Интересно.

Тис гневно поднялась и шагнула вперед, намереваясь ткнуть детектива наманикюренным пальчиком в грудь и высказать все, что думает на его счет, но вдруг подозрительно принялась.

– А вы себя хорошо чувствуете, господин Голден-Халла? – спросила она, сузив глаза и склонив голову набок.

– Вот и я задаюсь тем же вопросом. А что?

Тисса замялась.

Дело в том, что от сыщика эпичнейше пахло свежей, едва примененной и не успевшей выветриться ментальной магией. В отличие от абсолютного большинства людей и нелюдей, Тисса чуяла это колдовство, так как у нее был Дар Проповедника – та же штука, но с другим названием. И, может, штука даже чуточку посильнее. В стиле пения птицы иррин...

Юная Винтервилль скользнула недоуменным взглядом по лестнице вверх, к кабинету ректора. Упомянутая ментальная магия сочилась из-под закрытой двери, как дым из горящего дома, чуть ли не спиральками завивалась. Причем в таких количествах, что у Тиссы закружилась голова. Что уж говорить о мастере сыска!

Интересно... Зачем леди-ректор очаровала своего прихвостня-еретика? Фрэнсис говорил, что Берти и эльфийка столь близки, что рыжий никогда не лезет в ее дела, не задает вопросов – в общем, хранит ее границы, насколько это возможно, когда ты – любопытный длинноносый сыщик. Вероятно, еретик все-таки не удержался и вызнал что-то про них, Винтервиллей... А наставница его притормозила.

Но какая ужасная доза!..

Тисса как бы невзначай приподняла руку и, прищурив один глаз, посмотрела на Голден-Халлу сквозь огромный циркониевый камень в перстне. Заколдованный определенным образом, циркон делал наложенные чары видимыми: проступила розовая аура волшебства, тоненькая сеть заклятья, обвившая детектива от макушки до пяток.

Ну да. Сыщика отменталили по полной, странно, что он вообще на ногах еще держится.

Может ли быть такое, что наставница вкачала рыжему Немного Слишком? Еще сегодня утром Тисса сказала бы: «Нет! Ректор не ошибается», но...

Близняшка покосилась на книгу, которую держала в руках.

Это был старый, простенький справочник зельевара. Тисса взяла его с полки в доме Хлестовски – хотела выпендриться и приготовить совенку какой-нибудь бодрящий изыск из червяков, а вместо этого обнаружила – к своему удивлению – рецепт омолаживающего антидота. То есть зелья, которое могло вернуть Стэну его оригинальный облик уже сегодня безо всякого двухнедельного ожидания. Тисса удивилась, ведь Элайна говорила – это невозможно!

И близняшка, вооружившись справочником, пошла к леди-ректору просить ингредиенты.

А тут, получается, две эльфийские ошибки подряд... Незнание об антидоте для Стэна и передоз Голден-Халлы. М-да. Не зря Тисса так скептически относится к Буре: провинциальная академия она провинциальная и есть! Ну или это суперспособность плохих ожиданий – оправдываться: ведь подсознание подтасовывает им карты...

Винтервилль еще раз оценивающе посмотрела на сыщика. Он ей, конечно, не нравится, но... Но что? Ай, д'гарр с ним, Тисса не собирается извиняться еще и за благие намерения!

Близняшка достала из кармана пачку тонизирующих леденцов – она выпытала рецепт у мастера Шильд'еса и наварила себе таких сама – и щедро протянула Голден-Халле.

– Ешьте их потихоньку, ладно? – попросила Тис без объяснений (жертвам менталки они не нужны, мозг все равно плохо варит первое время после вмешательства).

– Хорошо, – с чуть растерянной улыбкой согласился сыщик.

Закинул леденец в рот и потопал к открытым дверям академии, в которые потоком вливались прохлада и гогочущие прогульщики.

А Тисса все-таки поднялась к Элайяне. И тотчас раздосадованно крякнула, ибо эльфийка спала в своем кабинете, вольготно раскинувшись на диване.

– Да что за день! – вознегодовала Тисса и, подумав, решила взять травы для антидота сама.

* * *

Кладовка Элайяны в Пугливой башенке была забита огромным количеством ящиков и сундуков с ингредиентами.

Все цветы и стебли, нужные для антидота, принадлежали к единой зель-категории, а потому хранились в одной коробке, которая лежала в дальнем углу помещения, среди запыленных, уставших от безделья собратьев.

Но, странное дело, на пыльной крышке были следы пальцев. Ее, в отличие от остальных, недавно открывали. Однако Тисса, не посещавшая Сыск, не обратила на это внимания.

Не желая возиться в грязной и темной кладовке, она подхватила и унесла с собой весь коробок: дома у Хлестовски рассортирует.

* * *

– Пи-и-ип! – Стэн, сидевший на плече у Тиссы, шокированно заверещал, когда час спустя девушка распаковала свою добычу.

– Апчхи! – солидарно отозвалась Винтервилль и с неудовольствием вытерла нос. – Нет, не волнуйся, они и должны быть сушеные. А это еще что?

Брюнетка брезгливо, двумя пальцами, вытащила из коробки потрепанный и засаленный дневник. Грязная, жизнью побитая обложка, жирные страницы, совершенно невнятный язык и почерк.

– ПИИИИИИИИИИИИИП! – Стэн пищал, захлебываясь слюнями, и прыгал на плече девушки так отчаянно, что грозил свалиться. Или голову себе оторвать – все еще слишком большую для тоненькой шеи.

– Да уж не переживай, я выкину эту гадость, – мрачно пообещала Винтервилль.

И тотчас получила возмущенный хват клювом за мочку.

– Мастер Хлестовски! Какого д'гарра, позвольте осведомиться? – болезненно скривилась адептка, пересаживая совенка на стол и потирая укушенное ухо.

Птенчик сплясал что-то вроде гопака, отчаянно косясь на дневник.

– Хорошо, хорошо!.. – проворчала Тисса. – Оставлю эту дрянь на столе. Твой стол – и бактерии тоже твои будут. А теперь приготовься к ожиданию...

Близняшка закатала рукава, подвязала волосы пестрым платком, поправила очки и начала химичить над котлом.

– Интересно, запомнишь ли ты хоть что-то из нашего недолгого сожительства... – пробормотала она, косясь на совенка. – Мне нравилось болтать с тобой, мастер Хлестовски. Ты

был на удивление хорошим слушателем. Внимательным. Понимающим. Жаль, что это только потому, что ты зависел от меня и не мог сбежать на своих худосочных лапках.

Стэн закатил глаза.

Глупая Винтервилль! Так и не врубилась, что вся его память и мозг – при нем. Превращения на них не влияют.

Да и лапки! Отличные у него лапки, что она прикапывается?

Интересно, а как ему-то себя вести, когда он вернется в свой облик? Он может изобразить, что ничего не соображал, сова совой, эдакий Летучис Безмозглус, но... За эти пару ночей Тисса вывалила Стэну всю свою подноготную без купюр, и, честно говоря, Хлестовски было что сказать на сей счет.

Конечно, он не претендовал на высокое звание психолога – впрочем, по мозгоправам Тисса тоже неплохо проехала в своих рассказах, – но... Ай, ладно. Ишь, как он разошелся. Еще неясно, что там Тисса ему намешает. Может, он совсем яйцом станет на сей раз!

И вообще – когда он превратится, лучше бы сначала разузнать: как дневник старого ректора Фоскаша оказался в ящике Элайяны?..

33. Рушился город

Некоторые вещи настолько не хочется принимать, что, кажется, легче умереть.

Зирвин из Дома Спящих

– Берти, я ума не приложу, как это могло случиться. Ни разу за мою карьеру такого не происходило! – госпожа Клыккер раскаивалась, заламывая руки.

Ее расстроенное лицо отражалось в каждом из зеркал, висящих на груди зоолога. Получалось много лиц. Очень много. Голден-Халле казалось, он попал в портовую камеру иллюзий.

– Мы с Арчи прекрасно провели вчерашний день и вечер, – кусая губы, продолжала оправдываться Клыккер. – Не знаю, почему он вдруг решил сбежать!

Берти тряхнул рыжим хвостом, отгоняя коллеговые отражения и странный перезвон колокольчиков, сопровождающий его последний час: неуловимый, не дающий себя осмыслить.

Потом отмахнулся:

– У Арчи повышенное чувство ответственности, из-за чего иногда он отправляется в одиночный патруль по территории Бури. Но потом всегда сам возвращается. Так что не вини себя, Клык. Ты просто выпустила пса за забор по делам, не ожидая подлянки, а он умотал за линию горизонта, я правильно понимаю?

Детектив потер лоб – голова почему-то страшно болела – и закинул в рот еще один леденец, выданный Тиссой.

Отличные конфетки! Лавандовые с перцем.

Они взбодрили сыщика и прогнали сонливость, напавшую на него так отчаянно, что Голден-Халла всерьез направлялся из Бури спать. Аж до дома дошел, пока хруст очередного леденца на зубах не напомнил: *слышь ты, гений! А пес-то твой где?* И тогда сыщик, удивленный (*Как я мог об этом забыть?*), развернулся и направился к конюшням Клыккер.

Преподавательница между тем возмущенно уперла руки в бока:

– Берти, за кого ты меня принимаешь? Я бы ни за что не выпустила чужую собаку за забор ночью! И если б я стала свидетелем того, как он убегает – я бы его догнала. Уж поверь. Сама или с помощью огненных гончих... – Клык спохватилась. – Кстати, могу их за ним и сейчас отправить, хочешь? Найдут беглеца в два счета.

Берти содрогнулся, вспомнив алые пасти и полыхающие глаза клыккеровых маг-питомцев:

– Я ценю твое предложение, но не стоит. А как он тогда сбежал, если ты его не выпускала?

Лектор поманила коллегу за собой к воротам конюшни, в пристройке над которой она жила. Там в двери зияла огромная, кривая, явно кем-то прогрызенная дыра. Еще две такие же были дальше – при входе в пристройку и в спальню.

Голден-Халла присвистнул:

– Что-то я не помню, чтобы мой пес располагал запасным комплектом зубов в вурдалачьем стиле.

– У твоего Арчи был настоящий план побега, – Клыккер вздохнула. – Он сбил щеколду на террариуме тысячезубой гигантской сороконожки, а та уже прогрызла ему путь на волю.

– Так от тебя еще и сороконожка сбежала, в смысле сползла? И где она теперь?

Клыккер открыла было рот, чтобы расстроено буркнуть: «Не знаю!», как вдруг откуда-то издали, со стороны теплиц, раздался захлебывающийся девичий визг. А потом еще один. И еще. И боевой адептов вопль вслед: «ЧЛЕНИСТОНОГИЕ НАСТУПАЮТ! В АТАКУ, СЛАВНЫЕ ЧАРОДЕИ!»

– В оранжеее моя малышка, – мрачно кивнула Клыккер и, натянув мистральные перчатки, быстро двинулась в том направлении. – Еще раз прости за пса! – крикнула она, оглянувшись. – Я у тебя в долгу!

Берти присел на корточки у дыры.

– М-да, – протянул он с сомнением, щупая слюнявые зубцы, трафареты сороконожковой гастрономии. – Ради простого патрулирования Арчи б так не развернулся... Куда ж ты направился, пес?

* * *

– Фрэнсис, мы все проспали!

– Мы все проспали, Ладислава!

– Жмыхов жмых!

– И я доволен.

Они вскочили и забегали по комнате, как два опасных психа, оба какие-то золотые – безо всяких там демонов, сами по себе. Слабое солнце глумливо подглядывало из-за шторки.

– Час дня?! Ой-ой-ой-ой-ой! – Найт попрыгала к двери, одной ногой никак не попадая в штанину, и с грохотом вывалилась в коридор.

– Продолжаешь переживать из-за возможного отчисления? – взъерошенный, зевающий, завернувшийся в простыню Фрэнсис высунулся из ванной.

– Нет! Из-за расследования! Мастер Берти должен был пообщаться с Гарвусом на расвете!

Близнец пожал плечами и хитро прищурился:

– Судя по тому, что Белый Доктор не зовет меня на спецкурс – его дрянные мотивы раскрыты. Еще один повод для праздника, м?

– Хочу знать все детали дела немедленно! Пойдешь со мной?

Фрэнсис вынул изо рта зубную щетку и со вздохом оперся на дверной косяк:

– Может, сначала позавтракаем? Вслушайся в волшебные слова: кофе со сливками, свежие круассаны, блестящие ягодки ежевики... Зачем спешить?

– Значит, не пойдешь! – вывела Найт и вихрем помчалась прочь по коридору. – Ну все, пока, будем на связи!

Оставшийся в одиночестве Фрэнсис глянул в зеркало над раковиной. Демон по ту сторону издевательски заржал, тыкая в хозяина когтем.

– Мне кажется, гендерные стереотипы сейчас в гробах вертятся... – вздохнул покинутый близнец.

Потом он неспешно, с достоинством привел себя в порядок и уже перед выходом из комнаты не удержался и таки подмигнул своему демону в отражении. Тот оттопырил большой палец.

На первый этаж Фрэнсис отправился под триумфальный звон башенных часов: у всех вокруг началась очередная лекция. Но не у него, м-м-м.

Когда близнец величаво спустился, холл безмолвствовал – лишь блеклые солнечные пятна ходуном ходили по штормовой мозаике зала. Умиротворенный Фрэнсис почувствовал странное волнение, глядя на них, столь похожих на подступающую бурю: ведь еще ничего не кончилось, что он, собственно, так расслабился?

Улыбка очевидности сама разъехалась по лицу.

Пинками отогнав тревожные мысли, Фрэнсис отправился завтракать в одиночестве. Горничная-уютница – молчаливая, как и большинство из них – негодуяще шлепнула его полотенцем по лбу: *балда-адепт, адепт-прогульщик!* Но все же принесла красиво сервированный деревянный поднос. И даже салфетку лебедем свернула.

– Первое приятное утро в Буре, ну надо же, – подивился Винтервилль, подцепляя на вилку воздушный омлет.

* * *

Ладислава шагала к коттеджу сыщика сквозь холмы, раскинув руки и мысли – широкой сетью, вольным узором, причудливым пазлом бесстрашия. В академии ее по касательной резали сплетни большой перемены: Морган уволился! Морган сбежал!

ХА!

Госпожа Найт кружилась и приплясывала, подмигивая тучам. Потом, продравшись сквозь орешник, веселым скачком запрыгнула в лодку – *ага, вторая пришвартована к островку, значит, мастер Берти дома*, – и с силою погребла вперед.

Берти и впрямь был у себя. Он сидел на полу у кровати и пинцетом что-то подхватывал на покрывале, сбрасывая в маг-блюде. Свободной рукой сыщик прижимал ко лбу мокрую тряпку: головная боль усиливалась, да так безнадежно, что от Клыккер Берти возвращался медленно, будто унд по морскому дну.

На зубах Голден-Халлы хрустели леденцы. Чем сильнее трещало в висках, тем упорнее сыщик их грыз, хотя и сам не знал зачем. Конфетки не спасали от боли, но почему-то их уничтожение казалось верной тактикой.

– Ну? Не томите! – Лади заплясала в дверном проеме. – Что с Морганом?

– Морган – убийца, – ровно сказал Голден-Халла, не отвлекаясь от покрывала.

– Э-э-э, – Найт опешила от безжизненности его голоса. Знакомой безжизненности: она уже слышала такую на днях от товарищей-адептов. – А поподробнее... пожалуйста? И что вы делаете?

На сей раз голос Берти был расцветчен привычной гаммой эмоций:

– Собираю шерсть своего пса! – фыркнул сыщик. – Не то чтобы я заделался парикмахером, но Арчи куда-то смылся в ночи при подозрительных обстоятельствах, и я впервые за долгие годы хочу нарушить таинство его личной собачьей жизни... – рыжий подмигнул. – То есть применить поисковое заклятие.

– А-а-а, – вежливо протянула Найт. – А с Морганом-то что все-таки?

– Морган – убийца.

Та же интонация.

– Вот блин...

Ладислава растерянно зашла в комнату и подозрительно опустила на корточки рядом с рыжим.

– Не то чтобы я против, но: как именно вы пришли к мысли, что Морган – убийца?.. – нежно и обеспокоенно, как у сумасшедшего, спросила она.

* * *

Берти честно пересказал Ладиславе свой утренний диалог с леди-ректором.

Говорил он бодро и даже весело (мы раскрыли дело, йоу-йоу!), но иногда как будто «застревал»: глаза его заволакивало пленкой беспамятства, и сыщик угасал, как неисправный маг-фонарь. Так и хотелось постучать его по макушке, чтобы, значит, не барахлил. На любые уточняющие вопросы ответ был один: Морган – убийца.

В общем, у Найт не осталось сомнений, что детектив под чарами. И пока Берти собирал собачью шерсть, переправлял их с Ладиславой на большую землю на лодке и готовил поисковую формулу, девушка безуспешно пыталась придумать план по возвращению памяти рыжему.

– Эй, госпожа адептка, а ты чего такая угрюмая? – как ни в чем не бывало спросил Берти.

– Да так... – мрачно отозвалась Найт, которая стояла, туго сплетя руки на груди, и глядела на него исподлобья.

Она вздохнула:

– У моего друга появились проблемы, э-э с головой. Но он этого не понимает. А я не знаю, как снова сделать его нормальным.

Берти хмыкнул:

– Ну, условно «нормальными» себя можем сделать только мы сами. Потому что первый шаг к решению проблемы – ее осознание. Иногда он же – и единственный, ибо в мире очень много таких трусоватых бед, что лопаются от одного лишь прямого взгляда. Так что позволь своему другу самому нащупать правильную дорогу: попытки «подлечить» чью-то голову обычно заканчиваются плохо для обеих сторон.

Голден-Халла сплел руки в хитрую вязь, растер между пальцев собачьи шерстинки и шепнул заклинание. Тотчас из-под его пальцев вылетел целый сонм маленьких голубоватых шариков, похожих на капли воды в невесомости. Они запульсировали, словно приносясь, потом закружились вокруг сыщика на мотив спутников у планеты. Затем радостно звякнули и слились в один шар, побольше, который тотчас приветливо качнулся-поклонился.

– Это поисковый *серчдух*, – пояснил Берти, кланяясь ему в ответ. – Он приведет нас к Арчи.

Серчдух медленно и величаво поплыл к лесу. Голден-Халла потопал вслед за ним, беззаботно насвистывая какую-то песенку. Птички в соснах мгновенно ревниво заткнулись.

«Осознание так осознание», – меж тем подумала Лади.

Она хрустнула пальцами, в два прыжка догнала детектива и дернула его за рукав:

– Касательно нашего дела. Откуда все-таки взялся второй морской отлив?

– Это не важно. Морган – убийца, – тотчас беззаботно отозвался Берти.

– Что именно доктор Гарвус сделал с Корпусом загадок?

– Это неважно, Морган – убийца.

– Почему птица иррин пела в ночь первого отлива?

– Это не важно, Морган...

Лади продолжала сыпать вопросами, самыми разными, сочиняя их на ходу. Все новые и новые, ускоряясь. Через минуту она уже тараторила без остановки, так что Голден-Халла с глазами-пленками едва успевал в паузах откликаться механическими «это неважно». Поисковый шар, летящий впереди, изумленно оглядывался лепестками синего пламени: елы-палы, что у вас за речитатив?..

Вскоре они дошли до симпатичной поляны лиловых кристаллов – очередных клыков Этерны. На сей раз зубы выросли по кругу, как челюсть грызгена, и чуть ли не смыкались наверху. Проплывая сквозь них, серчдух замигал, а кристаллы слабо зазвенели – они всегда остро реагировали на колдовство.

Место было красиво-вдохновляющим, и Найт решила, что пора перейти ко второй фазе. Поэтому в центре поляны она резко остановилась, заступив сыщику дорогу, и схватила его за грудки в лучших традициях портовой службы.

– Мастер Берти! Вы осознаете, что повторяете одну и ту же фразу?! – неожиданно жестко рявкнула она прямо в лицо Голден-Халлы.

– Это не важ... – привычно начал он.

И осекся. Его глаза под строгим взглядом Найт блеснули, стряхивая странную и зыбкую ряску беспамятства.

– Осознаю, – тихо сказал он.

Впрочем, не успела Найт обрадоваться, как «ряска» начала зарастать обратно – будто весенний пруд затягивало тиной, снаружи в центр. Лади ругнулась – *успех был недолог* – и, ничтоже сумняшеся, с размаху залепила детективу пощечину.

– Оставайтесь со мной! – приказала она. – После какого момента вам втемяшилась в голову эта мысль про Моргана?

– После разговора с Эл, – с видимым усилием произнес Берти. – Сегодня утром.

Серчдох, недоумеая – *вы чего отстали?* – поплыл обратно. Кристаллы-клыки вновь звеняще запели.

– Леди-ректор владеет ментальной магией? – Найт продолжала допрос.

– Да.

– Она могла вас заколдовать?

Тут уж «ряска» сработала моментально: ярко-синие радужки сыщика будто матовой краской прикрыли.

– Элайяна – мой самый близкий друг, я доверяю ей безгранично...

Еще пощечина.

– Могла или нет? Теоретически?!

Найт приблизила свой нос вплотную к носу сыщика – тактика устрашения, и не важно, что девушка стоит на мысочках, – и хорошенько тряхнула Берти. К д'гарру субординацию!

– Могла, – после долгой паузы все-таки сказал Голден-Халла. Неожиданно жестко и твердо.

Они простояли так еще секунду или две: Найт вглядывалась в глаза-индикаторы напротив, сыщик прислушивался к себе.

– Более того, – грустно добавил он, – именно это она и сделала.

И, стоило Берти произнести это, как перед его внутренним взором начался форменный дурдом: там стали выпрыгивать, наезжая друг на друга и разрастаясь, как под лупой, четкие, будто газетным шрифтом напечатанные буквы: «Это неважно! Морган – убийца!»

– Вы чего? – ахнула Лади, когда детектив мешком осел на землю. – Мастер Берти?

– Оно... Борется, Найт... – почти неслышно просипел Голден-Халла.

В высоких корабельных соснах какой-то дятел-трудяга долбил кору в отчаянном поиске жучков, и полубессознательный Берти цеплялся за этот ритм внешнего мира, чтобы не потерять остатки себя под водопадом алых букв – под этой жестокой открыткой от Элайяны, пытающейся стереть неуютные ей мысли.

А потом – все мысли вообще, раз этот пеплов рыжик так упирается. Чем сильнее Берти боролся, тем быстрее распространялись буквы, тем активнее заклинание наступало на все новые и новые области мозга, разрастаясь, как опухоль-спринтер.

Наконец все заволокло багровым туманом. Сыщик закрыл бессмысленные глаза и опустил руки, до того сжимающие виски.

– Ох, твою ж каракатицу! – взвыла Найт.

Судя по звуку, она с силой и разочарованием врезала кулаком по одному из зубов Этерны, отозвавшемуся легким звоном. Потом упала рядом с Берти на колени, стала тормошить его, дергать, поглаживать и, кажется, даже целовать. Затем раздался топот: Ладислава убежала куда-то.

Стало тихо-тихо.

Внешний мир совсем исчез. Шар серчдох озадаченно вплыл между кристаллов и завис над распростертым телом Голден-Халлы. Клыки Этерны засветились ультрамариново-синим цветом, между ними побежали легкие молнии, пытавшиеся сбить растерянный поисковый шарик. У них получилось сразу же, ведь серчдох не ждал подвоха. Шар пропал. Его энергия втянулась в кристаллы, и клыки засветились сильнее, бросая лазурные тени на неподвижного сыщика.

...А Берти между тем обнаружил себя в удивительном месте.

Он стоял, убрав руки в карманы длиннополого пальто, в лодке, болтавшейся посреди бушующего кроваво-красного океана. И отстраненно наблюдал за тем, как злые штормовые

волны рушат башни великолепного города, растущего впереди на скале. Город рассыпался беззвучно. Даже обидно, как податливо и тихо он умирал под гнетом ревущей стихии, которая – башня за башней – уничтожала память Голден-Халлы и мысли Голден-Халлы. А вместе с ними и самого Голден-Халлу – ведь кто мы такие, если не наше сознание?

– Она и тебя хочет убить, да? – вдруг спросил тихий женский голос.

Берти обернулся и увидел, что на лодочной банке сидит невероятная девушка. Ее лицо было будто вырезано из слоновой кости, волосы шумели, как листва, а глаза сияли и переливались всеми цветами моря. По коже девушки бегали и плясали легкие рисунки, похожие на ожившие татуировки.

А в груди у нее была дыра.

– Она забрала мое сердце, – вздохнула девушка, прикусив губу. – Точнее, он забрал: она подговорила его, потому что знала из дневников старого ректора: пепельные элементали начнут охоту за тем, кто дерзнет украсть что-либо у меня. Они убьют наглеца, они заберут его сердце взамен. Это моя иммунная система, понимаешь? Вроде бы. Мне кажется. Я уже не помню, я так давно родилась... В любом случае эльфийка понимала, что своими руками осуществлять такую кражу слишком опасно. И тогда она пригласила Моргана: он, конечно, не устоял от соблазна изучить меня... Вот только вся информация, которую получал доктор, была строго дозирована. По ее плану, он должен был украсть сердце, а потом погибнуть при первом же морском отливе, когда элементали выберутся наружу, чтобы отомстить ему. И тогда эльфийка осталась бы с сердцем наедине. Ни у одного зельевара в мире еще не было такого прекрасного ингредиента...

Берти понимающе усмехнулся:

– Как она сама всегда говорила: зельевары – те же дикари, что сжирают сердце врага, надеясь заполучить его сильные качества. Только парят и варят нещадно. Ты же древнее самих богов. Что получится: эликсир бессмертия? Или что-то такое?

Девушка равнодушно пожала плечами. Вместе с сыщиком они смотрели, как под накатом волны оседает, рассыпаясь в прах, великолепная часовая башня на берегу.

– Тяжело жить без сердца? – спросил Голден-Халла.

– Пока она не покрошила его в свой котел – нормально. Оно же все еще бьется. Где-то в замке.

Берти, повинувшись неясному чувству, протянул вперед руку и коснулся дыры в груди девушки. Она была странной. Будто макаешь пальцы в другую вселенную.

– Мне так жаль, что я не понял, что это очень в духе Элайяны: убить двух... нет, даже трех зайцев разом. Если бы птица иррин не оказалась в Фонтанном Дворе и не запела, зачаровав элементалей, они бы спокойно убили Моргана, а сердце осталось бы беспризорным – ведь у вас, островных существ, не принято искать украденное? В смерти Гарвуса обвинили бы демона – его срыв Элайяна подстроила заранее – но об этом узнали бы лишь Винтервилли и эльфийка (архиепископ Ноа распахнул бы кошелек пошире в благодарность за ее готовность все замять). Правда, еще был я – неугомонный придурок, – который бы точно вмешался и стал вести свое следствие, вопреки запрету. И... Конечно, выяснил бы, что убийцы – элементали, которые отомстили Моргану за вскрытый Корпус загадок, а с демоном это просто совпало. Элайяна бы вновь написала Ноа: «Чудесная новость! Ваш сын и вовсе невиновен, это доказал господин Голден-Халла; кстати, вы не хотите вернуть сыщика на материк в благодарность? Ваш политический соперник его обидел, а он вон какой хороший!» Фрэнсису бы нашли нового преподавателя (архиепископские деньги в Бурю продолжили бы поступать). Элайяна осталась бы с сердцем, а я, уехавший с острова, был бы счастлив и благодарен ей. Что, предположим, тоже приятно для леди-ректора.

Девушка с дырой в груди усмехнулась:

– Точнее, ты не стал бы задавать ей неудобные вопросы в тот момент, когда остров начал бы умирать.

– Или так, – Берти усмехнулся в ответ.

Еще несколько ажурных белокаменных зданий рухнуло. В чернильно-багряном небе красными полосами опадал закат. Сыщик сел на дно лодки и положил голову на колени собеседницы.

– Получается, второй отлив тоже устроила Элайяна, – вздохнул он. – Когда Морган не умер с первой попытки, она мгновенно организовала вторую. Но элементалям опять попалась другая жертва... А почему, собственно, происходит только одно убийство за раз?

– Иначе бы элементали не успевали вернуться в подводные пещеры за время отлива, – пояснила девушка. – Далеко идти. Долго.

– Боги-хранители, как прозаично! – засмеялся Берти. – Убийства по будильнику. Ну да. После второго отлива Эл поняла: тактика не работает. Интересно, как бы она поступила дальше, как бы все-таки избавилась от Гарвуса? Ей повезло, что Морган испугался и сам бежал, бросив сердце, учеников и все такое прочее...

Девушка иронично подняла правую бровь.

Берти увидел это и застонал:

– Прах! Она все-таки убила его? Как говорится, без затей?

– Он пока еще жив.

– Тогда где он?

Девушка пальцами пробежалась по своим рукам, горлу, груди:

– Где-то здесь? Не знаю точно, – она пожала плечами. – Надо искать.

Берти выругался:

– Посмертно заявляю: я самый тупой спасатель всех миров. Лади не спас, Моргана не спас, Хейли не спас, иррин не спас... Кхм. Продолжать?

– Ты не обязан никого спасать, вообще-то.

– Но я хочу. Хотел. И тебя хотел бы спасти. Не думаю, что это честно: будить кого-то от многотысячелетнего сна затем, чтобы забрать его сердце! Нет чтоб завтраком накормить, приласкать, спросить «как дела» и выдать свежую газету... Добро пожаловать в современность и все такое, понимаешь?

Девушка засмеялась, потом пальцем кокетливо обвела дыру в груди.

– Завтрак не завтрак, – сказала она. – А угостить меня конфеткой ты можешь.

Сыщик послушно нашарил в кармане коробочку леденцов от Тиссы. Открыл ее и присвистнул:

– А это еще что? С каких пор они светятся?

Девушка подмигнула, взяла леденец и захрустела им. Берти под ее озорным взглядом сделал то же самое.

– Думаю, тебе еще рано умирать, Бертрам Голден-Халла, – сказала собеседница, поднимаясь со скамьи. – Спаси хотя бы парочку человек, чтобы было не так обидно, ладно?

Берти хотел ответить, но в этот момент девушка раскинула руки по сторонам – и огромная апокалиптическая волна, метров тридцать высотой, рубиново-темная, захлестнула и ее, и лодочку, и сыщика, и весь мир.

34. Леший-энтузиаст

*Зачастую «нет» – это просто плохо приготовленное «да».
Подождите, потыкайте вилкой или добавьте жару.
Сборник «Кулинарная философия»*

Ладислава еще никогда не бегала так быстро.

Она мчалась, перепрыгивая через трухлявые лесные бревна; оскальзывалась на подернутых инеем холмах; один раз чуть не наступила на семейство пушистых цырь, выползших на условное солнышко.

Она летела, задыхаясь от страха за Голден-Халлу, и самое жуткое, Найт не была уверена – правильно ли бежит. Она знала из расписания, что в это время целитель Ранкинс ведет углубленный полевой практикум по летунцам в Роще Небесного Крика, но не знала, сможет ли старый магистр помочь детективу.

Повторялась ситуация с первого урока по Сыскному Делу: на сей раз все было по-настоящему, но знаний от этого почему-то не прибавилось...

Когда раскрасневшаяся Ладислава ввалилась в крохотную кружевную беседку, где ее друзья-первокурсники учились управлять созревшими летунцами, магистр Ранкинс даже не сразу понял, что от него хочет «эт-т-та не в меру бодрая деф-фочка».

Лади откровенно похитила белобородого старичка с урока: под громкие аплодисменты удивившихся, но очень довольных адептов.

– Что, ты говоришь, мы будем делать? – силился расслышать Ранкинс, прижимая ладонь к волосатому уху.

– Жизнь человеческую спасти! Вы же целитель?!

– Ц-ц-целитель, да-да.

– Ну же, магистр Ранкинс, хороший мой, умоляю, двигайтесь уже! Правой-левой, правой-левой, вот! Жмыхова грибница! Вы зачем горшок с собой тащите?! Давайте его сюда!

Лади забрала у профессора горшочек с летунцовой рассадой и, чуть ли не взвалив магистра себе на плечи, усиленно-ускоренно потащила его обратно.

Найт до одури боялась, что они не успеют. До одури. Бледное, бескровное и какое-то потерянное лицо Голден-Халлы стояло у нее перед глазами, как кошмарный сон. И страшней всего было то, что это она привела его к этому состоянию. Может, Элайяна и сплела ментальные чары, но спусковой крючок по их самоуничтожению – вместе с сыщиком – нажала Найт.

– Давайте поторопимся, магистр, – процедила сквозь зубы девушка, поудобнее перехватывая и горшок, и целителя.

– К-к-какие пошли энергичные студенты! – продолжал удивляться тот.

* * *

Когда Берти открыл глаза после своего Штормового Путешествия За Грань, в реальном мире не прошло и пары минут. Классический ход сновидений... И предсмертных мечтаний, ага.

И чудес.

Первым делом детектив схватился за голову: почему-то казалось, там должна обнаружиться дырка, совсем как у Этерны в груди. Потом Берти затряс ногой: на нее, пока он валялся, наполнило такое количество муравьев, что Голден-Халла почувствовал себя сладкой конфеткой.

А потом сыщик услышал знакомый лай вдалеке.

– Арчи! – рыжий подскочил, с радостью обнаружив, что координация и речевые функции при нем. Минимальная когнитивная деятельность вроде тоже была в порядке («Лицо своего первого дома помню; двадцать пять на тридцать умножить могу; vihrivildogo, vihrivildieash, vihrivildae...³»).

– ГАВ! – раздалось взволнованное из-за кустов. – Гав-гав!

Берти подбежал туда, раздвинул облетевшие ветки орешника и тихо охнул, увидев, как пес тащит из оврага большую черную птицу. Бездыханную. Тащит бережно, пусть и зубами схватив за потрепанное крыло.

– Это же Кори! Небо голубое, Арчи! А Моргана ты видел?

Пес совсем по-человечески отрицательно мотнул головой.

Берти опустился рядом с вороном. Краткий медицинский осмотр показал: Кори все-таки жив. Но плох. Слабое птичье сердце прощупывалось еле-еле, перья пахли паленым, лапки изредка вздрагивали. Ворон не двигался и не открывал глаза.

Пока Голден-Халла сдирал с себя плащ и заворачивал в него птицу, пес открыл пасть и начал издавать странные кашляющие звуки. Не успел Берти напрячься – что это с собакой? – как Арчи сплюнул мятый, скомканный и обслюнявленный кусок бумаги. Сыщик тотчас схватил его, развернул, вчитался в чуть потекшие буквы.

– Я знал, что ты воруеть только очень интересные бумажки... – вздохнул Берти и грустно-одобрительно потрепал пса по холке.

Ибо это было вчерашнее письмо, написанное якобы самим Голден-Халлой, призывающее Моргана найти Корпус загадок – и побыстрее, – а то сыщик сам отправится внутрь.

– Что ж, Элайяна не гнушается повторять удачные ходы... Бежим, – сказал Берти псу. – У нас обалдеть сколько дел, дружище.

Голден-Халла шелкнул пальцами и на земле между зубов Этерны, еще хранившей теплый отпечаток его собственного тела, проступила надпись: «НАЙТ, Я ЖИВ, ИДИ ДОМОЙ!»

– Гав? – встопорщив уши, саркастично уточнил Арчи.

– Да, объяснительная хреновая, но на другую времени нет. А студентку в Нижнюю Этерну я точно не потащу: я все-таки не настолько бестолочь. И вообще: для начала нам нужно добыть сердце одной прелестной и очень щедрой леди...

Берти и пес побежали к академии.

На холмах они сделали небольшой крюк: нырнули к конюшням. Во двореке госпожа Мириам Клыккер, сидя на корточках, что-то выговаривала огромной антрацитово-черной сороконожке, а та понуро прижимала метровые усики к хитиновой спине.

– Клык! – крикнул сыщик издали.

– О, пес нашелся? – живо отозвалась зоолог. – Ну, слава богам!

– Вылечи птичку, пожалуйста! – Берти на мгновение притормозил в клубах поднятой им пыли, сгрудил коллеге на руки плащ с вороном и, не размениваясь на объяснения, выпрыгнул обратно за калитку.

Дверцу калитки он захлопнул аккурат перед черным и мокрым носом золотистого пса.

– И с Арчи посиди! Еще раз. Только на сей раз никуда его не пускай!

– Гав! Гав-гав, гав! – обиженно высказался неожиданно брошенный четвероногий напарник.

И, поняв, что хозяин добровольно не возьмет его в приключение, мигом обернулся к сороконожке: «Пс, подруга! Повторим ночной побег?» Но та лишь насупленно глянула на Клыккер, охающую над птицей, и, помотав головой, красноречиво провела одной из лапок поперек горловой пластины: «Не, не повторим. Иначе меня точно на согревающую мазь пустят».

³ Тут Берти спрягает глагол «выживать» на стародольнем магическом языке.

Оба вздохнули, со смесью зависти и волнения проводив взглядом Берти, бегущего вдалеке... Тот несея быстро-быстро, легкими прыжками – прямо в Бурю.

* * *

– Пить или плавать?

– Пип!

– То есть пить?

Тисса еще раз сверилась с рецептом, подозрительно принялась к получившемуся зелью в котле и пожала плечами:

– Надеюсь, небо сегодня на нашей стороне. Да хранят нас обоих боги-хранители, свет их в глазницы неверующих...

«Ишь!» – передернулся птенчик. Потом отряхнулся от опилок, выбрался из гнезда-коробки и умильно проковылял по столешнице. Тисса зачерпнула антидот большим половником и позволила совенку, старательно вытянувшему шею, заглянуть внутрь: оценить.

Стэн пискнул, полный сомнений. От зелья пахло дорогим женским парфюмом. Или это от Тиссы, непривычно взволнованной?

Девушка набрала в пипетку зелья и кивнула птенчику: распахивай клюв. Прошло минут пять. Согласно рекомендациям, во взрослого мужчину требовалось влить сто миллилитров жидкости, прежде чем пойдут какие-то изменения.

Весь совенок объемом был меньше, чем эти сто.

– Знаешь, мастер Хлестовски, все-таки – плавать! – наконец вздохнула Тис и безапелляционным щелчком по загривку отправила птенчика аккурат в котел. В полете он сделал неумелое сальто и скользнул по Тиссе бешеным взглядом, в котором читалось: «Два балла, госпожа Винтервилль! Придешь ко мне учиться – сразу ДВА БАЛЛА!»

Зелье запузырилось, словно болото, когда тельце совенка ушло на дно.

Тис отсчитала три секунды и забеспокоилась. Нет-нет, не подумайте, это не было ее экс-промтом: зельевары нередко швыряли в котлы братьев наших меньших (и волшебство случилось аккурат в момент захлебываний), но все ж как-то боязно.

Тисса сделала шаг вперед и задрала рукав блузки, чтоб пошарить в котле в поисках мягкой и мятой птички, но... Котел вдруг завибрировал, грохнулся с треноги, покатился по дощатому полу, гремя и плюясь антидотом, твердо намереваясь смыться из этого сумасшедшего дома.

Где-то на полпути к двери из котла также вывалился ребенок, надсадно кашляющий, который рос, рос и рос, параллельно процессу забиваясь в угол хижины (когда-то пыльный, а теперь, Тиссиными усилиями, блестящий, как в саусберийских салонах готового платья).

Через минуту все было кончено.

– Как вы себя чувствуете, мастер Хлестовски? – непривычно резко и холодно, как у чужого, спросила Винтервилль, заранее отвернувшись. – Меня зовут Тисса, я адептка в Буре – ученица вашей начальницы, леди-ректора, мы с вами пересекались...

Стэн только головой потряс: бр-р-р!

Он сидел под книжным шкафом, весь перемазанный зеленой грязью и обалдевший от случившихся с ним метаморфоз.

Тисса продолжала что-то ронять у окна – какие-то слова, убийственно-вежливые, – и Стэну вдруг очень хотелось прервать ее долгим писком, но из уст изумрудно-всклопоченного мужика это вряд ли было бы мило.

Поэтому Стэн лишь тихонько вздохнул и воровато нашарил на стуле заготовленную одежду. Начал старательно одеваться.

Простите, господа штаны, госпожа рубашка, следовало бы, конечно, помыться, ну да ладно уж, сыграю сегодня лешего-энтузиаста.

– ...Соответственно, мастер Хлестовски, я постаралась максимально следовать протоколу, минимизируя ущерб, но: если у вас возникнет какое-либо недомогание или появится дополнительная жалоба на мои изначальные действия, повлекшие трансформационный эффект, вы можете смело обратиться к леди-ректору с вопросами на мой счет. Повторюсь: меня зовут...

Условно-этикетный щебет Тиссы, видимо, подходил к концу.

Девушка так и стояла у окна, упрямо пялясь в занавеску, по которой медленно и гордо ползла божья коровка, не пойми откуда взявшаяся в холода.

Стэн же тоскливо мялся у стола, не возражая.

Сейчас все будет кончено: Тисса уйдет, и жизнь его ввалится в прежнюю колею – взбесившаяся и усмиренная телега – вновь восторжествуют библиотека, преподавание, легкий ужас перед начальницей и тоска вечерами в уютном домике на дубу. И никаких тебе больше душевных монологов от этой гордой, умной, талантливой, какой-то до странности сломанной невольной соседки...

– Да знаю я, кто ты такая, Тисса де Винтервилль! – наконец с досадой не выдержал Стэн.

Слишком уж остро она выставляла локти – от самых к ребрам прижатых кистей. На такую человечью готику без возражений смотреть нельзя.

Тис поперхнулась собственным именем. Потом изумленно обернулась, и Хлестовски виновато развел руками, мол, что уж поделать.

Воцарилась немая сцена длиной в долгое переглядывание.

– И вообще все знаете... знаешь? – подозрительно уточнила Тисса, поправив очки.

– Все! Ишь!.. – сторож-мастер-количеств всплеснул руками. – «Вообще все» не знаю. А вот все, что ты мне рассказывала, – да. И оно отныне будет под надежной охраной вот тут, – Хлестовски демонстративно постучал по груди. – И никуда оттуда не денется.

Тис якобы вежливо дернула уголок рта. Глаза у нее потемнели. На мгновение Стэна охватила паника: *«А она меня обратно щас не трансформирует, часом, – из соображений безопасности? Никак я зря признался?»*

Но Хлестовски заставил себя вспомнить, что он – мужественный потомок островных рыбаков, бесшумный ночной оборотень, жмых побери, и негоже ему бояться какой-то распоясавшейся аристократки.

Поэтому Стэн, гордо задрав подбородок, сказал:

– И, если что, я мог от тебя убежать на своих «худосочных лапках». В любой момент!

Тисса приподняла одну бровь.

– Если бы совсем туго было – выпрыгнул бы в окно, – упрямо не сдавался Стэн.

– Но ты не выпрыгнул? – на полном серьезе уточнила адептка.

– Даже из коробки не вылез! – похвастался (не пойми перед кем) Хлестовски.

И тотчас озабоченно уставился на грязный дневник профессора Фоскаша, лежавший рядом с вышеупомянутой жестянкой из-под печенья. Как же так вышло, что он нашелся у леди-ректора?..

– Госпожа Тисса, мне нужно сейчас отправиться к госпоже Элайяне и прояснить с ней один вопрос, – насупился оборотень. – Но сначала скажи мне: чем ты собираешься заниматься после окончания Бури?

Винтервилль удивленно моргнула.

– Не знаю, – сказала она. – Я не думала об этом.

– Так оставайся у нас! – щедро предложил Стэн.

– Зачем? – опешила Тисса.

Хлестовски крикнул: каждую-то мелочь надо объяснять этим фифочкам... Потом он демонстративно поднял руку и стал загибать пальцы.

– Во-первых, твоя мечта насчет чтения проповедей. Здесь ты можешь упражняться на рыбаках абсолютно свободно, тебя даже некому будет отругать. Сама знаешь: народ у нас нерелигиозный, непатриархальный, церкви так вообще ни одной на острове нет – твоему отцу никто не донесет на женское своеобразие. Рассказывай островитянам что угодно в рамках морали, упражняйся, развивайся, накапливай опыт. Предупреди только, где и когда – а я тебе подгоню публику, я тут всех знаю, я же местный. Во-вторых, письменная проповедническая деятельность... Я выделяю тебе место в библиотеке, закажу нужные книги: ты сможешь отточить навыки богословских эссе – писать их здесь, а потом рассылать в материковые газеты под каким-нибудь приятным псевдонимом. Все – в копилку, все – в опыт. В-третьих, ты же можешь преподавать, Тисса! Твой голос – волшебный голос – как нельзя лучше подходит для чтения лекций. Адептов ведь тоже важно и увлечь, и подсказать, и направить на путь истинный. Да и леди-ректор наверняка не откажется от такой стажерки: ты можешь ей помогать вместо птицы иррин, а потом, авось она вообще тебе частично пары отдаст, сама сможет административными задачами заняться. И да, птицы иррин, точно! Я отведу тебя в их рощу – это на самом севере острова, они там живут в таких огромных гнездах, под водопадами, и упражняются в пении по утрам. Завораживающее зрелище – в прямом смысле слова.

– А туда-то мне зачем? – совсем обалдела Тисса.

Кажется, Стэн Хлестовски толкал сейчас самый длинный монолог за всю свою жизнь. Отрывался за птичьими будни.

И самый воодушевленный монолог тоже... Убедительный. До пепла убедительный, д'гарр побереи.

– Так ты сама что та волшебная птица! – Стэн с жаром подался вперед, потом смутился и потупил взгляд. – Научишься петь у них. Вон, мастер Берти на виолончели их песнь разучил, а ты голосом вообще потрясающе сможешь. Будешь потом музыкальные концерты в церквях устраивать.

– Зомбировать паству? – с сомнением протянула Тисса.

– Ишь, зомбировать!.. Вдохновлять. В общем, это, того, ты как... Останешься, а? – желтые глаза Стэна под зеленой корочкой грязи вели на мотив маяка.

Винтервилль моргнула.

Еще ни разу за всю ее жизнь никто не предлагал ей где-то остаться. Чтоб вот так – с размахом. С грандиозными планами, до одури наивными – по столичным меркам.

До одури ободряющими.

У нее ведь и впрямь нет плана, а до выпуска – меньше года.

– Мне надо подумать, – замешкалась Тисса.

И Стэн просиял: в его оптимистичном мире отсутствие «нет» означало «да».

Иногда так удобно быть Стэном Хлестовски!

– Тогда об этом я тоже с ректором сейчас поговорю. Закину сети, – решительно кивнул Стэн и взял со стола дневник Фоскаша.

Уже на пороге хижины он обернулся:

– Тисса, а где мой оберег? В виде рябины?

– Ну... – девушка покраснела, вспомнив, как бурно среагировала на инсинуации от Моргана Гарвуса. – Я... Потеряла его.

Д'гарр, он сейчас возьмет все свои слова и идеи обратно. Д'гарр.

Д'гарр. Д'гарр!!!

– Хм. Ну ладно, – Стэн пожал плечами и широко улыбнулся. – Сделаем другой! А когда я пойду за ним к шаману, то заодно и тебя представлю.

И библиотекарь, довольный до жути, ушел по-оборотничьи бесшумно. За ним тянулись зеленые отпечатки и легкий запах зелья.

Оставшись одна, Тисса сглотнула, упала на стул и рукою прижала сердце.
Боги-хранители... Что это оно так бьется? Это вообще нормально?

* * *

Берти Голден-Халла зашел в главный холл академии. Там было тихо и пусто – все снова на парах. Скользнул взглядом по расписанию: ага, у Эл сейчас третий курс на зельях.

Сыщик напрямик отправился к ректорскому кабинету. Он все-таки на всякий случай постучался, потом посмотрел в замочную скважину, предварительно «сщелкнув» с нее антивзгляд-проклятие, и уже по-хозяйски заковырял в замке пружинкой, выдернутой из рыжего хвоста.

Хорошо быть патлатым – есть куда распахать отмычки без лишних подозрений. Шпилька и шпилька, а что? У него с языка не меньше таких срывается.

Вскоре Голден-Халла был внутри. Он не стал закрывать за собой дверь: с лестницы ее не видно, зато из кабинета лестницу – вернее, скрип ступеней – слышно.

Берти хрустнул пальцами и направился напрямик к самому большому сейфу, спрятанному – ох банальщина! – за картиной.

Вообще у Элайяны в комнате было семь тайников, и все очень секретные – по идее. Голден-Халла никогда раньше о них намеренно не думал, потому что это было сутью их отношений: он не применяет на эльфийке свои «штучки». Доверяет.

Однако теперь, когда невидимая преграда обвалилась, утянув за собой достаточно многое (*«Хей, ну, нет, это мы проанализируем потом, а то я застряну в рефлексии вместо того, чтоб действовать»*), сыщик обнаружил, что какая-то часть его мозга все равно по привычке все подмечала... Просто прятала куда-то вглубь, под толстый иджикаянский ковер сознания.

Найти сейфы теперь отнюдь не казалось сложным.

Точнее, найти наиболее подходящий из них: самый большой. Голден-Халла знал, какого размера должно быть похищенное сердце острова. Он видел его вообще-то – просто на тот момент не думал, что это именно оно.

«Взгляд» случился сквозь штору, в ночь ловли ловкокрабсов, когда, распрощавшись с Ладиславой, Берти подошел к Пряничному дому. У Моргана на столе сердце светилось красным, будто волынка – а ведь все целители соглашались, оно очень похоже на волынку по форме.

Небо голубое, Морган... Насколько же ты не парился, наивная душа!

Берти открыл картину, всмотрелся в кодовый замок сейчас. Пять символов. Хм. Ловкучее зелье лить некуда – увы! Голден-Халла стал осторожно крутить колесики, прижавшись к панели ухом, вслушиваясь в щелчки. Через несколько минут шея затекла, детектив отстранился и хотел покрутить головой, разминаясь.

Но, не выпрямляясь от тайника, замер. Металлический ободок сейфа отражал нечто... ужасное.

Сыщику показалось – это пепельный элементаль пришел за ним и теперь стоит на пороге кабинета, готовый броситься. Точнее, какой-то болотный элементаль, не иначе. Зеленый, взлохмаченный, пахнущий мокрыми перьями.

Но уже полмгновения спустя Голден-Халла расслабил плечи и, несмотря на мрачную обстановку дня, засмеялся:

– Стэн! Прах вас побери, оборотней, – бесшумные, как не знаю кто. Я рад, что ты снова в норме. В какой-то, хм, новой норме, – он оглянулся и критически осмотрел зеленую грязь, ровным слоем покрывающую Хлестовски.

Будто тот на лечебные тилирийские источники приехал, саргассово обертывание взял.

– Привет, Берти! – Стэн растерянно вытаращил глаза. – А ты по просьбе леди-ректора Элайяны вскрываешь ее сейф? Прости, что спрашиваю, но я как бы ее заместитель, если ты оттуда возьмешь что-то без разрешения – прилетит-то мне, как обычно.

– Не, не про просьбе, – просто сказал Голден-Халла. – Слушай, ты либо зайди, либо выйди, хорошо? У меня тут тайное дело.

Стэн моргнул. Потом перешагнул порог и осторожно приблизился к Берти.

– Если так, зря ты меня пригласил зайти, – неловким шепотом спросил Хлестовски. – Мне придется рассказать Элайяне, сам понимаешь.

– Как именно ты стал совенком, Стэн? И после чего? – вместо ответа спросил Берти.

Библиотекарь рассказал.

Голден-Халла внимательно выслушал и подвел итог:

– То есть форму улиток (твоего любимого лакомства) Тисса придала зелью по заданию Элайяны. И сделала это аккуратно к вашему ужину с леди-ректором, запланированному сразу после того, как ты рассказал, что Морган назначил тебе встречу. А в руках у тебя, как я понимаю, дневник старого ректора, который – дай догадаюсь – нашелся где-то у Элайяны?

– Ага, – у Стэна аж хохолок на лбу приподнялся от удивления. – Берти, тут что, происходит что-то плохое?

– Зришь в корень... – проворчал сыщик, вновь прикладываясь к сейфовым шестеренкам. – Стэн, когда я закончу, ты сможешь проводить меня в Корпус загадок?

– Да что творится-то?! – охнул Хлестовски.

По академии разнесся перезвон часов с Башни Алого Ордена... Очередная пара закончилась, и Берти знал, что у эльфийки сейчас будет «окно». Велик шанс того, что Эл захочет зайти в кабинет.

Берти ругнулся и взмолился:

– Стэн, сейчас нет времени на объяснения. Надо смыться отсюда до прихода ректора.

– Ну так пойдем!

– Ну так сейф!

Щелк-щелк-щелк... М-да, хорошая машинка, надежная. Под громкие вздохи Хлестовски так вообще ничего не разберешь.

– Э-э-э, Берти, – сторож-библиотекарь поскреб по вихру на затылке. – Вообще я знаю код от кабинетных сейфов: я обязан знать такие вещи, как проректор, на случай экстренных ситуаций. Не то чтобы я хочу получить нагоняй от начальства, но у тебя такое лицо, что «экстренная ситуация» написано на нем огро-о-о-омными буквами...

– Вводи!

– ... Я как бы не до конца понимаю, что тут происходит, но если вы с Элайяной поссорились, я, наверное, буду на твоей стороне...

– Стэн. Быстрее.

Детектив расслышал мелодичный голос эльфийки где-то там, в холле, где она на повышенных тонах отчитывала адептов за очередное возмутительное нарушение.

Хлестовски, ароматно пахнув травянистой жижей, отодвинул сыщика и засопел над замком. И быстро прокрутил колечки – на них была смесь из букв, цифр и рун.

Шестеренки встали, сложившись в слово «Б.Е.Р.Т.И.».

Стэн триумфально покосился на детектива. Тот постарался не измениться в лице, хотя свеженькая игла, вогнанная куда-то прямо в сердце, даже вдохнуть не давала.

Щелк! Сейф открылся. Внутри лежали документы, деньги и нечто, слабо пульсирующее, завернутое в окровавленную простыню.

– Ну привет... – пробормотал Голден-Халла, вытаскивая сердце осторожно, как младенца.

Оно благодарно ухнуло, прижатое к груди.

– Эт-т-т-то что? – аж осип библиотекарь.

А внизу, из-за приоткрытой двери, донесся скрип лесенки под изящной эльфийской ножкой...

Приплыли.

Впрочем, Элайяна вновь остановилась: к ней обратилась астрологиня Фрея Галли с каким-то рабочим вопросом, и они заговорили у подножия лестницы.

Боги, храните симпатичных астрологинь!

– Стэн! В окно! Сам в сову – и в окно – быстро! Забей на одежду, превращайся так! – шепотом приказал сыщик.

Берти, одной рукой бережно обнимая сердце, бесшумно пробежал к двери в кабинет и закрыл ее, потом защелкнул сейф и картину, нырнул за штору, тихо и быстро распахнул окно и, подхватив трансформировавшегося Хлестовски из кучи с шорохом упавших вещей (сова тоже отливала изумрудным цветом), швырнул его далеко-далеко вбок, будто мяч для уличного тринапа: подальше с глаз Элайяны.

– Встретимся под Звонкой Аркой!

– Ух-ху-рошо!

Потом сыщик сбросил в клумбу подобранные с пола вещи, а затем сам тоже перемахнул через подоконник, прикрыл за собой окно и огляделся в поисках возможностей: куда ползти?

О как! Еще одна часть мозаики встала на свое место, когда Берти увидел, какая идеальная траектория пролегает между ректорским кабинетом, площадкой перед Пряничным домиком, где нашли птицу иррин, и выбитой дырой в стенной кладке.

Значит, иррин тогда прилетела защитить Моргану от элементарей... Эл говорила, что она себе на уме, эта птица. И стала петь монстрам, заворожив. Элайяна увидела это из своего кабинета, поняла, что план может рухнуть, и швырнула пульсар, чтобы отвлечь иррин. Птица запнулась, магическая песня прервалась, и очухавшиеся элементарии тотчас бросились на нее. А Морган, видимо, так и просидел все нападение дома. Забаррикадировался, понимая, что с пустыми браслетами ему не выжить. Поэтому и не понял, что именно здесь случилось.

Ох, Морган!

Ну какими же слабыми и глупыми мы становимся, когда пытаемся идти за чужой, навязанной кем-то мечтой. Ты же взрослый и умный мужик, так какого жэ рожна ты наворотил столько бреда ради признания и ради премии, от которой ты хочешь лишь одного – «галочки» в личном деле, похвалы равнодушного общества, самоуспокоительного оправдания – «я чего-то стою»? Почему ты сразу не уехал в свои любимые горы?

Почему столь многим из нас все время нужно одобрение извне, бесконечное поглаживание по голове, почему мы зависимы от чужого мнения настолько, что откладываем мечты до тех пор, пока не выполним Привычную План-Программу? Елы-палы, Морган, если ты выживешь, я тебя сам пинком на север отправлю.

К демону «галочки» и «нормальность»!

Рассуждая так, Берти дополз до ближайшего водосточного желоба и стал по нему тихонько спускаться вниз.

Сердце острова билось у него под мышкой, легко щекоча. Адепты, сидевшие во дворе с конспектами, скользнули по сыщику заинтересованными взглядами и немножко похихикали, но не более: решили, что Берти просто действует по образу и подобию мастера Хьюго-артефактора, как и добрая треть преподавательского состава.

35. по бильярду

*И вот они катятся, катятся... И наконец-то – удар! Как сладко
поет мое сердце, если он случается именно там, где и было задумано!*
Ширви Боложин, восторженный любитель бильярда

– Ну и где труп? – прошамкал магистр Ранкинс.

– Он не труп! – возмутилась Ладислава.

Они только что вышли на поляну с зубами Этерны. Состав дела – то есть тело – отсутствовал, и Найт пока не знала, хорошо это или плохо.

Прислонив старика-целителя к сосне, что твою лесенку, Лади вбежала в круг кристаллов и, насупившись, склонилась над записью, оставленной Голден-Халлой. Тихонько выдохнула: облегчение смешалось с разочарованием... Живой сыщик – это уже успех.

Но «домой», конечно, Найт идти не собиралась, ведь ее дом – там, где кипят события. Найт сама так решила, а Найт себе не изменяет.

– Кажется, ложная тревога, магистр! – девушка выпрямилась и цокнула языком. – Простите, что я сорвала вас с занятия.

Ранкинс, наматывая бороду на кулак, захихикал:

– Та ничего! Нам, преподавателям, иногда хочется прогуливать не меньше, чем вам, олухам. Тем более мы так далеко заб-прались! Я даже не помню, где находится эта роща!

Найт досадливо крикнула.

– Вас надо проводить обратно, да? – сказала она таким поникшим тоном, что у приличного человека шанса на согласие просто не оставалось.

Магистр Ранкинс был приличным человеком. Уже столетие. И гордился этим.

– Не надо провожать, – отмахнулся он. – Доведите меня до ближайшего пруда с унди-нами, и хватит. Практикум все равно сорван. Только летунцов заберите, адептка, неохота мне их таскать.

Лади кивнула и вновь так споро подхватила его под локоток, утаскивая к водоему, что Ранкинс засомневался: не безопаснее ли было для его старых косточек остаться в роще?

Когда Найт вручила целителя рыбкам и наконец побежала к Буре (она почему-то была уверена – то ли сердцем, то ли печенкой, то ли задницей чуяла, – что сыщик пойдет разбираться с эльфийкой), времени было четыре часа пополудни.

Найт ошибалась, впрочем: Берти как раз отнюдь не жаждал общаться с Эл, вскрывая в это время сейф на пару с Хлестовски... Но Ладислава об этом не знала, а потому гнала в академию что есть силы, сжимая горшок с летунцами.

* * *

Четыре ноль-пять.

Звон башенных часов загнал адептов на новую пару, а леди-ректор по скрипучей лесенке поднялась в свой кабинет.

Ну и овца же эта Фрея Галли.

Требуется впасть штраф госпоже Клыккер за то, что та лечит какую-то грязную птицу вместо того, чтобы подменить Фрею на контрольной у первого курса. Клык тоже хороша, конечно, но Фрее пора умерить градус эгоцентризма.

Элайяна прошла к рабочему столу, закопошилась в документах. Они легонько шевелились, как живые, перебираемые сквозняком. Эльфийка плеснула себе нектара в высокий бокал,

придавила бумаги прессом в виде желудя и пошла закрывать окно. Отдернула штору, скукающим взглядом скользнула по улице.

Пресловутая Фрея Галли стояла посреди двора, кокетливо отставив ногу вбок и что-то щебетала в сторону замковой стены.

Пресвятой трилистник... Она что, с плющом разговаривает? С водосточной трубой? Идиотка.

Хотя нет, слишком кокетливо. Элайяна вытянула голову, чтобы разглядеть, что там, внизу, и сразу же поперхнулась.

От стены, невидимый прежде, отсоединился Берти Голден-Халла, верткий, как угорь, и, что-то бросив Фрее, вдоль живой изгороди побежал прочь. Если б не астрологиня, леди-ректор не заметила бы его: очень уж вписывался рыжий сыщик в багряный рисунок осенних кустов...

Он же должен спать. Какого д'гарра!

Эл, напряженно вцепившись пальцами в подоконник, проследила за тем, как Берти нырнул в ближайшую арку. Под мышкой у него мелькнул какой-то белый сверток, опасно знакомый.

Бокал выпал из рук Элайяны, когда она рванула к сейфу в стене. Дрожащими пальцами выставила код, открыла.

Пусто.

Леди-ректору на мгновение поплохело. Прижав руки ко рту, она опустилась на корточки – *что же делать* – и увидела прилипшее к ковру совиное перышко, не сразу видное на золотистом узор.

Элайяна подняла его, тупо всмотрелась в зеленую грязь, покрывавшую перышко. Принюхалась. *Yuvantli revenno*. Зелье-антидот для омолаживающих эликсиров типа *Effec Tempora*. А значит...

Какого! Д'ГАРРА!!!

Элайяна вскочила, с яростным рыком смела со стола все вещи и быстро застучала каблуками к выходу. Неужели все вышло из-под контроля? Ведь все должно было получиться!.. А теперь!

Элайяна с ужасом представила, как все сложится, если правда о ее островных махинациях выйдет наружу. Фактически, она виновата в смерти двоих человек и в покушении на убийство одного древнего существа. И еще она играла здоровьем и психикой Винтервилля.

Д'гарр. Да ее повесят, четвертуют или упекут в подвалы инквизиции за это!.. Вместо Нинделовской премии – смерть!

Нет, надо идти до конца. Пути назад просто нет.

Страх придает сил. И гнева. Да, с этими двумя червяками она справится. Хлестовски – глупец. Берти – предатель. Игры кончились. Черта пройдена.

Только как ей найти Корпус загадок? Она не умеет летать.

* * *

Через некоторое время после ухода Хлестовски Тисса сообразила: а почему она, собственно, все еще у него дома?

Ее дела здесь закончены, во всяком случае пока...

Винтервилль оглядела хижину на дереве, которая так быстро стала *ее новым местом*. Точнее, так: вообще по жизни у Тиссы никогда не было своего места. Разве что в детстве, но этого она не помнила. В Минагоре они с Фрэнсисом жили в Гобеленовом крыле дворца как бедные родственники, или заложники, или гарант верности архиепископа, или толкуй как хочешь... Мебель была чужая. Служанки были чужие.

Апартаменты в Хромой башне Бури были Тиссиными всего несколько дней: до приезда Ладиславы. А хижина Стэна... Хижина ей понравилась.

Тисса собрала вещи.

– Я еще вернусь! – с обнадеживающей угрозой сказала она от порога.

Кукушка из настенных часов выпрыгнула, как бы прощаясь: «Три пятьдесят пять!» Тисса решила, это в кои-то веки хороший знак. Обычно кукушка не называет такие цифры.

Надо поймать Хлестовски после разговора с Элайяной. И, может, тоже поговорить с эльфийкой о стажировке?..

* * *

Фрэнсис поел.

Это было здорово!

Нет, без шуток: ученые говорили, что треть удовольствий в жизни связаны с едой. Винтервилль не считал себя гурманом (зато остальные его считали) и обычно думал о еде либо с практической точки зрения (как бы не сдохнуть), либо с эстетической (в рамках подготовки тех или иных брачных танцев с симпатичными девушками). Но сегодняшний долгий завтрак в Великой Трапезной принес ему колоссальное удовольствие.

Он чувствовал себя расслабленным курортником, не иначе. Лениво листал книги, потягивал кофе, оттопырив мизинец и наслаждаясь бездельем. Потом пошел на берег: смотрел на море, зачерпывал воду ладонью и всматривался в горизонт.

Потом ему надоело сладкое ничегонеделание: деятельная натура Фрэнсиса требовала каких-то событий даже в официальный самообъявленный выходной. Фрэнсис посмотрел на часы: уже четыре, а Ладислава так и не вернулась. Новостей от остальных тоже не было.

Винтервилль бросил в море последний камешек и пошел обратно в академию. Отдыхать оказалось не так интересно, как он надеялся. Вообще, надо узнать у леди-ректора, что там с Морганом?

* * *

Ладислава влетела в Фонтанный Двор через неприметную арку, которую ей показал Стэн Хлестовски на их первом занятии.

Эта арка располагала двумя особенностями.

Во-первых, она дырявила замковую стену в самом широком месте, а потому была длинной, как вдохновенное письмо юнца объекту страсти. И темной – как лицо романтика после полученного отказа.

Во-вторых, все грани арки скашивались так резко и чужаковато, что, пока ты в нее не сворачивал, ты не видел, что ждет тебя с той стороны.

Арка Неприятных Сюрпризов – так адепты называли проход за глаза. Шанс напороться на лектора, чью пару ты прогулял, тут был куда выше, чем в других уголках академии – об этом свидетельствовали и теория вероятности, и коллективный опыт.

Вот и вышло, что Найт на полном ходу чуть не врезалась в леди-ректора Элайяну. Девушка затормозила так резко, что земляная грязь из громоздкого горшка с летунцами выплеснулась прямо на грудь эльфийки.

– Аккуратнее надо, адептка! – рявкнула Элайяна и начала было отряхивать платье, но вдруг взглядом зацепилась за содержимое горшка.

Летунцы! Простейшие создания для слежки – идеальный вариант, чтобы найти Корпус загадок, если рядом нет летучих тварей поумнее. А эти бутоны еще и созревшие – только и надо, что хлопнуть по стенке горшка – и цветы мигом выплунут свою волшебную начинку.

– Между прочим, перемена только что закончилась, а значит, тебе полагается быть на учебе. Отдай растения мне и иди на лекции, – уже куда миролюбивее сказала леди-ректор, поднимая глаза на студентку.

И узнала в ней Ладиславу.

Причем ответный взгляд госпожи Найт удивлял... В нем смешались гнев, ненависть и страх. Задолбанная беготней, взволнованная, ни в чем не уверенная Лади, обладательница подвижной физиономии, просто не успела стереть эмоции при внезапной встрече с врагом.

Ментальный маг Элайяна тотчас почувствовала неладное.

И заодно вспомнила: Ладислава дружит со Стэном Хлестовски; Берти следил за Лади и хвастался тем, что «переманил ее на свою сторону». Что, если девчонка замешана в происходящем?

И даже если не замешана... Терять Элайяне уже нечего: одним больше, одним меньше. А заложники никогда не бывают лишними. Элайяна быстро глянула на маг-браслеты: они вновь полны.

Она представила заголовки: *«Трое жителей Академии Бури – двое преподавателей и студентка – погибли при трагических обстоятельствах, самовольно нарушив границы так называемого Корпуса загадок, островной достопримечательности, затопливаемой морем...»* Или что-то такое. Несчастный случай.

Что ж... Решено.

Леди-ректор с улыбкой протянула руку вперед и для усиления эффекта положила ладонь на щеку девушки, волком глядящей на нее исподлобья.

– Милая Ладислава Найт, – медленно и нараспев, своим особым голосом начала леди-ректор. – Я полагаю... Что сейчас... Ты. Забудешь. Обо. Всех. Своих. Делах...

– НУ УЖ НЕТ! – вскрикнула Лади, шарахаясь.

Массивный горшок с летунцами с грохотом бахнул о каменную брусчатку двора, разбившись на десяток осколков. Из бутонов, раскрывшихся от удара, с жужжанием вылетели летунцы. Они, дезориентированные, растерянно зависли, трепеща стрекозиными крылышками и опасливо переглядываясь: *«Мы вылупились. И что теперь, братицы? У какого какой план действий? Или ну ее, свободу воли? Подождем приказа от этих милых леди? Да, так проще, я тоже согласен...»*

Меж тем одна из «милых леди» – та, что Лади, – гневно задрала подбородок.

– В мою голову вы не залезете! Ни за что! – предупредила девушка, не отрывая напряженного взгляда от эльфийки.

Руки Ладиславы были сложены в знак ментальной отмены, подсмотренный у Берти наутро после гибели Хейли. Собственно, именно для того, чтобы сложить формулу, Найт и пришлось бросить горшок наземь.

С одной стороны, конечно, глупо, что Ладислава вот так обнаружила свое тайное знание перед врагом. С другой стороны – а как иначе? Найт видела, как корежило мастера Берти после менталки, и знала, что не готова на такое. Обмануть же эльфийку, изобразить послушание не получилось бы. Даже если изловчиться и свернуть кукиш... то есть «отмену», с летунцами в руках, ту ряску беспамятства, матовую шкурку на зрачке, Найт в жизни бы не симитировала.

Лицо леди-ректора вытянулось, когда она поняла, что адептка не заглотнула наживку. И, похоже, действительно до д'гарра много знает.

Это кошмар.

Элайяна быстро оглянулась, убедившись, что двор за ее спиной пуст.

– Значит, будем действовать *совсем* по-плохому, – сглотнула она, ловко сплетая пальцы в боевую маг-формулу.

* * *

За пять минут до вышеозначенных событий Тисса и Фрэнсис де Винтервилль встретились в главном холле академии, у подножия лестницы в ректорский кабинет.

Фрэнсис зашел через Морской портал, ведущий в сторону пляжа, Тисса – через тайный ход за рыцарскими доспехами, о котором прочитала в книжке дома у Хлестовски.

Воспользуясь близнецы главным входом – они пересеклись бы с Элайяной. А так – разминулись с эльфийкой на считанные мгновения: макушка ее изящной тени еще скользила сквозь медленно закрывающуюся парадную дверь, а близнецы уже выныривали каждый со своей стороны.

– И ты к Элайяне? – хором удивились Винтервилли.

– Я первая: девушки вперед, – задрала нос Тисса.

– Нет, первый я, потому что мой повод наверняка важнее, – хмыкнул Фрэнсис.

Они одновременно схватились за перила лесенки – будто за мечи. Воцарилась секундная пауза – скоростная дуэль одинаково льдистых взглядов – и...

– Я хочу с тобой помириться, – неожиданно мягко сказала Тис, опуская плечи.

– А мы что, ссорились? – насмешливо сощурился брат, также ослабляя хват.

Тисса закатила глаза, потом высунула язык и вдруг рванула по лестнице вверх.

– Ну, раз не хочешь, значит, я точно первая на аудиенцию! – крикнула она, не оглядываясь.

– Это по какой такой логике? – возмутился Фрэнсис, азартно кидаясь ей вслед. – Так мы не помиримся, эй!

– Ну так мы же выяснили, что и не ссорились! – парировала близняшка, бойко скача по скрипящим ступеням.

Когда-то давно, в детстве, Фрэнс и Тисса обожали играть в догонялки. Могли целыми днями носиться по всем коридорам минакорского дворца и «салить» друг друга безжалостными тычками в плечо («Зачем с этим/этой церемониться?») – и успокаивались, только получив жесткий выговор от какого-нибудь старичка-дипломата.

С тех пор утекло много воды, не обремененной дурашливыми играми. В последние пару месяцев отношения близнецов и вовсе трещали по швам, но сегодня настроение у обоих было столь радужно-приподнятым, что «салочки» на ректорской лестнице показались идеальным решением всех семейных проблем.

Уж точно куда лучше «серьезных разговоров».

Неидеальным было только одно: длиннющие полы вязаного кардигана Тиссы, о которых оба напрочь забыли. Поэтому когда нагоняющий сестру Фрэнсис случайно наступил на подол ее наряда, Тисса со взвизгом споткнулась о последнюю ступеньку – ах, как близка была победа! – и повисла на дверной ручке ректорского кабинета, надеясь выровнять равновесие.

Но в этот момент ее «догнал» прилетевший следом Фрэнсис.

Ручка с лязгом нажалась, близнецы с грохотом ввалились в кабинет Элайяны. Он, к их удивлению, оказался не только пуст, но и слегка разгромлен...

Сейф в стене был распахнут, под открытым окном блестели осколки бокала и лужа перламутрово-синего эльфийского нектара, рабочий стол пустовал, зато под ним грустила гора из сброшенных в ярости вещей.

– Боги-хранители, светом преставлены! – охнула Тисса, мигом посерьезневшая. – Лучше уйти, Фрэнс. Наставница явно не в настроении.

В этот момент за окном послышался яростный девичий вскрик и тотчас – грохот чего-то разбившегося.

– Это голос Ладиславы! – воскликнул Фрэнсис, подбегая к подоконнику. – Что за...

– Что там? – Тисса рванула туда же, но брат остановил ее, не давая высунуться из-за полуотдернутой шторы: чтобы с улицы не было видно.

А там, в противоположном конце двора, в лиловой тени арки, боролись Найт и ректор.

В руках эльфийки вспыхнула какая-то формула – издалека и со спины Фрэнс не понял, какая именно, – но заклятие прошло поверх Ладиславы, которая, пригнувшись, в этот момент по-борцовски бросилась на ректора и ударила Элайяну головой в живот.

Женщина, не ожидавшая от Найт такой дворовой прыти, неловко взмахнула руками и упала на спину. Ладислава тотчас с боевым кличем прыгнула на нее, намереваясь, видимо, непочтительно отправить ректора в нокаут, но Элайяна встретила ее раскрытыми в символе шой-три ладонями.

Ладиславу силовой волной унесло обратно в арку – за пределы видимости близнецов.

Элайяна – казалось, и в кабинете слышно, как яростно она рычит, – поднялась с земли, отряхнула колени и рукой поймала нечто, видимо, висевшее в воздухе. А потом, гордо выпрямив спину, исчезла там же, где Найт, – в причудливом силуэте прохода.

– Что... что мы с-с-сейчас видели? – заикаясь от волнения, спросила Тисса и обернулась к брату.

Но тот, сжимая кулаки, уж мчался прочь из кабинета. Тисса бросилась за ним.

Покидая кабинет, она на возникшей вдруг «адреналиновой внимательности» заметила совиное перышко, которое покачивалось на ветру среди сброшенных со стола документов. Судя по симптоматичному зеленоватому оттенку, перо совершенно точно принадлежало свежееобращенному Стэну Хлестовски.

С учетом сценки в окне, Тиссе этот факт не понравился.

Очень-очень.

* * *

Винтервиллям категорически не повезло.

Когда близнецы сбежали в главный холл с винтовой лестницы, туда же – а именно, к парадным дверям академии – уже выгребла группа пятикурсников во главе с мастером Артефактором. Они столпились у резных створок Бури, и молодой, чуть самовлюбленный мастер Хьюго водил указкой вдоль узоров двери, что-то снисходительно втолковывая студентам.

– Ну надо же, какие люди! – издевательски вскричал лектор, увидев Тиссу и Фрэнсиса. – А мы-то уже не надеялись на ваше присутствие...

Но, к его вящему удивлению, ни один из близнецов не только не залился краской стыда, но и не затормозил при виде преподавательского авторитета.

Тис и Фрэнсис обежали мастера Хьюго с двух сторон и, не успев Артефактор предупредительно вскрикнуть, толкнули дверь.

Ну да, так они и открывались, эти створки. Тяжелые, величественные и неспешные, двери были нещадно избиваемы и пихаемы жителями академии по двести раз на дню.

Но сегодня – а точнее, прямо сейчас, минуту назад, – мастер Хьюго наложил на врата так называемое ЗГНГЗ – Запирающе-Гневное Незаметное Глазу Заклятие. Собственно, в умении его обнаруживать и нейтрализовывать и заключался практикум...

Тиссу и Фрэнса одинаково красивыми ласточками отшвырнуло обратно и даже чуть-чуть протащило по стеклянной мозаике пола.

– О? – сказал мастер Артефактор.

– ОООО!!! – на разные лады заохали пятикурсники. Непонятно: от сочувствия или восторга.

После чего волна студентов с преподавателем в роли гребешка качнулась и нахлынула на близнецов: начала бурлить, исходить пеной паники, швыряться камешками волнений.

А Винтервилли скорбно молчали, отчаянно пытаясь понять, на каком они свете, и размышляли, какие нужны документы, если хочется вернуться на *этом*.

Очки Тиссы треснули, волосы встали дыбом, в мозгу покачивались строчки из священных книг – то гимны за здоровье, то за упокой. Такой же шарахнутый Фрэнсис лежал рядом, закрыв глаза и напрягши спину – ибо демон, в последний момент почувствовав подлянку, попробовал предупредить хозяина о дурном нраве двери, но не успел... Только и оставил, что виноватые золотые всполохи в зрачках и экстренную попытку нарастить крылья, чему Фрэнсис интенсивно сопротивлялся.

Мастер Артефактор выдержал драматическую паузу, после чего развел руками, обращаясь к остальным адептам:

– Ну, вы только что увидели, почему ЗГНГЗ все-таки лучше снимать магическим образом, а не стилем «авось переживу». Кто-нибудь, оттащите этих двоих к магистру Ранкинсу. Ой, нет, смотрите-ка, они шевелятся. Какие молодцы, а! Какая сила воли! Эй! Стоп! Куда поковыляли! Раз вы в состоянии ходить, то обязаны учиться! Ранение – не оправдание прогулу!!!

* * *

В общем, когда Винтервилли, пошатываясь, добрались до потаенной арки, Элайяны и Ладиславы там уже не было.

Леди-ректор все-таки взяла девушку в заложники, вдобавок к первой жертве: летунцу, пойманному и спрятанному в карман. Десяток его собратьев с жужжанием вились вокруг, взволнованно ожидая приказа.

Эльфийка и не подозревала о том, что близнецы организовали погоню, но торопилась в любом случае. Поэтому после драки с Ладиславой она с сожалением потратила еще немного энергии на заклинание Облегчения Веса. Потом подняла Найт с земли, по-матерински обхватила ее за плечи и уверенно потащила бессознательную адептку за собой – в лес, а потом в центр острова.

Выползшие за замковую стену Винтервилли не увидели, куда она ушла, зато рассмотрели осколки горшка из-под летунцов. Состоялся вдумчивый семейный совет, на котором Тисса и Фрэнсис скороговорками вывалили друг другу все странные новости последних дней, пытаясь понять, что из этого можно «примотать» к странному поведению леди-rektora.

То ли стукнутые головы оказались сладкими приманками для госпожи Интуиции, то ли мозаика островного дурдома и впрямь давно была готова сложиться – так или иначе, адепты пришли к выводу:

– Может, они ищут Корпус загадок?..

– Что ж, давай и мы найдем. Найт рассказывала, как это делается. Сначала мы идем к скалам. А потом... А потом ты вновь увидишь демона, Тисса. И даже с ним полетаешь.

– Ох д'гарр!.. – не обрадовалась такой перспективе близняшка.

Но отступать они, конечно же, не стали.

36. Ниже, еще ниже

Сколько я ни видел в своей жизни магических некрополей – везде есть этот тревожный багряный свет. Что это? Закон природы? Традиция? Интуитивное чувство – должно быть так – от их создателей?

Баджирен Хоффе, черный археолог

Стэн Хлестовски мрачно смотрел на Корпус загадок.

Корпус загадок платил ему той же монетой: вперился в сторожа подслеповато-багровыми окнами. Витки седого тумана, окружавшего развалины, неприветливо обвивались вокруг щиколоток Стэна, исподтишка пытаясь стреножить, завалить и съесть.

Берти стоял несколькими шагами далее, возле тяжелой бронзовой двери. Детектив уже провернул круглую ручку – она глухо лязгнула – и теперь оглянулся от порога.

– Стэн, ты уверен? – в последний раз спросил Берти.

Бледный, взъерошенный и слегка дрожащий Хлестовски кивнул. В руках библиотекарь крепко сжимал простыню с бьющимся в ней сердцем. Колотилось оно не менее бойко, чем Стэново. Хохолок оборотня торчал под экзотически-паническим углом, зрачки расширились от волнения. Но, услышав о делах, творящихся на острове, ночной человек твердо решил: он пойдет в корпус вместе с Берти.

Во-первых, кто, как не Стэн – специалист по Наследию Этерны, – по долгу службы должен первым лезть в подобную экспедицию?

Во-вторых, если Берти останется один, то в обнимку с сердцем он не сможет колдовать на должном уровне, а попытки детектива примотать артефакт к поясу, как ремennую торгашескую сумку, вызвали у Стэна нервный тик – бедное сердечко!.. Вдруг оно лопнет от такого святотатства?

Ну и в-третьих – есть такой закон: из самых страшных вызовов твоей храбрости получаются самые интересные истории. А мирной биографии Хлестовски явно нужна хотя бы парочка подвигов в анамнезе, если он хочет привлечь такую девушку, как Тисса де Винтервилль.

Можно, конечно, снова стать беспомощным чудо-совенком, но это как-то не по-мужски.

Так что Хлестовски лишь фыркнул:

– Ишь, переспрашивает!.. Если я что-то сказал, значит, я уже обдумал это всесторонне. Иначе нет смысла и рот открывать.

Берти одобрительно кивнул и рывком распахнул дверь.

За ней был заброшенный замковый холл. Тяжелые, полуистлевшие портьеры висели вдоль багровых окон; по стенам спускались темные зеркала до пола, все в подтеках древности и мушиных точках, делавших отражения почти неразличимыми. Деревянные панели, полу-сгнившие от старости, зашили рот потолка. По двум сторонам убегали лестницы, впереди было пять изящных арочных проемов.

– Странно... – протянул сыщик.

– Да уж, интерьер какой-то немонстрацкий, – шепотом поддержал Хлестовски.

– Нет: странно, что нет следов пепельных элементалей и Моргана. На улице есть – а здесь нет.

И действительно – потрескавшиеся каменные плиты пола были покрыты ровным и толстым слоем пыли без каких-либо отпечатков. Те обрывались сразу же после входа.

– Может, они все-таки летают?.. – пробормотал Стэн, покосившись на потолок.

Берти же, сложив руки в подготовительную маг-позицию, шагнул вперед. Потом обернулся, чтобы увидеть: подошвы его мягких ботинок с удовольствием отмечались в пыли. Как и полагается.

– Или, может, мы как-то неправильно дверь открыли? – Стэн продолжал сыпать догадками.

– Нет, – возразил Берти, вдруг воспрянувший духом. – У нас просто неверная точка зрения. Смотри! – сыщик пальцем указал на одно из зеркал.

В нем, очень грязном, не отражался ни он, ни Хлестовски. Зато бежали несколько цепочек «ящериных» следов и борозда от бессознательного Морганового тела.

– И как мы туда попадем? – удивился Стэн. – На ту сторону?

– Давай попробуем самый напрашивающийся способ, – предложил рыжий.

Он подошел к раме и дотронулся до зеркала пальцами. Древняя амальгама от прикосновения сыщика мгновенно пошла трещинами, похожими на паутину трудолюбивого паука. Захрустела, надсадно ломаясь. Но зеркало не осыпалось, а покорно вобрало в себя пальцы сыщика, руку сыщика, а потом всего сыщика, который с оценивающим хмыканьем исчез где-то там.

– В-о-о-о-от так жмых... – сипло охнул Стэн, оставшийся в одиночестве.

Впрочем, зеркало сразу же вновь стало озерно-гладким, и с той стороны библиотекаря заулыбался, замахал проявившийся Голден-Халла. Сыщик открывал рот, что-то говоря, но Хлестовски не слышал голоса. Тогда Берти молча ткнул пальцем на пол позади Стэна.

Стэн оглянулся и присвистнул, поняв, что следы сыщика на полу исчезли, вновь затянутые пылью.

– Надо было взять блокнот, – вздохнул Хлестовски. – Конспектировать... Чтоб точно потом ничего не забыть для лекций. Самым лучшим преподам по Наследию стану. Опытнейшим. Ох.

После чего, обняв сердце острова еще крепче, библиотекарь тоже шагнул в зазеркалье.

Эта Сторона Корпуса загадок вновь оказалась пустой, безмолвной и заброшенной. На *Той Стороне* сыщик и оборотень пошли по следам элементарей. Те вели все ниже и ниже: короткая лестница в одной комнате, потом еще одна...

Скоро «ящериные» отпечатки вывели Стэна и Берти в полузатопленное, совсем уж подвальное помещение, чей порог обрывался маслянистой пленкой воды.

Ни у Берти, ни у Стэна с собой не было маг-сфер (вылазка в корпус оказалась до наивности спонтанной), но сердце острова в темноте внезапно решило помочь: засветилось алым. Сквозь простыню эффект был невелик, поэтому Стэн, содрогаясь от жалости пополам с омерзением, развернул сверток.

– Фью, и впрямь сердце, – обескураженно протянул он. – А как же мы его назад вставим? У него все вены обрезаны! И куда вообще надо вставлять? Там впереди, что, лежит раскроенная скальпелем девушка?

– Честно? Понятия не имею! – Берти пожал плечами. – Придет время – разберемся. А сейчас нам надо попасть в Нижнюю Этерну.

Стэн и Берти уже при свете сердца оглядели подвал. Взгляду было не за что зацепиться. Если что-то в нем и было интересного, то оно пряталось под ровным черным слоем воды, по которому пробегали отнюдь не дружелюбные темные тени.

– Что ж! – наконец вздохнул Берти. – Я так понимаю, в этой комнате у нас лишь один путь.

И он, зажав нос пальцами и набрав воздуха, сделал шаг в воду. И мгновенно исчез под ней с головой.

– Ишь... – пробормотал Хлестовски и, зажмурившись, тоже шагнул вслед.

* * *

Как и следовало ожидать, затопленный подвал оказался с секретом.

Когда Берти погрузился в воду, невидимая сила сразу же ухватила его за ноги и потянула вниз – точно так же грызгены утаскивают магов-безбраслетников на дно морское. Но не успел детектив начать брыкаться по-настоящему, как неведомые твари уже сменили вектор: стали пихать его вверх, не менее ретиво. Мгновение спустя Голден-Халлу принудительно вытолкнули обратно на поверхность воды.

«Что, мне не дали допуск в Нижнюю Этерну? Лицом не вышел?» – удивленно подумал он, озираясь.

Но нет: все в порядке, дали.

Потому что теперь Берти бултыхался не в затопленном подвале, а в подземном озере. Пещера вокруг водоема оказалась настолько величественной, а черные каменные столбы, подпирающие ее, были так похожи на корабельные сосны, что все вместе напоминало ночной лес.

Только освещение не давало ошибиться.

Здесь не было луны, зато по каменным стенам бежали трещины (волнующее, кстати, зрелище – под толщей земли-то), и каждая из них светилась тусклым оранжевым цветом. Как будто Берти находился внутри затухающего древесного уголька.

Фыркая, рядом с сыщиком вынырнул Хлестовски.

Стэн нащупал ногами дно – озеро оказалось на удивление мелким – и быстро поднял вверх руки с сердцем, чтобы не намочить его еще сильнее (мало ли какие там условия хранения у чужих сердец).

Стоило артефакту оказаться на поверхности, как обстановка в пещере разительно изменилась.

Свет, льющийся из трещин в граните, стал гораздо ярче, а над водой вдруг поплыла багрово-блестящая дымка. В центре озера дымка сгустилась и сложилась в очертания чего-то неувлимо прекрасного. В какую-то причудливую геометрическую форму, напоминающую усложненный символ бесконечности, который начал медленно кружиться вокруг своей оси.

От символа во все стороны протянулись алые нити – будто маг-сигнализация в королевском дворце. Правда, в отличие от нее, нити плавно огибали препятствия: колонну, скалу, макушку саусберийца... Все эти «жилы», как их мысленно окрестил Берти, уходили в многочисленные туннели, дырявящие стены пещеры. В одни коридоры вело несколько нитей, в другие – ноль.

– Обалдеть! – шепотом восхитился Стэн. – Ты знаешь, что это такое, Берти? – библиотекарь восторженно указал пальцем на символ бесконечности.

И, не дожидаясь ответа, горячо зашептал:

– Это же душа Этерны! Реальная, настоящая душа! В сказках про нее рассказывают! И ниточки эти – они же наверняка ведут к другим органам!

– В таком случае к месту отсутствующего сердца ведет вон та, – Берти, тоже очарованный причудами древнего организма, кивнул в сторону одной из «жил».

В отличие от сестричек, эта нить была слегка рваная, как будто пунктирная, и слабо трепыхалась в унисон с сердцем. Она уходила в дальний туннель в компании десятка других, и кто-нибудь менее глазастый, чем Голден-Халла, наверняка бы вообще ее не разглядел.

– А где мы будем искать Моргана, если Нижняя Этерна такого же размера, как и Верхняя? – спросил Хлестовски, когда они выбрались на берег. – Ты сам говорил: по свидетельству бывшего ректора, эти туннели пронизывают весь остров самым причудливым образом...

– Хороший вопрос, – вздохнул сыщик. – Давай сначала вернем сердце острову. Может, тогда Этерна сама нам подскажет? В знак признательности.

Перед тем как идти за рваной нитью, Берти сделал что-то непонятное. Сначала он снял с шеи украшение-амулет и вытащил шпильки-отмычки из хвостика. Потом ползая по карманам плаща и отыскивал какие-то деревянные штучки. А после этого сотворил сложное многоуровневое колдовство, наполовину опустошившее его браслеты. Стэн вежливо ждал, решив, что сыщик сейчас намагичит им щит или что-то такое. Но Голден-Халла создал... Иллюзорную виолончель с настоящими струнами. И смычок к ней. Шпильки и деревяшки как раз и стали материалом для переплавки.

Сыщик попробовал взять пару нот и болезненно поморщился – *звучит эта штука так себе, но ладно, я скорректирую.*

Под удивленным взглядом компаньона Берти пояснил:

– Птица иррин сумела заморозить пепельных элементариев своей песней. А я научился воспроизводить ее на виолончели. Если на нас нападут – устрою подземный концерт. Это лучше, чем биться насмерть с иммунной системой древнего существа.

– Отличный план! – не мог не одобрить Хлестовски. Он любил музыку и не любил драки.

* * *

Ладислава пришла в себя в то мгновение, когда леди-ректор запихивала ее в «потустороннее» зеркало Корпуса загадок.

Более жуткого пробуждения еще не случалось в жизни Найт.

Легко представить себе ужас адепки: открываешь глаза и видишь, как тебя с аппетитным хрустом поглощает серебристая субстанция неизвестного происхождения. А перед тобой – сосредоточенное лицо абсолютного зла, явленного в образе эльфийки.

– М-м-м! – Лади яростно замычала сквозь кляп, предусмотрительно всунутый Элайяной, и попробовала снова ударить женщину головой, но та уже знала, чего ждать от шустрой адепки. И увернулась, оттолкнув Лади, ускорив ее перемещение сквозь портал.

В итоге Найт упала на *Ту Сторону*. Руки оказались скованы за спиной: неприятный сюрприз. Лежа на мраморном полу Истинного Корпуса, Найт бешено озиралась, пытаясь сообразить, что именно происходит и где она.

Данных не хватало, но понимание того, что леди-ректор стоит с противоположной стороны зеркала, а Найт – валяется с этой, придало Ладиславе решимости и скорости. Извернувшись на полу, как ящерка, Лади со всей дури шарахнула каблуком ботинка по древнему стеклу...

Оно и так уже трескалось – наверху, где Элайяна успела просунуть сквозь него пальцы. Но Найт добавила раскол снизу: и, в отличие от верхнего, он был не магическим, а вполне бытовым.

Хряськ.

Прощай, зеркало.

Элайяна с диким вскриком – неслышным, но читаемым в гримасе – успела выдернуть руку обратно до того, как зеркало рассыпалось на куски.

Портал закрылся...

Ладислава осталась одна.

Она выдохнула, прикрыв глаза.

Так. Так. От врага избавились. Задача первая: выплюнуть кляп, благо некачественный. Уже готово. Задача вторая: освободить руки. Ну а в-третьих, будем думать, как выбираться из этого странного места. Жмыхов жмых, лишь бы не оказалось, что я уничтожила единственный выход... Мастер Берти – он ведь тоже где-то здесь? – меня тогда убьет. Не говоря уж о Стэне. Хотя нет: если что, выплывем сквозь нещеры. Только дышалку натренируем. Это если элементариев нас не разорвут. Но сначала – освободиться!

Найти села и заглянула себе за спину. На запястьях красовались настоящие маг-наручники – Элайяна предостереглась. И где только взяла такие?! Наколдовала, что ли? Или на всякий случай всегда с собой носит – ох уж это таинство женских сумочек... И карманов.

Однако леди-ректор могла не напрягаться с реквизитом. Бессмысленно. Потому что у Ладиславы было ловкучее зелье, оп!

Прямо тут, в кармане шэппара. Наконец-то пригодится. Девушка поизвивалась по-змеиному и, изловчившись, заставила пузырек выпасть на пол. Дальше – сложнее. Открыть его зубами, поднять, прицельно вылить на замочек за спиной... Звучит нереально.

Но Лади была бойцом, причем бойцом в безвыходной ситуации. А потому справилась с блеском.

Язычки на наручниках шелкнули. Найт выплюнула опустевший бутылек и уже собиралась с чувством выполненного долга выдернуть запястья из податливых обручей, как вдруг...

Осколки зеркала взмыли в воздух и триумфально потекли обратно к рамке, на ходу меняясь местами и соединяясь, как кусочки пазла.

– Да чтоб тебя! – в сердцах воскликнула Лади и ногой отбросила пузырек как можно дальше, чтоб его не было видно. И, конечно, не стала вытаскивать руки из наручников.

Когда зеркало восстановилось, сквозь него высокомерно протиснулась Элайяна.

– Если уж даже Морган Гарвус умеет восстанавливать зеркала, то я – тем более, – с невероятным апломбом заявила довольная собой леди-ректор (хотя на той стороне с ней чуть не случилась истерика), имея в виду скандал с королем ундов. – А вот если ты будешь упираться и мне придется сломать тебя, то отремонтировать будет некому.

«Ага, – скептически подумала Найт, мимо ушей пропустив угрозу. – Вот только Белый Доктор склеил зеркало за пять секунд, а ты десять минут валандалась».

Но вслух Ладислава не сказала ничего, ведь победители могут позволить себе быть великодушными. А она победителем скоро станет: у нее свободны руки. Теперь осталось дожидаться правильного момента и все-таки одолеть эту жмыхову эльфийку.

А пока Ладислава, намеренно гневно сверкая глазами, уступила леди-ректору и потащилась за ней, «жалкая пленница», чувствуя, как остро отпечатывается хват эльфийских ноготков на плече.

В затопленный подвал они с Элайяной ныряли в обнимку, как сестры: после зеркальной диверсии леди-ректор остерегалась давать фору заложнице.

Первая пещера, похожая на лес, встретила их такой же тишиной, как Стэна и Берти за десять минут до этого. Символ души острова так и парил в воздухе над поверхностью озера. Алые нити тоже никуда не делись – разбегались сетью, ныряли в тоннели.

Однако леди-ректор – вся на нервах, адреналине, в панике – была не так наблюдательна, как Голден-Халла. А потому не заметила, что одна из нитей светится хуже, чем другие. Эльфийка понятия не имела, куда идти.

Пришлось полагаться на удачу. А она у злодеев, как водится, не ахти.

Ладислава и Эл пошли по другому туннелю.

* * *

...Когда над лесами, скалами и дымными источниками острова пронесся златокрылый демон, в руках сжимающий визжащую брюнетку, грибники – случайные свидетели сего действия – твердо решили бросить пить.

И пираты, устроившие вечерний костерок на скалах, решили то же самое. Они даже сразу разбили бутылку рома о ближайший камень, чтоб уж точно ни-ни.

Магистр Ранкинс – гость озерных ундин – пришел к другому умозаключению: пить ему нельзя русалочий чай.

А несколько адептов, игравших в чаще в жмурки, начали грешить на тонизирующие настойки, популярные в Буре у тех, кто не любит кофе.

В общем, самые разные жидкости Этерны попали в опалу в тот час, когда Фрэнсис де Винтервилль на пару с сестрицей искали Корпус загадок.

Нашли.

Перед входом в таинственный осколок замка растерянно парили летунцы: они честно выполнили возложенную на них Элайяной задачу по «удержанию» корпуса и теперь тосковали без дела. При виде сияющего демона пара насекомых хлопнулись в обморок (если не хуже), а другие, напротив, заинтересованно полезли к Фрэнсису. Как мотыльки на огонь. Демон царственно не обратил на них никакого внимания.

Тисса, охрипшая и перепуганная, в отличие от летунцов остерегалась второй ипостаси брата.

Когда демон выпустил ее из объятий, она отпрыгнула от него аж на два метра.

– Видимо, нам туда, – просипела Тисса, указывая на приоткрытую дверь и близоруко щурясь (разбитые очки свалились в полете, и теперь мир виделся Тиссе сильно размытым, но дверной проем она все-таки различала – успех).

Демон, влача золотые крылья, молча пошел к порогу.

Туман, который гулял вокруг Корпуса загадок и обычно пытался напугать незваных гостей своими ледяными потусторонними ласками, на сей раз отпрянул, как испуганная собачка. Такие гости наведались к нему впервые, и туман срочно перебирал в своей седой голове правила этикета.

Тисса двинулась за братом. И пробухтела:

– А ты не хочешь стать снова собой, а? Грешно злоупотреблять подачками иных миров... В смысле, – спохватилась близняшка, когда демон ой-как-нехорошо обернулся, – в смысле детьми других миров, боги, храните их светлые души.

Демон укутался в крылья, как в плащ. И снова стал Фрэнсисом в уже привычном драном наряде – неизбежном минусе обращений.

Как и двум предыдущим отрядам, близнецам нужно было решить загадку с зеркалом и отсутствующими следами. Они справились достаточно быстро.

Сначала сквозь портал на Ту Сторону прошла Тисса – ибо дамы вперед, тем более подслеповатые дамы (а то мало ли, заблудится).

Фрэнсис подождал, пока гладь изображения восстановится, и, прежде чем коснуться зеркала, посмотрел на него с большим любопытством. Как и во всех других зеркалах в последние пару месяцев, в отражении не было самого Фрэнсиса. Но, в противовес другим зеркалам, тут и демон отсутствовал.

Только Тисса оглядывалась и топталась вдалеке.

Это было странно. Как будто сожитель внезапно исчез: сбылась мечта Ноа де Винтервилля. Фрэнсис даже приложил руку к груди, чтобы убедиться, что у него все еще два сердца.

Ту-ту-дух-дух. Ту-ту-дух-дух.

Фрэнсис вдруг понял, что он действительно искренне, всей душой не хочет лишаться Крылатого – даже если бы все-таки и нашелся какой-то способ изгнать демона, притом что сердце сущности полностью перешло в наш мир, в отличие от остального демона.

В ответ на эти мысли Винтервилля демон внутри заворочался, как-то даже заурчал – как урчит снежный барс, обрадованный чему-то.

– А знаешь что? – сказал Фрэнсис вслух, обращаясь к демону. – Учитывая, что происходит на этом острове и что все это надо будет сообщить отцу, мы просто добавим в список странных событий еще одно... «Мой демон сам куда-то исчез, наверное, внял Тиссиным молитвам». А Тисс подтвердит, что это так, раз хочет, чтобы я поддержал перед Ноа ее идею остаться в Буре. Так что все у нас будет хорошо, демон. Только Лади надо спасти. Но мы же спасем, да?

Демон опять заурчал, и Фрэнсис шагнул сквозь зеркало.

* * *

Берти Голден-Халла и Стэн Хлестовски долго блуждали по подземельям Нижней Этерны.

Коридоры превращались в просторные залы, залы вновь сужались в коридоры. Многие пещеры были затоплены, а их стены до самого потолка заросли черными прогнившими водорослями. На губчатом полу скрипел бесцветный песок. В темных лужах ползали, шевелясь, красные морские звезды и прозрачные крабики, напоминая о том, что незваные гости давно спустились ниже уровня моря.

Из расколов в потолке лился тревожный багровый свет, который раз за разом вызывал у Берти подозрение, будто все это – иной мир. Забытый мир, где небо алое, как зарево пожара, а солнца вовсе нет – оно еще не родилось.

Сердце острова билось в руках Хлестовски все яростнее с каждым поворотом. Пучок из алых нитей (Берти называл их «жилами», Стэн – «нервами») так и летел вперед. Немного погода сыщик и сторож узнали, как заканчиваются связующие лучи – другие, а не тот рваный, за которым следовали они.

В первый раз Берти не удержался от тихого присвиста: зрелище было причудливым и пугающим одновременно.

Нить привела их в грандиозную конусовидную пещеру, в центре которой стоял резной постамент – почти музейный. К нему вели три ступени. За постаментом возвышалась каменная фигура женщины: неизвестный скульптор детально вырезал ее тело, но лишил лица – там был лишь гладкий камень в обрамлении волос, похожих на змей.

Женщина стояла, раскрыв руки вокруг постамента так, будто у нее между ладоней растягивалось заклятие. Но на платформе было нечто поинтереснее пульсара или маг-сферы.

– Ух-х! – только и сказал Хлестовски. – Когда я показывал студентам «расчлененку» Верхней Этерны, я никак не ожидал, что все это так... Буквально!

– Да уж. Дивны эти древние организмы, – пробормотал Берти.

Ибо над платформой левитировал желудок.

Натуральный желудок, парящий в столбе красного света, который идеально падал с потолка. В три раза больше человеческого по размеру, желудок медленно кружился вокруг своей оси. Будто выставочный образец. Трубки пищевода и кишки тонули в искристом багряном тумане, продолжаясь, видимо, в других пещерах Этерны посредством очередного чудного портала.

– М-да, – шепотом протянул Берти, – такое ощущение, что мы в Камере Редкостей славного города Саусборна. Есть у нас там одно такое анатомическое собрание при жандармском морге.

Стэн лишь нервно, громко хихикнул.

– Ох д'гарр! – встрепенулся Голден-Халла. – Тише, Стэн!

Сыщик указал библиотекарю, дисциплинированно заткнувшемуся на середине смешка, на дальний угол пещеры. Там, не замеченные путниками вначале, в тени застыли две дюжины фигур.

На сей раз – не скульптуры, а вполне себе живые... дамы.

Эти величественные женщины, выстроившись в «каре», спали стоя, прислонившись лбами к древкам алебард. Они были одеты в стиле комиксов, столь популярных у асеринской молодежи: то есть в тяжелые доспехи, которые открывали куда больше, чем прятали. Назвать этих леди красотками мешало только то, что на их открытых животах присутствовали вторые лица...

– Ого! Ого-го! Это ж чревницы! – шепотом заверещал Стэн. – Героини наших сказок наравне с пепельными элементами!

– Тоже антагонисты? – уточнил рыжий.

– Конечно! Монстры же!

– Знаешь, а пойдём-ка отсюда, друг мой Хлестовски. – Берти на всякий случай положил смычок на струны виолончели и подтолкнул оборотня обратно. – И пока мы идем дальше, напомни: какие еще чудовища есть в островном фольклоре?

* * *

Вскоре маги обнаружили еще одну причуду Нижней Этерны.

А именно: голоса в пещерах вели себя странно. Звук распространялся плохо, практически не проникая сквозь входные арки залов с органами. Даже если Берти и Стэн стояли в метре друг от друга, но один из них был внутри, а другой – в коридоре, они не слышали друга друга.

– Подозреваю, что виноваты эти знаки, – прикинул сыщик, указывая на резные охранные вязи, оплетающие перекрытия. – Пещеры, хоть и являются единой сетью, но все же магически разделены. Суверенны. Видимо, поэтому за Морганом охотились только стражи сердца – пепельные элементы, а не все монстры разом.

– Да уж, тут нам повезло, – Стэна передернуло. – Навались они мстить всем скопом – сложилась бы Бура, что твой карточный домик, ишь... И, кстати, приятно, что эти охранные символы не против незваных гостей, да?

Библиотекарь шагнул через порог и обратно, убеждаясь, что так называемые костяные жвалы (хранители очередного постаменты – на сей раз с реберной клеткой Этерны) не шевельнулись, продолжая спать.

– Я не уверен, что это благодушие распространяется на всех. Может, они просто поняли, что мы с тобой – лапочки, – пошутил Голден-Халла, рукой ведя вдоль охранных символов.

– ...Или слабаки, не грозящие неприятностями, – неожиданно рационально буркнул Стэн. – Человечишки!

– Оборотнишки?

– Колдуниски!

* * *

Следующим органом, встреченным ими по пути, оказались глаза.

На сей раз Стэн чуть не хлопнулся в обморок: два шарика с красными радужными оболочками зыркали туда-сюда, витая над платформой.

Берти не стал в них всматриваться – куда больше его заинтересовали стражи глаз.

Ими оказались слепухи: что-то вроде огромных блестящих пауков, висевших на потолке зала вверх ногами. Они тоже дремали. И были почти неразличимы на фоне черного камня. Берти вряд ли бы разглядел их без подсказки: только совиное зрение Стэна оказалось в состоянии вычленивать тьму в темноте.

– Как ты думаешь, глаза нас видят? – спросил замороженный Стэн (и жутко, и сладко), столкнувшись с равнодушным взглядом острова.

Детектив только пожал плечами.

– Я слышал о заклинании, – продолжил Хлестовски, – которое снимает отпечатки прошлого с сетчатки. Говорят, оно очень слабое. Но если найти способ усилить его... И применить его к этому... объекту, то можно было бы узнать, что было на Этерне давным-давно. Столетия, тысячелетия назад! Всегда ли остров жил так – под землей и кусками? Или он разложился,

будто столик, когда устал от мира? Или его вообще принудительно разобрали? Я думаю, третье, потому что наши легенды говорят, что когда-то Этерна была настоящей девушкой...

– ...Стэн, потише! – отрезал Голден-Халла, с опаской вслушиваясь в то, как один из слепухов во сне трет лапкой о лапку.

Библиотекарь послушно умолк. А потом почти беззвучно, но вдохновенно продолжил:

– Я просто никогда не думал, Берти, что на нашем острове действительно есть какие-то научные перспективы... А теперь... Все всегда считали Этерну жалким осколком материка, выброшенным в море, а здесь вон сколько тайн! Позабывтая эпоха, о которой поют в наших песнях, – чем она была? Что здесь происходило? Знают ли о ней боги-хранители? Если мы пригласим сюда много-много ученых, то вместе сможем перевернуть всю картину мироздания!

– Стэн, а Стэн! – прищурился сыщик. – Может, тебе на эту тему с Морганом поговорить? Или Элайяной? Вступить в их клуб отчаянных исследователей, легко расплачивающихся чужими жизнями за знания, м? Не подумай, Хлестовски, я всецело за науку, но: ты сам говорил, что твари Старой Этерны заперлись в Корпусе загадок, и поэтому их не надо трогать – из уважения. Я бы добавил: не надо еще и из чувства самосохранения. И из нежелания войны. Представь, что вы нагоните сюда ученых. И военных. Всех монстров вырежут, чтоб не чинили препятствий, все органы повынимают. Может, соберут из них Этерну – по кускам, эдакий одушевленный пазл. Начнут изучать. Вероятно, остров погибнет. Как это скажется на его материальной оболочке? Что станет с лесами, деревьями, Бурей? Хорошо, предположим, все как-то образуется. Из органов нашлапают эликсиры бессмертия: и что потом? Как жить в мире, где никто не стареет? Асерин лопнет от перенаселения. Но ладно, вообразим, что и здесь все как-то уляжется. Однако представь: вы выясните, что, например, Этерна как-то связана с богами-хранителями. Или хуже – с самим Отцом Небесным. Тотчас по всему государству прокатится весть о том, что наша церковь всегда была не права, что наши боги-хранители лгали нам. Или им лгали. Или они просто фигня какая-то по сравнению с этой Этерной. Сразу появятся новые культы. Сомнения в одной сфере зародят сомнения в остальных. Вместе с верой в шестерых хранителей полетит к д'гарру и вся система религиозных ценностей, которые во многом копируют и поддерживают нравственные. Меня не очень волнует церковь, но я не хочу, чтобы люди начали убивать друг друга, потому что засомневаются в правиле «Не убий», понимаешь? Мятежи. Бунты. Революции. Может, я сгущаю краски. А может, недобираю их. Может, я просто фантазер – в отличие от наших с тобой коллег, заваривших эту кашу. Сочти это чем угодно, Стэн, но мне кажется, тайну Нижней Этерны лучше так и оставить тайной. И вообще не лезть к бедному острову. Нужно иметь хоть немного почтения, знаешь ли.

Стэн промолчал в ответ, только кивнул.

Вообще он разделял позицию Берти. Но, конечно, непаханое поле тайн, окружавшее подземелья, будоражило даже его. Легко представить, как оно захватило доктора Гарвуса и ледиректора, куда менее щепетильных в отношении «серых зон»!

И да, Хлестовски начал думать, что сумасшествие Фоскаша было неизбежно. Если старый ректор всю жизнь изучал Этерну, но при этом – как и Берти – верил, что лучше оставить тайну тайной, то ему было сложно не съехать с катушек, поняв, что его главное детище не ведет никуда...

Никуда-никуда не ведет. Причем по его собственному выбору. Что все было зря и умрет вместе с ним.

«К жмыху науку, безопасней детей делать», – решил Стэн Хлестовски.

Они покинули зал и вновь продолжили путь по рваной нити.

* * *

Элайяна и Ладислава, кажется, заблудились.

В отличие от первой партии экспедиционщиков, их путь был хаотичным и бессистемным, а потому быстро внушил отчаяние. Элайяна устала: не столько даже физически, сколько эмоционально.

Она держала руки в подготовительной маг-позиции и вздрагивала от каждой капли, со звоном срывавшейся с потолка. Когда лукавый рачок-отшельник по туфле заполз ей на голую щиколотку, ректор и вовсе чуть не заорала. Плюс в туннелях сильно пахло гнилью, солью и пеплом, а Элайяна не любила такие запахи.

Элайяна страдала.

Ладислава якобы смиренно шла рядом с ректором. В теории, Найт могла в любой момент выдернуть руки и хорошенько огреть эльфийку по голове, но куда она пойдет дальше? Нет уж, пусть лучше они сначала найдут беглецов. А там уж грянет сюрприз-разоружение!

В отличие от Берти, эльфийка и девушка по дороге наткнулись только на два зала с органами острова.

Первым была пещера с реберной клеткой. Элайяна и Найт заглянули в нее, и, хотя на противоположной стороне имелся второй выход, они не воспользовались им. Вернулись обратно в коридор. Вскоре вслед за этим, после поворота, обнаружился второй зал – с глазами.

Здесь леди-ректор остановилась.

– Ага! – сказала Элайяна, закатывая рукава и подходя к платформе.

– Вы же не собираетесь их украсть?! – опешила Ладислава.

– Естественно, нет, – буркнула леди-ректор. – Иначе островные монстры откроют охоту уже на меня вплоть до моей гибели, чего бы мне отнюдь не хотелось. Разве что тебя попрошу... – задумалась она, и Ладислава мысленно приготовилась бить и драпать.

Однако Элайяна лишь мотнула головой, отгоняя соблазнительную, но неуместную мысль.

Потенциал острова она будет изучать поэтапно. Другие органы также обладали полезными, очень полезными свойствами, но в отличие от сердца, дарующего тотальное исцеление и продление жизни, они имели лишь точечный эффект. Так что Элайяна займется ими потом.

Люди, которые привыкли откладывать лучшее «на потом», всегда удивляли эльфийку. Сама она была из тех, кто съедает в десерте сначала вкуснейшие ягодки, а потом уже – скучную плоть пирожного.

Ибо вдруг никакого «потом» и вовсе не случится? Изменятся обстоятельства или твой вкус? Закончится срок годности (частая судьба дорогих кремов и парфюмов в Лютгардии)? Зачем отказывать себе в радости сегодня, если ничего, кроме «сегодня», у нас в принципе нет?

Ну если по-честному?

Так что сначала – сердце. Потом разберем остатки.

Интересно, у них такое же простое использование? Потому что рецепт применения сердца так элементарен, что ученому внутри Элайяны было даже как-то неловко... Всего-то и нужно, что натереть больное место экстрактом. Или съесть кусочек – для общего оздоровления.

Шуточки про пожирание врага для овладения его способностями в этом случае не были шуточками. Эл уже попробовала: отскоблила от сердца стружку и съела, предварительно полоснув себя ножом по бедру. Рана зажила как миленькая. Более того, Элайяна с удивлением почувствовала, как у нее улучшается зрение, севшее в последние годы из-за привычки читать в полумраке.

Недурно, совсем недурно!

Меж тем Ладислава продолжала допытываться:

– Но вы хотите как-то заколдовать глаза? Вдруг и за это будут санкции? Там ведь кто-то есть, да? – девушка кивнула в сторону темного потолка пещеры.

Как и леди-ректор, она не могла разглядеть слепухов, но слышала их: тихие шорохи, потирание колючих лап, едва заметное шевеление темноты.

– Там кто-то есть, – подтвердила эльфийка. – Но мое заклинание нематериально. Оно «не считается» и потому не разбудит чудовищ. Неужели ты думаешь, что я враг себе, чтоб попусту подвергаться опасности?

– Вы себе точно враг, – уверенно возразила Лади. – Творить такие вещи и думать, что это вам не аукнется, – полный бред.

– Я не верю в судьбу, девочка. В порицание свыше. Если б в небе кто-то сидел, раздавая пощечины негодяям, девяносто процентов мира уже бы отдыхало в урнах.

– Я не про судьбу. Я про ваше собственное мироощущение. Вас сожрет совесть, спорим? Вы сами себе начнете причинять боль, мстить, наказывать. Неосознанно.

– Я? Себе? Боль? Скорее уж и впрямь судьба подсуется! – фыркнула Элайяна.

И стала выплетать заклятие. Найт, нахмурившись, смотрела за ней.

Собственно, леди-ректор решила сделать именно то, о чем упоминал Хлестовски: снять маг-отпечаток с сетчатки волшебных глаз. Она знала эту формулу: она действительно была слабенькой, да еще и запрещенной законом вне лазаретов, но Элайяна уже переступила слишком много черт, чтобы думать еще и об этой. С помощью колдовства Элайяна хотела проверить, не заглядывали ли в этот зал Стэн и Берти.

Формула эльфийки легла на глазные яблоки и мягко обернулась вокруг них.

– Какая гадость! – с чувством прокомментировала Найт.

Элайяна не ответила. Подошла к постаменту вплотную – впрочем, разумно не вступая в столб алого света – и нетерпеливо раскрыла ладонь, поджидая, пока формула вернется к ней в виде альбомного листа, на котором появится запись происходившего в зале в последние полчаса. Будто в книге рисунков, которую пролистываешь быстро-быстро.

Лист приплыл...

– Отлично, – сказала ректор, рассмотрев фигуры Берти и Стэна, а также то, в каком коридоре они вышли и куда по нему пошли. В Нижней Этерне, запутанной, как клубок, это не было гарантией успеха, но все-таки значительно облегчало путь.

Элайяна все еще рассматривала лист, стоя вплотную к постаменту, а Ладислава за ее спиной уже раздумывала снять наручники и обезвредить противницу, когда вдруг где-то рядом раздался такой многоголосый рев, что слышно было даже сквозь охранные вязи.

Эта какофония случилась столь внезапно, что Элайяна, привыкшая к тишине, вздрогнула и рукой нечаянно заехала на луч света.

Тревога.

– Все будет нормально, ага... – пробормотала Лади, поднимая взгляд и видя, как каменная скульптура женщины за постаментом шевельнулась. А десятки слепухов под потолком открыли глаза, засветившиеся пронзительно белым.

Элайяна выругалась, толкнула пленницу в плечо: «Бежим!» – и обе рванули прочь из зала, обратно в коридор. Там, пока пауки разминали ножки (каждая оканчивалась лезвием) и спрыгивали с потолка (очевидно, они и впрямь давно не просыпались, а потому двигались слегка заспанно), Элайяна жახнула по арке силовым заклятием.

Камни вздрогнули и, расщепившись, посыпались вниз, заваливая вход в пещеру.

– Вы нас убьете! Обвал под землей – вы с ума сошли?! – ахнула Ладислава.

– Не учи ученого! – прорычала Эл. – Раз это место десятки тысячелетий прожило, то простоит еще немного.

И действительно: обвал получился достаточно мелким и удачно заблокировал слепухов в своей пещере. Элайяна удовлетворенно кивнула, глядя на результат, развернулась на каблуках к Ладиславе и...

Получила кулаком промеж глаз.

Ибо Найт тоже поняла, куда бежать к Стэну и Берти, и теперь не видела смысла в своей навязчивой горе-попугаче.

Рядом, буквально за поворотом, но в противоположной стороне от нужной Найт, продолжали разноситься невнятные звуки борьбы. Лади решила, что это точно не ее забота.

И бросилась налево по коридору.

* * *

Третья группа незваных гостей – Винтервилли, – вынырнули из озера-портала минут за пятнадцать до этого.

Крутящийся символ души острова встретил их легкой рябью: вероятно, он был удивлен невиданной популярностью Нижней Этерны в эти сутки. Или почуял во Фрэнсисе иномирное существо, и совсем ему не обрадовался.

Одно дело людишки, другое дело – этот... М-да... Здесь надо поостеречься... Пусть даже не думает приближаться к важным местам!

Брат с сестрой осмотрелись. Было неясно, куда идти, потому что эльфийка и Лади, увы, не оставили за собой ни хлебных крошек, ни следов, ни засечек на скалах. И капель крови не оставили, что уже куда лучше.

– Я снова сменю ипостась, Тис. У демона хороший нюх, он найдет Ладиславу по запаху.

– Скорее Элайяну: леди-ректор душится, как псих.

– Ммм. Нет, Ладиславу.

Тис вскинула брови, но не стала возражать. Если это такая демонова романтика – феромоны, химия, гормоны, что угодно, – она предпочитает о ней не знать.

Пустошная Сущность и впрямь сработала отлично, уверенно выбрав один тоннель из пяти, а затем ловко петляя на перекрестках. Все было тихо, пока след не вывел Винтервиллей в первую из двух пещер, встретившихся ректору и адептке.

Едва Фрэнсис переступил порог зала, как защитная вязь на входной арке ярко вспыхнула.

О да, демон все-таки напрягал иммунные системы острова...

– Что за д'гарр! – Тисса подслеповато отшатнулась от загоревшихся символов. А потом мгновенно передумала: – Нет, ЭТО что за д'гарр?!

Потому что охранные руны, среагировав на потенциально опасного гостя, разбудили стражей зала. Спящие дотоле костяные жвалы – странные твари, похожие на внебрачных детей огромных крабов и кузнечиков – очнулись и заревели так громко и свирепо, что Тис только вскрикнула и зажала уши руками.

А демон мгновенно взвыл им в ответ – еще яростней.

Поприветствовав таким образом друга друга (и заодно спугнув Элайяну и разбудив слепухов в соседнем зале...), противники бросились в бой.

– О боги! Фрэнсис!.. – ахнула Тисса, понимая, что численный перевес определенно на стороне врага.

Златокрылый демон развернул крылья и, дико шипя, оттеснил Тиссу обратно к арке. Близняшка мысленно застонала – *вот это я называю «плохой день»!* – и, закатав рукава, начала выдавать формула за формулой весь свой ассортимент боевых заклятий – выныривая из-под крыла, швыряя, ныряя обратно, чтоб подготовить следующее.

Как ни странно, костяные жвалы оказались трусоваты.

Уже в первые минуты боя некоторые чудища заметили, что ребра на постаменте в безопасности («А *фиг ли нас тогда разбудили, перестраховщики?!*»), и стали дезертировать. К их услугам был второй выход из зала, к противоположной стене. Тис увидела, как три мутанта убежали туда, взволнованно поскрипывая сочленениями и оглядываясь через хитиновые плечи.

А когда – по ощущениям, очень нескоро – костяных жвал в пещере осталась только половина, выжившие монстры переглянулись, посмотрели на демона, на ребра Этерны – *да-да, все*

еще нетронутые на своем постаменте, вообще-то! – и, плюнув на панику охранной вязи, полезли на потолок. Прятаться.

– Не смей!!! – крикнула Тисса, заметив азартный блеск в золотых глазах демона, который уже явно примеривался: не взлететь ли им вслед? *Снова здравствуйте!*

– Уснули – и отлично. Жаль, что так поздно! – продолжила близняшка, с омерзением разглядывая собственные руки, заляпанные зеленоватой кровью жвал.

Демон медленно опустил подбородок, как наказанный, потом вздохнул и... Перевоплотился во Фрэнсиса.

– Тисса, у меня есть предложение: ты не вой в следующий раз, ладно? Ты все-таки не боевик, – попросил он.

– А что ж мне делать – стоять? Смотреть, как тебя пытаются разобрать на сувениры? – возмутилась Винтервилль, рукой обводя золотые перья, щедро усыпавшие дно пещеры. Ундам бы понравилось.

Брат склонился к ее уху и шепотом объяснил, что он имел в виду. Близняшка задумалась над идеей. Потом неуверенно пообещала, что попробует.

– Если что, я прикрою, – подмигнул брат. – Но я верю, что у тебя получится, Тис. Это и впрямь твое.

– Думаешь?

– Да.

Тисса неуверенно и благодарно улыбнулась.

Отряхнувшись, показав на прощание кукиш зашуганным жвалам, Винтервилли вышли из пещеры обратно в коридор. Фрэнсис вновь перекинулся, втянул ноздрями воздух и прыжками – ходить демон не мог, а на полет не хватало размаха – направился по следу Ладиславы.

* * *

...Увы, бросив эльфийку, Лади недолго наслаждалась свободой и относительным (все познается в сравнении) покоем.

Девушка добежала до конца туннеля, вместе с ним круто повернула, и, не успев обрадоваться – фух, хорошо, что тут нет развилки! – как вынужденно резко затормозила.

Потому что из бокового рукава подземелья, перегородив Лади путь, выползли три жуткие скрипящие тварюги. Костяные жвалы. Те самые, что только что позорно (или разумно?) сбежали с демоновой драки через вторую арку.

Если б у кого-нибудь была карта Нижней Этерны, этот кто-нибудь знал бы, что коридоры тут пересекаются регулярно и под самыми диковинными углами. Но карты не было.

Зато монстры имелись.

– Жмых! – Ладислава обиделась на нечуткое мироздание.

Нет чтоб помочь! Опять безысходность!

Сзади – эльфийка, спереди – жвалы: что выберешь ты?

Найт выбрала чудовищ. Они, предположительно, глупее. С боевым воплем портовой жан-дармерии славного города Саусборна адептка бросилась на монстров.

Жвалы, чьи нервы уже были потрепаны Фрэнсисом, с писком бросились по разным сторонам – но в коридоре ведь не развернешься, – а потому отлетели от стен, столкнулись, вновь увидели Найт, все бегущую на них и орущую еще бодрее (*враг деморализован, ха!*), попробовали смыться в боковой коридор, снова столкнулись и все-таки кое-как протиснулись прочь...

Один из монстров в процессе откинул ногу. И впрямь как кузнечник. Найт задумчиво крикнула, потом подняла трофей – мерзко, но ведь почти меч, – и бегом отправилась дальше.

Импровизированное оружие пригодились ей почти сразу... Еще два поворота спустя – на сей раз сделанных наугад – на Ладиславу напал слепух, тоже выползший откуда-то из непро-сматриваемой дыры.

«Ох, разворошили мы муравейник...» – подумала Найт, вставая в фехтовальную стойку и нагревая в левой руке пульсар.

Слепух был куда смелее жвал. И опаснее: все лапы паука заканчивались лезвиями. Меж тем, судя по грохоту заклятий, раздававшемуся где-то сзади, его выбравшиеся из завала братья разбудили Элайяну.

«Надо торопиться! Проиграть сегодня – не вариант», – сказала себе Найт.

Аутотренинг подействовал. Несколько минут спустя после начала дуэли Ладислава победила слепуха, хоть и ценой множественных (лишь бы не ядовитых...) порезов.

В коридоре за ее спиной воцарилась тишина. Это могло означать любой вариант развития событий.

Лади прикусила язык и бросилась вперед: ну где там уже этот д'гарров сыщик?!

* * *

То, что они близки к цели, Берти понял по тишине.

Внезапной. Оглушающей. Беспредельной и бездыханной.

Она накатилась на подземелье, как темнота – на тебя, когда ты устал и закрыл глаза.

Тишина сбила с ног и заставила отшатнуться, а сердце острова от неожиданности захлебнулось стуком и на пару секунд замерло. Стэн даже потряс его и уже прикидывал, как там делать сердечный массаж, когда орган – ура! – вновь забился.

– Пришли, – констатировал Голден-Халла.

Пунктирная алая нить, вдоль которой они следовали всю дорогу, кокетливо отделилась от общей массы и нырнула в искомый зал. Он был еще больше, еще грандиознее, чем все предыдущие. Пять каменных арок вели в него, идеально круглый.

По гладкому полу бежали искусно вырезанные каналы, похожие на декоративные речушки с зеркально-черной водой. Они складывались в безупречный этнический узор. Каменные тропы между канавками были шершавыми и предсказуемыми, как подстриженные верхушки садового лабиринта.

В центре зала, на возвышении, стоял традиционный постамент. Но на сей раз – пустой, на нем лишь слабо поблескивало призрачное облачко – тень сердца, воспоминание о нем. Каменная скульптура женщины за постаментом скорбела, закрыв лицо руками.

По периметру зала спали пепельные элементали, чьи драные плащи чуть шевелились на сквозняке, проникающем из боковых коридоров. Вокруг страшных фигур парили, покачиваясь, хлопья пепла.

Еще четыре монстра дремали неподалеку от постамента, выстроившись в шеренгу, как телохранители, позади... лежащего доктора Гарвуса.

Бессознательный Морган был брошен на пол, как сломанная кукла: одной ногой в речке, плотно связанный магической сетью.

– О! Нашелся! – ахнул Стэн. – Я уж думал: как я без него буду?

И под шокированным взглядом Берти он пояснил:

– Я про свой амулет, а не про доктора! Тиссу ругать не стал, но жалко ведь.

И впрямь: под коконом заклятий было видно, что на груди профессора Гарвуса болтается, мерцая, рябиновая ветка.

Берти посмотрел на нее, потом на пепельных элементалей, замерших вокруг доктора так угрюмо, будто он – витрина с лакомством, а им не хватает денег.

– Я так понимаю, – сказал сыщик, – только благодаря оберегу Моргана и не убили. Видимо, эти защитные веточки не так бессмысленны, как принято считать.

– В мире вообще не так много традиций, родившихся без серьезного повода, – согласился Хлестовски.

Стэн и Берти, то и дело косясь на элементарей, склонились над Морганом. Он выглядел нежно-зеленым даже в красном свете пещеры, зато явственно дышал. Более того: маг-браслеты на руках профессора оказались полны.

Выспался, ага. С комфортом. А что: тишина, темнота, морской свежий воздух...

Берти выпрямился:

– Стэн, давай сюда сердце. Вернем его, задобрив этих припыленных, а там уже и Гарвуса заберем с чистой совестью.

Однако стоило сыщику шагнуть к платформе, как перед ним вспыхнула тысяча искр. Вокруг постаментов неожиданно проступили щиты, щиты, щиты! Один наслаивался на другой, как подарочная упаковка под авторством шизофреника. Это было торжество сложных геометрических форм: невероятные золотые спирали, небесно-голубые вязи треугольников и кругов, трехмерные додекаэдры – все спаяны в такую дикую, посверкивающую инсталляцию, что впору выставлять в музее современного искусства.

– Ишь, светомузыка! – восхитился Стэн. – Получается, это Морган постарался? Закупорил постамент, будто тело, на «бессердечные» времена, чтобы остров раньше срока не откинулся? Или как там это в лекциях по целительству объясняют?.. Ну силен!

– Силен, ага. Вот только у нас проблема. Большая, – помрачнел Голден-Халла. – Я понятия не имею, как убирать такие щиты. Это высшая магия Лесного королевства.

– И что нам делать?

Берти посмотрел на Моргана. На чудовищ. На сердце.

– Боюсь, придется все-таки сначала привести в чувство Гарвуса.

– Элементарям это не понравится.

– Наверняка. Так что, Хлестовски, ты его будишь. А я – музицирую.

– Хах...

Но это было сказано совершенно серьезно.

Берти отошел и, бродя туда и сюда, стал выбирать такую позицию, чтобы оказаться в потенциальном поле зрения всех элементарей пещеры. Стэн же, оставшийся возле Моргана, перевел дыхание, отложил сердце на пол (для магии ему нужны обе руки) и присел на корточки возле доктора.

Так, что же это за маг-путы такие... Выглядят странно. Стэн непонимающе нахмурился, глянул на Гарвуса сквозь знак дизеса, сложенный из мизинцев и безымянных пальцев (вкупе с нужным заговором это обнажало плетение чужих заклятий) и трагически ухнул.

– Что такое? – мгновенно откликнулся Берти.

Сыщик уже подготовился: выдвинул шпиль призрачной виолончели на максимальную длину, положил смычок на струны и теперь терпеливо ждал. Ему придется начать играть только в тот момент, когда пепельные парни откроют глаза. И увидят его. Не раньше, иначе магия песни иррин не работает.

– Да на Моргане – «перерожденный»... – тоскливо протянул Стэн.

– М-да. Удача за удачей. Справишься?

– Ну а какие варианты?

– Никаких, Хлестовски.

– Значит, справлюсь.

«Перерожденными» называли заклинания, которые пробыли на жертве слишком долго и потому успели мутировать. Так, изначально Элайяна наложила на Моргана Сетку Хлэнды и Упокой Бангласа: обе формулы Хлестовски знал и умел деактивировать. Но теперь они слились

в одну диковинную дрянь и заодно глубоко вгрызлись в нервную систему Гарвуса. Если рвануть резко, не глядя, Морган останется инвалидом.

Так что действовать придется поэтапно и ни на секунду не прерываясь. Стэн еще разок вздохнул, мысленно прописал трехступенчатый план деактивации и осторожно, со всем тщанием и молитвами, приступил к его исполнению.

Почти сразу же по пещере разнесся веселый тенор Голден-Халлы:

– Хей! Не смотрите туда – смотрите на меня! Спорим, вам впервые дают бесплатный концерт? А акустика – м-м-м, какая в пещерах акустика!.. Все ко мне, пепелюшки!

И не успел Стэн испугаться черных теней, метнувшихся к нему, как тени замерли... А зал наполнился музыкой.

«На фига он сыщик, если так играет?» – опешил Хлестовски, застывший сначала наравне с элементариями.

Музыка была бескомпромиссна. Она мигом выхватывала, как ювелир, все самое лучшее в слушателе и щедрой горстью подбрасывала в небеса – *свети и светись, жемчужина, созвездием будь над землей*.

Стэн тряхнул головой, не позволяя себе слишком увлечься нотами. Он успешно закончил первую ступень деактивации и приступил ко второй, когда...

– Ого, а что у вас тут происходит? – ахнул кто-то голосом Ладиславы Найт.

Хотя, впрочем, не кто-то, а сама адептка: Стэн убедился в этом, когда, не переставая бубнить заклятье, приподнял голову. Запыхавшаяся Найт с встопорщенными волосами стояла в одной из арок пещеры. На левой руке у нее болтался недорасстегнутый наручник, а в правой девица сжимала... э-э-э... чью-то ногу.

Берти, хвала небесам, не прервал мелодии, хотя нежданная синкопа в песне иррин все же проскользнула – и парочка пепельных тварей свирепо дернулись.

– Госпожа адептка! Что ты здесь делаешь?! – ошарашенно пропел Голден-Халла на манер знаменитой арии «Король сердец».

Ладислава еще никогда не видела у сыщика таких квадратных глаз. Кажется, ей удалось по-настоящему его удивить. Неплохо, что же. В других обстоятельствах она бы поставила себе «пятерку», но не сейчас.

– Элайяна! Элайяна! – оперной скороговоркой ответила девушка, так же в такт. – Там Элайяна! Заложницей она меня взяла, но я спаслась!

– Вот прах, плохие новости опять!.. И где она сейчас?

– Э-э... gđirni, eviler, barkas... Ребята!!! Huas... bovam... Там!!! – ахнул Стэн, в это время приступивший к третьей ступени.

Ибо он увидел, что сердце острова, оставленное без присмотра, уже не лежит на месте, как полагается, а быстро летит над землей прочь, прочь...

И нет, не к постаменту.

А к потрепанной, окровавленной фигуре Элайяны, спрятавшейся в тени второй из пяти входных арок.

* * *

– Найт, останови ее! – одновременно крикнули Берти и Стэн.

Класс.

Ладиславу порядком шокировало, что роль спасительницы мира внезапно переключалась на ней, но внешне адептка не обозначила своего удивления: *все равно никто не увидит, да? Все при деле*. Она лишь с грохотом отбросила бесполезную клешню и ловко, быстро, без возражений – привет, военная муштра, – накинула на сердце маг-узdechку. Оно дернулось и замерло на полпути к злокозненной эльфийке.

– Отпусти, – прорычала Элайяна.

– Ни за что! – гордо ответила Найт.

С учетом того, как леди-ректора измотала предыдущая ворожба, Ладиславе удавалось держаться с эльфийкой на равных. Хотя браслеты на запястьях девушки звенели как проклятые.

Вся сцена вновь пришла в определенную натянутую неподвижность...

Голден-Халла строго сказал:

– Эл. Прекрати.

– С чего бы это? Раз я уже здесь, то я точно дойду до конца.

– Зачем?

– Потому что сдаваться – слабость. Тем более в таких делах, что меняют мир.

Элайяна поднажала в телекинетическом заклятье, и Ладислава, скрипя зубами, тоже усилила свой крючок. *Долбаное перетягивание каната...*

– Я сделаю прорыв, Берти, – уверенно продолжила эльфийка. – А потом – еще миллион прорывов. Сначала я подарю людям лишь частичку силы, найденной в сердце острова. Но и этого хватит, чтоб они были счастливы, а меня превознесли до небес. В дальнейшем я буду действовать постепенно и осторожно, умно. Никаких резких смен парадигмы! Я обеспечу плавное, безопасное развитие. Я смогу, потому что себе я выиграю бесконечность. Я буду подбрасывать поленья в пламя прогресса разумно и планомерно, вовремя скрываясь в тени, меняя внешность, переезжая, чтоб никого не смущать своим долголетием. В нашем скучном мире, полном бесхребетных существ, увязших в комфорте и бессмысленной перемене слагаемых, я стану той, кто идет вперед и тащит вперед – за собой.

– С чего ты взяла, что убийство целого острова – это движение вперед? – со вздохом спросил Голден-Халла, который даже не удивился грандиозности плана своей подруги.

Он знал, что Эл до некоторой степени амбициозна. И не лишена фантазии.

Зато Стэн и Ладислава ошарашенно переглянулись, а Найт даже недвусмысленно свела губы в трубочку и присвистнула. *Кто-то ку-ку.*

– Об этом острове никаких вестей уже тысячи лет, – безгласно ответила Элайяна. – Он не живет, он всего лишь спит. Было бы что убивать! А нам – людям, эльфам, всем – нужны свершения. Развитие. Нужен пример для подражания. Я готова им стать. Я чувствую, Берти: во мне достаточно сил. Я всегда знала, что я создана для большего, понимаешь? Для глобального блага, вселенского. Не для частного счастья: с ним пусть возятся неудачники.

– Эл... Учитывая, что из-за тебя погибла студентка, ты пыталась убить Моргана и теперь, как я понимаю, хочешь пожертвовать нами, не надо говорить мне про глобальное благо. Вот прямо не надо, ладно? Ты стараешься лишь для себя.

– Да уж! – поддакнула Найт, но Голден-Халла только мрачно стрельнул в нее глазами: цыц, госпожа адептка.

– Но я ведь тоже житель мира! – возмутилась меж тем Элайяна. – Как же великое правило божественного эгоизма? Сначала спаси себя, чтобы иметь силы спасти другого!

– Я не богослов и не психолог, Эл. Но есть разница между «спасением» и потаканием темным желаниям наших душ. Тяга к бессмертию – это явно второе.

– Ты же сам ненавидишь смерть!

– Но я не швыряю ей в пасть других, чтоб выиграть время себе.

– Швырнуть приходится только на первом этапе. Дальше это будет безубыточное предприятие.

– Жизнь – не предприятие, Элайяна! – отчаянно крикнул сыщик, рванув смычком по струнам.

Молчаливый Стэн испуганно зажмурился: *не порвет?*

Не порвал.

Эл криво усмехнулась:

– Не предприятие, значит... Именно поэтому ты разорился, а я поднимусь, как никто и никогда прежде. Мне жаль, Берти. Ты всегда был мне дорог. Всегда.

И с этими словами Элайяна вдруг перебросила формулу притяжения в одну руку, а второй, освободившейся, кинула в сыщика пульсар.

Конечно, это ослабило формулу «перетягивания». Но по задумке эльфийки, Ладислава должна была отвлечься на неминуемую смерть Голден-Халлы: он ведь точно не ждет от Элайяны подвоха, как и обычно.

И тогда ректор получила бы сердце, шагнула назад, в коридор, и снова жажнула бы по арке, обвалив ее, тем самым скрывшись от очнувшихся элементарей и оставив им на ужин трех человек внутри. А потом Элайяна бежала, бежала бы быстрее мысли, летела б до озера, и из корпуса, и замкнула бы вход грубоватым щитом, и сразу на корабль, прочь с острова, куда-нибудь далеко-далеко, и плакала бы всю дорогу, и ветер бы выл ночами – *голден-халла*, – выскребая ей душу по кускам, и ей было бы плохо, но что поделать, раз такие ставки?..

Однако плану Элайяны не суждено было сбыться.

Во-первых, Ладислава.

Адептка даже не шелохнулась, когда с пальцев эльфийки сорвалось проклятие. Наоборот, госпожа Найт, увидев это, парадоксальным образом успокоилась: *aga!* Уж кто-кто, а Берти точно извернется и выживет. Смерть Голден-Халлы – это что-то из области сказок; мы убедились, что в реальной жизни такого не может быть просто потому, что не может быть, ведь солнце не гаснет, правда? Разве что в горе-прогнозах от чокнутых пифий.

Поэтому Найт, спокойная как камень, лишь поднажала в своем маг-крючке – и сердце острова стремительно рвануло по воздуху к ней.

Во-вторых, Берти.

Сыщик понимал, что остановка музыки приведет к «разморозке» пепельных элементарей. Но еще он понимал, что его гибель даст тот же эффект – на четверть мгновения позже. Тогда зачем умирать?

Поэтому Берти отбросил смычок и виолончель и кинул в электрический пульсар Элайяны ответный шар – Особый Разрывной – рассчитывая, что их яркий совместный БУМ! на полпути дезориентирует оживившихся элементарей. И вся компания тем самым получит немного времени на перегруппировку.

Но и Берти в своем недоплане – *эскизе* плана – кое-что не учел. А именно то, что Стэн Хлестовски наконец завершил деактивирующее заклинание.

Ловчая сеть вокруг доктора Гарвуса вдруг опала и растворилась. Морган, как принцесса из сказки о спящей красавице, сел рывком, распахнул глаза и, не раздумывая, тоже швырнул формулу по направлению к снаряду Элайяны.

И поскольку он был магом значительно более сильным, чем Берти, и лежал на пару метров ближе к эльфийке, то пульсар Моргана прилетел быстрее. Он первый попал в электрический шар и подорвался вместе с ним, фейерверком осветив пещеру.

А пульсар Голден-Халлы, отставший на полсекунды, пронесся сквозь фестивальные всполохи двух других и попал в самую Элайяну. В самую грудь.

Разорвался.

Убил.

37. Истинная Этерна

*Возможно, то, что сейчас кажется тебе провалом, проблемой и
неуспехом, однажды спасет чью-то жизнь.
Селия из Дома Сгинувших, бывшая Ловчая*

Потерянное эльфийкой сердце острова прилетело к Найт как снаряд, пущенный из очень большой рогатки. Сила удара была такова, что Ладиславу вынесло обратно в арку. Прижимая драгоценное сокровище к груди, девушка грохнулась на спину.

Но не успела Найт проморгаться, сгоняя с глаз посыпавшиеся звезды, как пришлось срочно подсказывать, нашаривать отброшенную клешню костяной жвалы и вновь выставлять ее на манер меча. Потому что из коридора пришли обозленные пауки-слепухи. Найт, фехтуя, попятилась обратно в пещеру.

Там уже развернулся бой.

Пепельные элементали освободились от магической песни, и им не понравилось, что Морган чудесным образом восстал из Господ Окоченелых. Они вновь пытались его убить. А заодно и его «прихвостней», запятнавших себя помощью злодею.

Доктор Гарвус, и без того белый как мел, теперь отчаянно колдовал – почти пустые браслеты стянулись вокруг его запястий, и кожа вокруг них трескалась и кровоточила. Одной рукой Морган рушил собственные щиты вокруг постамента, другой – создавал энергетические волны, похожие на штормовые. Они отбрасывали элементалей прочь. Заклятье прицельно расправлялось со стражами, обходя Ладиславу и слепухов, которые шуровали вслед за девушкой, как очень злая свита.

Стэн, чьи магические силы иссякли, уже не мог колдовать. Он лишь размахивал своим оберегом, энергично прыгая вокруг Голден-Халлы. Вроде отгонял тварей, но по факту – просто бодрился.

Что же касается сыщика, то он определенно был не в себе.

Безвольно повесив руки, Берти стоял на коленях перед мертвой эльфийкой, и лицо его было еще бледнее, чем ее лицо. Ни кровинки. Глаза потухли. То, что вокруг идет битва, совсем не беспокоило Голден-Халлу. Казалось, время для Берти остановилось, замерло, как муха, утопленная в янтаре. В светлом свитере и с рыжей всклокоченной шевелюрой он был похож на одинокую свечу на исходе ночи.

– Берегитесь!! – пронзительно закричала Найт, увидев, что к детективу из-под арки бросается слепух.

Сыщик вздрогнул и успел огрызнуться заклитьем, а потом, вынырнув из беспамятства, защитил Стэна от соседнего «паучка». Затем, таща за собой Хлестовски, рванул к Моргану и поддержал его формулу, ускорив процесс «разморозки» щитов. После сиганул к Найт, чтобы помочь ей. В общем, снова стал собой: деятельным и шустрым.

А вот Ладислава, засмотревшись на него, пропустила удар слепуха.

Ой.

Монстр резко выбросил ногу вперед и проткнул... Нет, не Найт, а сокровище, которое она прижимала к груди. Стальная конечность монстра раскрылась внутри сердца Этерны острыми лепестками и провернулась, как бур.

Сердце взорвалось, обдав открывшую рот Ладиславу тысячью жемчужных туманных брызг. Они мгновенно впитались в кожу девушки и растаяли на языке.

– Есть! Кидайте его сюда, Найт! – одновременно с этим приказал доктор Морган Гарвус. Щиты были сняты. Постамент готов к возвращению блудного экспоната.

Но Ладислава, осознав, что сейчас случилось, просто потеряла дар речи. Не отвечая, она механически проткнула слепуха и затем медленно, заторможенно, как в страшном сне развернулась к Моргану.

Доктор посерел, когда увидел, в какое месиво превратилось сердце. Берти – уже подбежавший к девушке – споткнулся на полушаге. А Стэн Хлестовски тихо сказал:

– Уху... А говорили – хуже некуда...

И эта реплика прозвучала ясно в молчании, вдруг поглотившем зал. Потому что пепельные элементали тоже *поняли*. Более того, поняла, кажется, вся Этерна.

Сердца. Больше. Нет.

Все кончено.

Своды пещеры затряслись. Алые трещины – источники потустороннего света – застонали и завибрировали, раскрываясь шире; от воды поднялся багровый туман. В арках показались чудовища – дотоле спавшие жители соседних залов.

Без обид, но отныне вы враги для всех нас, ребята.

Теперь им точно не выжить.

Столько ярости не остановить никому: ни Моргану, вообще непонятно как держащемуся на ногах после долгого плена, ни Стэну, мирскому совушке-человеку, ни даже вечному оптимисту Берти.

Тик-так.

У вас осталась пара вдохов, не правда ли, великое богатство?

Голден-Халла вздохнул и приобнял Ладиславу Найт.

– Ну... – пробормотал он. – Бывает.

И, положив ладонь девушке на затылок («Ого, уже обе шишки зажили?»), притянул ее к себе, чтобы Найт не увидела, что случится вокруг. Как именно все закончится.

И Лади, закрыв глаза и вдохнув жмыховы апельсины – эту вечную ауру Голден-Халлы, – вдруг поняла, как сильно она устала.

Найт разжала ладонь, позволив «мечу» упасть, и мимоходом удивилась, что во второй руке пусто – остатки сердца куда-то делись. Как растворились.

Сердце...

У нее была одна обязанность: сохранить хотя бы его, раз уж свое, проклятое, она проиграла. Но Найт свою обязанность исполнить не сумела.

– Все будет хорошо, – спокойно сказал Берти, взъерошив ей волосы, и Лади хотела закричать, завозмущаться, что нет, не будет, теперь-то уж точно не будет, или сколько – целых две секунды будет? Три? Как быстро до них добегут чудовища? Почему они вообще до сих пор живы?!

Как вдруг...

– ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, – сказал величественный женский голос: бархатный, глубокий, колдовской.

Ладислава сначала даже не поняла, что это звук вовне, а не где-то внутри. А поняв, отстранилась и открыла глаза. Элементали, слепухи, чревницы – все чудовища замерли, недвижимы, устремив потусторонние взгляды на Тиссу де Винтервилль, которая в рваном платье, без очков, испарапанная – очень хрупкая и грязная – стояла в арке. А за спиной у нее возвышался демон, раскрыв золотые крылья.

– Прислушайтесь, и вы услышите его – биение жизни, ритм вселенной. Пульс, что разбегается по небу и земле, течет в листьях и травах, красит красным кровь и зажигает взгляд... – проговорила Тисса певуче и размеренно, как с кафедры в соборе.

И обвела свою дику «паству» неземным взглядом.

Сейчас образ близняшки был полон той магии, что отличает настоящих Проповедников – тех, кто может вести за собой целые армии лишь силой голоса и слова. «Так у нее действи-

тельно есть дар?» – поразила Ладислава, чувствуя, как безнадежно увязает в гипнотической проповеди наравне со всеми.

– ...Прислушайтесь, и вы услышите мелодию надежды, которая живет в сердцах, пренебрегая хладом бесконечности, что окружает искру человека. Ведь то, что мы обречены, не значит то, что мы бессильны.

Тисса шагнула вперед, став еще выше и прямее. От ее фигуры по залу потянулись витки фиолетового свечения.

– Мы способны уйти от пустоты и безголосья, бесплодия и безразличия. Изменить мир, зажечь другие искры, оставить наследие – и сами навеки остаться в том, что оставляем. Для этого не нужно быть колоссом. То, что вы делаете и думаете, и так не потеряется, не пропадет: от каждой мысли бежит другая, от поступка рождается действие. А потому не пренебрегайте собой. Не умаляйте таинство своей жизни, даже если в иные моменты она кажется вам несуральной. Ведь вы никогда не знаете, что из вашего опыта сыграет самую важную роль, а потому: радуйтесь вне зависимости от побед. Живите с увлечением. Живите ясно и правдиво, старайтесь как можно больше осознать и почувствовать в каждом дне. И однажды вы поймете, что вы – маяк, который светит поздней ночью на утесе, и тот, кто должен вас найти – узрит ваш луч. Вы – рыбацкая песня, перекрывающая шторм, который утихает и в смущении подбирает волны, отступая. Вы – золотая рыбка, которая спасает, лишь махнув хвостом. Вы – создатель замка, пусть и песчаного, на берегу; но буря, что сметет его, навек запомнит красоту постройки – и память с ветром разнесет по всем мирам...

– Кхм-кхм. Здравствуйте. Вы говорите замечательные вещи. Это называется проповедью, да? – вдруг смущенно сказал другой голос, тоже женский, перебив тем самым Тиссу, уже гордо наматывающую круги по застывшей пещере.

Все люди отмерли и вздрогнули, поворачиваясь к центру зала.

А чудовища Нижней Этерны, освободившиеся от колдовства, упали на пол в молитвенных позах.

* * *

Ладислава, которая еще при появлении Фрэнсиса отскочила от Берти на добрых два метра, изумленно глядела на постамент.

Там, вместо каменной скульптуры без лица, теперь стояла девушка с волосами, похожими на листву. У девушки в груди была дыра.

– Вы красиво читаете, но мне придется прервать вас, – сочувственно продолжила девушка, – потому что если мы сейчас же не разрешим кризис с моим мертвым сердцем, то остров расколется, морское дно треснет, а поднявшееся цунами уничтожит весь юг материка. Одна любовь к жизни тут не поможет.

– Так. А что поможет? – Берти уже деловито подошел к незнакомке, тогда как остальные все еще пытались нашарить свои челюсти где-то под уровнем моря.

Этерна посмотрела на него с тихой улыбкой, а потом виновато развела руками:

– Другое сердце, конечно. Взамен.

– В смысле?! – рявкнул Морган Гарвус. – Тебе что, ЛЮБОЕ сердце сгодится? Какого праха, долбанный остров, ты не сказал об этом раньше? Мы б тебе ящерицу принесли! ИЗНАЧАЛЬНО!

– ...Или улитку, – тихо добавил Стэн.

Девушка нахмурилась такой предприимчивости.

И поспешила успокоить:

– Конечно, не любое. По законам острова, место убитого должен занять кто-то из рода убийц. То есть сердце должно быть человеческое. Даже ваши студенты знают это правило –

благодаря знакомству с цырей... Оно распространяется и на меня, и на мои элементы. Ох. Давайте поторопимся. Пожалуйста. Я умираю. А наверху сейчас начнется землетрясение. И шторм. Академию расколет пополам.

– Как это сделать технически – отдать сердце? – быстро спросил Берти.

Этерна с интересом наклонила голову:

– Тот, кто останется со мной, должен подняться на платформу. Босиком. Дальше я разберусь.

– То есть на самом деле ты бы не умерла, даже если бы Эл провернула твое сердце на эликсир? Ты бы просто нашла другого человека? – глухо уточнил сыщик, снимая ботинки.

Девушка расширила глаза.

– Нет, Берти! Точнее... Я бы попробовала, но не успела бы. Ведь, во-первых, ваша леди-ректор уничтожила бы сердце явно где-то вдали. А во-вторых, тогда по правилам мне нужно было бы сердце эльфа, а где бы я нашла его за десять минут, выданных после смерти? Они, кстати, истекают. Мне не хочется торопить вас, но...

– Сволочь ты, Этерна, – сказал Морган Гарвус, потирая глаза. – Как, похоже, и все женщины на «Э» в этой части мира.

Берти снял носки и шагнул на первую ступеньку.

Только тогда все поняли, что ему как бы не просто жарко или неудобно стало.

– ЧТО?! Никуда вы не пойдете! – ахнула-крикнула Ладислава, бросаясь вперед и стаскивая детектива обратно. – Вам еще жить и жить, вы что!

– Четыре минуты осталось, – грустно улыбнулась Этерна.

– Это я... – сбивчиво продолжила Лади. – Это мне, точнее... Какая мне разница? Стать пеной морской через пару месяцев или целым островом – сегодня? Да подержите его кто-нибудь, дайте разуться!! Мастер Берти, хватит вырываться!

– Да что ж ты такая сильная! – злился-дивился детектив.

– ...Пеной морской? – тупо переспросил Стэн.

– Три минуты сорок пять секунд. А морская пена отменяется, если что, – рассеянно сказала Этерна. – Не спеши себя хоронить. У тебя еще полно времени.

– Отменяется? – Найт замерла.

У Голден-Халлы появился шанс вырваться из ее хватки, не сломав адептке пальцы, но он тоже застыл как соляная статуя и медленно перевел взгляд с девушки-Этерны на Ладиславу.

И вспомнил, как буквально только что поразился, что у Найт с затылка куда-то пропали обе шишки.

– Да, – кивнула Этерна.

И пока Ладислава стояла с открытым ртом, осмысляя, что это может значить, боясь поверить... Берти резко развернулся и задрал ей свитер.

Да-а-а...

Такой бы жест недельку назад да наедине – вот это был бы эротический моментик! Но сейчас, увидев под майкой пластырь, которым Найт заклеивала цифры, и отодрав его ледяными пальцами, Берти лишь охнул:

– Цифры, Лади! Цифр нет! ПАНАЦЕЯ?! – изумленно обернулся он к Этерне.

Найт и сама забегала пальцами по голому, непривычно чистому ребру... Другие маги сохраняли шокированное молчание.

– Панацея. Несколько капель в рот, много капель на кожу, все остальное втянулось в ладонь, и готово... Очень простое применение, – девушка-Этерна меланхолично прикусила губу. Потом нахмурилась: – Берти... Две минуты.

Берти усмехнулся и улыбнулся Ладиславе:

– Ну вот, – сказал он. – Значит, хоть что-то хорошее в сегодняшнем дне случилось. Не зря мы сюда пришли.

И задом наперед опять шагнул было на платформу, однако...

Ему помешали.

С противоположного конца зала, взмыв вверх одним мощным текучим движением, беззвучно и стремительно пролетев под алыми сводами подземелья, на постамент приземлился демон.

– Фрэнс! – вскрикнула Тисса.

– Демон! – расстроился Морган.

– Ишь... – опешил Стэн.

Но Этерна уже с готовностью щелкнула пальцами, и их с Фрэнсисом накрыл непробиваемый купол. Девушка обвила шею демона руками и что-то вопросительно шепнула. Златокрылый зарычал и утвердительно кивнул.

Тисса повернулась ко всем:

– Да сделайте вы что-нибудь!.. Еще не хватало моему брату здесь остаться на роли чьей-то запчастей!

– Он и не останется, – твердо сказала Ладислава, глядя на то, как жемчужно-золотой свет наполняет купол изнутри и скрывает Фрэнсиса с Этерной. – У него же там два сердца. Второе – демоново. Видимо, Фрэнс решил, что им можно... пожертвовать.

– Заодно и демон изгонится. Самоликвидируется, хм... – жадно вглядываясь в купол, протянул Морган Гарвус. – Передайте своему отцу, госпожа Тисса, что я все-таки выполнил работу. Просто нетрадиционным путем.

Тисса на это ответила ему так смачно, что Морган саркастически изогнул бровь, а Стэн покраснел до самых ушей.

– Так сердце же демоново?... – меж тем едва слышно, ни к кому не обращаясь, пробормотал Берти.

А потом вдруг нестерпимый свет и густой низкий гул затопили пещеру. Они накатили, как штормовая волна, подминая под себя прошлое и будущее, реальность и мысли, бытие и саму идею о нем.

Пропало все. Исчезло, растворилось.

В золотом потоке бесконечного, непостижимого свечения не стало ни подземелья, ни демона, ни людей – лишь шесть искр равномерно мерцали и пульсировали, не спеша ни гаснуть, ни уходить.

Не было Ладиславы. Берти. Стэна, Моргана, Тиссы, Фрэнсиса – не было никого, только свет, с которого могло начаться что угодно и закончиться что угодно. Мир, распавшийся на незримые элементы, какое-то время колебался, расслабленно дыша без корсета материи, чувствуя свою открытость безграничным возможностям внебытийного спектра, но потом все же вернулся в привычную форму... Свет тихо вздохнул и угас.

Долгое время никто не решался пошевелиться. Или, вернее, не помнил, как это делать – в равной степени как и жить, мыслить, чувствовать...

Наконец Бертрам Голден-Халла сумел вдохнуть – получилось резко и сипло. Он тотчас открыл глаза – *ух ты, у меня есть глаза*, – и после него, как первопроходца, вдруг ожили все.

Над каменным постаментом медленно кружилось, левитируя, алое сердце. По полу вокруг рассыпаны золотые перья.

Девушки-Этерны нигде не было, как и монстров из других пещер. Только спящие элементы замерли вдоль стен зала: тихие, недвижимые.

– Я так понимаю, на этом сеанс приобщения к загадкам острова закончен, – вдруг скупое, с заметной жалостью бросил Морган Гарвус. – Аудиенцию завершили. Интервью не планируется.

– Да замолчите вы! Где Фрэнсис?! – Тисса вновь с готовностью впала в истерику.

И Ладислава заволновалась: *жмых! Я что, ошиблась в своем оптимизме?*

Но она не ошиблась.

– Я тут, – сказал Фрэнсис де Винтервилль откуда-то сверху.
Все задрали головы.

Каким-то образом близнец нашелся сидящим на небольшом каменном уступе под самым потолком.

– Ты как там оказался? – ойкнул Стэн Хлестовски.

– Да вот забросило как-то... – хрипло протянул Фрэнсис, потом прижал руку к груди и стал сосредоточенно что-то нащупывать.

Ладислава знала, что именно.

– Просто ту-дух, да? – спросила она.

– Просто ту-дух, – после паузы кивнул близнец. И начал искать путь вниз.

Кажется, это надолго.

– Так это... получается... все опять нормально? – на всякий случай уточнил Стэн, подозрительно осматриваясь.

Безмятежная тишина пещеры была ему ответом. Слышался лишь плеск воды в канавках и стук зубов Тиссы, страшно разнервничавшейся задним числом.

– Да! Все нормально! – твердо, звонко и неподдельно счастливо ответила Ладислава. За всех. За весь остров, мир и вселенную.

И от этого заверения у всех на душе отлегло... *Мы справились.* Раздались облегченные смешки и возгласы удивления.

Только Берти молчал.

Найт оглянулась. Сыщик сидел возле того места, где погибла Элайяна. Тело эльфийки тоже загадочным образом исчезло. На полу был обрисован лишь серебристый силуэт – так жандармы Саусборна обводят места преступления. Правда, мелом, а не такими странными бликами.

Ладислава подошла и встала рядом с сыщиком. Оказалось, это так сложно – стоять! Не прыгать до потолка от счастья, а просто стоять... И очень сложно – не улыбаться. Каждую секунду Лади невольно тянулась пальцами к злосчастному ребру и, чувствуя гладкую, мягкую кожу, мысленно взвизгивала: «ДА! Да, да и да! Хвала всему сущему – я живая!»

По сердцу и крови, по органам, по душе – по всей Ладиславе проходило искристым током невероятное, неопишемое счастье.

Которое она изо всех пыталась скрыть от скорбящего Голден-Халлы.

– Лади, если ты улыбнешься, мне станет легче, а не наоборот, – вздохнул сыщик, будто прочитавший ее мысли.

– Но...

– Я серьезно. Когда происходит что-то очень плохое – здорово знать, что где-то произошло хорошее. Естественно, боль не уйдет, но счастье – даже чужое – дает надежду. Ведь все мы в одной связке. Если чудо возможно в принципе, значит, оно возможно и для тебя. Завистливые люди в этом смысле – самые большие дураки из всех. Так что свети, Ладислава. Светись. Этой пещере – и этому миру – очень идет свет.

– Тогда вы тоже светитесь, пожалуйста. Ладно?

– Чуть позже – обязательно.

Сзади раздался мягкий удар – это Фрэнсис спрыгнул со стены.

Близнец подбежал к Ладиславе, схватил ее за руку, потом, бросив на Берти весьма неоднозначный взгляд, поцеловал подругу. Найт сразу вспыхнула, разругалась, перестала прятать свою радость и, ахнув, деловито потащила Фрэнсиса к воде:

– Отражение! У тебя же теперь опять есть отражение! Посмотришь?

Винтервилль, уходя, еще раз строго оглянулся на Голден-Халлу. Берти хмыкнул. Затем внимательно, с прищуром посмотрел на юношу.

Хм... Ну ладно, если это никого не удивило – пусть будет так.

И уже рассеянным взглядом окинул всю пещеру.

Тисса выслушивала от Стэна тучу комплиментов о своем *Чтении*, удивленная, польщенная, но все-таки обеспокоенно пытающаяся вырваться к брату. Морган Гарвус устало сидел у стены, опершись затылком о камень. Фрэнсис с очень странным выражением лица смотрел в воду. Лади прыгала вокруг, как счастливый щенок, – казалось, она резко потеряла лет пять в возрасте. Мгновенно расслабилась, и разгладилась, и зазвенела, и вдруг... Вдруг показалась Берти такой маленькой. И чужой.

Не только она. Все.

Голден-Халла еще раз провел пальцами по серебристому следу, оставшемуся от Эл. *Где ты теперь, Элайяна?*

Нет ответа.

И только вся пещера, как будто умытая кратким небытием, тихонько звенела на грани слуха. Плескалась вода в канавках. Туман, еще недавно испуганно жавшийся к стенам, теперь вновь качался над каменным полом, постепенно затапливая все вокруг. Багровые трещины в камне переливались, бросая пляшущие алые отблески тут и там.

Берти смотрел за их танцем.

Где же ты, Элайяна?..

Зал. Подземелье. Остров. Планета. Система. Галактика. Вселенная. Туда и обратно ищущим взглядом – *где?..*

Ничего не найдя, Голден-Халла прикрыл глаза.

Ту-дух – раздавалось в его груди. *Ту-дух* – в унисон с сердцем острова.

Здесь.

* * *

Пора было уходить.

Перед тем как покинуть пещеру, Найт набрала в ручье камней.

– Для дракона в Хромой башне, – объяснила она, все еще пытаясь как-то собрать свою неприлично широкую улыбку. – Буду выдавать ему за хорошее поведение. Может, камни ему расскажут о нашем великом бое?

Затем незванные гости Нижней Этерны вернулись к озеру-порталу, наверху по очереди прошли сквозь зеркало в Корпусе загадок. Берти, который шел последним, оглянулся и... Споткнулся. В отражении, на *Той Стороне*, он увидел Элайяну. Вся сотканная из серебристого света, она призраком стояла на мозаичном полу.

– Эл! – ахнул сыщик.

Эльфийка прижала палец к губам: *тс-с, не выдавай меня.*

– Эл... Пожалуйста, прости меня, я...

– «Не надо. Это ты прости», – беззвучно сказала леди-ректор.

– У тебя *Там...* все хорошо?

Эльфийка придирчиво осмотрелась вокруг, потом кивнула:

– «Да. Но мне пора. Прощай, Берти».

Она улыбнулась ему так тепло, как улыбалась только на заре их знакомства в Саусборне... И не успел Голден-Халла захлебнуться чувством, ударившим в грудь, будто военный таран, как Элайяна вдруг нахмурилась, поджала губы и показала кому-то *за* Голден-Халлой средний палец. А потом презрительно фыркнула и ушла за пределы рамы.

Берти изумленно обернулся.

– ...М-м-м, – протянул Гарвус, стоявший в дверях, тогда как остальные уже покинули корпус. – Еще одна тайна, которую мы не будем раскрывать, как я понимаю.

– Тебе пора в горы, Морган, – сглотнул Берти. – Вот правда.

– Я испортил тебе прощание?

– А сам-то как думаешь?!

– Пора в горы, – покорно согласился доктор. И, помолчав: – Может, поедешь со мной, Голден-Халла?

– Морган, но я же...

– Я знаю. Я просто должен был спросить.

Когда они вышли из корпуса, на Этерне светило яркое, теплое, надежное солнце.

Впервые за долгое время.

Эпилог. Гексагональная библиотека

Берти Голден-Халла сладко потянулся, зевнул и подбросил в камин еще несколько поленьев. Они весело затрещали.

Был вечер субботы. Сыщик, Тисса и Стэн валялись на диване в преподавательской комнате отдыха, тут же у бильярда наворачивал круги Морган Гарвус с кием наперевес. Ворон Кори сидел на полу – поближе к Арчи – и что-то тихо рассказывал псу, который упоенно рвал салфетку, стащенную со стола.

С момента несостоявшегося конца света прошло два месяца.

Ласково подступала сессия. Зачеты по Сыску и ТММ поставили досрочно, по решению администрации: преподаватели должны были успеть покинуть Бурю до зимнего сезона штормов, когда остров оказывался отрезан от материка до самой весны.

– Как же я устал от этих жмыховых бумаг! За что мне это?! – вдруг в голос взвыл Хлестовски и лбом тоскливо бахнулся о стопку документов, что лежала у него на коленях.

После гибели Элайяны должность ректора автоматически перекочевала к Стэну: раньше он был «замом», а стал «и. о». Так гласил устав, беспощадный к оборотням и сокращениям.

– Ты все еще можешь отречься в пользу Клыккер, – напомнил Берти. – Она будет только «за».

– И превратит академию в один большой хлев! – привычно возмутился Хлестовски.

Берти через согбенную спину Стэна подмигнул Тиссе. Это была их любимая игра: «Предложи опцию».

– Ну тогда отдай Шильд'эсу?

– Чтобы он мухоморами тут все зарастил?

– Госпоже Джоки?

– Устроит революцию! Ее нельзя пускать к власти: страшно энергичная женщина!

– А если магистру Ранкинсу? – невинно предложила Тисса, которая теперь вместе со старым целителем вела у младших курсов зельеварение. Якобы на роли стажерки, но на деле – полностью подменяя старичка.

– То есть отдать академию тебе фактически? – Стэн раскусил ее план.

– Она и так моя, – прыснула Тис, по-хозяйски потрепав оборотня по макушке.

– Фрее Галли отдай! – хмыкнул Морган Гарвус от бильярда.

Это Хлестовски даже комментировать не стал.

– Ишь, советнички! Ничего. Потерплю, – пробурчал Стэн, шлепнув еще пару печатей. – Вроде никто не жалуется. Кроме меня.

Это правда. Добродушный молодой ректор нравился и адептам, и преподавателям. А рыбацкие деревни, узнав, что новый хозяин Бури – это «наш малыш Стэнли», вспыхнули таким патриотизмом, что теперь поставляли провизию в школу с огромной скидкой.

Ну и сам Стэн был доволен. Втайне.

– Фух, на сегодня все, – обрадовался Хлестовски, когда пачка документов иссякла.

– Нет, не все! – воспротивилась Тисса. – Отец все еще ждет от Бури доклад о случившемся.

– Да вы с Фрэнсисом уже тысячу раз ему все рассказали! Что еще я могу добавить?

– Печати, Стэн! И вензеля серьезного государственного учреждения. Отец любит официальность. Ну и познакомитесь заодно, – неумолимо продолжила близняшка. – Сейчас эпистолярно, позже – лично.

Стэн только горестно заухал, накрыв голову подушкой.

Берти встрепенулся:

– Мне есть что добавить в письмо архиепископу!

Это не выманило Хлестовски, но сыщик продолжил:

– Я все-таки добыл косвенную улику по твоему делу, Тисса.

Близняшка обрадованно вскрикнула.

После Корпуса загадок, истории с леденцами и миротворческих усилий библиоте-
каря-ректора-совушки Винтервилль и Берти нашли общий язык. Особенно увлеченно они
обсуждали летний эпизод с вызовом ангела: время шло, а минакорский епископат во главе с
Гриди Ликеришем упорно не мог найти виноватых в той ситуации. Почему?

Тисса и Берти решили, что в данном случае «не может» равно «не хочет». Более того,
Ноа де Винтервилль тоже подозревал это, но Его Высокопреосвященство просто не мог обви-
нить столичного епископа в подобном «нежелании» (ох, политика!) без хотя бы косвенного
доказательства.

Берти, на сто процентов уверенный в вине Ликериша, пообещал Тиссе, что добудет для
Ноа повод «официально не верить». И вот – добыл.

Сыщик достал использованный шар-имаграф – дикая редкость, волшебная иноземная
штучка – и, прежде чем протянуть его близняшке, пояснил:

– Когда ты описала мне ту книгу и внешность своего «спасителя», я понял, что видел
обоих – дома у Ликериша. И вспомнил, в какой именно день. Дальше было дело техники –
откопать свидетельство. К счастью, Линда Ликериш сохранила и свои теплые чувства ко мне,
и некоторую... мм... незамутненность разума.

– Она прислала вам улику против собственного отца?! – ахнула Тисса.

– Очень косвенную. Однако архиепископу для открытия дела этого хватит.

Тисса жадно выхватила имаграф. Там в объемном изображении стоял сам Голден-Халла
в обнимку с загорелой красавицей. Фоном служила прихожая великолепного особняка. На зад-
нем плане была распахнута дверь. Лакей передавал гостю, стоявшему на пороге, старинную
книгу.

– Узнаешь? – спросил Берти, когда Тисса по очереди приблизила обложку и лицо посе-
тителя.

– Да! – возликовала Тисса. – Идеально! Ох, мастер Голден-Халла! Вот не зря мы все-
таки вас амнистировали!

– А по-моему – зря, – вдруг вздохнул Стэн. – Иначе бы Берти не смог уехать и остался с
нами еще на годик... Или два... Теперь, когда Сыскное Дело ведет огр Рычгинс, туда вообще
никто не записывается.

– Зато к тебе на «Наследие Этерны» толпами ходят, – утешил сыщик.

У него тоже чуть-чуть щемило сердце при мысли о таком скором – уже завтра! – отъ-
езде...

Вдруг со стороны окна раздалась серия последовательных хлопков-взрывов и девичий
взвизг.

– Ишь, адептово отродье! – охнул Стэн, подсакивая.

Но Берти, сидевший ближе, уже смотрел в окно.

– Это Лади. Я разберусь, – рассмеялся он. И пошел вниз.

* * *

– Так-так, – протянул сыщик, с веселым ужасом оглядывая Фонтанный Двор. – И что же
тут случилось, госпожа адептка?

– Как насчет дедукции? – простонала Ладислава Найт, соскребаясь с каменной кладки
двора.

Лицо у нее было чумазое, все в саже. Рядом валялись раскуроченное металлическое ведро и крышка. На серых камнях, блестевших под осенним закатным солнцем, темнели многочисленные следы-отпечатки от взрывов.

– Ты собирала ловкокрабсов без меня, – вывел Голден-Халла.

– Да. Хотела принести вам в подарок: показать, что научилась с ними работать. А они взорвались! Да мне шагов сто до Бури осталось! – искренне возмутилась Найт. – Почему они не дотерпели?

– Наверное, ты недостаточно заколдовала щипцы. Седативный эффект выветрился.

– Вот жмых, – вздохнула Лади.

– Жмыхов жмых, – согласился Берти.

Потом еще раз оценил ее покрытую копотью физиономию и вдруг с силой провел большими пальцами по щекам Ладиславы, обнажая белые полосы кожи на грязи. Эдакий шутливый камуфляж наоборот.

Найт в ответ что-то вякнула и негодуя вывернулась.

Берти усмехнулся. Что ж, последняя проверка пройдена! Если бы сейчас Ладислава застыла с тем своим задумчивым (слишком задумчивым!) взглядом, какой он замечал на себе раньше, это значило бы, что ее интерес к нему не иссяк.

А так – полностью сошел на нет, доказано. Испарился вместе с грустью и страхом, раньше жившими в глубине разноцветных глаз. Исчез как очередной из оголтелых пунктов плана «все успеть». Окончательно сменился влюбленными взорами в сторону Винтервилля.

А значит, все ровно так, как и должно быть.

Берти вздохнул, убрал руки в карманы клетчатых брюк и медитативно качнулся с пятки на мысок, рассеянно глядя сквозь Ладиславу, которая пыталась хоть как-то восстановить чистоту двора.

Душа чего-то страстно хотела...

– Что вы теперь будете делать, мастер Берти? – спросила Найт.

– Вернусь в Саусборн, снова заселюсь в свою мансарду над булочной и возобновлю детективную практику. Весной съезжу к Моргану в Норшвайн – он собирается купить там хижину в горах и уже активно зазывает меня в гости в начале мая. Думаю, ему хочется таким образом поставить себе срок, к которому он обязан обустроиться. На обратном пути, возможно, слегка попутешествую... А дальше – по вдохновению! Жизнь тем и хороша, что всю не распланируешь. Так интересней.

– Я навещу вас на зимних каникулах.

– Корабли не ходят, эй.

– Пф. Меня такие мелочи не останавливают.

– Это угроза?

– Обещание.

– Ну-ну. Только ловкокрабсов не привози. Террористкой сочтут.

– Еще раз: меня такие мелочи...

– Найт, ты просто невыносимо самоуверенная девица, ты в курсе? – засмеялся сыщик.

Лади подмигнула ему и пожала плечами.

Вдруг откуда-то со стороны Хромой башни раздались дикие вопли... Какие-то каменные.

– О, дракону опять интересный камешек достался! – обрадовалась Найт и потащила Берти проверять догадку.

При поедании предыдущих сувениров из Нижней Этерны ящер успешно «посмотрел» историю кражи сердца под авторством Моргана и великую битву с Всеобщим Участием (дважды, с разных ракурсов).

Однако новый камень оказался из какой-то другой партии.

– Говорю вам: булыжник показал мне тайник-с-с! Тайник-с в Буре, восходящий к тем временам! – тарачил мраморные глаза дракон.

– Каким – «тем»?

– Позабытым-с-с-с-с!

И вдохновленный ящер нарисовал Ладиславе и Берти эдакую карту сокровищ, которая привела их в библиотеку. В вечерний час там никого не было. Лади уверенно отправилась к белой шестиугольной колонне – Хребту Этерны – и хотела уже нажать несколько символов, вырезанных на ней, как Берти вдруг остановил адептку.

– Погоди, Найт, – серьезно сказал он. – Мы точно хотим это открыть? Вдруг это очередной «корпус загадок»? Я люблю секреты, но на этом острове словосочетание «позабытые времена» явственно отдает неприятностями.

Девушка поколебалась мгновение или два, а потом радостно предложила:

– Я могу подождать до завтра и открыть уже без вас!

Берти шлепнул ладонью о лицо и рассмеялся. Шикарная альтернатива. А потом сам нажал на скрытые панели.

Что-то внутри колонны заскрипело и застонало, а потом часть столба провернулась, будто кольцо, и в нем открылся проем, внутри которого лежала очень старая книга.

Она, как и все вокруг, была покрыта таким толстым слоем пыли, что даже не удавалось разобрать, какого цвета обложка.

– Ого! – хором ахнули Берти и Ладислава.

Голден-Халла тотчас забыл о своих предыдущих опасениях. Он достал из кармана жилетки тканый платок и стал осторожно смахивать пыль с фолианта. Постепенно стало видно темно-фиолетовую, потрескавшуюся от старости кожу. От нее исходила странная сила – как от некоторых амулетов или колдунов родом из Лесного королевства.

На обложке медленно проступили золотые знаки. Они вились и гнулись, переливчато мерцая, и когда Берти случайно коснулся одного из них пальцем, сыщика пронзило странное чувство – будто кто-то пролистнул его самого.

– А что это за язык? Я никогда не видела такие буквы... – заворуженно прошептала Найт.

– Я тоже, – Берти, поколебавшись, взял книгу двумя руками и открыл.

Между потемневших от времени страниц тотчас стал набухать чернильно-лиловый туман. Его рваные клочья упруго толкались вперед, как будто бы кто-то выпихивал их прямо из корешка. От книги пахло чем-то неуловимым. То ли перцем, то ли жасмином, то ли древесиной... А еще тихим, забытым горем.

...Все так давно случилось, что мир успел родиться и погибнуть, родиться и погибнуть вновь. Я помню только – шепот моря, клетки, небо, кровь...

Берти поморщился от неясного тихого звона, вдруг заполнившего его голову. Потом помахал ладонью, разгоняя туман, который уже полностью затопил секретную нишу в колонне и теперь расползался по всей библиотеке. Не слушая какие-то слабые, неуверенные опасения Найт, сыщик напряженно и жадно всматривался в то, как по страницам начинает бежать вязь незнакомых сияющих символов, написанных будто бы от руки. Сердце Берти заходило неясным ужасом и одновременно любовью.

И вдруг сыщик почувствовал, как на плечо ему легла чья-то призрачная рука.

– Элайяна!.. – рефлекторно вскрикнул он, оборачиваясь.

Но это была не эльфийка, а незнакомый юноша лет восемнадцати.

Станный образ: капризный красавчик в широкополой шляпе, с ярко подведенными сурьмой глазами, маникюром в виде игральных карт и вельветовыми бриджами. Судя по тому, что сквозь чужака слегка просвечивал интерьер библиотеки, он был не вполне настоящим. За спиной у него была рыбацкая сеть, наполненная невиданным количеством фолиантов – таких же немного призрачных.

– Привет, леденечики! Так, рыжий, а ну-ка захлопни и пасть, и книгу. Сначала книгу, будь добр! – хищно осклабился незнакомец. – БЫСТРЕЕ. Нет, не вздумай швыряться в меня заклятием, это у-жас-но пло-ха-я идея! Захлопнул? Умничка. Всем бы такую понятливость, а то так и норовят познать размах моей ярости. Давай сюда, – и чужак очень быстро, но осторожно забрал книгу из рук опешившего Голден-Халлы. Она будто бы скукожилась и мгновенно потемнела. – Сами же говорили: некоторые тайны должны остаться тайнами!

– Кто ты?.. – нахмурился обескураженный Берти.

– Да, кто ты?! – подхватила Лади и отшатнулась, когда пришелец громко и слегка визгливо расхиликался.

– Кто я?! Я кто?! Серьезно?! Тиссу де Винтервилль спросите, еретики! Хотя нет, лучше не спрашивайте. Она вас убьет за то, что челом она бьет, а свиданки со мной вам падают. Нехорошо, нет, совсем нес-пра-вед-ли-во! Хотя вы имеете честь лицезреть всего лишь одну мою двухсотую часть – даже на приличную плотность материала не хватило, ну что ж такое-то, – так что, возможно, вы будете прощены. Извините, что я к вам кусочком явился: я занят слегка, понимаете? Но, кстати, Голден-Халла! Читаю твои мысли и ужасаюсь. Ты нос-то не вешай: все только начинается! Ну и душа пусть не грустит: еще влюбишься в кого-нибудь тебе подходящего. Гарантирую, обещаю, угрожаю и устрашаю! И вообще: я это мало кому говорю, но ты все делаешь правильно. Вот прям смотрю и люблюсь. Так держать! Не сдавайся! Вперед и вперед! Только радоваться не забывай, а то без радости жизнь в принципе не имеет смысла. А про тебя, малыш мой белокурый, и говорить нечего: ну сорвала джекпот! Ну вообще! Всем бы такой удачи и жизнелюбия! Не растеряй! Чмоки!

Чужак стремительно бросился вперед и неожиданно тяжелой ладонью надавил на лоб Берти, а потом – Ладиславе. Не успели они что-то сказать на сей счет, как чужак... исчез. Вместе с книгой, зажатой под мышкой.

В библиотеке воцарилось долгое, густое молчание. За окном пела птичка. Под окном чертыхался Хьюго-артефактор, вновь спускающийся по плющу и застрявший ногой в лозе.

Ладислава Найт перевела изумленный взгляд на Берти. Потом откашлялась и медленно протянула:

– А вы не сочтете меня больной на всю голову, мастер Берти, если я предположу, что это был... э-э-э... дух одного из наших богов-хранителей?..

– Не сочту, – задумчиво отозвался Голден-Халла. – Учитывая его комментарии про еретиков, чтение мыслей и общий, хм, карточный колорит произошедшего, у меня ровно такой же вывод.

– Немного безумный, да?..

– Немного?! Это ты деликатно выразилась, – сыщик, поколебавшись, захлопнул тайник в колонне.

Они переглянулись.

И вдруг поняли, что не помнят, как тут оказались. И зачем. И что, собственно, сейчас происходило.

Но самое интересное, что эта мысль не вызвала ни малейшего беспокойства – ум просто соскальзывал с нее, переключаясь на иные объекты.

– Мне пора собирать саквояж, – наконец улыбнулся Берти.

У него было парадоксальное ощущение, будто он узнал что-то важное и хорошее от того, чьему мнению он доверяет.

Будто сама вселенная его поддержала: ты молодец. Мы все молодцы. Мир вообще добр. Все будет.

Приятно, что ни говори!

* * *

Когда Ладислава зашла в комнату Фрэнсиса, близнец поднялся ей навстречу:

– Судя по твоему лицу, ловкокрабсы не сдались живыми.

Лади только развела руками.

– Я хочу проводить завтра мастера Берти и доктора Моргана на корабль. Ты не против?

– Правильно, надо убедиться, что они точно уплыли, – фыркнул близнец.

Найт закатила глаза.

– Давай убедимся в полете? Хотя бы до Невервайла сопроводим... – невинно предложила она, косясь в зеркало.

– Утром? Все увидят.

– На рассвете обещают жуткий туман. И я могу побрызгать тебя какой-нибудь штукой, чтоб не отблескивал.

Фрэнсис возмущенно отказался от последней идеи. Потом покачал головой:

– А знаешь, я все-таки рад, что теперь демон – это не отдельное существо, а часть меня. Иначе я бы точно ревновал.

– Учитывая, какие вещи он иногда пишет мне на песке, он все еще отдельный. Ты таких стихов не сочиняешь.

– Может, это мое подсознание?

– Демон, слышишь? – Найт шутливо постучала Фрэнсиса по груди. – Тут твое очевидное существование отрицают. Опять! Фрэнс, ты точно острову сердце отдал, а не мозг?

– Мозг? Какой мозг? – намеренно удивленно заморгал близнец.

Найт поцеловала его в макушку, чтобы показать, где у людей обычно находится этот полезный объект.

Демон в зеркале сокрушенно покачал головой. Дорогие дураки. А потом вздохнул и поуютнее свернулся в своем золотом сердце, ровно бьющемся в груди близнеца. Это хорошее сердце. Хор-р-р-рошее. Точно не хуже прежнего. И как здорово, что хозяин никому, кроме Лади, не рассказал, что они с демоном все еще вместе.

Зачем беспокоить Тиссу, господина Ноа и других?

Для них нет демона – нет проблемы.

* * *

...Берти Голден-Халла облокотился о шершавый борт корабля и помахал рукой в сторону земли, давно растаявшей не то чтобы на горизонте, но в белом тумане, заволокшем рассветное море.

Остров Этерны. Настоящий край света.

Прощай.

Золотистый пес Арчи, сидевший у сыщика на руках, подставил мокрый нос ветру и весело трепыхал ушами. Рядом по бортику важно вышагивал ворон. Морган Гарвус спал на деревянном шезлонге, укутанный теплым одеялом до самого носа.

– Гав! – вдруг звонко сказал Арчи. – Гав-гав-гав!

– Пес! Ты меня оглушаешь! – Берти, повинувшись собачьему энтузиазму вкупе с неожиданным карканьем Кори, задрал голову.

На мгновение ему послышался девичий вскрик: «Ой! Набирай высоту, живо!» Сыщик пристально сощурился, но не смог ничего разглядеть в молочной белизне тумана. Зато потом увидел нечто, блеснувшее на палубе. Молча поднял и, покатав острое золотое перо на ладони, подмигнул все светлеющим небесам.

– А я знал, Арчи! – улыбнулся Голден-Халла. – «У кого-то теперь золотое сердце, ишь!» – как сказал бы Хлестовски. Потому что сердце демона туда бы не встало. Нам же объяснили: запчасть должна быть из рода людей.

– Гав? – пес в волнении поднял уши.

– Да нет, он точно ее не съест. Два месяца ведь продержался, – успокоил Берти. – Да и вообще, это всего лишь мышца. В остальном парень все еще человек... Я надеюсь.

– Гав! – понадеялся также пес.

Они еще немного постояли на палубе, а потом пошли в каюту. Вскоре над морем разнеслась изумительная музыка – играли на виолончели.

День обещал быть чудесным.

Жизнь – тем более.

Энциклопедия «Доронах»

Некоторые черновые заметки Дахху из Дома Смеющихся

Жадность настоящих ученых – донельзя страшная штука, опасный преступник, нападающий на ученого исподтишка и обязательно ночью, пока за окном улыбочиво светит луна.

Недавно такому безжалостному нападению подвергся некто Дахху из Дома Смеющихся – шолоховец, лекарь, энциклопедист.

В ходе одной из уютных домашних вечеринок, проводимых некой Тинави, вышеозначенный господин вдруг почувствовал прилив вдохновения.

«А почему, собственно, я пишу только о Шолохе в своем «Доронахе»? – подумал он, не донеся до рта чашку с благоухающим облепиховым чаем. – В смысле да, конечно, я лучше сделаю одну глубокую энциклопедию, чем сто поверхностных, но... Я же могу немного – для удовольствия, несерьезно – писать и о других государствах? Я буду постепенно копить эти заметки, и однажды, когда мой «Доронах» станет энциклопедией, чья обязательная программа подразумевает беспощадное запыление на самых высоких полках в *каждом* лесном доме, я приступлю к другим книгам... И буду до праха рад увидеть, что накопил уже немало материалов».

– М-м-м, Дахху, с тобой все в порядке? – с сомнением протянула Тинави, глядя на то, как друг сидит, не шевелясь, и страстно смотрит в стену.

– С ним хоть когда-нибудь что-нибудь было в порядке? – проворчала Кад, азартно отковыривающая пломбу с глиняной бутылки вина.

– Да, – встряхнулся Смеющийся. – Да, все отлично. Но вы не против, если я ненадолго уйду в библиотеку? Хочу кое-что написать...

И он сомнамбулически потопал в коридор, а потом – по винтовой леснице на второй этаж коттеджа, мучительно размышляя, с какой страны начать свой расширенный «Доронах».

Длинный полосатый шарф обреченно полз за Дахху, всеми своими кистями и полосками сигнала: я не хочу с ним, эй! Я б остался на вечеринке!..

– Что ж, мы его потеряли, – резюмировали подруги.

Ночь продолжалась своим чередом.

Краткая справка о королевстве Асерин

Асерин – одно из государств материка Лайонасса. Форма правления – монархия.

Занимает второе место в Лайонассе по размеру территории и численности населения. Официальный язык Асерина – дольний, тот же, что и у Лесного королевства, Рамблы, Кнассии и Лютгардии.

Помимо обширных материковых земель, Асерину принадлежат атолл Невервайл и остров Этерны, расположенные в Гремящем море.

Атолл Невервайл знаменит своими ныряльщиками за жемчугом, а на острове Этерны расположена Академия Буря, где можно получить высшее магическое образование.

В Асерине две столицы:

1. **Минакор** – блестящий город, занимающий самый центр государства. Именно здесь располагаются королевский дворец, королевский университет, все основные министерства и ведомства.

2. Саусборн – торговая и приморская столица. Тут находится резиденция Архиепископа Саусберийского Ноа де Винтервилля – одного из важнейших лиц государства и признанного главы всей лайонассинской Церкви.

Тогда как Минакор считается образцом благополучного аристократического города, построенного знатью и для знати, Саусборн отличается живым и суматошным, поистине морским колоритом. Здесь достаточно высокий уровень преступности, и поэтому наравне с официальными службами в Саусборне имеется большое количество частных детективных агентств.

Королевство Асерин на карте Лайонассы

На материке Лайонасса располагается пятнадцать суверенных государств, а также бесчисленное множество племен и так называемых свободных земель. Отдельным счетом идут островные государства-отшельники, предпочитающие держаться подальше от большой земли и никоим образом не участвовать в материковой жизни: Западный Хейлонд, Остров Злого Горизонта, Скайгард и Хоннезгрим.

Ниже предоставляем вам список лайонассинских государств и их столиц.

Восточные пределы: Лесное королевство – Шолох Шэрхенмиста – Пик Волн и Пик Грез Рамбла – Рамбла Страна Смерти за Холмами – Стылый город

Северные пределы: Княжество Вухх – Бромдель Графство Норшвайн – Врата Метели Республика Острого Пика – Скалистая Бухта

Западные пределы: Тилирия – Коххо-Пьоджере Тернасс – Дастингс Восточной Хейлонд – Хейлонд Лаэнца – Лисья Гавань

Южные пределы: Иджикаян – Хардурман Асерин – Минакор и Саусборн Лютгардия – Тами-Аваль Кнассия – Иград

Остров Этерны

Удаленный маленький остров, находится далеко на юге в Гремящем море, хотя на туристических картах обозначается крупно и достаточно близко к матерiku – это противоречит фактам, зато выглядит эстетически приемлемо.

Остров Этерны входит в состав государства Асерин. Самое примечательное на Этерне – **Академия Буря**, единственное в королевстве специализированное учреждение для получения высшего магического образования.

Помимо Академии, на острове находятся три деревни:

1. Западный Мыс

Отсюда ходят корабли до материка, а именно – до города Саусборн. Самый популярный корабль здесь – быстроходная шукка, то есть легкое однопалубное парусное судно.

2. Донная Синева

Здесь можно сесть на корабль, плывущий до атолла Невервайл.

3. Маяк-над-Бездной

Известно, что на острове Этерны достаточно много пиратов: они даже образовали четвертую, неофициальную деревню, расположенную рядом с Донной Синевой.

Также на острове Этерны расположено большое количество руин и развалин, относящихся к настолько стародавним временам, что они не упоминаются ни в одном из дошедших до нас исторических источников.

Магические существа, легенды, растения и люди

...Информация, которую вы найдете ниже, никак не могла появиться в черновиках господина Дахху – каким бы любознательным ни был Смеющийся, но узнать такие подробности об острове столь далеко, сидя в Шолохе, он не мог. Так что мы приводим выжимки из дневников магистра Фоскаша – бывшего ректора Бури.

Грызгены – агрессивные подводные жители острова. Светящиеся существа, похожие на смесь медузы с зубастыми гномами.

Друды – лиственные деревья с очень мощной корневой системой.

Степные ангелы – одна из рас Лайонассы, преимущественно живут на территориях вольных городов Ви-Ну-Дигга, в Узких Щелях и Иджикаяне.

Истинные ангелы – легендарные добрые сущности, предположительно жители иных миров. Упоминаются в легендах, сказках и мифах разных стран, однако их существование не доказано на практике. Есть расхожая шутка о том, что истинные ангелы – это всего лишь степные ангелы на антидепрессантах.

Костяные жвалы – одни из чудовищ Нижней Этерны, вероятно – часть иммунной системы острова (возможны различные интерпретации). Защищают ребра Этерны.

Ловкокрабсы – магические родственники крабов, жители острова Этерны. Помешаны на порядке и соблюдении личного пространства. Изредка массово принимают лунные ванны. Из них получают ловкучий эликсир, помогающий вскрывать замки.

Мули Атерх – морская дева, одна из легендарных сущностей Жемчужного моря. Была найдена и описана доктором Морганом Гарвусом.

Мшистые летунцы – крохотные летающие сущности со стрекозиными крыльями, рождаются из цветов бурсоки. Умеют давать свет, следить за объектом, жужжать и, потирая кремневыми крылышками, создавать искру.

Оставленный Овердил – мифический летающий город, часто упоминающийся в сказках Северных пределов Лайонассы.

Пепельные элементали – одни из чудовищ Нижней Этерны, вероятно – часть иммунной системы острова. Защищают сердце Этерны.

Пустошные демоны – опасные и злые сущности, предположительно жители иных миров. Упоминаются в легендах, сказках и мифах разных стран, однако их существование не доказано на практике. Название «пустошные демоны» часто используют как ругательство.

Серчдухи – магические поисковые шары, помогающие колдунам с поиском нужного направления.

Слепухи – одни из чудовищ Нижней Этерны, вероятно – часть иммунной системы острова. Защищают глаза Этерны.

ТММ – Тайны Магического Мира – научная дисциплина, которая занимается поиском, описанием, изучением и классификацией дотоле неопределенных явлений и сущностей.

Ундины – подводные жительницы рек, озер и морей Лайонассы. Имеют хвосты! Есть только женщины-ундины. Вопрос размножения ундин крайне интересен и требует отдельной статьи.

Унды – одна из рас Лайонассы, подводные жители Гремящего моря. Амфибии. Имеют ноги, бывают как мужчинами, так и женщинами.

Чревницы – одни из чудовищ Нижней Этерны, вероятно – часть иммунной системы острова. Защищают желудок Этерны.

Уютницы – обслуживающий персонал Академии Бури.

Цыри – мелкие млекопитающие острова. Беленькие, мягкие, носатые, с короткими рожками и шерстяными ушами. Живут в гнездах, ловко карабкаются по деревьям.